

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ПО ОСТРОВАМЪ ДАЛЕКАГО ВОСТОКА.

Путевые очерки

А. Н. Краснова.

Издание редакціи «Недѣли».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Леведева. Невскій просп., 8.
1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые очерки представляютъ рядъ впечатлѣній во время путешествія на далекій востокъ Азіи, предпринятаго съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ природой и растительностью этой окраины нашего материка. Специально научные результаты путешествія будутъ изложены позже въ особыхъ статьяхъ; здѣсь-же я имѣю цѣлью познакомить читателя съ тѣми картинами природы и жизни, которыя развертываются передъ путешественникомъ, переѣзжающимъ вокругъ Азіи и останавливающимся на островахъ ея дальняго востока. Лишь въ трехъ послѣднихъ очеркахъ я даю въ популярной формѣ научные выводы, касающіеся этихъ любопытныхъ странъ, гдѣ типы древнѣйшихъ цивилизацій и почти доисторическія черты природы и растительности борются съ новѣйшею европейскою культурою.

Успѣхомъ моей экскурсіи, помимо поддержки со стороны харьковскаго университета, я обязанъ широкому содѣйствію вице-губернатора острова Сахалина И. И. Бѣлаго и помощи по переѣзду, предоставленной мнѣ добровольнымъ флотомъ. О пребываніи на его судахъ, особенно-же на «Москвѣ», и о ея любезномъ командирѣ А. А. Остолоповѣ я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе и глубокую признательность.

I.

На борть парохода «Москва».

Отплытіе изъ Одессы. — Константинополь. — Портъ-Саидъ. — Красное море. — Перимъ. — Плаваніе по тропическимъ морямъ. — Остановка въ портахъ Сѣверно-Китайскаго моря.

9 апрѣля 1892 года, въ 4^{1/2} ч. пополудни, пароходъ добровольнаго флота «Москва» отходилъ изъ Одессы въ обычное дальнее плаваніе во Владивостокъ. Толпа народа, стоя на набережной, провожала его послѣдними привѣтствіями и пожеланіями счастливаго пути. Окончился молебенъ, сыграли музыканты гимнъ, отданъ былъ послѣдній свистокъ, и громадное красивое двухмачтовое судно, бурля винтомъ прибрежныя воды, стало медленно отдѣляться отъ берега. Сплоченная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей махала на берегу платками, перебрасываясь послѣдними словами съ собравшимися на кормѣ путешественниками. Слышались обычныя пожеланія, послѣднія порученія, просьбы. Мало-по-малу судно отдѣлилось отъ пристани, сдѣлало поворотъ и медленнымъ ходомъ стало удаляться отъ берега. Передъ глазами отъѣзжающихъ обрисовалась вся набережная съ ея зданіями, со стоявшею и махавшею бѣлыми платками толпою, съ высокимъ уступомъ берега и выше расположенными домами. Гулъ прощальныхъ привѣтствій стихалъ, заглушаемый шумомъ парохода; съ высоты судна видно было, какъ стала расходиться толпа, разъѣзжаться извошки. Набережная пустѣла, становясь все меньше и меньше, по мѣрѣ удаленія парохода, ступиваясь въ общей панорамѣ зданій Одес-

сы, теперь во всей красотѣ представшей передъ нами. Пассажиры все еще толпились у борта — одни, ища биноклемъ въ слившейся въ одну массу толпѣ своихъ родныхъ, другіе,—проводя взоромъ берега родины, быть-можетъ, навсегда покидаемые.

Я также стоялъ у борта, погруженный въ раздумье. Я смотрѣлъ, какъ городъ медленно уходилъ изъ круга моего зрѣнія, какъ сливались въ общую массу улицы, дома и строенія, какъ все это соединялось, наконецъ, съ сѣрой линіей берега, которая въ свою очередь тонула въ сѣрой туманной атмосферѣ свѣжаго весенняго вечера,—и невольно закрадывалась мысль: а что, если этотъ потонувшій въ сумракѣ родной край и все дорогое, что съ нимъ связано, 'больше не увидишь никогда, не возвратишься къ нему снова? Чтобы не думать объ этомъ, я отошелъ отъ борта и постарался разсѣяться наблюденіемъ надъ тѣмъ, что совершается на суднѣ съ его экипажемъ и пассажирами—этомъ маленькомъ островкѣ, оставшемся отъ Россіи, который на цѣлый мѣсяцъ, отдѣленный отъ нея разстояніемъ въ нѣсколько тысячъ верстъ, будетъ предоставленъ всѣмъ невзгодамъ долгаго плаванія.

Молодой корабельный ученикъ принеся лагъ и сталъ привинчивать его къ кормовой части судна. Нѣсколько любопытныхъ обратились къ нему съ вопросами о значеніи инструмента, на которые онъ весьма любезно далъ обстоятельный отвѣтъ. Начиналась «мертвая зыбь», столь непріятная въ нашемъ Черномъ морѣ. Многіе изъ пассажировъ I-го класса удалились съ палубы. Въ III-мъ классѣ начались сцены отдаванія дани Нептуну—столь неизбежныя и столь непріятныя въ морскомъ плаваніи. На «Москвѣ», какъ и на большинствѣ нашихъ судовъ добровольнаго флота, въ сущности—два класса. Это каюты, соотвѣтствующія I-му классу другихъ пароходовъ, и «трюмы», назначенные для пассажировъ 3-го класса, изъ коихъ нѣкоторые помѣщаются большею частью временно на палубѣ, какъ пассажиры 4-го класса. Этихъ послѣднихъ мы везли

больше 600 человекъ. Тутъ было нѣсколько новобранцевъ изъ евреевъ и малороссовъ, отправляемыхъ въ Восточную Сибирь, нѣсколько мелкихъ коммерсантовъ и мѣщанъ. Но главную массу составляли переселенцы изъ южной Россіи,—малороссы изъ губерній: Харьковской, Воронежской, Черниговской и Кубанской области. Особенно много было черниговцевъ; они заняли всю переднюю часть судна, гдѣ старики, парубки, женщины и дѣти буквально были набиты какъ сельди въ бочкѣ. Эта масса народа, грязнаго вообще и вдвойнѣ непривлекательнаго въ первые дни во время волненія, составляла главный контингентъ пассажировъ.

Что касается пассажировъ нашей каютъ-компаніи, то здѣшняя публика, если не считать служащаго персонала парохода, состояла частью изъ офицеровъ, недавно кончившихъ ученіе и ѣхавшихъ на службу на Амуръ, дѣятелей будущей сибирской желѣзной дороги, отъ высшихъ чиновъ до подрядчиковъ включительно, чиновниковъ тюремнаго вѣдомства, уже бывшихъ на Сахалинѣ или вновь туда назначенныхъ, да нѣсколькихъ коммерсантовъ, ѣхавшихъ во Владивостокъ;—за исключеніемъ консула и атташе русскаго посольства въ Японіи и жены нашего-же консула въ Сингапурѣ, все—русскіе пассажиры, ѣдущіе на дальній Востокъ. Таковъ бываетъ характеръ каютъ-компаніи и другихъ рейсовъ. Иностранцы, ѣдущіе въ промежуточные порты, весьма рѣдко встрѣчаются на судахъ добровольнаго флота.

Въ 6 часовъ раздался звонокъ къ обѣду. Мы собрались въ просторной каютъ-компаніи парохода; начались первыя знакомства, и сразу установился тотъ строй жизни, который затѣмъ потянулся цѣлыя недѣли скучнаго плаванія, гдѣ одинъ день похожъ на другой, гдѣ такія происшествія, которыя въ обыденной жизни не обращаютъ на себя ничьего вниманія, являются цѣлымъ событіемъ.

Сильно ошибается тотъ, кто рассчитываетъ, дѣлая

рейсъ отъ Одессы до Владивостока, посмотрѣть на заморскія страны. Какъ ни скученъ и ни утомителенъ сибирскій трактъ, все-таки здѣсь ѣдущій во Владивостокъ получить больше впечатлѣній, нежели при морскомъ путешествіи вокругъ Азіи. На обратномъ пути пароходъ заходитъ грузиться въ Индію, въ Китай, иногда въ Маниллу, на Филиппинскіе острова; на пути-же въ Сибирь судно нагружено уже въ Одессѣ; сверхъ того, оно везетъ переселенцевъ или каторжныхъ. Всѣ эти элементы весьма неудобны при остановкахъ въ иностранныхъ гаваняхъ, остановкахъ, сопряженныхъ, сверхъ того, съ колоссальными расходами. Каждый лишній день простоя въ гавани, гдѣ приходится платить содержаніе экипажу золотомъ, гдѣ сверхъ того надо кормить всю массу пассажировъ 3-го класса, составляетъ расходъ настолько значительный, что, прибавляя сюда и плату за простой въ портѣ, особенно высокую для русскихъ судовъ, дѣлаетъ остановки крайне нежелательными для флота. Наконецъ, есть почти всегда рискъ занесенія на пароходъ какой-либо болѣзни. Все это заставляеть капитановъ (которымъ тоже порядкомъ надоѣли всѣ эти порты, откуда уѣхать далѣе ближайшаго отеля имъ рѣдко позволяютъ дѣла службы) по возможности избѣгать остановокъ, или дѣлать ихъ весьма краткосрочными. Потому-то интересъ поѣздки сосредоточивается на ѣдѣ и разговорахъ, а для нѣкоторыхъ—на картахъ, но отнюдь не на путевыхъ впечатлѣніяхъ. Въ 9 часовъ чай, въ 11—завтракъ изъ двухъ блюдъ и закуски; въ 2 часа—опять чай, но уже безъ хлѣба, въ 6—обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, въ 9—вечерній чай—вотъ главныя впечатлѣнія дня. Нашъ поваръ, малороссъ, хотя готовилъ сносно, но очевидно былъ большимъ патріотомъ и плохимъ гастрономомъ: блюда вродѣ жирнаго борща, голубцовъ, котлетъ и другихъ тяжелыхъ кушаній, хорошо варимыхъ желудкомъ въ холодной атмосферѣ нашего сѣвера, постоянно появлялись на столѣ, и хотя вся провизія была свѣжая, но она какъ-то плохо вязалась съ раз-

слабляющимъ климатомъ экваторіальныхъ морей. Хотѣлось больше зелени, льда, фруктовъ, и невольно вспоминались преимущества легкаго французскаго стола. Первую половину пути пассажиры группируются по отдѣльнымъ, болѣе однороднымъ кучкамъ; затѣмъ наступаетъ періодъ общихъ разговоровъ и мелкихъ ссоръ; но подъ-конецъ путешествія все надоѣдаетъ, и тоска и скука водворяются въ каютъ-компаніи. Даже книгу, и ту не хочется читать въ разслабляющей атмосферѣ тропиковъ. Вообще, впечатлѣній въ поѣздкѣ мало,—не болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы не довести человѣка до полнаго отупѣнія.

Послѣ полутора сутокъ плаванія въ холодной и туманной весенней атмосферѣ Чернаго моря, не особенно гостепріимно провожавшаго нашъ пароходъ, мы на третій день среди густого тумана вошли въ устье Босфора. Туманъ и ненастье отняли много прелести у его живописныхъ и сильно укрѣпленныхъ береговъ. Но хотя ландшафтъ и имѣлъ видъ худо проявленнаго фотографическаго оттиска, нельзя было не замѣтить восхитительнаго разнообразія берега, съ красотою котораго едва сравнятся лучшія изъ панорамъ Западной Европы. Въ 2 часа мы уже стояли противъ такъ-называемой Олеандровой башни въ Константинополѣ, а черезъ нѣсколько минутъ паровой катеръ уже везъ насъ на берегъ Стамбула, куда насъ отпустили съ условіемъ къ 7 часамъ быть на борту. Пять часовъ—срокъ слишкомъ малый для ознакомленія съ городомъ настолько, чтобы имѣть право говорить о немъ что-либо. Кромѣ того, столица Оттоманской имперіи описывалась столько разъ, что съ характеромъ ея знакомо большинство читателей. Поэтому распространяться здѣсь о мечети Софіи, о базарѣ, о европейскомъ кварталѣ или о внѣшности города было-бы излишне. Не могу, однако, не сказать двухъ словъ объ общемъ впечатлѣніи, какое произвелъ на меня городъ.

Всякій, конечно, слыжалъ, что панорама Стамбула съ его дворцами, высокими бѣлыми минаретами, церквами

восхитительна со стороны Босфора, и что этотъ-же самый городъ грязенъ и отвратителенъ внутри. Мнѣніе это безусловно вѣрно, но я къ нему прибавилъ-бы еще, что Константинополь чуть не единственный городъ Европы, который имѣетъ черты города чисто азіятскаго. И въ Неаполѣ улицы грязны, и воздухъ въ нихъ зловонный, и въ Неаполѣ господствуетъ уличная жизнь; но жизнь городовъ Италіи и Испаніи далеко не имѣетъ тѣхъ средне-азіятскихъ чертъ, какъ въ Константинополѣ. Здѣсь по узенькимъ улицамъ, вымощеннымъ безобразными кусками камня, струится жидкая грязь. Нижніе этажи домовъ—лавки, безъ оконъ, съ одною большою дверью, передъ которою сидятъ торговцы, или работаютъ ремесленники; вторые и третьи этажи грязныхъ облупленныхъ домовъ имѣютъ неправильно расположенныя окна, закрытыя жалюзи. Что-то среднее между улицею Бухары и туземной частью Тифлиса представляютъ тѣсные, зловонные кварталы Стамбула, и узкія неопрятныя конки, похожія на наши арестантскіе вагоны и кое-какъ пробирающіяся по улицамъ, представляютъ какую-то пародію на этотъ экипажъ. Базаръ съ его безконечными рядами узкихъ, заваленныхъ товарами проходовъ—полное подобіе тѣхъ базаровъ, какіе теперь устроены у насъ въ Ташкентѣ. Всѣ эти черты Константинополя—чисто азіятскія. Но когда извощикъ, ловко правя фээтономъ, вывезетъ васъ изъ этой зловонной торговой старой части въ Пери,—вы сейчасъ переноситесь въ Европу. Итальянскаго типа палацо съ садиками и роскошными видами, тишина вмѣсто шума и гвалта, порядокъ въ улицахъ и постройкахъ намѣсто пестрой, напоминающей московскую, смѣси лачугъ съ дворцами—все это говоритъ за то, что здѣсь царствуетъ европеецъ, и что настоящій Стамбулъ есть лишь пригородъ, туземный кварталъ господствующаго надъ краемъ европейскаго города. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается осмотромъ Софійскаго собора. Мы были подъ исполинскими и величественными сводами бывшаго христіан-

скаго храма во время магометанскаго поста. Насъ пустили лишь на хоры, и съ ихъ громадной высоты мы могли созерцать все пространство мечети, по очертаніямъ своимъ сохранившей всѣ особенности христіанскаго храма. Мы видѣли подъ собой массу турокъ, сидѣвшихъ на циновкахъ, устилающихъ полъ, стоявшихъ и ходившихъ по мечети, которые всѣ громко кричали, каждый свою молитву, и ихъ крики сливались въ одинъ общій гулъ толпы. На выступахъ потолка были повѣшены громадной величины синіе круглые щиты съ арабскими надписями. Эти щиты, если не считать свѣщенныхъ люстръ, были единственнымъ украшеніемъ громадныхъ стѣнъ собора. Общее впечатлѣніе этой на разные тоны галдящей въ необъятныхъ стѣнахъ собора толпы было такое, будто толпа варваровъ только-что ворвалась въ еще неотдѣланный храмъ и, воспользовавшись его стѣнами для военныхъ совѣщаній, обсуждаетъ свои дѣла. Другое, что не менѣе поразило меня въ Константинополѣ, это масса народа, говорящаго по-русски. На базарѣ, на улицахъ торговцы обращались къ намъ постоянно на русскомъ языкѣ, и казалось, что проѣзжаешь гдѣ-нибудь въ Туркестанѣ, а не въ чужомъ государствѣ. Таково было общее впечатлѣніе, которое оставилъ у меня бѣглый осмотръ столицы Оттоманской Имперіи.

Когда на другое утро я вышелъ на палубу, мы были уже въ Дарданеллахъ. Сильный сѣверозападный вѣтеръ, приносившій намъ туманъ въ Босфорѣ и мочившій дождемъ въ Константинополѣ, здѣсь уже терялъ свою силу, встрѣчая нагрѣтую сушу. Облака и туманъ, имъ приносимые, здѣсь превращались въ легкую дымку, застилавшую горизонтъ, дѣлавшую неясными очертанія отдаленныхъ предметовъ. Но берега Дарданеллъ, проносившіеся мимо насъ столь-же близко, какъ и берега Босфора, позволяли разсматривать всѣ детали ихъ очертаній. Но здѣсь не было и сотой доли тѣхъ красотъ, которыя даже черезъ вуаль тумана приводили въ восторгъ на Босфорѣ. Въмѣсто застроенныхъ

дачами каменистыхъ обрывовъ, гдѣ домики выглядывали изъ темной зелени деревъ и цвѣтущихъ кустарниковъ, гдѣ какъ стройные минареты на каждомъ шагу возвышались темные кипарисы и зонтики пиній, вы видите передъ собою буро-бѣрыя скалы безъ признака зелени, рѣдко гдѣ небольшіе куски хлѣбныхъ полей. Это уже область степныхъ низкорослыхъ душистыхъ кустарниковъ—степей изъ мотыльковыхъ и губоцвѣтныхъ, замѣняющихъ въ Испаніи, Малой Азіи и Архипелагѣ полынныя степи юго-востока Россіи. Онѣ также унылы и однообразны на видъ, хотя флора ихъ и много богаче.

Мы быстро проносились мимо историческихъ береговъ пролива, мимо мѣстъ, «гдѣ погибла великая Троя», мимо кургановъ — по преданію, могилъ Гектора и Патрокла, уединенно возвышающихся на пустынномъ берегу. Течение водъ здѣсь уже было слабѣе, чѣмъ на Босфорѣ, гдѣ быстрота ихъ напоминала не рѣку, а потокъ; * но оно еще было замѣтно. Мало-по-малу зеленовато-голубыя воды становились чудными голубыми, того цвѣта лаписъ-лазури, какимъ, повидимому, обладаетъ одно только Средиземное море. Ни въ голубыхъ водахъ Индѣйскаго океана, ни въ Красномъ, ни въ Китайскомъ морѣ я не видалъ той яркости и интенсивности ярко-голубого цвѣта, какъ въ Архипелагѣ и на западѣ Средиземнаго моря.

Мы вышли изъ Дарданеллъ. Къ обѣду показался островъ Тенедосъ, а два слѣдующіе дня пароходъ прошелъ Архипелагъ въ виду острововъ: Лесбоса, Родоса и нѣкоторыхъ мелкихъ.

При такихъ классическихъ именахъ, какъ Родосъ и Хіосъ, невольно воображеніе рисуетъ живописныя островки, увитые зеленью кипарисовъ, съ рощами маслинъ, лавровъ, миртовъ и розъ, съ классическими пастушками на зеленѣющихъ пастбищахъ. Ничего подобнаго не представ-

* Быстрота теченія Босфора усиливалась вліяніемъ вѣтра, дувшаго съ Чернаго моря.

ляется глазу плывущаго по Архипелагу. Всѣ поименованные острова, которые мы видѣли, равно какъ, по словамъ моряковъ, плававшихъ по Архипелагу, и всѣ прочіе, представляютъ изъ себя голыя желтобурыя скалы. Если, можетъ-быть, внутри и есть какая-нибудь зелень—снаружи ее во всякомъ случаѣ не видно. Снаружи это унылыя, безжизненные скалы, вродѣ тѣхъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ Тифлисъ. Не видно ни жилья, ни дерева. Формация ароматичной Средиземноморской степи («хегорһиңіоі» грековъ) покрываетъ эти скалы сверху до низу. Архипелагъ представляется каменистыми верхушками затопленныхъ горъ, какими и являются эти острова въ дѣйствительности, если принимать объясненіе образованія Архипелага громаднымъ проваломъ горной страны, соединявшей Европу съ Азіей и затопленной водами Средиземнаго моря.

Но если детали очертанія острововъ Архипелага и даютъ весьма немного для взора пассажира, сами по себѣ они представляютъ волшебное зрѣлище. Вся атмосфера, наполненная разрѣдившимся туманомъ сѣвера, здѣсь голубая. Она, подобно голубой завѣсѣ, не даетъ глазу проникнуть въ даль моря. Островки Архипелага не являются, какъ обыкновенно, незамѣтными точками, постепенно разрастающимися до ихъ натуральной величины по мѣрѣ приближенія судна,—онѣ появляются на горизонтѣ уже на очень близкомъ разстояніи большими крупными скалами. Но сперва очертанія острова мутны, неотчетливы; вы не отличите его отъ плавающего надъ водами облачка. Но мало-по-малу контуры рѣзче и рѣзче вырисовываются на голубомъ фонѣ неба, отчетливѣе и темнѣе становятся выступы скалъ, долины, крутые склоны. Скоро весь островъ со всѣми деталями вырастаетъ передъ глазами. Можно, проѣзжая мимо, видѣть до послѣднихъ деталей всѣ его особенности. И точно также, по мѣрѣ удаленія парохода, онъ теряетъ ясность контура, также тонетъ, превращаясь въ голубоватое пятно,

чтобы уступить мѣсто другому такому-же, сначала неясному, напоминающему миражъ, призраку суши, выплывающему изъ голубой дымки. Но вотъ скрывается послѣдній изъ нихъ—Родось—и просторъ Средиземнаго моря раскрывается во всѣ стороны отъ парохода. Еще день, и на этомъ голубомъ горизонтѣ покажется едва выдѣляющаяся надъ моремъ желтая полоска. Это—берегъ Африки, это—Портъ-Саидъ и начало Суэзскаго канала.

Войдя подъ защиту длиннаго мола, далеко вдающагося въ море, вы быстро приближаетесь ко входу въ каналъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Портъ-Саиду. Сейчасъ-же приходѣ вы вмѣстѣ съ тѣмъ и на набережной. Правильнымъ рядомъ, составляя вдоль берега прямую, широкую улицу, тянутся двухъ-этажныя постройки, обязательно снабженные какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ балконами. Постройки эти съ плоскими крышами совершенно не имѣютъ азіатскаго облика. Это чистенькіе домики чисто европейской опрятности. Едва останавливается пароходъ, какъ отъ берега къ нему отплываютъ массы лодокъ, и черномазые арабы и феллахи на всѣхъ возможныхъ языкахъ, не исключая и русскаго, начинаютъ васъ звать къ себѣ. Мы сѣли на шлюпку «Москва», которая содрала по полфранка съ пассажира буквально за нѣсколько взмаховъ веселъ, необходимыхъ, чтобы доставить на берегъ. Вы выходите на берегъ, и передъ вами открываются улицы прямая, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, чистыя,—рѣзкій контрастъ съ недавно покинутымъ Константинополемъ. Васъ сейчасъ-же окружаютъ толпы назойливыхъ чичероне, навязывающихъ на всѣхъ языкахъ свои услуги. Если послѣдовать за однимъ изъ нихъ, онъ поведетъ внутрь города по улицамъ съ такими-же кубическими трехъ-этажными постройками, какъ и на берегу, балконы которыхъ въ пространствѣ между колоннами защищены рѣшетками, довольно мало пропускающими свѣтъ, такъ что все зданіе имѣетъ видъ не то клѣтки, не то какого-то сундука съ ящиками. Нижніе этажи сплошь

заняты магазинами. Общее впечатлѣніе, оставляемое городомъ,—это впечатлѣніе богатаго базара, устроеннаго на перепутыи всѣхъ народовъ. Тутъ массаи продають консервы, лѣтніе костюмы, предметы роскоши и необходимости, привезенные съ дальняго Запада и съ Востока затѣмъ, чтобы продать ихъ здѣсь вдвое и втрое дороже нормальной стоимости. Вавилонское смѣшеніе языковъ господствуетъ въ лавкахъ. Я не знаю языка, на которомъ-бы здѣсь не говорили; и вмѣстѣ съ тѣмъ я не знаю, существуетъ-ли хотя одинъ, на которомъ-бы здѣсь говорили хорошо. Но люди понимаютъ другъ друга—и этого достаточно. Наиболѣе охотно и вопреки ожиданію здѣсь говорятъ по-французски, и на этомъ языкѣ изъясняются лучше, чѣмъ на другихъ; затѣмъ слѣдуетъ итальянскій и потомъ уже англійскій.

Какъ уже сказано, Портъ-Саидъ—большая лавка, большой базаръ. Его улицы—рядъ магазиновъ, его жители—прикащики торговыхъ фирмъ и агенты: худые, видимо изнеможенные отъ климата, европейцы съ чахлыми, зелеными лицами, и какъ контрастъ имъ, комиссіонеры арабы и феллахи—живые, энергичные, красивые, съ сверкающими глазами, бѣлыми какъ слоновою костью зубами, оживленными смуглыми лицами и непринужденными движеніями. Въ легкомъ синемъ халатѣ, оставляющемъ грудь совершенно открытою, и въ бѣлыхъ шароварахъ изъ тонкой матеріи, быстро ходятъ они по улицамъ,нося покупки, сдѣланныя въ магазинахъ проѣзжими европейцами. Небольшой 'скверъ съ казуариніями, десятка два ресторановъ и кафе-шантановъ со всѣми прелестями послѣднихъ сливокъ европейской культуры дополняютъ обстановку города, населеннаго, какъ видно, только людьми, товаръ предлагающими и товаръ спрашивающими. Изсякни сегодня каналъ, и завтра въ Портъ-Саидѣ не останется ни одного жителя. Напротивъ, чѣмъ болѣе будетъ развиваться движеніе, тѣмъ богаче и больше будетъ дѣлаться эта международная ярмарка. Благодаря этому случайному

своему характеру, Портъ-Саидъ мало интересенъ для туриста: его улицы какъ двѣ капли воды похожи одна на другую. Потому, вѣроятно, большинство проѣзжающихъ, если это только не любители кафешантанной культуры и рулетки, которую вы найдете въ любомъ казино, ограничиваются весьма краткой прогулкой по главной улицѣ и, накупивъ себѣ креселъ, тропическихъ костюмовъ и фотографій, выборъ которыхъ здѣсь громаднѣйшій и на всѣ вкусы—возвращаются на пароходъ. Однако, мнѣ кажется, поступая такимъ образомъ, они лишаютъ себя удовольствія видѣть наиболѣе интересную сторону жизни города.

На окраинѣ Портъ-Саида, въ его западной части, къ нему прилегаетъ туземная деревушка. Это собственно пригородъ, населенный арабами и феллахами, состоящій изъ двухъ-трехъ улицъ, застроенныхъ лачугами кубической формы, съ большими входными дверями, освѣщающими ихъ внутренность. Мало интересный днемъ, кварталъ этотъ оживляется подвѣчеръ, когда посреди улицы выстраивается рядъ ларей съ фонарями и всевозможными туземными товарами, когда взадъ и впередъ шныряютъ темныя фигуры арабовъ, а многія лачуги превращаются въ туземныя кафе, гдѣ массы туземцевъ распиваютъ кофе, заваренный такъ, какъ его не станутъ заваривать нигдѣ въ Европѣ, кромѣ развѣ Турціи: въ маленькую чашечку вамъ вливаютъ густую смѣсь кофейной гуши съ сахаромъ, и когда она отстоится, вы получите нѣсколько глотковъ этого завареннаго *au naturel*, безъ мѣшечка, кофе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ туземныхъ кафе, болѣе похожихъ на кабаки, вы услышите звуки музыки. Если вы рѣшитесь заглянуть внутрь, вы увидите арабовъ и феллаховъ, распивающихъ чинно за столами кофе, внимательно слушая пѣніе довольно дикой арабской мелодіи, исполняемое египтяниномъ подъ акомпаниментъ оркестра изъ гитары, цимбалъ и чего-то вродѣ флейты. Пѣсня—протяжная, живо напоминавшая мнѣ слышанныя мною въ Бухарѣ. На смѣну

пѣвцу выходятъ обнаженные почти до пояса, увѣшанные украшеніями танцовщицы, дающія возможность составить нѣкоторое понятіе о характерѣ туземныхъ плясокъ, гдѣ играютъ роль движенія не столько рукъ и ногъ, сколько груди и нижней части туловища, иногда довольно циничныя, но показывающія удивительное развитіе мускуловъ живота.

Къ 12 часамъ ночи жизнь Портъ-Саида замираетъ, и по пустыннымъ улицамъ вы увидите лишь египетскаго «фараона», разгуливающаго одиноко по улицамъ съ палкой въ рукахъ, толщину которой навѣрное не одинъ разъ въ день ощущали спины феллаховъ изъ проводниковъ. Но къ европейцамъ они внимательны и любезны, и шумящій послѣ возліяній Бахусу экипажъ европейскаго судна можетъ безнаканно кричать и пѣть у нихъ подъ носомъ.

Вотъ то немногое, что приходится видѣть въ Портъ-Саидѣ, и больше врядъ-ли можно увидѣть даже и при болѣе продолжительномъ пребываніи на этомъ базарѣ.

Плаваніе по каналу идетъ безостановочно и довольно скучно. Какъ извѣстно, перешеекъ, перерѣзанный сооруженіемъ безсмертнаго Лессепса, представляетъ изъ себя низменную пустыню, среди которой расположены лагуны и озера различной степени солёности и на различной степени усыханія. Ближайшія къ Портъ-Саиду превратились уже почти въ чистый солонецъ и слабо покрыты водою. На громадныя разстоянія тянется ровная какъ скатерть, солоноватая низина, мѣстами одѣтая на рѣдкихъ разстояніяхъ торчащими солянками и тогда поразительно схожая съ солончаками нашего Туркестана; иногда-же совершенно лишенная всякой растительности и въ этомъ случаѣ представляющая непривычное зрѣлище совершенно обнаженной почвы.

Слѣдующія озера Сале уже оживленнѣе, а озеро Тимза, на берегахъ котораго расположенъ городъ Измаилія, имѣетъ уже видъ настоящаго внутренняго моря. Гово-

рятъ, что во времена Моисея какъ-разъ до этихъ поръ доходило Красное море, и начиная отсюда вы покидаете бассейнъ Средиземнаго и вступаете въ область древнихъ осадковъ Краснаго моря—въ область сыпучихъ песковъ и бархановъ, опять весьма похожихъ на наши средне-азіатскіе пески и какъ эти послѣдніе, тамъ и сямъ усѣянныхъ низкорослымъ кустарникомъ и торчащими пучками травы. Но пароходъ шолъ слишкомъ быстро, не позволяя опредѣлить видовъ растеній и узнать, что одѣвало берега канала, характерные-ли виды Сахары: альфа, *Aristida* и другіе африканскіе виды, или-же наши азіатскія *Ephedra*. Среди этой мертвенной формаціи песковъ залегаетъ горько-соленое озеро, еще болѣе обширное, чѣмъ то, на которомъ стоитъ Измаилія, съ столь-же спокойными голубыми водами, на берегахъ котораго видны слѣды древнихъ каналовъ, сооруженныхъ во времена фараоновъ.

Затѣмъ пароходъ опять входитъ въ каналъ, чтобы войти въ Красное море противъ Суэца, гдѣ судну приходится долго идти въ искусственномъ каналѣ, вырытомъ среди большой соленой лагуны, у береговъ которой расположенъ самый Суэцъ.

Говоря вообще, плаваніе по каналу монотонно и скучно. Узкая полоса голубой воды, узкая настолько, что по ней свободно разъѣзжаются два парохода лишь въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ прижмется къ берегу, давая дорогу другому; обрамлена невысокими берегами. По одному изъ нихъ прокладывается желѣзнодорожный путь; другой—совершенно пустынный. Берега лишены растительности, если не считать изрѣдка возвышающихся печальныхъ кустовъ африканскаго гребенщика *Tamaria*, ближайшаго родича растеній азіатскихъ солонцеватыхъ побережій рѣкъ.

Но зато ночью каналъ, подъ вліяніемъ сноповъ электрическаго свѣта, которымъ его заливалъ нашъ пароходъ со своей носовой части, принималъ волшебныя формы. Голубая вода канала, обрамленная казавшеюся снѣжно-

бѣлою пустынею на темномъ фонѣ неба, имѣла чудный видъ. Маленькія станціи по берегамъ, грязечерпательныя машины, безобразныя днемъ, ночью казались чудными сооруженіями архитектуры, выточенными изъ серебра и слоновой кости... Во всѣхъ отношеніяхъ стоило полюбоваться освѣщеніемъ ландшафта, вызваннымъ необходимостью освѣщать путь, что обошлось нашей администраціи около 100 р. Вообще проходъ черезъ каналъ стоить нашимъ судамъ огромныхъ денегъ. За одно право прохода «Москва» заплатила 8,000 р. Ея предшественникъ, «Орелъ», говорятъ, заплатилъ еще больше. Надо думать, что благодаря такимъ сборамъ, компанія канала соберетъ скоро сумму, необходимую для того, чтобы увеличить его ширину вдвое.

Плаваніе по каналу идетъ медленно. Пароходы не могутъ быть пущены полнымъ ходомъ. Выйдя въ 5 часовъ утра, мы только въ 10 вечера достигли Суэца и въ ту-же ночь вошли въ Красное море.

Красное море пользуется у насъ самою дурною славою. Волненія его, весьма здѣсь рѣзкія, и высокая температура донимаютъ мореплавателя. Дѣйствительно, теперь можетъ считаться доказаннымъ, что это самое жаркое мѣсто земного шара, и 50° С. въ тѣни здѣсь не рѣдкость; голая-же почва побережій накалена до 80°, и яйца свободно могутъ быть сварены въ раскаленномъ пескѣ. Неудивительно, что здѣсь, на скалахъ, по побережьямъ Суэзскаго залива и далѣе по берегамъ моря, скалы совершенно мертвенны, не видно никакого слѣда растительности, и самыя мертвыя части нашей среднеазіатской пустыни показались-бы оживленными по сравненію съ ними.

Бурая рамка горъ на горизонтѣ, голубая вода моря—вотъ все, что видитъ здѣсь глазъ, и то пока вы въ суэзскомъ заливѣ. Далѣе будетъ одна голубая гладь воды. Особенно тягостны жары здѣсь тогда, когда стоитъ штиль или дуетъ слабый попутный вѣтеръ. Залегая въ области, пересекаемой тропикомъ, Красное море по крайней мѣрѣ въ лѣтнюю половину года имѣетъ двѣ системы вѣтровъ:

вѣтеръ сѣверныхъ румбовъ господствуетъ къ сѣверу отъ области наибольшаго нагрѣванія, перемѣщающагося вмѣстѣ съ солнцемъ и предѣлъ котораго—на тропикѣ во время лѣтняго солнцестоянія; къ югу отъ нея господствуютъ слабые вѣтры южныхъ румбовъ; въ центрѣ—небольшая полоса затишья. Словомъ, повторяются тѣ-же картины, что и вездѣ въ открытыхъ океанахъ въ области пассатовъ. Но здѣсь вѣтры эти болѣе мѣстнаго характера, берутъ начало съ накаленной земли, а потому сухи и жгучи. Особенно вечеромъ чувствуется, какъ иногда въ лицо пахнётъ съ земли жгучимъ какъ огонь вѣтромъ. Но все-же чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ пріятнѣе онъ для пассажировъ, и намъ въ нашъ рейсъ, можно сказать, очень посчастливилось въ этомъ отношеніи. Мы почти не знали мукъ, обыкновенно испытываемыхъ путешественниками въ этомъ морѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и между нами не было страдавшихъ отъ жары; но въ этомъ отношеніи больше сказывались индивидуальныя особенности пассажировъ, такъ-что въ то время, когда одни были мучениками, другіе находили температуру вполне сносною.

Всѣ однако передъ входомъ въ Красное море облеклись въ «тропическіе» костюмы, или, говоря иначе, уподобились пароходнымъ поварамъ, такъ-какъ принятый здѣсь на корабляхъ подъ тропиками костюмъ состоитъ изъ бѣлыхъ панталонъ, бѣлой поварской куртки и бѣлыхъ-же башмаковъ, сильно маркихъ и потому ежедневно выбѣливаемыхъ вмѣсто ваксы какою-то композиціею изъ мѣла и талька.

Воды Краснаго моря оживлены сравнительно мало. Даже дельфиновъ попадалось здѣсь меньше, чѣмъ на Сѣверѣ. Зато мы впервые увидѣли здѣсь стаи серебристо-бѣлыхъ летающихъ рыбъ, которыя вспархивали при приближеніи судна, какъ стаи спугнутыхъ воробьевъ, и неслись, распустивъ какъ ласточки свои крылья, надъ лазурною поверхностью водъ.

Вступленіе въ тропическій поясъ не ознаменовалось

никакими особенными явлениями въ атмосферѣ. Не могу не указать на всюду распространенное недоразумѣніе по поводу краткости сумерокъ въ тропическихъ странахъ, доходящее до того, что многіе думаютъ, будто мракъ наступаетъ сейчасъ, какъ только закатится солнце. Правда, петербургскихъ бѣлыхъ ночей тропики не знаютъ, но сумерки, и довольно-таки долгіе (не менѣе 20 минутъ) здѣсь существуютъ. Достаточно сказать, что садясь за столъ при закатѣ солнца въ 6 часовъ, мы успѣвали пообѣдать, и выходя изъ-за стола на палубу, не видѣли еще полного мрака.

Новыя явленія на небѣ ясно свидѣтельствовали, что мы находились подъ чуждыми намъ широтами. Полярная звѣзда стояла низко надъ горизонтомъ; взамѣнъ того, на небѣ ярко блестѣли четыре звѣзды «Южнаго Креста». Громадное созвѣздіе Скорпіона, соперничая съ Оріономъ по блеску и красотѣ своихъ звѣздъ, играло первую роль на небосклонѣ; а мѣсяцъ въ своей первой четверти лежалъ какъ лодочка, совершенно горизонтально, поднявъ свои рога кверху, какъ его изображаютъ на шпиляхъ магометанскихъ мечетей. Когда надъ нимъ сіяла яркой точкой Венера, онъ мнѣ напоминалъ одинъ изъ знаковъ арабскаго алфавита, и невольно думалось, не мѣсяцъ-ли подалъ идею его изобрѣтателю путемъ сопоставленія полулиній и точекъ надъ и подъ ними составить священный шрифтъ арабскихъ книгъ.

Красное море, какъ извѣстно, устѣяно многими рифами и островками. Нѣкоторые изъ первыхъ и доселѣ еще не нанесены на подробныя морскія карты. Что-же касается послѣднихъ, то они по большей части принадлежатъ къ образованіямъ или коралловымъ, или вулканическимъ.

Особенно интересны здѣшніе вулканическіе острова; нѣкоторые могли-бы привести въ восторгъ любого геолога. Такъ, нашъ пароходъ на третій день плаванія проходилъ довольно близко отъ Джебель Таира и группы Джебель

Зебаиръ. Оба могли-бы послужить прекрасною моделью для идеальныхъ вулканическихъ острововъ, приготовляемыхъ Геймомъ. Джебель Таиръ является вытянутымъ овальнымъ, какъ высунувшаяся изъ воды китовая спина, темнымъ остовомъ; на немъ совершенно симметрично и на одной линіи, какъ то подобаетъ вулканамъ, располагающимся по одной трещинѣ, лежатъ три конуса — два по краямъ и одинъ въ центрѣ. Центральный, полуразлитый по формѣ, напоминаетъ нашъ Бакинскій грязевой вулканъ—Локъ Батанъ. Крайній южный, подмытый моремъ, обвалился и давалъ прекрасную картину разрѣза кратера, показывая наслоенія пеплу и рапиллей, прелестно иллюстрирующую насыпное строеніе настоящихъ страто-вулкановъ. Напротивъ, группа скалъ Джебель Зебаира представила уже послѣднія стадіи разрушенія вулкановъ. Тутъ виднѣлись четыре скалы — послѣдній остатокъ отъ большого разрушеннаго кратера. Тамъ еще виденъ былъ конусъ, окруженный разрушенною Соммою, гдѣ слои пепла и лавъ, рѣзко различаясь цвѣтомъ, давали чудный геологическій разрѣзъ. Я крайне сожалѣлъ, что третья вулканическая группа, Джебель Цукуръ, не поддавалась разсмотрѣнію, такъ-какъ мы ее проходили ночью. Эти острова, не размытые водою и лишенные растительности, представляютъ чудныя геологическія модели.

Коралловые острова ютятся ближе къ берегамъ, образуя вдоль послѣднихъ ряды рифовъ, бѣлѣющихъ надъ и подъ водою съ глубокими проходами между ними и потому сравнительно мало опасныхъ. Лучше всего съ ихъ строеніемъ можетъ пріѣзжающій познакомиться при остановкѣ въ бухтѣ Перима, гдѣ запасаются льдомъ и углемъ. Эта бухта—внутренняя лагуна настоящаго атолла, приросшаго однимъ бокомъ къ скалѣ изъ темныхъ изверженныхъ породъ; она столь кругла, что, очутившись внутри, не сразу узнаешь, какъ сюда попалъ корабль.

Для туриста—Перимъ самое ужасное мѣсто; немногіе рѣшаются даже съѣзжать на берегъ. Передъ вами группа

мелкихъ лачугъ, заводъ и складъ. Кругомъ — голая, черная, раскаленная солнцемъ почва, на которую въ нѣсколькихъ мѣстахъ прибоемъ и вѣтромъ нанесло груды песку. Ни деревъ, ни какого-либо признака растительности или культуры. Корабль окружаютъ лодки туземцевъ. Это уже не тѣ красивые, стройные арабы, которыхъ съ ихъ верблюдами встрѣчаетъ взоръ по берегамъ Суэзскаго канала. Здѣсь вы имѣете жителей Сомали—черномазыхъ негровъ, весь костюмъ которыхъ состоитъ изъ повязки вокругъ бедеръ. Они прыгаютъ въ воду и, не боясь акулъ, какъ рыба плаваютъ вокругъ судна, держась какъ пробки чуть не часами въ водѣ и выпрашивая милостыню. Многие красятъ свои курчавые какъ у барана волосы въ рыжій цвѣтъ, что дѣлаетъ ихъ похожими не то на клоуновъ, не то на чертей.

Но если для туриста, кромѣ внѣшности черномазыхъ амфибій и рабочихъ, грузящихъ уголь, согнанныхъ со всѣхъ концовъ юга Азіи, нѣтъ ничего привлекательнаго, то для геологовъ Перимъ даетъ массу интереснаго. Лишенный растительности, получая не болѣе двухъ-трехъ дождей въ годъ, этотъ островъ всецѣло подверженъ дѣятельности солнечныхъ лучей и вѣтра, столь мало по видимому измѣняющихъ земную поверхность въ сѣверныхъ широтахъ, гдѣ главнымъ факторомъ является вода, и играющихъ въ пустынной Африкѣ и внутренней Азіи такую громадную роль.

Перимъ даетъ возможность прочесть страничку изъ исторіи образованія пустынь.

Какъ легко можетъ убѣдиться всякій, ступившій на почву Перима, островъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ дѣятельности коралловъ. По берегамъ бухты, гдѣ есть крутые разрѣзы почвы, легко видѣть, что она образована изъ плотнаго известняка, пронизаннаго трубочками, служившими жилищемъ полипняка. На многихъ мысахъ, гдѣ бушуетъ прибой, легко набрать цѣлыя кучи отростковъ, болѣе свободно развитыхъ красивыхъ бѣлыхъ корал-

ловъ, выломанныхъ съ болѣе глубокихъ частей. Этихъ обломковъ, образующихъ почву острова, здѣсь цѣлыя горы, и торговцы раковинъ, продающіе такіе кораллы въ Петербургѣ по 15 к. и дороже за кусочекъ, могли-бы составить себѣ цѣлое состояніе. Но коралловые элементы составляютъ только самый остовъ Перима. Сверху онъ почти сплошь засыпанъ черными валунами съ кулакъ и крупнѣе величиною, не позволяющими видѣть настоящій характеръ почвы острова. Они загромаждаютъ поверхность острова до того, что движенія здѣсь были-бы крайне затруднительны, еслибы практичные англичане не распорядились расчистить пересѣкающія островъ по всѣмъ направленіямъ дорожки и тропинки. Камни эти очень оригинальны по виду. Чернаго цвѣта, они всѣ усѣяны дырками, имѣя издали сходство съ большими губками, разбросанными по землѣ. Ноздри ихъ иногда такъ широки и глубоки, что въ нихъ свободно помѣщается палецъ. Рѣдко попадаются экземпляры съ совершенно ровною поверхностью. Обыкновенно, тогда такіе камни покрыты или твердою коричневою корою, или разбиты концентрическими трещинами, такъ что напоминаютъ кочаны капусты съ каменными листьями.

Всѣ эти формы совершенно непривычны для глаза жителя нашихъ странъ. Ихъ особенности объясняются дѣятельностью солнечныхъ лучей и вѣтра. Порода, слагающая камни, напоминаетъ намъ кавказскіе діориты. Состоя, какъ и эти послѣдніе, изъ темнаго вещества, гдѣ вкраплены легко вывѣтривающіеся кристаллы, они съ поверхности скоро теряютъ эти послѣдніе, взамѣнъ которыхъ остаются пустоты. Но въ то время какъ на Кавказѣ эти пустоты и остаются пустотами, здѣсь жгучій песконосный вѣтеръ постепенно углубляетъ ихъ, шлифуетъ пескомъ, закругляетъ и, увеличивъ разъ въ 20 въ объемъ, превращаетъ въ ноздри, придающія камню видъ черной губки. Капустообразное строеніе также обязано дѣятельности солнца. Камень расширяется, нагрѣтый утромъ

солнцемъ, и сжимается на ночь весьма неравномѣрно, и гораздо сильнѣе снаружи, чѣмъ изнутри, куда нагрѣваніе и охлажденіе не такъ скоро достигаютъ. Слѣдствіемъ этого является образованіе концентрическихъ трещинъ и шелушеніе камня. Но самое интересное—это камни, остающіеся инертными. Это тѣ, которые покрыты толстою коричневою корою, дѣлающею ихъ нечувствительными ни къ колебаніямъ температуры, ни къ обработкѣ сухимъ, несущимъ шлифующія песчинки вѣтромъ. Этотъ коричневый «загаръ» камней, наблюдавшійся моимъ другомъ проф. Вальтеромъ всюду въ африканскихъ и аравійскихъ пустыняхъ, которыя я видѣлъ и въ американской пустынѣ Соленого озера, и на берегахъ Галхаша, играетъ важную предохранительную роль. Онъ свойственъ всѣмъ родамъ пустыни безъ исключенія—и его не видѣли въ странахъ, болѣе обильныхъ дождями, а самый составъ его и химизмъ происхожденія донынѣ являются загадкой.

Если такимъ образомъ Перимъ представляетъ возможность наблюдать любопытный процессъ превращенія камней и скалъ въ песчанья и щебневья пустыни—процессъ, въ широкихъ размѣрахъ совершающійся по всему побережью Краснаго моря—его растительный міръ даетъ весьма мало для ботаника. На первый взглядъ кажется, что островъ даже совершенно лишенъ растительности. Но это только первое впечатлѣніе. Скоро можно бываетъ найти между камнями низенькія травки съ жирными листочками изъ семейства *Portulacaceae* и *Fugophylleae*. Затѣмъ, на восточной половинѣ острова, на песчаныхъ солоноватыхъ побережьяхъ я встрѣтилъ цѣлыя заросли совершенно голыхъ кустарниковъ, по росту не превосходящихъ нашу дикую вишню или дерезу, а по виду напоминающихъ стелющіяся, усердно подрѣзанныя персиковыя деревья или яблони для культуры на проволоку. На первый взглядъ я думалъ, что они посохли отъ пожара; но ближайшее разсмотрѣніе показало, что они стоятъ въ полномъ соку,

кое-гдѣ на нихъ есть толстые круглые листья, съ серебряный пятачекъ величиною, и даже совершенно незамѣтные желтые цвѣты, показавшіе мнѣ, что я имѣю дѣло съ видомъ *Euphorbia*—ближайшимъ родичемъ тѣхъ молочаевъ, которые такъ обыденны на тепломъ югѣ Россіи. Но здѣсь это были колючіе кустарники, толстые стебли которыхъ быстро утончались къ концу, и основаніе оттого было вздуто въ толстыя грушеобразныя образованія. Это были истые *Bombax* въ миниатюрѣ.

Приходилось проходить большія пространства, не встрѣчая никакой растительности. Но за то поиски всегда вознаграждались какою-нибудь интересною находкою. Такъ, подъ навѣсомъ скалъ я нашолъ нѣсколько кустовъ, живо напомнившихъ мнѣ по своей формѣ тѣ кактусы, которые годъ назадъ я собиралъ на пустынныхъ плато штата Нов. Мексики. Но, конечно, это были не они. Вызванные схожими условіями жизни, кактусовидныя формы въ Африкѣ производятся семействами растеній, представители которыхъ въ другихъ странахъ съ кактусами ничего общаго не имѣютъ. Если самые кактусы систематики ставятъ наряду съ крыжовниками сѣверныхъ странъ, считая семейство *Cactaceae* ближайшимъ родичемъ *Grossularineae*, то что-же удивительнаго, если жирные столбы, столь напоминающіе *Sereus* Америки, здѣсь давала безлистная форма изъ семейства *Arosupneae*, плоды которой ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ *Vincetoxicum*.

Остальные представители перимской флоры, которыхъ я набралъ около десятка, принадлежали по виду къ родамъ, распространеннымъ у насъ въ Туркестанѣ. Это были астрагалы, солянки изъ рода *Salsola* и *Zygophilleae*. Однако въ двухъ мѣстахъ я видѣлъ колючія акаціи чисто африканскаго типа и нѣкоторыя *Caesalpineae*.

Характеръ распространенія этихъ растеній странный. То цѣлыя пространства остаются безъ всякой растительности, то она является въ изобиліи и обыкновенно представленная однимъ-двумя видами. Кажется невольно, что

сѣмена рѣдко попадаютъ на этотъ коралловый рифъ, но что, попавъ сюда, они могутъ развиться не хуже, чѣмъ на сосѣднемъ материкѣ. Молодость островка, а не безплодіе его почвы виною скудости его флоры, и я убѣжденъ—будетъ время, когда практичныя руки предпринимателя заставятъ его производить что-либо полезное для мореплавателя.

Фауна Перима еще бѣднѣе его флоры. Я видѣлъ лишь небольшую стаю полу-ручныхъ антилопъ, привезенныхъ англичанами, саранчу и нѣсколько стрекозъ. На скалахъ виднѣлись раковины устрицъ. Только въ водахъ шмыгали очень красивыя рыбы изъ породы, напоминающей нашихъ стерлядей по формѣ носа, но съ голубыми хвостами и плавниками. Онѣ, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ офицеровъ, дѣятельно охотились на маленькихъ рыбокъ величиною съ сардинку, окружая кольцомъ ихъ стаю и поочередно врѣзываясь въ середину стаи съ цѣлью похитить одну изъ рыбешекъ, лишенныхъ возможности разсѣяться въ стороны отъ сильнаго врага.

Къ вечеру «Москва» покинула мертвенные берега острова Перима, берега, гдѣ, несмотря на то, что солнце накаляетъ почву на 70°, и воздухъ такъ-же жарокъ, какъ и въ Сахарѣ—обширный заводъ готовить цѣлые пуды льда, долженствующаго прохлаждать пловцовъ подъ экваторіальными широтами Индѣйскаго океана. Мы покидали Красное море, этотъ узкій рвообразный провалъ въ участкѣ земной коры между Африкой и Аравіей, нѣкогда составлявшихъ одно цѣлое, покидали съ тѣмъ, чтобы вступить въ открытое море съ его вѣтрами и теченіями, приблизиться къ мысу Гвардафуй, недалеко отъ котораго погибла тезка нашего судна.

Эти теченія у береговъ Африки заслуживаютъ большаго изслѣдованія, проливая много свѣта на сущность морскихъ теченій вообще. Здѣсь, конечно, не умѣстно развивать детали этого вопроса, но я не могу не обра-

титъ вниманія на общій характеръ водныхъ и воздушныхъ теченій этой части Индѣйскаго океана.

Выйдя изъ Бабъ-эль-мандебскаго пролива и Аравійскаго залива, пароходъ вступаетъ въ область муссоновъ Индѣйскаго океана, въ область правильно смѣняющихся вѣтровъ, которые съ апрѣля по сентябрь дуютъ съ постоянно возрастающею силою съ юго-запада на сѣверовостокъ. Воздухъ стремится въ области слабаго давленія, образующіяся надъ материкомъ Азіи, какъ слѣдствіе нагрѣванія этого послѣдняго. Наоборотъ, позднюю осень и зиму дуютъ вѣтры обратныхъ румбовъ, т. е. съ сѣверовостока на юго-западъ.

Эта правильная смѣна вѣтровъ, обладающихъ способностью гнать передъ собою воду, связываетъ и соотвѣтствующія теченія. При лѣтнемъ муссонѣ, воды стремятся отъ береговъ Африки къ берегамъ Индіи, и при этомъ теченіе достигаетъ значительной быстроты,—6 узловъ въ часъ. Это теченіе отвлекаетъ отъ береговъ Африки массу воды; недостатокъ ея, пополняемый изъ холодныхъ глубинъ, имѣетъ слѣдствіемъ сильное пониженіе температуры у береговъ Африки и потокъ воды изъ Краснаго моря, выражающійся теченіемъ изъ Бабъ-эль-Мандеба густой, самой соленой изъ всѣхъ морскихъ водъ—воды Краснаго моря.

Напротивъ, зимою, когда дуетъ сѣверовосточный муссонъ, теченіе поворачиваетъ, воды Индіи гонятся къ берегамъ Африки, и вглубь Краснаго моря устанавливается обратный токъ. Въ періодъ смѣны муссона здѣсь смѣняются и направленія водъ, и это-то отсутствіе правильности и непріятно для плаваній у береговъ. Нужно замѣтить, что муссоны далеко не аккуратны во времени своего наступленія. Такъ на примѣръ, теперь, весною, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, мы еще не чувствовали и слѣда юго-западнаго муссона. Слабые слѣды сѣверовосточнаго сопровождали судно, и лишь по минованіи Цейлона, т. е.

къ началу мая, юго-западный муссонъ сталъ замѣтенъ, какъ сильно и ровно дующій постоянный вѣтеръ.

Съ момента вступленія въ Индѣйскій океанъ для пассажировъ начинается періодъ тоски и скуки. Влажная жара день-ото-дня все болѣе и болѣе разслабляетъ организмъ. Море, каждый день одинаково голубое, одинаково волнующееся, мѣрно покачиваетъ пароходъ. Въ каютахъ дѣлается нестерпимая жара. Малѣйшее движеніе вызываетъ усиленную испарину. Сонъ, даже на палубѣ, гдѣ продувается вѣтромъ, дѣлается беспокойнымъ; въ каютахъ даже при самомъ легкомъ одѣяніи онъ почти невозможенъ. Люди ходятъ какъ разваренные; голова отказывается работать, чувствуется общая негодность организма, не испытываемая у насъ въ степяхъ даже во время самой страшной жары. Небо теряетъ свою ясность, покрываясь рѣдкими неопредѣленной формы облаками. Это небо, несмотря на тропическія широты, здѣсь блѣдное и безцвѣтное,—сѣроголубое. Яркая синева индѣйскаго неба, изображаемая на картинахъ Верещагина, не существуетъ въ тропическихъ моряхъ Азіи, какъ и вообще подъ экваторомъ. Развалившись въ широкихъ соломенныхъ, пріобрѣтенныхъ въ Портъ-Саидъ креслахъ, лѣниво лежатъ пассажиры, соперничая въ своемъ далеко не *dolce far niente* съ лѣнивѣйшими изъ итальянскихъ *lazzarone*.

Такъ утомительно однообразно тянутся пять дней плаванія по Индѣйскому океану. Какъ событіе, привѣтствуете вы свѣтъ Минскойскаго маяка, а когда завиднѣется на горизонтѣ островъ Цейлонъ, то вы его встрѣчаете съ радостью, подобною той, съ какою открыли новый свѣтъ спутники Колумба.

Еще тогда, когда берегъ острова виднѣется на горизонтѣ темно-сѣрою чертою, почти совершенно скрываясь въ волнахъ, вокругъ парохода начинаютъ сновать узкія, выдолбленные изъ дерева лодочки туземцевъ съ громадными розовыми четырехъугольными парусами, въ десятки разъ шириною своею превосходящими площадь лодки. Ма-

лѣйшій порывъ вѣтра навѣрное опрокинулъ-бы моментально эти утлыя скорлупки, еслибы въ видѣ противовѣса къ нимъ, параллельно съ ходомъ судна, не было прикрѣплено плывущее бревно. При такой конструкціи лодочки двигаются съ громадною быстротою.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ берегу, на немъ отчетливо вырисовывались зданія Коломбо и темные пальмовые лѣса, раскинувшіеся справа и слѣва по берегу. Еще четверть часа, и мы стояли подъ защитою длиннаго мола, выстроеннаго для огражденія гавани отъ гонимыхъ муссономъ океаническихъ волнъ. Прибой этихъ волнъ во время разгара лѣтняго муссона громаденъ. Высота прибойныхъ волнъ достигаетъ нѣсколькихъ сажень, и въ это время, говорятъ, гавань очень эффектна.

Я воспользовался остановкою парохода, чтобы сдѣлать небольшую экскурсію внутрь острова. Но такъ-какъ впоследствии мнѣ пришлось провести на Цейлонѣ гораздо болѣе времени и получить о природѣ его впечатлѣніе болѣе вѣрное, чѣмъ эти первыя впечатлѣнія пріѣзжающихъ туристовъ, то я и поговорю объ этомъ островѣ впоследствии; теперь-же ограничусь ролью пассажира, оставшагося на суднѣ, и наблюдателя палубныхъ сценъ парохода. Эти сцены, принимая во вниманіе краткость остановки парохода, чуть-ли не интереснѣе, чѣмъ тѣ мимолетныя впечатлѣнія, которыя можно вынести съ берега.

Пароходы, особенно русскіе, въ азіатскихъ гаваняхъ обыкновенно сейчасъ-же послѣ остановки на якорѣ облѣпляются, какъ мухами, туземными лодочками, изъ которыхъ черезъ нѣсколько минутъ на палубу выползаютъ всевозможные торговцы, и кормовая часть судна превращается въ настоящій восточный базаръ. Каждый портъ выставляетъ свои продукты, торговцы кричатъ и надоедаютъ; объясняться съ ними приходится на настоящемъ волапюкѣ, состоящемъ изъ англо-русскихъ словъ и жестовъ. Первыми являются обыкновенно прачки и портные-туземцы. Первыя умудряются въ одни сутки весьма поря-

дочно выстирать цѣлые узлы бѣлья, сданнаго пассажирами, которымъ почему-то на пароходахъ или совсѣмъ отказываются стирать бѣлье, въ особенности крахмальное, или берутъ за стирку баснословныя цѣны. Въ столь-же короткій срокъ портные, особенно китайцы, шьютъ описанные нами выше бѣлья блузы и панталоны «тропическихъ костюмовъ». Затѣмъ на пароходъ являются пять или шесть торговцевъ драгоценными камнями. Александриты, сапфиры, довольно плохую бирюзу, обдѣланную и еще не шлифованную, равно какъ гранаты, рубины и нѣкоторые другіе самоцвѣтные камни вы найдете у нихъ въ изобиліи. Еще болѣе приходитъ торговцевъ съ шелковыми матеріями, съ готовымъ бѣльемъ плохого качества, съ металлическими индѣйскими издѣліями, съ бананами, ананасами и кокосовыми орѣхами, съ ручными зелеными попугаями, съ запонками изъ поддѣльнаго кошачьяго глаза и многими другими бездѣлушками. За ними слѣдомъ лѣзутъ на палубу индѣйскіе фокусники, столь прославленные за свою ловкость и чудеса фиглярскаго искусства. Явились и заклинатели змѣй. Какъ тѣ, такъ и другіе на мой взглядъ мало чѣмъ отличаются отъ фокусниковъ нашихъ странъ. Безспорно, ловкость ихъ поразительная. Смуглое тѣло индѣйца обнажено по поясъ. Фокусы свои онъ производитъ въ толпѣ подъ открытымъ небомъ. А между тѣмъ большинство «чудесъ» нашихъ чародѣевъ они производятъ съ тѣмъ-же искусствомъ, что и у насъ, гдѣ рукава платья играютъ роль великихъ пособниковъ черной магіи. Но все-же ловкость ихъ въ разсказахъ и описаніяхъ преувеличена. Мнѣ неоднократно приходилось слышать разсказы о выращиваніи какою-то невидимою силою на глазахъ публики цѣлаго растенія изъ зерна, посаженнаго въ кучку земли. Въ бытность мою на Цейлонѣ я нѣсколько разъ видѣлъ этотъ фокусъ, и всякій разъ дѣло не обходилось безъ таинственнаго покрывала, на нѣсколько мгновеній скрывавшаго отъ взора публики грудку земли съ посаженнымъ зерномъ манговаго дерева, съ тѣмъ,

чтобы затѣмъ передъ взорами публики предстало молоденькое деревцо. Очевидно, что здѣсь дѣло только въ ловкости рукъ, подсовывающихъ это деревцо незамѣтно для глазъ подъ покрывало, а вовсе не въ чудодѣйственномъ ускореніи проростанія зерна. Точно также и заклинатели змѣй имѣли дѣло съ сильно заморенными очковыми змѣями, являясь жалкою пародіею на тѣхъ заклинателей, восторженные описанія которыхъ читаешь въ книгахъ.

Такъ или иначе, но пестрая толпа туземцевъ, гдѣ черные, какъ негры, выходцы изъ Индіи мѣшались съ бронзовыми сингалезами и тамилами и почти бѣлыми торговцами изъ Мадраса въ ихъ красивыхъ пестрыхъ чалмахъ, производитъ на суднѣ необыкновенное оживленіе, особенно пріятное послѣ долгой и однообразной жизни на морѣ.

Къ вечеру весь этотъ галдящій людъ помаленьку убрался домой. Наступила тишина, и въ ночной темнотѣ мы подняли якорь, чтобы пуститься вновь въ открытое море.

На другой день на горизонтѣ еще виднѣлись очертанія горъ острова, но на слѣдующій скрылись и они, и опять безбрежное море и небо, летающія рыбы и дельфины одни представлялись нашимъ взорамъ.

Плаваніе отъ Цейлона до Сингапура уже значительно тягостнѣе. Муссонъ дуетъ съ юго-запада съ возрастающей силой, является слабое волненіе, и судно мѣрно покачивается съ боку на бокъ. Жара и влажность воздуха усиливаются. Въ каютахъ оставленное въ чемоданахъ бѣлье покрывается плѣсенью. Несмотря на тропическіе костюмы, пассажиры обливаются потомъ и дѣлаются вялыми и необщительными; они часами лежатъ неподвижно въ креслахъ. Небо покрывается разорванными неясныхъ очертаній облаками. Ночью не видно звѣздъ, днемъ сѣренькое небо напоминаетъ петербургскую осень. Пропадаетъ способность что-либо дѣлать, и тщетная надежда убить время сномъ смѣняется тупою апатіей.

Не лучше переносили эту жару и переселенцы. Я уже говорилъ, что ихъ ѣхало съ нами болѣе 600 душъ. Крестьяне позабирали съ собой все, что могли: женъ, множество малолѣтнихъ дѣтей, стариковъ, всевозможное тряпье, а кто даже улыи съ пчелами, въ надеждѣ перевезти ихъ въ Уссурійскій край и положить начало пчеловодству. Мнѣ второй разъ здѣсь пришлось видѣть нашихъ переселяющихся крестьянъ. Десять лѣтъ тому назадъ я ѣхалъ съ такою-же странствующею деревнею по Иртышу, видѣлъ ту-же картину ищущаго себѣ приволья народа. Но Боже, какая разница между тѣмъ и этимъ!

Тамъ уходило въ Сибирь несчастное, стѣсненное малоземельемъ и невозможными условіями жизни земледѣльческое населеніе Рязанской губерніи. Пахари, не знающіе ничего, кромѣ своихъ полей, наслышавшись о сибирскомъ Эльдorado, рѣшились покинуть свое родное гнѣздо. Они шли, не зная ясно, что ихъ ожидаетъ впереди. Они знали только то, что худшей жизни, чѣмъ какую они вели до сихъ поръ, не будетъ. Въ пути они съ жадностью присматривались къ каждой мѣстности, прислушивались къ каждому разсказу. Знали они одно: что прибывъ въ какое-то Томское, они должны будутъ на лошадяхъ ѣхать въ Бейское (Бійскъ), и что за этимъ Бейскимъ и будетъ та обѣтованная земля, въ которой ихъ должно устроить начальство, и которое они въ свою очередь должны надуть, захвативъ или самолично, или подкупивъ землемѣра, сколь возможно больше земли, такъ-какъ земля въ Сибири недѣленная, паши и бери сколько хочешь, и что хотя и говорятъ, что будетъ по 15 десят. на душу, но что можно захватить и больше. Земля въ Сибири родитъ всякій хлѣбъ, есть лѣсъ, никто его не запрещаетъ, какъ въ Россіи, рубить, брать грибы и ягоды. Это приволье кажется сказочнымъ бѣдняку, сидѣвшему на надѣлѣ въ 7 кв. саж. на душу, и гдѣ буквально, по толстовскому выраженію, некуда было выпустить курицу.

Совсѣмъ, совсѣмъ иную картину представляли эти

южно-русскіе переселенцы. Ихъ гнала не столько нужда, сколько сознаніе того оскудѣнія, которое грозитъ въ ближайшемъ будущемъ южно-русскому селянину, когда арендная плата растетъ не по днямъ, а по часамъ, когда цѣны на землю, быстро поднятыя нѣмецкими колонистами, этими мирными завоевателями края, стали такъ высоки, что не входящій въ нужды народа крестьянскій банкъ не можетъ уже помочь противъ конкуренціи иноземцевъ. Сельскіе надѣлы при быстромъ ростѣ поселенія сильно уменьшились. Логично было искать того «вольнаго степу», котораго не стало уже на родинѣ. Но здѣсь это движеніе—движеніе осмысленное; путемъ переписки переселенецъ узналъ до послѣднихъ деталей всѣ условія жизни въ новомъ краю.

Бесѣдуя съ этимъ народомъ во время однообразныхъ переходовъ по безбрежному океану, я былъ пораженъ не только запасомъ свѣдѣній, у нихъ имѣющихся, касательно условій быта въ новомъ краю, но и тѣми планами, которые они въ немъ строили. Путемъ переписки съ земляками, тамъ поселившимися, они не только знали, какая обстановка ихъ ожидаетъ, каковы условія новой культуры, какіе урожаи даетъ земля и что она можетъ производить, но они характеризовали мнѣ климатъ новаго края гораздо нагляднѣе и лучше, чѣмъ то можно-бы сдѣлать по имѣющимся въ литературѣ даннымъ; они высчитали мнѣ преимущества новаго края предъ Томскою губерніею, о которой у нихъ имѣлись весьма опредѣленные и удовлетворительныя свѣдѣнія. Они указали мнѣ на значеніе будущей сибирской дороги, задавали вопросы о томъ, возможно-ли будетъ получить во Владивостокѣ земледѣльческія машины, и если нѣтъ, то можно-ли ихъ выписать изъ Америки и откуда выгоднѣе, изъ Америки или черезъ Одессу. Мнѣ за этими разговорами невольно припомнились засѣданія нашего харьковскаго кружка по изданію книгъ для народа, гдѣ мнѣ пришлось участвовать въ разборѣ нѣсколькихъ книжекъ, составленныхъ для переселенцевъ, о Сибири и условіяхъ

переселенія. Мнѣ припомнились эти книжки, составительницы которыхъ, добросовѣстно собравъ скудные матеріалы по этому вопросу, составили весьма обстоятельный очеркъ Южно-Уссурійскаго края, популярно написанный, но серьезный и дѣловой. Вспомнились мнѣ и возраженія противъ этихъ очерковъ. Многіе находили ихъ слишкомъ дѣловыми, сухими для народа. Не знаю, кого имѣли въ виду возражавшіе, но переселенцы на бортѣ «Москва» (я беру, конечно, болѣе толковыхъ изъ нихъ) врядъ-ли нашли-бы много для себя новаго въ этихъ изданіяхъ, а еслибы чего отъ нихъ и потребовали, то бѣльшаго числа фактовъ, бѣльшихъ деталей описанія, чего, увы, не можетъ дать интеллигентъ изъ имѣющагося въ его распоряженіи запаса свѣдѣній.

При всемъ томъ, однако, это населеніе было то-же самое грязное южно-русское крестьянство, непріятно послѣ сѣверянъ поражающее какъ неопрятностью своего костюма, такъ и индифферентизмомъ.

Наше плаваніе было сравнительно необыкновенно удачно. Насъ не преслѣдовала ни качка въ Индѣйскомъ океанѣ, ни особенная жара въ Красномъ морѣ. Мы не знали ни бури, ни проливныхъ дождей. Поэтому, несмотря на скученность пассажировъ, на массу дѣтей, грудныхъ и новорожденныхъ, у насъ былъ ничтожный процентъ умершихъ. Не то бывало, какъ мнѣ рассказывали, въ другихъ плаваніяхъ, когда нестерпимая жара и качка измучивали пассажировъ. Дѣти умирали десятками и, что замѣчательно, никогда родители не проявляли такого равнодушія къ ихъ смерти, какъ въ этомъ пути. Неохотно давали они ихъ лечить, не рады бывали ихъ выздоровленію.—«Все равно умереть», часто слышался ихъ отзывъ о заболѣвшемъ.

Между тѣмъ, несмотря на большую тѣсноту, вентиляція въ помѣщеніяхъ III класса прекрасная. Столъ, хотя и надоѣдающій подъ-конецъ переселенцу своимъ однообразіемъ, весьма сносный, какой дома могутъ имѣть лишь

наиболѣе зажиточные. Проводя большую часть дня на палубѣ, имѣя возможность постоянно окачиваться водою и мыть свое бѣлье, эта масса живыхъ тѣлъ, сплошь покрывавшая переднюю часть парохода, все-же оставалась и грязно одѣтою, и зловонною, какъ въ пыльной обстановкѣ степей, и лишь въ воскресенье можно было видѣть кое на комъ чистыя рубахи. Изводимые бездѣльемъ, продолжавшимся цѣлый мѣсяцъ съ лишнимъ, не имѣя возможности свободно двигаться по палубѣ, они или предавались *dolce far niente*, часами лежа на боку, или проводили время въ самой энергичной карточной игрѣ, конецъ которой могли положить или ночь, или нестерпимый жаръ, заставлявшій всю массу игроковъ здѣсь-же на палубѣ отдаваться въ объятія Морфея. Глядя на эти многочисленные кружки съ утра до вечера энергично состязающихся въ «фильку» и въ дурачки крестьянъ, молодыхъ и старыхъ, изъ коихъ многіе не выпускали изъ рукъ картъ отъ самой Одессы и до Владивостока, съ грустью приходишь къ заключенію, что не одинъ только интеллигентный кругъ нашего общества зараженъ этою страстью къ картамъ, мѣшающимъ употреблять свои досуги на что-либо болѣе полезное для ума, здоровья и для семьи. Впрочемъ, переселенцы только отчасти были виновны въ этомъ: они сами тяготились бездѣльемъ; кромѣ картъ и энтомологическихъ экскурсій, для которыхъ богатымъ полемъ служили имъ грязныя рубахи и головы, имъ было абсолютно нечего дѣлать. Кто имѣлъ бичевки, тотъ плелъ сѣти; имѣвшіе книги—читали, но таковыхъ было немного. Между тѣмъ хорошая народная библіотека, содержащая на пароходѣ, принесла-бы здѣсь большую пользу. Бдущій народъ не чуждъ любознательности. Книжка и читается, и слушается охотно. Грамотныхъ между переселенцами не мало. За полуторамѣсячный путь они могли-бы узнать много полезнаго. Къ сожалѣнію, неустройствомъ библіотекъ страдаютъ не одни наши, но и иностранные пароходы. Не говоря о низшихъ классахъ, и въ I классѣ на-

ходишь обыкновенно лишь избитыя беллетристическія произведенія, и ничего о странахъ, мимо которыхъ ѣдешь.

Нѣкоторые изъ переселенцевъ, какъ я упоминалъ выше, везли съ собою въ новый край пчелъ. Несмотря на старанія и заботы, около половины ульевъ погибло, но часть дошла благополучно до Владивостока, и дастъ Богъ, положитъ начало крестьянскому пчеловодству въ этомъ краѣ.

Сингапуръ, въ которомъ мы останавливались всего на сутки послѣ 7-дневнаго плаванія, можно было осмотрѣть столь-же спѣшно и поверхностно, какъ и Коломбо. Подобно послѣднему, на возвратномъ пути я могъ ему посвятить значительно болѣе времени, почему я ограничусь здѣсь лишь замѣчаніемъ, что какъ и на Цейлонѣ главнымъ развлеченіемъ пассажировъ были опять-таки торговцы: малайцы, полунагіе какъ сомали въ Паримѣ, окружали на утлыхъ, выдолбленныхъ изъ цѣльнаго куска дерева челнокахъ парходъ, ныряя и ловя въ водѣ брошенные имъ деньги. Товары открывавшагося на палубѣ базара были, однако, уже другіе. Здѣсь намъ навязывали изящныя рѣзныя изъ душистаго канфарнаго дерева шкапулки; богатый выборъ попугаевъ—бѣлыхъ какаду, пестрыхъ, красныхъ лори и зеленыхъ попокъ—соблазнялъ многихъ. За долларъ можно было купить цѣлую лодку разнообразныхъ коралловъ и росписныхъ, крупныхъ раковинъ изъ тропическихъ морей. Шелковыя матеріи и тропическіе фрукты также выставались въ изобиліи. За долларъ навязывали маленькихъ ручныхъ обезьянокъ.

И опять послѣ крика и шума, послѣ мимолетнаго впечатлѣнія обѣда у консула въ чудной тропической обстановкѣ,—безконечный просторъ жаркаго синяго, въ наше плаваніе спокойнаго какъ налитая ртуть Китайскаго моря. Опять девять дней постоянного лежанія въ распаренномъ состояніи на соломенныхъ кушеткахъ, когда разслабленное тѣло отказывается воспринимать ощущенія, когда пассажиръ только и ждетъ единственнаго развлеченія:

завтрака или обѣда—съ нетерпѣніемъ, непонятнымъ для жителя суши. Впрочемъ, еще одно развлеченіе—это «газета». Послѣ полудня, то-есть времени, когда производится опредѣленіе широты и долготы, намъ вывѣшиваютъ доску, на которой обозначено, что мы находимся подъ такимъ-то градусомъ широты и такимъ-то долготы и что за прошедшій день сдѣлано столько-то узловъ и столько-то остается.

Тема для разговоровъ исчерпана. Говорить не хочется, нервы у всѣхъ разстроены. Счастье еще, что у насъ хорошій составъ пассажировъ; иначе, какъ то не разъ бывало въ другіе рейсы, завелись-бы сплетни и ссоры.

Ночь даетъ мало отдохновенія. Какъ и днемъ, вѣтеръ, даже если онъ и сильный, производитъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, что у насъ. Онъ какой-то нѣжный, бархатистый, ласкающій. Онъ васъ не прохлаждаетъ, не даетъ отдохновенія послѣ дневного жара—и только легкое платье и воздушная соломенная кушетка, на которой вы спите и ночью одѣтымъ (ибо ютъ—это общая спальня, гдѣ спятъ и дамы и мужчины), только кушетка избавляетъ васъ отъ испарины. Скука одолеваетъ смертная. Многіе даже изъ тѣхъ, кто на костяхъ своихъ испыталъ прелести сибирскаго тракта, начинаютъ жалѣть, что они не избрали послѣдній *.

Но вотъ, наконецъ, мы вышли изъ Формозскаго пролива. Пахнулъ холодный, рѣзкій, грубый, какъ сѣверный, вѣтеръ. Началась качка, давно невиданные туманы и дождь. Мы—въ Сѣверномъ Китайскомъ морѣ, гдѣ встрѣчаются теплое теченіе Куросиво съ холодною водою изъ Японскаго моря, гдѣ постоянно толчея и катавасія, и въ морѣ и въ атмосферѣ. Но скоро мы увидимъ Японію—и я достигну конечной цѣли моего плаванія.

* Нѣкоторымъ развлеченіемъ въ пути были составлявшіяся по вечерамъ, на ютѣ, передъ чаемъ научныя бесѣды. Я съ удовольствіемъ вспоминаю о той аудиторіи «Москвы», которая принимала въ нихъ участіе.

II.

Прибытіе въ Японію.—Нагасаки.—Общее впечатлѣніе города: театръ, гостинница, японскій обѣдъ.—Деревня Иноса.

11-го мая, послѣ нѣсколькихъ непріятныхъ дней плаванія по Китайскому морю, мы наконецъ увидѣли сушу. Когда этою радостною вѣстью меня разбудили въ моей каютѣ и я вышелъ на ютъ, передъ моими глазами справа и слѣва вырисовывались свѣжія, зеленныя, какъ мохомъ или бархатомъ одѣтыя скалы островковъ, точно насыпанныхъ на зеленоватую поверхность моря. То былъ входъ въ длинную, узкую, нѣсколько напоминающую фіордъ, бухту Нагасаки.

Самаго города не было видно. Нужно было пройти рядъ островковъ и мысовъ, сдѣлать рядъ поворотовъ, чтобы достигнуть его, прячущагося въ глубинѣ залива, въ каймѣ веселыхъ зеленыхъ горъ.

Этотъ путь, продолжавшійся болѣе часу, былъ весьма интересенъ. Чѣмъ далѣе входили мы въ бухту, тѣмъ яснѣе вырисовывались детали ея береговъ и острововъ. Мы видѣли передъ собою то одиночныя, круто обрывающіяся въ море скалы, усаженные сверху до низу причудливо раскинувшими свои вѣтви соснами, то выдѣлялись передъ нами склоны берега, съ пріютившимися у ихъ подножія деревеньками, исполосованные по всѣмъ направленіямъ

желтыми нивами зрѣющаго хлѣба, рѣзко выдѣлявшимися на изумрудно-зеленыхъ скатахъ. Глазъ, утомленный однообразіемъ моря, не хотѣлъ оторваться отъ этихъ живописныхъ, безконечно разнообразныхъ очертаній, и мы не замѣтили, какъ передъ нашими глазами развернулась панорама сѣрыхъ крышъ города и какъ былъ отданъ приказъ бросить якоря. Мы очутились на рейдѣ, окруженные французскими, англійскими, американскими, нѣмецкими и японскими судами, то салютовавшими намъ при нашемъ проходѣ обычными сигналами, то пропускавшими мимо безъ всякаго вниманія. Быстро, какъ оводы окружаютъ лошадь, обсыпали насъ со всѣхъ сторонъ японскія шлюпки съ полунагими бронзовыми гребцами, а черезъ нѣсколько минутъ на палубѣ «Москвы» показались и самые ихъ пассажиры, маленькіе, проворные и живые японцы, въ европейскихъ костюмахъ и «котелкахъ», обстриженные по послѣдней французской модѣ, или одѣтые еще въ національные, напоминающіе киргизскіе халаты, керимоны.

Какая глубокая разница—нагасакскій рейдъ теперь и какихъ-нибудь двадцать лѣтъ назадъ, когда его описывалъ Гончаровъ! Тогда эти горы были пустынные, виды залива нсоживлены, на пришельцевъ изъ Европы смотрѣли недовѣрчиво, неохотно вступая съ ними въ сношенія. Теперь куда ни взглянешь—все кишитъ народомъ; надъ бѣлѣющими по берегамъ зданіями развѣваются флаги консульствъ всѣхъ европейскихъ государствъ; множество иностранныхъ кораблей назначаютъ другъ-другу rendez-vous въ нѣкогда пустынномъ рейдѣ, а между флагами, развѣвающимися надъ этимъ лѣсомъ мачтъ, не малое количество, и притомъ флаговъ, украшающихъ лучшія суда, представляютъ красный кругъ на бѣломъ фонѣ—символъ страны восходящаго солнца, столь недавно замкнутой для всего европейскаго Японіи. Само населеніе лѣзетъ къ вамъ, не спросясь, на судно. Съ изумленіемъ слышите вы отъ этихъ чуждыхъ вамъ и по внѣшности, и по манерамъ людей звуки родного языка, и притомъ фразы, произносимыя гораздо

правильнѣе, чѣмъ многими иностранцами, проживающими въ Россіи.

Большая часть этихъ говорящихъ по-русски посѣтителей—торговцы. Они явились къ намъ со своими карточками, напечатанными на японскомъ и на русскомъ языкахъ, съ адресами ихъ магазиновъ и съ перечнемъ товаровъ и издѣлій. Какъ и въ другихъ портахъ, палуба немедленно преобразилась въ базаръ. Я, однако, поспѣшилъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими пассажирами, съѣхать на берегъ, чтобы направиться въ отель «Belle-vue», вывѣску котораго можно было видѣть уже съ парохода. Въ нѣсколько минутъ лодочникъ доставилъ меня на берегъ, и я, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ ѣхавшихъ въ Японію пассажировъ, очутился на выложенной камнемъ набережной, представлявшей узкую, хорошо шоссированную улицу. У пристани расхаживалъ маленькаго роста съ монгольской фizioноміей полицейскій, одѣтый въ костюмъ офицеровъ голландскихъ пароходовъ и съ палкой англійскаго полисмена.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ гостинницѣ. За 3 доллара въ сутки вы здѣсь, какъ и вездѣ на Востокѣ, имѣете чистую комнату съ хорошимъ столомъ, чудными видами на рейдъ и можете изъясняться съ хозяйкою по-французски, съ главнымъ слугою по-англійски и съ остальною прислугою, если не знаете по-японски,—на какомъ угодно нарѣчій или волапюкѣ, получая одинаковое yes, sir, или all right и оставаясь одинаково непонятымъ.

Отсюда я и началъ мой осмотръ японскаго города. «Деревня», по выраженію жителей большихъ городовъ Японіи, открытая для торговли съ европейцами, Нагасаки видитъ постоянно на своемъ рейдѣ десятки иностранныхъ судовъ—военныхъ и торговыхъ. Закупая массу туземныхъ произведеній, предлагая взамѣнъ ихъ свои, суда эти быстро подняли торговлю Нагасаки и привели его въ цвѣтущее состояніе.

Европейцамъ была уступлена небольшая территорія,

на которой выросъ европейскій кварталъ, гдѣ, по договору, не могутъ имѣть постоянного жительства туземцы. Китайцы (эти, какъ ихъ зовутъ японцы, «государственные тараканы»), появились немедленно вслѣдъ за торговыми судами, и параллельно съ европейскимъ въ Нагасаки выросъ и китайскій кварталъ города. И европейцы, и китайцы, вступивъ въ тѣсное соприкосновеніе съ японцами, заставили этихъ послѣднихъ выучиться многому. Они изучили иностранные языки, вкусы заморскихъ гостей и приурочили къ нимъ и торговлю и выборъ товаровъ. Но свою жизнь и обычаи здѣсь они измѣнили менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, почему и до сихъ поръ прогулка по Нагасаки можетъ дать весьма точное представленіе объ основныхъ чертахъ жизни японскаго города. Потому съ него мы и начнемъ описаніе путешествія по Японіи.

Чтобы попасть изъ гостиницы въ японскій городъ, вы должны проѣхать большую часть европейскаго квартала. Это нѣсколько улицъ, гдѣ дома выстроены въ европейскомъ стилѣ: лазаретъ, казарменные зданія и склады, пріютившіеся на берегу, да столь-же незначительное количество домовъ-дачъ, тонущихъ въ зелени садовъ на крутыхъ скатахъ берега. Обиліе флаговъ различныхъ національностей, развѣвающихся надъ этими домиками, свидѣтельствуешь, что большая часть ихъ заняты консулами. Тутъ, подъ сѣнью банановъ и пальмъ, среди роскошныхъ саговиковъ, стволы которыхъ превышаютъ человѣческій ростъ, наслаждаясь цвѣтами камелій и померанцами, въ обстановкѣ, передъ которой блѣднѣетъ роскошная флора лучшихъ итальянскихъ виллъ, живутъ эти счастливцы, которыхъ закинули служебныя обязанности въ здѣшній земной рай. Какъ хороша эта обстановка, пойметъ тотъ, кто видалъ и восхищался островами итальянскихъ озеръ Швейцаріи. Та-же природа, но несравненно болѣе пышная и гораздо менѣе искусственная, окружаетъ здѣсь балконы европейца. Обстановка, какъ извѣстно, стоившая милліоны обладателю Барромейскихъ острововъ, стоитъ

имъ самыхъ пустяковъ. Китайскій кварталъ, слѣдующій за европейскимъ, мало интересенъ: это—средняя пропорціональная между чисто европейскимъ и японскимъ городомъ. Поженившіеся по большей части на японкахъ, китайцы въ обстановкѣ усвоили много японскаго, и только ихъ костюмы да длинныя косы выдѣляютъ ихъ изъ массы населенія.

Совершенно иное встрѣчаетъ васъ, какъ-только вы вступите въ японскій кварталъ — въ собственный городъ Нагасаки. Здѣсь васъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ новая, совершенно чуждая культура. Если есть на свѣтѣ царство лилипутовъ, то это, конечно, островъ Кіу-Сіу въ Японіи. При среднемъ ростѣ жителя Кіу-Сіу, едва хватающаго по плечи обыкновенной высоты европейцу, рѣшительно вся его обстановка согласована съ этими миніатюрными размѣрами. Вы въѣзжаете въ улицы, чистенькія, шоссированныя, но настолько узкія, что на нихъ не разѣдутся два европейскихъ экипажа. Но эта узость не бросается въ глаза, какъ въ странахъ нѣмецкихъ, въ итальянскихъ и тѣмъ болѣе китайскихъ городахъ. Она согласуется съ величиною зданій — хотя и 2-хъ-этажныхъ, но столь маленькихъ, что они кажутся одно-этажными. На этихъ улицахъ нѣтъ обычнаго движенія лошадей и нашихъ экипажей. Увидѣть лошадь на японской улицѣ случается какъ рѣдкость, какъ исключеніе. Кто не ходитъ пѣшкомъ, тотъ пользуется джинрикшей, и эти маленькія 2-хъ-колесныя колясочки, рассчитанныя на одного человѣка и везомыя человѣкомъ-же, одѣтымъ въ установленное синее платье съ буквами и въ круглой шляпѣ,—столь-же обыкновенны на улицахъ Нагасаки, какъ извозчики на улицахъ Москвы или Петербурга. За какія-нибудь 10—15 центовъ, пытая и обливаясь потомъ, черезъ весь городъ бѣгомъ везетъ васъ этотъ «джинрикша», крикомъ заставляя передъ собою, какъ передъ извозничьею лошадью, разступаться народъ. Совѣстно какъ-то дѣлается непривычному европейцу ѣхать на себѣ по-

добномъ, торопясь скорѣе достигнуть цѣли, и невольно прибавляетъ онъ, особливо если это русскій чело-вѣкъ, лишніе 10—15 центовъ безконечно благодарному, непривыкшему къ такимъ щедрымъ «чаямъ» бѣдняку. Та-кимъ путемъ европейцы избаловали и испортили нагасак-скихъ джинрикшей. Они, какъ итальянскіе чичероне, на-вязываютъ услуги новичку и уже сами запрашиваютъ двойныя и тройныя цѣны. Но внутри острова дешевизна ѣзды на людяхъ просто невѣроятная. За рубль (75 цен-товъ) 6—7 часовъ подрядъ они везутъ васъ по неров-ной крутой дорогѣ, не зная, что значитъ прибавка на чай, благодарные, если вы слѣзете съ экипажа при кру-томъ подъемѣ (любезность, которую вы оказали-бы и для лошади), и если вы не заставляете его бѣжать скорымъ бѣгомъ весь путь. Только въ странѣ, гдѣ лошадь и вьюч-ный скотъ за недостаткомъ пастбищъ—дорогая роскошь, возможенъ подобный способъ передвиженія и заработка. А между тѣмъ японцы къ нему настолько привыкли, что нисколько не стѣсняясь садятся по-двое на извоз-чика или набираютъ съ собою въ его колясочку различ-ныхъ тяжелыхъ вещей. Особенно это практикуется жен-щинами. Впрочемъ, надо отдать справедливость—маленькія, легенькія японки, даже по-двое сидящія на одной джин-рикшѣ, никогда не производятъ такого непріятнаго впе-чатлѣнія, какъ здоровый европейскій матросъ или толстая англійская миссъ, едва вмѣщающіеся въ маленькую коля-сочку, когда ихъ, выбившись изъ силъ, тащитъ запряжен-ный въ оглобли джинрикша. Я всегда удивлялся выно-сливости этихъ людей-лошадей. Какъ и наши лихачи, послѣ долгой ѣзды по окрестностямъ, попавъ на главную улицу города, они мчатъ васъ по ней во весь духъ, разгоняя народъ, въ надеждѣ получить въ награду отъ сѣдока нѣ-сколько лишнихъ центовъ.

Домики японцевъ такъ-же миниатюрны, какъ и они сами. Это двухъ-этажныя сѣрыя деревянныя постройки съ маленькими балконами, съ черепичатою крышею сѣраго

цвѣта съ бѣлою каймою. Дома эти собственно—деревянная клѣтка, на ножкахъ которой стоятъ стѣны изъ тонкой, смазанной глиною плетенки, вставленной въ промежутки между балками. Фундамента часто не бываетъ. Домъ стоитъ какъ-бы на ножкахъ, поддуваемый снизу. Особенно часты такія постройки въ деревняхъ и пригородахъ; въ домахъ болѣе богатыхъ стѣны деревянные; зданія-же оффиціальнаго характера по виду напоминаютъ европейскія дачи или бараки и построены изъ камня. Но громадное большинство домовъ въ Нагасаки и во всѣхъ видѣнныхъ мною городахъ и селахъ Кіу-Сіу носятъ одинъ и тотъ-же характеръ и отличаются болѣе внутренней отдѣлкой, чѣмъ внѣшнею архитектурою. Комната въ этихъ домахъ—понятіе чисто условное. Вы входите черезъ дверь въ узкія стѣны, обыкновенно съ глинянымъ поломъ. Здѣсь вы должны оставить вашу обувь, что для японца не составляетъ большого труда, такъ-какъ вся его обувь состоитъ изъ соломенной подошвы, которая держится на ногѣ съ помощью трехъ веревочекъ, соединенныхъ концами и прикрѣпленныхъ къ подошвѣ: средняя пришита къ носку, а двѣ боковыя—къ бокамъ подошвы; всовывая подошву между ними и вдѣвая среднюю веревку или ремень между большимъ и вторымъ пальцами ноги, японецъ совершенно плотно прикрѣпляетъ эту подошву къ ногѣ. Чтобы скинуть такую сандалію, достаточно одного момента. Тогда въ однихъ чулкахъ, сшитыхъ, какъ наши рукавицы, съ отдѣльнымъ помѣщеніемъ для большого пальца, японецъ входитъ въ свой домъ. Часто надѣвшіе сандаліи на босую ногу входятъ босикомъ—что въ Японіи не считается неприличнымъ. Стѣны отъ комнаты обыкновенно даже не отдѣляются стѣною. Но зато полъ комнаты возвышается надъ стѣнами на высоту обыкновеннаго порога, наподобіе театральнаго помоста, и плотно устланъ очень чистыми цыновками, изящно сплетенными изъ соломѣ одного вида ситника. Чистота такого пола даже въ бѣдномъ японскомъ домѣ не уступаетъ чистотѣ сидѣнья

на нашихъ соломенныхъ стульяхъ или диванахъ. Понятно, поэтому, что европеецъ, который, войдя въ японскій домъ въ сапогахъ, откажется снять ихъ у порога, въ глазахъ туземца явится такимъ-же невѣжею и варваромъ, какъ у насъ гость, который уляжется въ грязныхъ сапогахъ на диванъ или положить свои ноги на обитый хорошей матеріей стулъ. Число комнатъ нижняго этажа дома неопредѣленно; по желанію хозяина, онъ можетъ измѣнять число ихъ; по желанію,—такъ-какъ въ сущности, какъ нижній, такъ и верхній этажъ есть не что иное, какъ двѣ большія комнаты, снабженныя небольшими верандами, выходящими на улицу, и такими-же верандами, смотрящими во дворъ.

Эти большія комнаты какъ въ потолкѣ, такъ и въ полу имѣютъ пазы, въ которыхъ могутъ двигаться вставленные въ деревянные рамы картонные щиты, обыкновенно оклеенные обоями, состоящими или изъ длинныхъ полосокъ, исписанныхъ китайскими буквами (различнаго рода стихи и изрѣченія), или-же представляющихъ пейзажи и цвѣты обыкновенной японской обойной живописи. Съ помощью этихъ картонныхъ щитовъ вы можете какъ верхнюю, такъ и нижнюю залы превратить въ 2, 4, 6, а въ большихъ домахъ и въ большее число комнатъ. При весьма небольшомъ количествѣ мебели въ японскомъ обиходѣ, такія превращенія дѣлаются чуть не ежедневно. Утромъ у васъ нѣсколько спаленъ, умывальная и столовая; позже все это соединяется въ большую залу, которую вы можете опять раздѣлить на пріемную, дѣтскую и т. д.

Въ Нагасаки большая часть домовъ на главныхъ улицахъ въ нижнемъ этажѣ представляютъ магазины. Ими, какъ на базарѣ, сплошь заняты всѣ улицы. Въ этихъ магазинахъ нижняя комната совершенно открыта со стороны улицы и наподобіе комнатныхъ перегородокъ задвигается на ночь такими-же, но только деревянными щитами, или рѣшотчатыми рамами, обитыми масляной бумагой. Та-

кимъ образомъ, ѣдучи по улицѣ, вы увидите передъ собою все содержимое лавки, все ея убранство и ея прикащиковъ. Для новичка прогулка по улицѣ очень интересна, такъ-какъ въ настоящую минуту въ Нагасаки можно видѣть самую пеструю смѣсь европейскихъ, китайскихъ и японскихъ товаровъ. Всѣ предметы домашняго обихода японца у васъ здѣсь на-лицо. Всѣ предметы роскоши, издѣлія внутренней страны, съѣстные припасы, конфекты, обувь и готовое платье, все это одно за другимъ смѣняется передъ вашими глазами. То вы видите лавку съ фарфоромъ тѣхъ оригинальныхъ рисунковъ, на которые мы привыкли любоваться въ кабинетахъ рѣдкостей, то передъ вами цѣлый магазинъ японскихъ сандалій. Рядомъ вы можете купить готовые рубашки и европейскіе зонтики, столь успѣшно конкурирующие съ туземными круглыми и плоскими изъ провощенной бумаги. Тутъ часовой магазинъ съ женевскими издѣліями, и рядомъ продаются оригинальнѣйшей формы изъ масляной бумаги фонари. Европейскаго товара, однако, не менѣе, чѣмъ туземнаго, почему далеко не во всякой лавкѣ вы найдете для себя интересныя и новыя вещи.

Гдѣ нѣтъ лавокъ, внѣшнія выходящія на улицу части домовъ заняты кухнями и пріемными, тогда-какъ внутренняя часть дома, выходящая въ украшенный нерѣдко цвѣтами дворъ, есть, такъ-сказать, кабинетъ домохозяина, гдѣ онъ проводитъ свое время. Наверху, куда ведетъ деревянная, чисто игрушечная лѣстница, съ полированными, какъ у нашей хорошей мебели, ступеньками, помѣщаются спальни. Впрочемъ верхъ, какъ и низъ, можетъ быть раздѣленъ на комнаты произвольнымъ числомъ картонныхъ перегородокъ для самыхъ различныхъ назначеній. До сихъ поръ въ японскихъ домахъ нѣтъ еще стеколъ. Ихъ замѣняютъдвигающіяся въ такихъ-же пазахъ, какъ стѣны,—рамки, на которыя натянута полупрозрачная бумага. На ночь снаружи задвигаются наподобіе ставень еще деревянные щиты, съ помощью которыхъ

можно въ комнатѣ сдѣлать полную темноту. Все это движется въ пазахъ, какъ дверцы задвижныхъ шкафовъ.

Здѣсь замѣчательно отсутствіе характерныхъ для большинства азіатскихъ городовъ съѣстныхъ лавокъ и харчевенъ, заражающихъ воздухъ своими запахами. Многія лавки суть вмѣстѣ съ тѣмъ и мастерскія, гдѣ, какъ вездѣ на югѣ и востокѣ Азіи, передъ вашими глазами производятся и самыя работы; однако, въ Нагасаки нѣтъ и слѣда того смрада и вони, которые неизбѣжны въ другихъ азіатскихъ городахъ. Нѣтъ также крику, толкотни и пестроты костюмовъ. Масса народу одѣта еще въ національное платье. На фуфайку, надѣтую на тѣло, накидывается длинный керимонъ,—подобіе халата съ короткими рукавами о длинныхъ обшлагахъ, замѣняющихъ карманы. Эти керимоны скрываютъ наготу ногъ, такъ-какъ бѣльшею частью японцы не носятъ панталонъ и ограничиваются повязкою вокругъ бедеръ. Керимоны эти всѣ темнаго цвѣта. Издали они напоминаютъ древнія тоги, являясь весьма красивымъ костюмомъ, не имѣющимъ ничего азіатскаго; они перехвачены поясомъ, за которымъ виситъ футляръ для трубки и портъ-табакъ. Голова остается или непокрытою, или-же соломенная шляпа либо котелокъ европейскаго образца покрываютъ остриженную по-европейски голову. Костюмъ женщинъ весьма сходенъ съ мужскимъ. Ихъ халаты нѣсколько ярче, но покрой ихъ настолько сходенъ съ мужскимъ, что европейцы неоднократно смѣшили японцевъ, покупая по ошибкѣ женскіе костюмы и показываясь въ нихъ передъ народомъ. Но шелковый поясъ съ огромнымъ бантомъ назади, замѣняющимъ съ успѣхомъ турнюры европейскихъ дамъ, равно какъ красивая своеобразная прическа волосъ, позволяютъ уже издали отличить женщину отъ мужчины. Между мужчинами, однако, теперь уже очень многіе носятъ европейское платье, говоря по правдѣ, къ нимъ гораздо меньше идущее, чѣмъ красивый національный костюмъ. Женщины въ европейскомъ платьѣ попадаются крайне рѣдко: ихъ

осмѣиваютъ, и надо надѣяться, прекрасный полъ Японіи окажется умнѣе и практичнѣе своихъ европейскихъ сестеръ и не замѣнитъ своего здороваго для тѣла и такъ хорошо къ ихъ лицамъ идущаго національнаго костюма на нелѣпыя выдумки парижскихъ и лондонскихъ дамъ, стоящихъ вдесятеро дороже и уродующихъ станъ.

Вообще въ области одежды японцы, новѣйшая исторія которыхъ имѣетъ такъ много общихъ чертъ съ нашею, поступаютъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, далеко не такъ опрометчиво, какъ мы, русскіе. Въмѣсто того,—какъ это сдѣлала наша интеллигенція, и какъ къ тому теперь неудержимо стремится крестьянство,—чтобы смѣнить вѣками выработавшійся народный костюмъ на неудобные въ крестьянскомъ быту пиджаки, на не болѣе удобные для нашего интеллигента фраки, японцы рѣшили статистическимъ путемъ собрать свѣдѣнія, какой костюмъ, европейскій или японскій, красивѣе, удобнѣе, здоровѣе и дешевле для зимы и для лѣта, для мужчины и для женщины. Результатомъ сбора мнѣній получилось, что для женщинъ національный костюмъ во всѣхъ отношеніяхъ безусловно лучше; что же касается мужчинъ, то въ профессіяхъ, требующихъ движенія и особенно для зимняго времени—надо предпочесть костюмъ европейскій. Поэтому матросы, рабочіе, солдаты теперь уже носятъ чисто-европейское платье, точно такъ-же, какъ и японская интеллигенція. Въ деревнѣ-же и дома, предаваясь *honestum otium*, японецъ облачается въ костюмъ своихъ отцовъ. Жаль, что вытѣсненію красиваго національнаго костюма содѣйствуетъ еще и тотъ факторъ, который заставляетъ и нашего крестьянина, пришедшаго въ городъ и едва только нюхнувшего городской культуры, мѣнять свой удобный костюмъ на «спинжачную» пару. Причина этому та, что какъ-бы ни плоха была эта послѣдняя, въ ней онъ является если не чѣмъ-то вродѣ барина, то во всякомъ случаѣ человекомъ, которому не такъ удобно можетъ всякій встрѣчный говорить «ты» и третировать его *en sapeur*,

какъ это до сихъ поръ въ Россіи принято дѣлать съ одѣтымъ въ косоворотку или свитку крестьяниномъ. То-же и въ Японіи. Есть неуловимые оттѣнки въ цвѣтѣ, покроѣ и качествѣ керимоновъ, вѣками выработавшіеся и съ перваго взгляда позволяющіе отличить богатаго отъ тароватаго. Кромѣ того, дворяне японскіе носятъ накидки на керимонахъ—родъ легкихъ куртокъ съ гербами, показывающими ихъ происхожденіе. Всѣ эти отличія стушевываетъ европейскій костюмъ, давая носящему его въ глазахъ толпы тотъ ореолъ высшей культуры, какой даетъ спинжакъ мастеровому въ толпѣ «необразованной деревенщины».

Такъ или иначе, но теперь въ одеждѣ японской толпы царитъ та-же пестрота, что и въ магазинахъ, гдѣ японскіе зонтики китайскаго типа продаются вмѣстѣ съ европейскими, а соломенные сандалии и сандалии на деревянныхъ каблукахъ выставлены вмѣстѣ съ ботинками.

Даже самая вывѣски магазиновъ носятъ здѣсь переходный характеръ. Длинные высокія вывѣски съ китайскими іероглифами уступаютъ мало-по-малу надписямъ европейской транскрипціи; тамъ и сямъ, наконецъ, вы увидите вывѣску на англійскомъ и даже на русскомъ языкѣ. Но вывѣски иностранныя фигурируютъ только въ Нагасаки. Въ городахъ внутри острова вы не увидите *ни одной*. Японцы при всемъ своемъ увлеченіи Европою не дошли до такого самоуниженія и обезьянства, какое за всѣ мои путешествія я наблюдалъ только въ Россіи—это писать вывѣски для своихъ соотечественниковъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. «Иностранца изъ Москвы» въ Кіу-Сіу вы не найдете.

Нѣсколькихъ часовъ прогулки по улицамъ Нагасаки достаточно, чтобы присмотрѣться къ ихъ внѣшности, ознакомиться съ ихъ особенностями. Затѣмъ является желаніе видѣть какія-либо достопримѣчательности города. Къ сожалѣнію, ими онъ не богатъ. Храмъ Осуви да театръ, если въ немъ есть представленіе—вотъ единственно,

что можно осмотрѣть туристу, уже знакомому съ общимъ характеромъ японскихъ городовъ.

Храмъ Осуви, какъ и всѣ шинтусскіе храмы, видѣнные мною на Кіу-Сіу, красотою не отличается. Расположенный на высокой горѣ, онъ представляетъ изъ себя деревянное капище съ небольшими пристройками справа и слѣва, вродѣ часовенокъ, фонариковъ и колодезей. Нѣсколько картинъ, старыхъ и плохихъ, развѣшены въ портикѣ передъ капищемъ. Большаго вниманія заслуживаетъ громадная гранитная лѣстница, ведущая къ этому храму, и мѣдныя изваянія, изображающія коней и стоящія во дворѣ храма.

Посѣщеніе храма вполне доступно для иностранцевъ. Вообще японцы очень терпимый народъ. Меня не только охотно допускали во всѣ храмы, но внутри Кіу-Сіу я безъ труда могъ пріобрѣсти себѣ въ лавочкахъ, при самомъ храмѣ расположенныхъ, копіи тѣхъ идоловъ, въ честь которыхъ воздвигнуты были капища—изображенія, на которыя молятся у себя дома японцы. Но о храмахъ и религіи мы поговоримъ потомъ.

Гораздо интереснѣе, чѣмъ самый храмъ,—это роща изъ болѣе чѣмъ столѣтнихъ камфарныхъ деревьевъ, выросшая на вершинѣ горы, господствующей надъ храмомъ. Изъ этой рощи, сидя подъ сѣнью камелій и другихъ вѣчно-зеленыхъ деревъ и кустарниковъ, стволы которыхъ увиты массою ползучихъ растеній, можно любоваться единственной въ морѣ панорамой на длинный рейдъ Нагасаки. Развѣ только панорама Неаполя, открывающаяся изъ монастыря Камельдоли, можетъ соперничать съ нею.

Съ высоты вы созерцаете здѣсь и раскинувшійся подъ ногами городъ съ его бѣлыми домами и сѣрыми крышами, и зеленые холмы, его обрамляющіе; причудливыя группы сосенъ, раскинувшіяся тамъ и сямъ по скаламъ, хотя и не могутъ соперничать по элегантности кронъ съ пиніями, но онѣ такъ фантастично и причудливо изгибаются и разбрасываютъ во всѣ стороны свои вѣтви, что въ

красотѣ ландшафта играютъ не послѣднюю роль. Далѣе виллы европейцевъ, деревеньки, бамбуковыя рощи—все сливается въ зеленую рамку, окаймляющую воды длиннаго утопающаго въ дали горизонта залива; а тамъ позолоченные лучами солнца бѣлѣютъ паруса и бока множества большихъ и малыхъ судовъ, мачты фрегатовъ, корветовъ и торговыхъ судовъ, между которыми черными точками виднѣются японскія лодки, и наконецъ на горизонтѣ причудливо выступаютъ цѣлые архипелаги зеленыхъ островковъ. Этотъ пейзажъ былъ-бы однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ, оставилъ-бы за собою лучшія панорамы Италіи, еслибы вода залива имѣла голубизну, а небо синеву средиземно-морскихъ странъ. Но мутно-зеленоватыя воды рейда и блѣдное, отягощенное парами небо лишены цвѣтистости, и несмотря на сочность зелени, покрывающей склоны горъ, пейзажъ этотъ не можетъ дать того яркаго колорита, какимъ обладаютъ ландшафты европейскаго юга.

Японскій театръ расположенъ неподалеку отъ подножія горы, гдѣ стоитъ храмъ. Онъ теряется между зданіями, и его трудно отыскать безъ проводника или джинрикши. Это обширное двухъ-этажное зданіе, могущее вмѣстить массу народа. Устройство его сильно отличается какъ отъ европейскихъ, такъ и отъ китайскихъ театровъ. Партеръ, слегка покатый къ сценѣ, представляетъ изъ себя шахматную доску изъ барьеровъ, образующихъ квадратики, въ которые легко перешагнуть черезъ эти барьеры. Между ними кое-гдѣ есть небольшіе проходы. Полъ cadaго такого квадрата устланъ циновками и представляетъ какъ-бы ложу на 4 человѣка, свободно могущихъ усѣсться по-турецки и поставить между собою чайничекъ и конфеты—необходимые спутники японскаго театралла. Съ боковъ партера устроено два яруса ложъ. Боковыя ложи и ложи 2-го яруса, стоящія нѣсколько дороже, устроены такъ-же мало комфортабельно, какъ и клѣтки партера. Онѣ ничѣмъ не отдѣланы и напоминаютъ ложи нашихъ балагановъ. Европейцамъ въ нихъ предлагаютъ стулья,

но сидѣніе на стульяхъ, какъ читатели увидятъ ниже, не представляетъ удобства. Японская публика, посѣщающая театръ, оставляетъ желать еще весьма многого въ смыслѣ дисциплины. Ее превосходятъ по шумливости только итальянцы. Въ воскресный день, когда много народу, шумъ въ театрѣ стоитъ такой, что даже со среднихъ мѣстъ не слышно происходящаго на сценѣ. Въ антрактахъ ребяташки подбѣгаютъ къ занавѣси, заглядываютъ подъ нее, бѣгаютъ по авансценѣ. Все это напоминаетъ балаганъ. Большинство, слушая пьесу, при этомъ пьютъ японскій чай; продавцы предлагаютъ вамъ корзиночки съ фруктами и конфектами. Лакомства, повидимому, мало измѣнили свой характеръ съ тѣхъ временъ, когда этотъ край посѣтилъ Гончаровъ. Это все разнообразныя комбинаціи изъ рисовой муки и сахару, сладкаго тѣста изъ бобовой муки, различные пряники и рахатъ-лукумъ. Это скорѣе чайныя печенья, чѣмъ конфекты. Японскіе кондитеры придаютъ имъ видъ листовъ, цвѣтовъ, пирожковъ, колобковъ, сверточковъ и т. п., такъ-что корзинка съ такими конфектами имѣетъ весьма красивый, заманчивый видъ, и самыя конфекты кажутся вкуснѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Сцена японскаго театра устроена нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Какъ и у насъ, имѣется занавѣсъ, но не спускающійся сверху, а задерживающійся какъ завѣса. Помимо настоящей сцены, справа и слѣва отъ партера передъ ложами есть узкіе помосты, и часть дѣйствующихъ лицъ, приходящихъ извнѣ, выходятъ и говорятъ со стороны противоположной сценѣ, проходя мимо публики. Въ Нагасаки авансцена освѣщена плохо, керосиновыми лампами; въ большихъ городахъ Японіи вездѣ уже примѣнено электричество. Театръ японскій имѣетъ декораціи, мѣняющіяся послѣ cadaго дѣйствія. Декораціямъ этимъ, видѣннымъ мною въ Нагасаки, еще далеко до нашихъ, но въ столичныхъ театрахъ Японіи сцена обставлена значительно лучше. Актерами являются по-преимуществу женщины; мужчины играютъ рѣже, такъ-что женщины ис-

полняютъ и мужскія роли. Актеры говорятъ очень протяжно и не своимъ голосомъ. Они сильно загримированы, при игрѣ часто становятся въ искусственныя позы. Такъ-какъ во время такой позировки имъ трудно говорить, то ихъ роли замѣняетъ спрятанный за сценою *хоръ*, роль котораго напоминаетъ роль хора въ греческихъ трагедіяхъ.

Что-же касается музыки, то она оставляетъ желать многого. Струнные инструменты, напоминающіе балалайки и цитры, издаютъ мало мелодичные звуки, не доставляющіе удовольствія европейскому слуху. Въ патетическихъ мѣстахъ человѣкъ, сидящій у сцены, оглушительно барабанитъ деревяшками по доскѣ. Звукъ ихъ такъ силенъ, что за нимъ не бываетъ слышно ни голоса актеровъ, ни оркестра. Зато костюмировка очень хороша. Особенно любопытны богатые древніе костюмы, переносящіе васъ въ отдаленные періоды исторіи Японіи.

Исполненіе, однако, довольно балаганное (я здѣсь разумѣю театръ въ Нагасаки). Герой, дерущійся съ врагами, направляетъ въ нихъ свое оружіе, и эти послѣдніе куврыкаются, изображая, что они опрокинуты и убиты его силою. Мертвыхъ убираютъ со сцены такимъ образомъ: выходитъ служитель съ одѣяломъ, которое растягиваетъ передъ лежащимъ трупомъ, а тотъ пятится назадъ и подъ покровомъ одѣяла уползаетъ со сцены. При этой примитивности, исполненіе отличается большою реальностью, не допускаемой на европейскихъ сценахъ. На сценѣ японцы распарываютъ животы, изображаютъ весьма наглядно кровотеченіе изъ горла у отравленныхъ, изнасилованіе женщинъ у побѣжденнаго врага, сцены супружеской невѣрности. Въ послѣднее время, однако, подъ вліяніемъ европеизма, такого рода пьесы даются рѣже и рѣже. Въ области мимики актеры большіе мастера, и это главное достоинство ихъ игры.

Пьесы здѣсь по большей части историческаго содержанія—легенды о различныхъ боготворимыхъ герояхъ, важныхъ событіяхъ далекаго прошлаго. Эти представле-

нія—какъ-бы наглядная школа, изъ которой японецъ лучше чѣмъ изъ книги знакомится со своими героями и событіями. Потому-то на костюмировку и на соотвѣтствіе съ обстановкою времени обращено особое вниманіе, и въ видѣ апофеоза нерѣдко бываютъ картины мѣстности знаменитой битвы, видъ города или-же замка, еще нынѣ существующаго, съ которымъ связано преданіе, изложенное въ пьесѣ. Принимая во вниманіе обоготвореніе героевъ, эти представленія можно-бы было уподобить средневѣковымъ «дѣйствамъ». Въ послѣднее время, особенно по праздникамъ, чаще и чаще даются водевили болѣе житейскаго и комическаго характера, и надо думать, съ распространеніемъ европеизма и паденіемъ ореола, окружающаго героевъ прошлаго времени, этого рода пьесы станутъ господствующими.

Въ Нагасаки, какъ и въ большинствѣ городовъ, театральныя представленія начинаются съ 8 ч. утра и длятся до 8 вечера съ небольшими антрактами. Вечеромъ представленій нѣтъ. Тогда дѣйствуютъ только фокусники и акробаты. Но досужій японецъ предпочтетъ это время покутить въ ресторанѣ съ «гейшами», куда я рѣшаюсь пригласить и васъ, читатель, если вы не брезгуете японской кухней и народными обычаями и увеселеніями японскаго люда.

Звуки струнныхъ инструментовъ и яркій свѣтъ, проникающій изъ-за затянутыхъ масляной бумагой рамъ, внѣшнихъ стѣнокъ дома, указываютъ мѣсто веселой гостинницы. Оставивъ въ сѣняхъ нашу обувь, поднимемся по лѣстницѣ гостинницы вверхъ, займемъ отдѣльную комнату и зададимъ себѣ маленькую японскую пирушку. Это обыкновенная японская комната съ описанными выше циновками-подушками на полу и картонными, расписанными картинами и изрѣченіями подвижными стѣнами. Мебели, какъ въ большинствѣ японскихъ комнатъ, здѣсь нѣтъ; только въ фундаментальной стѣнѣ, въ нишѣ, гдѣ въ жилыхъ домахъ помѣщается родъ домашняго алтаря,

стоятъ фарфоровыя вазы, въ которыя, по сезону, воткнуты нѣсколько цвѣтущихъ ирисовъ.

Въ ожиданіи ужина, вамъ приносятъ первымъ дѣломъ курительный приборъ; затѣмъ слѣдуетъ чай. Курительный приборъ состоитъ изъ деревяннаго, наполненнаго золою, лакированнаго снаружи ящичка, въ которомъ тлѣютъ нѣсколько углей для закуриванья, и небольшой обрубокъ бамбуковаго полѣнца, наполненный водою—импровизированная пепельница. Приборы эти необходимы, потому-что японцы курятъ совсѣмъ не такъ, какъ у насъ. Табачный приборъ, который у нихъ всегда привѣшанъ къ поясу, состоитъ изъ связаннаго вмѣстѣ футляра для трубки, дѣлаемаго изъ дерева, и кожанаго или сдѣланнаго изъ похожей на кожу бумаги, напоминающаго наши бумажники, прибора для табаку. Табакъ этотъ мелкій, волокнистый, на вкусъ европейца сладковатый и душистый. Его курятъ изъ трубочекъ, по толщинѣ и длинѣ не больше, чѣмъ наши ручки для перьевъ; чашечка для табаку въ этихъ трубкахъ меньше наперстка и позволяетъ сдѣлать не болѣе двухъ затяжекъ, почему постоянно необходимо набивать ее вновь табакомъ, вновь закуривать объ уголья и вновь вытряхаты пепелъ въ бамбуковую пепельницу. Пока вы, усѣвшись на полу на плоскихъ подушкахъ, раскуриваете табакъ, женщины (во всѣхъ гостинницахъ Японіи прислуживаютъ женщины) принесутъ вамъ чай, заваренный въ столь-же маленькія чашечки, въ два-три глотка. Чай—зеленый, довольно крѣпкій, безъ сахара. Съ него японецъ начинаетъ обѣдъ и вообще всякую ѣду и даже бесѣду въ гостяхъ. Тѣмъ временемъ прислуживающія женщины приносятъ вамъ столики, на которыхъ на крошечныхъ блюдечкахъ и въ фарфоровыхъ и деревянныхъ чашечкахъ поставлена закуска и различныя кушанья.

Меню хорошаго японскаго ресторана необыкновенно разнообразно. За обѣдомъ или ужиномъ скромной пирушки даютъ до 10 и болѣе блюдъ, хотя порціи, соотвѣт-

ственно всему, что вы видите въ японскомъ царствѣ лиллипутовъ, весьма маленькія. Впрочемъ, самое кушанье приносится въ нѣсколько большихъ мискахъ, и прислуга уже при васъ накладываетъ его въ ваши миниатюрныя чашечки, замѣняющія собою тарелки, придавая порціи изящный видъ. Я думаю, не надо говорить, что до сихъ поръ повсюду еще ѣдятъ палочками—способъ, который, вѣроятно, никогда не будетъ вытѣсненъ ножами и вилками. Пока существуетъ японская кухня, будутъ существовать и палочки, ибо блюда этой кухни изготовлены такъ, что ихъ не нужно рѣзать у себя на тарелкѣ; самый-же способъ ѣды палочками опрятнѣе, изящнѣе и удобнѣе европейскаго. Для неумѣлаго одинаково трудно научиться владѣть ножомъ и вилкою, какъ и этими палочками. Но нѣсколько навыка, и вы увидите, что орудіе это настолько-же удобно, какъ и собственные пальцы. Двумя палочками японецъ можетъ взять то-же, что и двумя пальцами; принимая-же во вниманіе, что для каждаго обѣда вамъ даютъ новыя палочки, нельзя не признать, что эта простая и дешевая сервировка опрятнѣе тѣхъ не всегда хорошо отмытыхъ вилокъ, которыя даютъ вамъ въ иныхъ *table d'hôte*'ахъ. Что касается состава и вкуса японскихъ обѣдовъ, то тутъ, конечно, свое мнѣніе высказывать неумѣстно. *De gustibus non est disputandum*—о вкусахъ не спорятъ. Я три недѣли жилъ въ Японіи на чисто японскомъ столѣ и готовъ прожить еще вдвое дольше; между тѣмъ многіе изъ моихъ соотечественниковъ боялись прикоснуться къ самымъ простымъ блюдамъ японской кухни.

Могу сказать одно. Всѣ рассказы объ употребленіи въ пищу этимъ народомъ разныхъ несъѣдобныхъ съ европейской точки зрѣнія вещей сильно преувеличены. Японцы не ушли далѣе итальянцевъ въ этомъ отношеніи, и того, кто столовался въ Неаполѣ, не удивитъ японское меню. Какъ всѣ прибрежные жители, японцы ввели у себя въ употребленіе цѣлый рядъ морскихъ продуктовъ, малоизвѣстныхъ на континентѣ. Различныя водоросли

даютъ имъ салатъ и приправу къ супамъ. Изъ нѣкоторыхъ вывариваютъ желе и, смѣшивая съ фруктовымъ сокомъ, готовятъ родъ пастилы. Иногда эта ку-сочками наръзанная студень продается на улицахъ и предлагается какъ народное блюдо; нѣкоторыя водоросли съѣдаются прямо въ сушеномъ видѣ, какъ напримѣръ куски привозимой съ сѣвера морской капусты. Далѣе въ японскомъ меню вы встрѣчаете нѣкоторые виды моллюсковъ; ихъ ѣдятъ, какъ французы—*moules* (*Mytilus edulis*), въ вареной водѣ. Подобно тому, какъ у неаполитанцевъ, вы найдете здѣсь головоногихъ (виды *Ostorus*). Наконецъ, въ японской кухнѣ фигурируютъ трепанги; эти голотуріи, въ приготовленномъ видѣ бывающія величиною съ оливку, вкусомъ напоминаютъ что-то среднее между мармеладомъ и икрою. Къ этимъ кушаньямъ присоедините еще тоненькими ломтиками наръзанную сырую рыбу одного сорта, по виду напоминающую свѣжій балыкъ; ее ѣдятъ обмакивая въ сою и приправляя лукомъ и зеленью. Но всѣ эти продукты ничуть не хуже устрицъ, моллюсковъ, *frutta di mare*, употребляемыхъ въ пищу жителями европейскаго юга, и если трепанги возбуждаютъ къ себѣ отвращеніе нѣкоторыхъ европейцевъ, то не болѣе лестные отзывы я слышалъ отъ нѣкоторыхъ японцевъ касательно пристрастія европейцевъ къ сыру.

Что касается другихъ блюдъ японскаго меню, то они вполне доступны европейцамъ. Изъ мясныхъ блюдъ обыкновенно преобладаетъ курица, приготовляемая весьма разнообразно, съ различнаго рода зеленью, овощами, или жареная (скіаки), причемъ вамъ никогда не подаютъ костей, а мясо срѣзывается небольшими ломтиками и полосками, которыя удобно подхватываются палочками, и подается оно перемѣшанное съ кусочками картофеля или другими овощами, съ различными подливками и приправами.

Яйца и различнаго рода яичницы—въ большомъ ходу,

причемъ, надо сознаться, яйца японскихъ куръ превосходны. Но особенно разнообразны японскія блюда, приготовляемыя изъ рыбы, фигурирующей въ жареномъ, вареномъ, сушеномъ и соленомъ видѣ. При разнообразіи рыбъ Тихаго океана, блюда этого рода у японцевъ особенно тонки. Наконецъ, въ приморскихъ городахъ часто подаются раки, т. е. или большія морскія лангусты, или очень крупныя креветки. Первыя или варятся съ ароматичными травами, или подаются жареными въ сухаряхъ, вторыя—готовятся по-европейски.

Весьма важную роль въ японскомъ обѣдѣ играютъ различнаго рода супы и бульоны, которые въ хорошихъ ресторанахъ готовятся столь тонко, что послѣ французскихъ я ихъ поставилъ-бы на первое мѣсто. Ихъ варятъ изъ куръ, изъ грибовъ, изъ рыбы и изъ раковъ на разные роды, приправляя иногда дорогими морскими водорослями или пуская различнаго рода клѣцки. Особенно часто даютъ вамъ бульонъ, сваренный изъ грибовъ и рыбы. На него идетъ одинъ очень любимый японцами видъ *Agaricus*. Супы эти, равно какъ и бѣлая пшеничная *тюре*, замѣняющія наши гороховые супы, подаются въ маленькихъ деревянныхъ лакированныхъ чашечкахъ съ такими-же крышками. Обыкновенно за обѣдомъ фигурируетъ 2—3 сорта суповъ. Ихъ прямо хлебаютъ изъ чашечекъ, безъ помощи ложекъ.

Овощи и зелень играютъ важную роль за столомъ японца; особенно въ деревнѣ, въ небогатыхъ гостинницахъ они занимаютъ существенное мѣсто. Бобы, вареные въ сахарѣ, желе изъ бобоваго крахмалу, вареный и жареный картофель, сладкій картофель, клубни одного вида *Caladium*, корневища лотоса—*Nelumbium*, молодые ростки бамбука, моченая рѣдька, довольно противная на европейскій вкусъ, и различнаго рода салаты, моченая, вареная и соленая зелень—необходимая приправа въ обѣдѣ. Вареный и сладкій имбирь подается очень часто. Наконецъ,

почти всегда подаются фрукты и что-либо сладкое, печенья, бисквиты совершенно европейскаго характера, ягоды различнаго вида *Rubus*, то похожія на землянику, но водянистыя и со смолистымъ запахомъ, то желтыя какъ морошка, то красныя какъ костяника, «хива», очень любимая туземцами,—сочный плодъ о 3-хъ косточкахъ снаружи, напоминающій вкусомъ райское яблочко и такой-же величины. Позже появляются на столѣ этого края, гдѣ вѣчно что-либо цвѣтетъ или зрѣетъ, персики, абрикосы, апельсины, плодъ «каки» и т. д.

Характернымъ отличіемъ японскаго стола отъ нашего является полное отсутствіе мяса четвероногихъ млекопитающихъ. Въ деревняхъ, особенно прибрежныхъ, еще фигурируетъ китовина; но мяса нашихъ животныхъ—быка, барана, теленка, свиньи—вы обыкновенно не встрѣтите на народномъ японскомъ, не подвергшемся европеизму столѣ. Причиною этому какъ буддизмъ, не одобряющій убійства полезныхъ для человѣка животныхъ, такъ и скученность населенія, препятствующая обширному скотоводству. Столь-же непривычнымъ для русскаго человѣка является полное отсутствіе молочныхъ блюдъ и хлѣба, котораго употребленіе за столомъ совершенно неизвѣстно японцамъ. Его замѣняетъ хорошо сваренный рассыпчатый рисъ, подаваемый въ концѣ обѣда. Пшеничные-же элементы фигурируютъ лишь въ видѣ различныхъ клецокъ и подболтокъ въ бульонахъ.

При отсутствіи такого важнаго элемента стола, какъ мясо, японецъ старается разнообразить свою дичь, рыбу и др. блюда, измѣняя ихъ вкусъ съ помощью различнаго рода приправъ. Самая распространенная изъ нихъ—соя, подобно нашимъ уксусу и горчицѣ, являющаяся необходимѣйшею приправою какъ богатаго, такъ и бѣднаго стола. Соя—родъ бурой, ѣдкой подливки, приготовляемой изъ бобовъ и пшеницы. Для этой цѣли берутъ пшеницу, желтые бобы, поваренную соль и воду. Равныя части двухъ первыхъ элементовъ смѣшиваются съ тремя частями воды и 5—6

частями соли. Съ помощью приготовляемаго изъ рису фермента часть размоченной пшеницы приводится въ броженіе; остальное поджаривается надъ углями и мелется на ручныхъ мельницахъ; бобы также развариваются и измельчаются. Затѣмъ все это перемѣшиваютъ, кладутъ въ небольшіе ящики изъ дерева и держатъ около трехъ дней при постоянной температурѣ въ 25° , чтобы вызвать броженіе; при этомъ масса покрывается плѣсенью. Тогда ее перекладываютъ въ открытые сосуды, прибавляя воду и соль. Разливъ жидкость по сосудамъ, ее каждый день по нѣскольку разъ размѣшиваютъ деревянными лопаточками. Въ такомъ видѣ ее оставляютъ бродить отъ 20 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ *. Только на 4-й годъ обыкновенно составъ получаетъ коричневую окраску и своеобразный присущій соѣ ароматъ. Тогда ее процѣживаютъ и пускаютъ въ продажу.

Вмѣсто вина или водки за обѣдомъ пьютъ обыкновенно такъ-называемое «саки», опьяняющій напитокъ, приготовляемый изъ пшеницы и содержащій не болѣе 7—9% алкоголя. Его подаютъ въ маленькихъ бѣлыхъ разрисованныхъ фарфоровыхъ бутылочкахъ почти горячимъ и наливаютъ въ крошечныя, содержащія одинъ глотокъ, чашечки. Саки бываетъ различныхъ сортовъ и названій. Хотя на видъ оно не крѣпче пива, но 1—2 бутылочки могутъ заставить человѣка охмѣлѣть довольно сильно, причемъ краснѣетъ лицо и разгораются глаза. Хмѣль отъ саки проходитъ скоро и не оставляетъ по себѣ головной боли. Въ тепломъ и горячемъ видѣ оно довольно пріятно на вкусъ; холодное—противно и отдаетъ сивушнымъ запахомъ. Въ деревняхъ приготовляютъ болѣе крѣпкую и богатую сивушными элементами водку. Кромѣ саки, теперь въ Японіи сильно распространяется пиво, причемъ качество его весьма недурное. Водки я не ви-

* Народная поговорка гласитъ, что соя тѣмъ лучше, чѣмъ больше въ ней утонетъ крысъ, пока она готовится на фабрикѣ.

далъ за японскимъ обѣдомъ, а вино подается только за европейскимъ столомъ.

Что касается порядка подачи кушаній, то онъ сильно разнится отъ европейскаго. Подаютъ обыкновенно по нѣскольку кушаній сразу: сперва одинъ изъ суповъ и при немъ сладкую пастилу и родъ пастилы изъ тертыхъ яицъ съ рыбою. Затѣмъ, какъ закуска, слѣдуетъ сырая рыба съ соей. Мнѣ рассказывали, что иногда на большихъ званныхъ обѣдахъ эта рыба подается даже живая, и отъ живой отрѣзаютъ ломтики; но мнѣ самому этого не приходилось наблюдать. Затѣмъ слѣдуютъ бобы въ сахарѣ. Иногда вмѣсто нихъ подаютъ маленькихъ копченыхъ рыбокъ, величиною съ кильку, по виду напоминающихъ нашихъ рижскихъ «шпротовъ», но замаринованныхъ въ сладкомъ сиропѣ. Затѣмъ идутъ жаренныя блюда, потомъ фрукты или сладкое, затѣмъ опять супы. Подъ конецъ обѣда подаются обыкновенно деревянные бадьи съ варенымъ рисомъ. Рисъ этотъ накладывается въ чашечки, и японцы его обыкновенно ѣдятъ запивая чаемъ, и этимъ заканчивается обѣдъ. На званныхъ обѣдахъ подъ конецъ подаютъ убранныя цвѣтами корзиночки съ согнутыми въ видѣ полумѣсяца красными рыбками, настоящими или дѣланнми, иногда коробки конфектъ или пряники. Это уносится гостями домой. Мнѣ рассказывали, что есть обычай присылать обѣдъ на домъ тому изъ гостей, который не могъ явиться на пиршку. Я уже говорилъ, что передъ каждымъ изъ обѣдающихъ, сидящихъ по-турецки, ставится маленькій, не выше $\frac{1}{3}$ фута, деревянный столикъ, на который и подаются, въ домахъ—хозяйкою, въ гостинницѣ—прислуживающими женщинами, всѣ описанныя яства. Отъ лучшаго ресторана до самой бѣдной деревенской гостинницы меня удивляла необыкновенная чистота этихъ столиковъ и этой посуды. Въ этомъ отношеніи Японія представляетъ рѣзкій контрастъ со своими сосѣдями—Китаемъ и Си-

бирью, гостинницы которыхъ не могутъ похвастаться чистотою и изяществомъ своей посуды.

Но возвратимся къ нашему вечеру. Пока вы закусываете различными произведеніями японской кухни, къ вамъ въ комнату входятъ нѣсколько женщинъ въ ярко-цвѣтныхъ, вышитыхъ золотыми узорами керимонахъ—ни дать-ни-взять тѣ картинки, которыми мы привыкли любоваться у насъ на Западѣ, на японскихъ ширмахъ. Онѣ держатъ въ рукахъ струнные инструменты вродѣ бала-лаекъ, цитръ и гитаръ. Подъ ихъ звуки 2—3 или больше, смотря по числу приглашенныхъ танцовщицъ, надѣваютъ маски и начинаютъ выдѣлывать различные па и жесты подъ аккомпаниментъ музыки, а иногда и пѣнія, изображая различныя сцены. Танцы эти, довольно граціозные въ общемъ, весьма приличны и характерны. Но нерѣдко подгулявшая публика, угощая въ антрактахъ между танцами этихъ гейшъ саки, заставляетъ ихъ исполнять танцы болѣе двусмысленнаго содержанія. Нерѣдко съ ними держатъ пари, и если женская партія проиграетъ, она должна исполнить танецъ въ костюмѣ Евы. Читатель можетъ ужаснуться безнравственности, господствующей въ краѣ, и будетъ неправъ. Одежда въ Японіи, какъ въ жаркихъ странахъ вообще, не имѣетъ того значенія, какъ въ Европѣ. Лѣтомъ крестьяне, работая на полѣ, ходятъ почти совершенно нагими. Въ купальняхъ, въ горячихъ ключахъ внутри страны, мужчины и женщины купаются рядомъ, нисколько не смущаясь видомъ своихъ голыхъ тѣлъ. Въ ваннахъ, устроенныхъ на европейскій образецъ, женщины, какъ въ Швеціи, играютъ роль баньщицъ и моютъ гостей. Такимъ образомъ и эти танцы гейшъ вовсе не такъ безнравственны, какъ это можетъ казаться съ европейской точки зрѣнія. Они свидѣтельствуютъ съ одной стороны о большей простотѣ нравовъ, съ другой—о болѣе низкомъ положеніи женщины, при которой японецъ не стѣсняется говорить о томъ, что сочла-бы за *schocking* въ Европѣ и деревенская баба. Я, конечно,

вовсе не хочу защищать характера вечеровъ съ гейшами. Въ портовыхъ городахъ они далеко не всегда нравственны, и японское правительство теперь строго слѣдитъ за вечерними ресторанами, запрещая играть въ нихъ позже полуночи и преслѣдуя двусмысленные танцы.

Въ полночь на улицахъ Нагасаки тихо и темно. Добропорядочный обыватель долженъ имѣть свой собственный изъ масляной бумаги фонарь. Такой-же фонарь несетъ джинрикша, и освѣщая передъ собою темный тротуаръ пустынныхъ улицъ, вы идете домой, издали слыша унылые звуки флейты. Это свиститъ запоздавшій, не нашедшій себѣ нанимателя массажистъ. Такіе массажисты, обыкновенно слѣпцы, часто приглашаются японцами вечеромъ передъ отходомъ ко сну. Расправляя усталые члены, подвергая ихъ прекрасному массажу, не уступающему европейскому, они освѣжаютъ организмъ и обыкновенно содѣйствуютъ быстрому засыпанію. Плата имъ—отъ 10 до 25 центовъ.

Таковы тѣ стороны жизни, которая можетъ ежедневно наблюдать въ Нагасаки пріѣхавшій туда иностранецъ. Онѣ изо-дня въ день однѣ и тѣ-же, и только въ дни особыхъ торжествъ вы увидите какую-нибудь особую процессію, запусканіе змѣевъ, или въ ожиданіи праздника, цѣлые связки бумажныхъ или шелковыхъ рыбъ исполинской величины, плавающихъ въ воздухѣ на шестахъ, надъ домами, осчастливленными въ этотъ годъ рожденіемъ мальчика.

Но я не могу, читатель, покинуть съ вами Нагасаки, не сказавъ хотя нѣсколько словъ о небогатомъ рыбацкомъ поселеніи Иносѣ, расположенномъ напротивъ города на другомъ берегу залива. Иноса хорошо знакома рѣшительно всѣмъ русскимъ морякамъ, хотя о ней, быть-можетъ, мало знаютъ иностранцы. Это мѣсто—одно изъ тѣхъ немногихъ чужеземныхъ дальнихъ портовъ, куда онѣ ѣдетъ какъ къ себѣ домой. Въ дальнихъ плаваніяхъ, останавливаясь въ гаваняхъ, гдѣ по большей части онѣ встрѣчаютъ чуждые и мало намъ симпатичные англійскіе обычаи, хо-

лодный англійскій режимъ, непривычную обстановку и кухню—онъ поневолѣ не чувствуетъ себя свободно. Обычаи новой страны, извѣстная необходимость не уронить русскаго имени передъ холодными и чопорными англичанами связываетъ и дѣлаетъ мало пріятнымъ пребываніе въ этихъ мѣстахъ. Не то въ Иносѣ. Не успѣетъ стать судно на якорь, какъ уже у борта его являются знакомые бывавшимъ въ плаваніи людямъ лодочники, окрещенные въ Ванекъ и Васекъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ предлагающіе свои услуги. Вы съѣзжаете на берегъ, и васъ, не говоря ни слова, уже ведутъ къ ярко освѣщенной стеклянной верандѣ хозяйки Омату-санъ или Омацѣ, гдѣ вы видите длинный столъ, навѣрное нѣсколько морскихъ фуражекъ и давно невиданную русскую обстановку. На стѣнѣ виситъ портретъ Наслѣдника Цесаревича, а подъ нимъ вставленная въ изящную рамку надпись гласитъ, что Его Высочество удостоилъ эту гостинницу посѣщеніемъ во время своего путешествія по Японіи. Фотографіи съ русскихъ судовъ, правила Кронштадтскаго клуба въ билліардной свидѣтельствуютъ о томъ, что вы—въ русскомъ заведеніи; а когда вамъ подадутъ давно невиданную русскую икру, балыкъ, сыръ, водку «Попова» и другіе атрибуты русскихъ закусокъ, когда безукоризненно говорящая по-русски японка принесетъ вамъ хорошій борщъ, щи и другія русскія кушанья, которыхъ не увидишь за границею—вы забудете, что находитесь въ плаваніи и подумаете, что вернулись въ свое отечество.

Домъ Омату-санъ—это rendez-vous офицерства судовъ, закинутыхъ въ Японію. Здѣсь вновь приходящіе офицеры находятъ своихъ товарищей съ оставшихся надолго въ Японіи судовъ вполнѣ, хотя и временно, женатыми людьми, поселившимися въ хорошенькихъ деревянныхъ домикахъ по сосѣдству. Вы—въ русско-японской колоніи, въ уголкѣ съ нравами и обычаями, какіе врядъ-ли еще гдѣ на свѣтѣ можно найти.

Послѣ долгаго плаванія, борьбы съ бурями и непого-

дою, скучнаго однообразія безбрежнаго океана, вы поселяетесь на дачкѣ среди очаровательной южной природы. Передъ балкономъ вашего дома поочередно распускаются то огненно-красные цвѣты пышныхъ кустовъ гранатовъ, то душистыя бѣлыя гарденіи, магноліи и липоноса. Вашъ взоръ ласкаютъ напоминающія тропики очертанія пальмъ, банановъ и другихъ южныхъ деревъ, а фонъ картины составляютъ обрамленныя зеленою рамкою горъ воды залива, всегда оживленнаго, всегда усѣяннаго массою коммерческихъ пароходовъ, фрегатовъ, корветовъ и канонирскихъ лодокъ.

Если вамъ вздумается выйти изъ вашего домика и пройти по улицамъ деревни, всюду вы встрѣтите приветливо улыбающіяся лица японцевъ, дружелюбно и ласково здоровающихся съ вами. Подымаясь, вы найдете на домахъ русскія надписи вродѣ: «гостинница Иноса», или «кабакъ Кронштадтъ», или «лавка купца Инойе». Поднявшись вверхъ, вдоль живописной долины, вы увидите подъ сѣнью причудливо-вѣтвистыхъ китайскихъ сосенъ живописно расположенное кладбище, а еще выше—небольшой буддійскій храмъ. Кладбище содержитъ очень опрятно и имѣетъ довольно привлекательный видъ. Ряды каменныхъ столбиковъ, исписанныхъ китайскими іероглифами, окружены загородкой. Передъ каждымъ изъ нихъ стоятъ каменные сосуды съ водою, а въ нихъ воткнуты вѣчно-зеленныя вѣтви камелій и усыпанныхъ пурпурными цвѣтами азалій. Среди этого буддійскаго города мертвыхъ мирно устроилось христіанское русское кладбище. Надо сознаться, это прехорошенькій уголокъ. Хотя за порядкомъ нашего кладбища присматриваетъ буддійскій священникъ, однако, обязанность свою онъ исполняетъ вполнѣ добросовѣстно, и кладбище такъ чисто и опрятно, какъ немногія въ Россіи. Крупные кусты саговиковъ, этой эмблемы безсмертія, вай которой, какъ предметъ роскоши, украшаютъ въ Россіи только гробы богатыхъ покойниковъ, здѣсь, достигая высоты дерева, осѣ-

няють своїми темно-зеленими, глянцеvitими перьями надгробныя плиты, положенныя надъ тѣлами матросовъ, машинистовъ, офицеровъ и другихъ русскихъ моряковъ, которыхъ смерть похитила далеко отъ родины. Вѣчно-зеленые кустарники камелій и другихъ деревъ, высокія сосны окружають своею темною никогда не увядающею зеленью этотъ небольшой городокъ мертвыхъ, съ котораго во всѣ стороны открываются чудныя виды на городъ, бухту, окрестныя горы и долины.

Но виды эти еще эффеkтѣе, еще очаровательнѣе, если вы подниметесь на гору выше кладбища. Здѣсь вы попадаете на узкую тропинку, ведущую васъ по дебрямъ почти непроходимаго лѣса, увитаго ліанами вьющихся растеній, состоящаго изъ чащи кустарника вдвое или втрое выше человѣческаго роста съ глянцеvitыми кожистыми листьями, который мы привыкли видѣть только въ оранжерейхъ или на убираемыхъ лѣтомъ балконахъ, но никакъ не въ лѣсу, не такими чашами, черезъ которыя едва возможно пробраться. Иногда тропинка приводитъ васъ въ высокоствольный лѣсъ изъ такихъ-же вѣчно-зеленыхъ деревъ. Подъ его сѣнью царствуетъ мракъ. Вы не видите обычныхъ цвѣтовъ; земля остается голою; но если гдѣ-либо явится выступъ скалы, то скала эта сплошь оказывается увитою или плющомъ, или массою другихъ плющеобразныхъ, присасывающихся къ камню вѣчно-зеленыхъ, ползучихъ растеній, превращающихъ ее въ цѣлый міръ разнообразныхъ листьевъ. Не менѣе 7—8 различныхъ папортниковъ ютятся другъ около друга на этихъ скалахъ, украшая темную поверхность камня своею нѣжно-перистою разнообразною зеленью. Особенно хороши эти выступы скалъ нѣсколько выше, гдѣ-нибудь въ тѣни сосенъ. Тутъ ихъ какъ подушки одѣваетъ видъ *Selaginella*, во влажное время раскрывающійся въ розетку съ тарелку величиною нѣжной, напоминающей мохъ зелени, свертывающейся въ небольшой клубочекъ, какъ-только воздухъ дѣлается суше.

Въ такомъ сухомъ видѣ она можетъ сохраняться недѣли, чтобы потомъ вновь расцвѣсти, брошенная въ стаканъ воды.

Съ этихъ скалъ, какъ-бы въ рамкахъ изъ сосновыхъ вѣтокъ, развертываются чудныя панорамы рейда, ниже лежащихъ долинъ, съ ихъ миниатюрными хижинками, лоскутками какъ бархатъ зеленыхъ полей, или ручейками, извивающимися между скалъ, усыпанныхъ красивыми кустарниками. Тамъ и сямъ у вашихъ ногъ пе-стрѣютъ усыпанныя красными цвѣтами азалии, здѣсь въ дикомъ состояніи еще болѣе богатая цвѣтами, болѣе яркія, чѣмъ тѣ, которыя выставлены на окнахъ европейскихъ магазиновъ. По нимъ порхаютъ крупныя тропическія бабочки—и недостаетъ только пѣнія птицъ, чтобы эту дичь, гдѣ не видно и не слышно человѣка, превратить въ подобіе земного рая. Еще выше горы Иноси становятся голыми. За полосой лѣса изъ дикаго каштана, вы вступаете въ дебри мелкаго дикаго бамбука, немного выше нашихъ камышей, почти непроходимыя. Если вы все-таки продеретесь черезъ чащи, вы попадете на покрытую зеленой муравой вершину, и справа безбрежная гладь моря, слѣва, какъ на ладони, длинная бухта Нагасаки развернутся у вашихъ ногъ. Словомъ, каждые 5—10 шаговъ, которые вы сдѣлаете во время прогулки въ этихъ дебряхъ и этой глуши, вознаграждаютъ васъ или чудной панорамой, или невиданной картиною природы.

Не менѣе живописны и интересны прогулки на лодкѣ вдоль береговъ. И уже темной ночью, когда вы усталый возвращаетесь домой, и знакомый дожидавшійся васъ у пристани гребецъ мѣрно ворочаетъ кормовымъ весломъ, а лодка разсѣкаетъ тихія воды залива, даже и тогда полосы фосфорическаго свѣта тянутся за кормомъ, разливаются изъ-подъ веселъ и изъ-подъ носа лодки, придавая плаванію вашему какой-то фантастическій характеръ.

Обыкновенно иносійскій дачникъ возвращается домой не въ пустую комнату, напоминающую ему своимъ гостиничнымъ видомъ его одиночество, его судьбу, закинув-

шую его на край свѣта, вдали отъ родныхъ и знакомыхъ,—его ждетъ обыкновенно «жена», которая, насколько сможетъ, по-русски разспроситъ его, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ, угоститъ его чаемъ, приготовитъ ему, если онъ голоденъ, на маленькой глиняной жаровнѣ, удобно ставящейся на столъ, какое-нибудь изъ его любимыхъ русскихъ или туземныхъ кушаній. Еще такъ недавно, когда были парусныя плаванія, когда наши суда не зимовали во Владивостокѣ, а отправлялись на зиму въ нагасакскій рейдъ, великое множество русскихъ на многіе мѣсяцы, иногда на годъ поселялись въ Иносѣ. Тутъ заключались эти временныя браки, которые тогда носили дѣйствительно характеръ браковъ. Японская женщина, положеніе которой въ семьѣ, говоря вообще, не завидное, находила въ своемъ новомъ сожителѣ нерѣдко гораздо болѣе вниманія и ласки, нежели ея подруги, вышедшія замужъ за японцевъ. Отзывчивый и нѣжный характеръ японскаго народа, подобно русскимъ умѣюшаго и отозваться на чужое чувство и горе, и душевно привязаться къ человѣку, отъ котораго онъ видѣлъ хорошее, въ лицѣ японской женщины соединяется съ тѣмъ требующимъ мягкости и вѣжливости обращенія воспитаніемъ, которое свойственно народамъ дальняго Востока Азіи. Я не скажу, чтобы съ нашей точки зрѣнія эти маленькія японскія женщины были особенно красивы; но многія изъ нихъ своимъ характеромъ заставляли полюбить себя своихъ временныхъ мужей и еще болѣе любили ихъ сами. При отходѣ корвета или фрегата были трогательныя сцены прощанія, и долго вслѣдъ уходившему кораблю съ лодокъ махали платочками выѣхавшія провожать покинутыя жены. Нерѣдко, возвращаясь изъ плаванія, морякъ вновь отыскивалъ свою жену, если только за это время она не успѣвала обвѣнчаться настоящимъ образомъ съ японцемъ и сдѣлаться матерью семейства, такъ какъ японцы, конечно не высшаго сословія, ничего не имѣютъ противъ этихъ браковъ на разведенныхъ.

Теперь, все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ распростране-

ніемъ пароходовъ, обычаи Иносы измѣняются во многомъ къ худшему. Стоянки стали кратковременны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и браки краткосрочны. Мѣсто чувства замѣняетъ простой расчетъ, и японскій бракъ принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ простой проституціи, со всѣми ея дурными послѣдствіями, не исключая и сифилиса. Но и теперь браки еще встрѣчаются: и теперь, какъ ни кратокъ медовый мѣсяцъ, жена остается втеченіе его вѣрною своему супругу, живетъ съ нимъ въ его домѣ, старается занять его бесѣдами, увѣряетъ, что ей безъ него, во время его отлучекъ, очень скучно и проливаетъ слезы при послѣднемъ прощаніи—хотя, конечно, все это одна кукольная комедія, и черезъ часъ, если придетъ новый фрегатъ, она, шутя и смѣясь, станетъ отыскивать себѣ новаго жениха. Императрица Японіи, въ виду вырожденія браковъ съ иностранцами въ форму обыкновеннаго разврата, принимаетъ энергичныя мѣры къ ихъ окончательному искорененію. Они прекращены теперь почти повсюду, и если, по традиціи, они возможны въ Иносѣ, то только въ виду болѣе гуманнаго отношенія русскихъ къ своимъ жонамъ и вообще большей симпатіи японцевъ къ русскимъ, о чемъ намъ еще придется говорить ниже *.

Иноса находилась и доселѣ находится на совершенно особомъ положеніи. Иностранцевъ сюда не пускаютъ. Русскіе одни здѣсь хозяева, и только въ сопровожденіи русскихъ европейецъ можетъ быть принятъ въ селеніе Иноса.

До-нельзя странно видѣть въ Иносѣ это сочетаніе жизни и культуръ столь несходныхъ, можно сказать діаметрально противоположныхъ, какъ японская и русская. Европейцы, такіе большіе для этихъ японскихъ

* Теперь даже самое названіе браковъ уничтожено, а обыкновенно сельскому старостѣ посылаютъ бумагу, удостовѣряющую, что такой-то пріѣзжій нанялъ себѣ квартиру съ прислугою.

игрушечныхъ домиковъ, никакъ не могутъ ужиться съ необходимостью сидѣть на мягкихъ цыновкахъ пола, ходить безъ сапогъ, пить японскій чай. И вотъ къ ихъ услугамъ является мебель, столы, стулья; цыновки пола грязнѣютъ; вносится нашъ самоваръ; замѣняются маленькіе японскіе чайники, тарелки, вилки, ножи. Но все это такое большое для этихъ домовъ-игрушекъ, что квартира новобрачныхъ напоминаетъ тѣсную петербургскую дачу. И странно какъ-то въ этой русской обстановкѣ видѣть изящно одѣтыхъ граціозныхъ японокъ, съ ихъ прическами и шелковыми бантами за спиною, точно сошедшихъ съ ожившихъ рисунковъ, видѣнныхъ ранѣе въ японскихъ альбомахъ. Странно какъ-то сидѣть на стулѣ въ комнатѣ, раздвинувъ затянутыя масляною бумагою рамы, передъ маленькимъ балкончикомъ и созерцать пальмы и камеліи въ своемъ по-европейски разбитомъ палисадникѣ, за которымъ сверкаютъ воды залива, гдѣ снуютъ лодки и копошатся совершенно нагіе рыбки. Сонъ это или дѣйствительность? Но приглашеніе на чашку чая вашихъ родственниковъ убѣждаетъ васъ въ послѣднемъ.

Пьеръ Лотти достаточно подробно описалъ въ своей *Madame de Chrysanthème* эту европейско-японскую семью. Въ его романѣ много вѣрнаго; къ нему я и отсылаю читателя, желающаго ближе съ нею познакомиться.

III.

Сельская природа Японіи.—Земледѣліе.—Поѣздка въ Онзенъ.—Восхождение на Фузенъ-Дакэ.—Поѣздка въ Токитсу и Арита.

Въ настоящее время по Японіи можно путешествовать такъ-же легко, какъ по Швейцаріи, и если вы не имѣете здѣсь такихъ роскошныхъ отелей, зато самое путешествіе гораздо дешевле и спокойнѣе. Что-же до красоты природы и интереса, то, на мой взглядъ, Японія въ этомъ отношеніи ничѣмъ не уступаетъ, если даже не превосходитъ, Швейцаріи.

Въ продажѣ вы найдете прекрасный путеводитель по Японіи, гдѣ такъ-же подробно, какъ въ Бедэкерѣ, которымъ запасаются англійскіе туристы по Европѣ, указаны разстоянія, цѣны, способы передвиженія, лучшіе отели, интересные виды и достопримѣчательности городовъ. Такіе путеводители есть на англійскомъ языкѣ, но не мало существуетъ ихъ и на японскомъ, такъ-какъ японцы сами большіе любители путешествій; ихъ доктора часто для поправленія здоровья предписываютъ путешествіе въ горы, и цѣнитель природы и ландшафтовъ—японецъ запасается такимъ гидомъ, чтобы осмотрѣть красивѣйшія мѣста своего отечества, или посѣтить храмы чтимыхъ боговъ и героевъ. Впрочемъ, иностранцу, отношеніе къ которому внутри страны вообще самое прекрасное, попасть туда не осо-

бенно легко. Только немногіе портовые города открыты для европейца. Внутрь страны пускаютъ лишь по особому паспорту людей, желающихъ ѣхать въ извѣстные лѣчебныя мѣста, для поправленія здоровья, или съ ученою цѣлью. Иначе туда попасть нельзя; тотъ-же, кто отправляется съ вышеуказанными цѣлями, долженъ получить черезъ консульство изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Токио паспортъ, въ которомъ перечислены тѣ города или селенія, куда онъ можетъ ѣхать. Въ Нагасаки такого паспорта приходится ждать иногда болѣе недѣли.

Чтобы не терять времени даромъ, я рѣшился въ ожиданіи паспорта посѣтить тотъ уголокъ Кіу-Сіу, куда пускаютъ европейцевъ безъ него,—именно Онзенъ, горячіе источники котораго привлекаютъ къ себѣ массу больныхъ. Изъ Нагасаки въ Онзенъ можно попасть въ одинъ день. Для этого выѣзжаютъ утромъ на джинрикшѣ, и переѣхавъ черезъ узкій перешеекъ, отдѣляющій бухту Нагасаки отъ большого залива острова, проѣзжаютъ въ деревню Моги, откуда на маленькомъ пароходикѣ достигаютъ села Обама, съ котораго начинается восхожденіе на гору, гдѣ расположены ключи Онзена.

Дорога отъ Нагасаки до Моги—одна изъ живописнѣйшихъ на Кіу-Сіу; вмѣстѣ съ тѣмъ, она даетъ цѣлый рядъ картинъ сельской природы и земледѣлія. То, что мнѣ приходилось потомъ видѣть внутри страны, было лишь повтореніемъ, съ незначительными измѣненіями, видѣннаго здѣсь.

Самый путь, какъ сказано, совершается на джинрикшѣ, замѣняющемъ почтовый экипажъ. Но человѣкъ все-же не лошадь. Онъ не можетъ бѣжать десятки верстъ безъ роздыха и остановки. Потому почти черезъ каждое «ри» (ри нѣсколько болѣе 3 верстъ) устроены небольшіе чайныя домики, гдѣ на 5—10 минутъ джинрикша можетъ перевести духъ, выпить нѣсколько глотковъ воды или чаю.

Пассажиръ обыкновенно также сходитъ и садится на

циновку комнаты. Ему предлагают табакъ, чашку зеленого чая, столь миниатюрную, что въ ней содержится два-три глотка, чайничекъ съ чаемъ и конфекты изъ рисовой муки и сахару, или изъ тѣста и сахару, и бобовъ, завернутыхъ въ блинчикъ. Заплативъ за это удовольствіе нѣсколько центовъ, онъ продолжаетъ путь далѣе.

Сперва вы поднимаетесь на гору по прекрасно вздѣланной мѣстности; попеременно открываются вамъ виды то на заливъ, то на городъ; затѣмъ вы спускаетесь среди расположенныхъ террасами рисовыхъ полей и заросшихъ кустарникомъ береговъ рѣки и достигаете деревни Могі.

Изъ извѣстныхъ намъ, русскимъ, типовъ растительности флора Кіу-Сіу болѣе всего напоминаетъ флору нашего юго-западнаго Закавказья, растительность Мингреліи и Имеретіи. Дикая растительность этого острова Японіи не походитъ ни на вѣчно зеленныя области Италіи, съ которыми такъ любятъ ее сравнивать, ни на флору соответствующихъ широтъ Китая или Америки. Но какъ въ Имеретіи, такъ и здѣсь, вездѣ, гдѣ только можетъ прикрѣпить свой корень растеніе, развивается дерево или кустарникъ. Еслибы не было здѣсь человѣка, отнявшаго у природной растительности значительную часть ея территоріи, рѣшительно вся поверхность страны представляла-бы собою одну сплошную чашу деревьевъ и кустарниковъ. Какъ въ Мингреліи, здѣсь вы не увидите нигдѣ настоящаго луга, и если вы обратите вниманіе на самый характеръ флоры, то замѣтите, что травянистыхъ растеній, цвѣтовъ, здѣсь необыкновенно мало. То немногое, что попадаетъ у дороги, по большей части растенія, занесенныя извнѣ—*Oxalis corniculata* (кислица), индѣйская земляника—*Fragaria indica*, одинъ видъ лютика, трясунки и еще десятка полтора травянистыхъ растеній; если не считать бурьяновъ, растущихъ между хлѣбами—этимъ исчерпывается травянистая растительность, крайне бѣдная сравнительно съ тѣми разнообразными травами и цвѣтами, какіе у насъ покрыва-

заютъ всѣ свободныя отъ кустарника пространства. Эта черта, какъ сказано, общая съ Мингреліей. Другая черта сходства — это самый обликъ деревь и кустарниковъ. Вѣчно-зеленая растительность Японіи далеко не ограничивается деревьями и кустарниками съ такими-же толстыми глянцевитыми листьями, какъ листья камелій, миртъ или фикусовъ. Представляя себѣ заросли японскихъ кустарниковъ такими, читатель сильно ошибется. Правда, какъ примѣсь, такіе кустарники и деревья попадаются, но не они одни даютъ фонъ растительности. Какъ въ Мингреліи и Имеретіи, рододендроны, *самшитъ* или такъ-называемая *кавказская пальма* и лавро-вишня,—эти виды съ кожистыми, толстыми листьями—имѣютъ здѣсь лишь мѣстное распространеніе. Господствующею массою идутъ другія деревья, по облику болѣе сходныя съ нашею закавказскою фурмою,—деревья, листья которыхъ блѣднѣе, опадаютъ подъ осень, какъ у нашихъ лиственныхъ породъ сѣвера, хотя все-же крѣпче, глянцевитѣе, темнѣе, чѣмъ, у послѣднихъ. Они-то и даютъ *тонъ* дикой растительности. Между ними столь-же часто, какъ камелисообразныя формы, попадаются блѣдно-зеленые кусты съ опадающей листвою, вродѣ кавказской «мимозы» (*Ascia julibrissim*), или нѣжные, съ необыкновенно мелко и изящно разсѣченными листьями клены.

Эти деревья, которыя въ Японіи большею частію имѣютъ видъ кустарника, какъ и въ Мингреліи, одѣваютъ склоны необыкновенно густо, такъ-что среди нихъ едва возможно пробраться человѣку. Но на Кавказѣ такія заросли перебиты колючими вьющимися растеніями. Ползучія вѣтви колючей ежевики, длинные папоротники *Pteris*, смилаксъ, дикій виноградъ—все это на Кавказѣ до такой степени переплещается и спутывается кустарникъ, что нѣтъ никакой возможности пробираться черезъ него безъ ножа. Взбираясь по стволамъ на деревья, они, какъ ліаны, свѣшиваются затѣмъ внизъ въ видѣ крѣпкихъ, цѣпкихъ, нерѣдко колючихъ гирляндъ, заслоняющихъ проходы. На-

противъ того, японская растительность въ Кіу-Сіу хотя и не чужда этихъ элементовъ, но какъ и все на этихъ островахъ, эти формы лишены грубости очертаній, свойственной формамъ кавказскимъ. Вы найдете здѣсь и *Smilax*, и дикій виноградъ, и колючую ежевику, и массу однолѣтнихъ, вродѣ нашего хмѣля или фасоли, вьющихся растеній; но они не образуютъ здѣсь тѣхъ дебрей и сплетеній, тѣхъ рвущихъ платье ліанъ, какъ въ Закавказьѣ. По японскому лѣсу можно ходить свободно, несмотря на то, что количество вьющихся растеній здѣсь несравненно больше, нежели на Кавказѣ. Дѣло въ томъ, что растенія эти другого характера. Большинство изъ нихъ, нерѣдко съ мелкими и весьма красивыми листочками, могутъ быть отнесены къ типу нашего плюща. Они ползутъ по стволу, присасываясь къ нему своими корешками, благодаря которымъ весьма плотно прилегаютъ къ дереву. Стволы многихъ деревьевъ въ японскихъ лѣсахъ снизу доверху до такой степени плотно увиты этою ползучею зеленью, что не видно коры, и кажется, что стволъ состоитъ изъ сплошного сплетенія мелкихъ и разнообразныхъ листочковъ. Благодаря большой влажности воздуха, эти-же растенія столь-же плотно облѣпляютъ отвѣсныя голыя скалы и отдѣльные камни. Нерѣдко старые каменные заборы и ограды дѣлаются совершенно зелеными отъ облѣпившихъ ихъ растеній, и круглый валунъ съ человѣческую голову величиною кажется вложеннымъ въ плетенку изъ многихъ сотенъ съ серебряный пятачекъ величиною глянцевитыхъ листочковъ *Ficus scandens*. Кромѣ того, какъ въ лѣсахъ тропиковъ, въ японскихъ лѣсахъ много такъ-называемыхъ эпифитовъ, — ютящихся и живущихъ на стволахъ деревьевъ видовъ, особеннѣе папоротниковъ. Обиліе разнообразныхъ папоротниковъ, ютящихся на скалахъ, стволахъ и землѣ, представляетъ также черту сходства японской флоры съ флорою Мингреліи.

Но при всѣхъ этихъ чертахъ сходства, растительность въ Кіу-Сіу во многомъ существенно отличается отъ на-

шей мингрельской. Сосна, являющаяся на Кавказѣ лишь въ холодныхъ верхнихъ поясахъ, здѣсь повсюду играетъ роль въ пейзажѣ, одѣвая вершины отдѣльныхъ горъ, образуя живописныя группы. Какъ я имѣлъ уже случай говорить, она изгибаетъ весьма причудливо во всѣ стороны свои вѣтви, чѣмъ отличается отъ нашей *Pinus Silvestris*. Здѣсь двѣ разновидности сосны: *Pinus densiflora* и *P. Massoniana*.

Совершенно новый, неизвѣстный въ пейзажахъ запада характеръ японскимъ ландшафтамъ придаютъ заросли бамбуковъ, которыхъ здѣсь насчитываютъ болѣе шести формъ. Бамбуки образуютъ на влажныхъ склонахъ густыя дебри, вродѣ зарослей нашего камыша. Около селеній или отдѣльными группами среди лѣса они образуютъ цѣлыя рощи, выгоняя изъ земли стволы толще человѣческой ноги и достигая роста самыхъ высокихъ нашихъ деревьевъ. Такого рода бамбуковые лѣса крайне своеобразны. На голой или слегка одѣтой муравою почвѣ воздымаются гладкіе, точно лакированные, колѣнчатые стволы, такъ часто, что иногда едва остается мѣсто пройти между ними. Въ лѣсу господствуетъ пріятная зеленая полутѣнь отъ великаго множества составляющихъ сводъ тоненькихъ, гибкихъ, увѣшанныхъ блѣдно-зелеными листьями вѣтокъ. Каждый побѣгъ бамбука на вершинѣ вѣтвится такъ сильно, что представляетъ настоящее подобіе богатаго вѣтвистаго дерева, вродѣ нашей березы.

Бамбукъ въ Японіи—неизбѣжная принадлежность ландшафта; безъ его изящной листвы послѣдній немислимъ, и японскіе художники постоянно изображаютъ бамбукъ на своихъ картинахъ. Чѣмъ населеннѣе мѣстность, тѣмъ болѣе растетъ этого бамбука, тѣмъ чаще виднѣются его маленькія рощицы, съ желтыми колѣнчатыми стволами, рѣзко выдѣляющимися на нѣжной зелени листвы. Какъ злакъ, бамбукъ надо отнести къ разряду исполинскихъ травъ—и притомъ такихъ травъ, ростъ которыхъ могутъ слышать и видѣть не только сказочные богатыри, но и обыкновен-

ные смертные. Въ развитіи бамбука есть нѣкоторая аналогія съ развитіемъ нашей спаржи. Чѣмъ старше материнскій кустъ, тѣмъ болѣе мощные, толстые и быстро растущіе побѣги онъ пускаетъ. Въ одну недѣлю такой побѣгъ вырастаетъ до 12 метровъ высоты, а нѣкоторыя разновидности, при благопріятныхъ условіяхъ, первый ростъ совершаютъ столь быстро, что, накрывъ сегодня такой бамбукъ на землѣ шляпою, завтра вы эту шляпу снимаете не нагибаясь, какъ съ вѣшалки, а на третій день уже не достанете рукою. Рассказываютъ, будто въ древности существовалъ даже особый родъ казни, вродѣ сажанія на колъ: человѣка плотно привязывали къ землѣ и заставляли проростать сквозь него бамбуковый побѣгъ. За достовѣрность послѣдняго я не ручаюсь, но думаю, что при скорости роста и упругости бамбуковаго побѣга, такой фактъ ничего невозможнаго не представляетъ.

Всѣ почти стадіи развитія бамбука въ хозяйствѣ японца находятъ разнообразнѣйшее примѣненіе. Ни одно дерево не соединяетъ въ себѣ такой легкости, прочности, твердости и эластичности. Большое количество свободного кремнезема, отложеннаго въ бамбукѣ, дѣлаетъ его жесткимъ и способнымъ противостоятъ тѣмъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя разрушаютъ другія породы деревьевъ. Благодаря тому-же обстоятельству, при горѣніи ни одно дерево не издаетъ такого треска, какъ бамбуковое. Отъ этого треска, какъ отъ выстрѣловъ, убѣгаютъ дикіе звѣри. Тонкость, длина и трубчатая форма болѣе молодыхъ побѣговъ, способность образовывать узлы, равно какъ легкость, съ какою его можно щепать въ продольномъ направленіи, дѣлаютъ бамбукъ годнымъ на всевозможнѣйшія подѣлки. Куда ни бросишь, взоръ въ японскомъ хозяйствѣ, вездѣ видишь такъ или иначе примѣненный бамбукъ. Длинные стволы играютъ ту-же роль, что балки и другія основныя части нашихъ построекъ, на которыя употребляютъ большія бревна. Но при прочности этихъ послѣднихъ, они никогда не могутъ имѣть

такой легкости, какъ бамбуковые. Весла, мачты, изгороди даютъ болѣе молодыя части; еще болѣе тонкіе стволы, соединенные по нѣскольку, служатъ водопроводами. Одиночныя колѣна, смотря по тому, какой они толщины или какъ нарѣзаны, даютъ то стаканы, то цвѣточные горшки, то украшенные рѣзьбою или перламутромъ предметы роскоши. Изъ тонкихъ, нѣжныхъ бамбуковыхъ щепокъ можно дѣлать циновки, плетенки, корзинки, клѣтки, стулья, кровати, рамы, вѣера, ложки. Наконецъ, нѣжные побѣги варятся и употребляются въ пищу.

Кромѣ высокаго, разводимаго и достигающаго 15—20 метровъ высоты бамбука, *Bambusa arundinacea*, въ Японіи есть еще много другихъ дикихъ разновидностей, какъ напримѣръ: *Bambusa agrestis*, употребляемый для заборовъ, достигающій всего 6—8 метровъ; *Bambusa ruberula*, дающій красивые черные побѣги, идущій на палки и на трубки и достигающій всего 3—6 метровъ высоты, и наконецъ образующая въ горахъ густыя, непроходимыя дебри *Arundinaria japonica*, не боящаяся морозовъ. Есть еще болѣе мелкіе, напоминающіе траву, карликовые бамбуки, введенные въ послѣднее время въ наши оранжереи. Съ юга на сѣверъ въ Японіи бамбуки дѣлаются все мельче и меньше и представляютъ на Сахалинѣ лишь низкорослый, по поясъ хватающій видъ *Arundinaria kurilensis*.

Бамбуковыя заросли своею блѣдною зеленою представляютъ рѣзкій контрастъ съ темными сосновыми рощами. Сердину между тѣми и другими представляютъ роши изъ криптомерій (*Cryptomeria japonica*), одного изъ распространеннѣйшихъ и характернѣйшихъ деревьевъ Японіи. Имѣя красноватый (краснѣе чѣмъ у нашихъ сосенъ) стволъ кипариса и обладая плотною, столь-же густою, мягкою зеленою, напоминающею зелень сѣвернаго можжевельника, *Juniperus communis*, но еще плотнѣе и мягче, криптомеріи зеленѣе и ярче нашихъ сосенъ и кипарисовъ и достигаютъ иногда исполинскихъ размѣровъ. Густая тѣнь ихъ зарослей имѣетъ нѣчто таинственное. Поэтому, вѣроятно, вмѣ-

етѣ съ сосною криптомерію избираютъ для посадокъ около храмовъ и кладбищъ, гдѣ вы видите исполиновъ въ 5—6 метровъ въ обхватѣ и до 30 метровъ высоты съ конусообразными кронами. Древесина криптомерій цѣнится гораздо выше сосновой.

Таковы наиболѣе бросающіяся въ глаза дикорастущія формы на низменной культурной береговой части Кіу-Сіу; онѣ повторяются и далѣе, до болѣе значительныхъ высотъ, гдѣ характеръ растительности замѣтно измѣняется.

Но мы сильно ошибемся, если эти сосновыя, бамбуковыя и криптомеріевыя роши примемъ за остатки настоящихъ японскихъ лѣсовъ. Всѣ эти деревья посажены рукою человѣка, и если въ нихъ нѣтъ казеннаго единообразія нашихъ искусственно разведенныхъ лѣсовъ, то только потому, что японецъ, выводя полезныя для него деревья въ питомникѣ, затѣмъ высаживаетъ ихъ прямо въ лѣсъ, на мѣсто вырубленныхъ, не трогая другихъ лѣсныхъ кустарниковъ и деревьевъ. Участки коренного, первобытнаго лѣса въ Японіи вовсе не часты въ нижней ея культурной полосѣ. Но все-же, обыкновенно въ видѣ зарослей въ два и три раза превышающихъ ростъ человѣка кустарниковъ, и они попадаются по дорогѣ въ Моги.

Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ Японіи, гдѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ такими лѣсами, они, сохраняя описанный выше характеръ листвы, рѣзко отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ типовъ лѣсовъ внѣтропической части сѣвернаго полушарія.

Нѣчто аналогичное мы встрѣчаемъ еще въ лѣсахъ Америки. Какъ тамъ, такъ и тутъ перемеживаются другъ съ другомъ всевозможные роды и виды деревьевъ. Но если въ чернолѣсѣ Америки мы, при изобиліи видовъ, имѣемъ еще нѣкоторую бѣдность родами, то этого нельзя сказать про лѣса Японіи. Здѣсь что ни дерево, то особый какой-нибудь родъ. Въ нашемъ климатѣ творческая сила природы преимущественно ушла на то, чтобы насадить коверъ разнообразнѣйшихъ травъ и цвѣтовъ; въ Япо-

ни-же она устремила свое вниманіе на невысокія, но необычайно разнообразныя деревья и кустарники.

Болѣе всего бросаются въ глаза камфарныя деревья съ ихъ полуовальной глянцевитой листвою — *Cinamomum camphora*, *pedunculata*, и необыкновенное разнообразіе дубовъ съ кожистою блестящею листвою: *Quercus acuta*, *glabra*, *glaucsa*, *phyllyrhoides*, *surata*. Затѣмъ идутъ каштаны (*Castanea vulgaris*), *Aphananthe aspera*, *Populus Sieboldi*, *Ilex crenata*, *Melia japonica*, *Sophora japonica*; изъ полукустарниковъ: азалии, *Celtis sinensis*, *Zelkova keaki*, и великое множество другихъ, между которыми не послѣднюю роль играетъ самшитъ—*Buxus sempervirens*.

По разнообразію породъ и внѣшности деревьевъ японская чаща напоминаетъ тропики. Подъ сѣнью ея такъ же темно, такъ же мало цвѣтовъ, какъ и въ дѣвственныхъ лѣсахъ тропическаго міра. Многіе роды тропическихъ деревьевъ и кустарниковъ Явы имѣютъ своихъ представителей и въ японскихъ чащахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ листва ихъ менѣе кожиста и опадаетъ подъ осень, что приближаетъ ихъ къ нашимъ деревьямъ. Обиліе же видовъ такихъ родовъ, какъ дубъ и каштанъ, придаетъ японскимъ лѣсамъ нѣчто общее съ нашими. Ліаны, эпифиты-сцитсминей тропиковъ,—здѣсь представлены, но въ мелкихъ миниатюрныхъ видахъ, и я не могу подобрать для общей характеристики японскаго лѣса другого названія, какъ тропическій лѣсъ въ миниатюрѣ. Такія свойства японскаго лѣса въ Кіу-Сіу стоятъ, какъ мнѣ кажется, въ полномъ соотвѣтствіи съ климатомъ. Влажный, насыщенный лѣтомъ парами воздухъ этого острова—воздухъ чисто-тропической страны, и Кіу-Сіу, омываемый теченіемъ Куро-Сиво, несущимъ къ его берегамъ воды тропическихъ морей, имѣлъ-бы вполне тропическую природу,—но зимою постоянно дующій сѣверо-восточный вѣтеръ приноситъ холодный сибирскій воздухъ, и въ Токио термометръ падаетъ иногда до—10° С. Правда, море смягчаетъ холодъ этого вѣтра, и Японія гораздо теплѣе соотвѣт-

ствующихъ береговъ Кореи. Но все-же зимнія температуры мало благопріятны для тропическихъ формъ. Эти послѣднія здѣсь или выродились въ мелкія формы, или смѣнились тѣмъ переходнымъ типомъ съ глянцевыми кожистыми листьями, о которомъ мы говорили и подобіе которому мы находимъ въ каштанѣ, фурмѣ и другихъ немногихъ мингрельскихъ видахъ.

Таковы внѣшность и значеніе дикой растительности края. Но растительность эта въ противоположность Мингреліи играетъ болѣе чѣмъ второстепенную роль, и въ то время какъ на горахъ Закавказья глазъ видитъ лишь лоскутки полей, разбросанныхъ среди кустарника и лѣса, одѣвающего склоны,—здѣсь, наоборотъ, невоздѣланные участки лишь маленькими клочками разбросаны среди культурной страны. Эта японская культура не можетъ не вызвать глубокаго изумленія у всякаго, кто хотя сколько-нибудь интересуется земледѣліемъ.

Японія—одинъ изъ немногихъ участковъ земного шара, гдѣ культура человека не только не испакостила природы, какъ то бываетъ почти всюду, но, напротивъ, сдѣлала ее еще прекраснѣе и разнообразнѣе. Мы у себя привыкли видѣть, что для пашни выбираютъ по возможности ровныя мѣста, пологіе склоны, оставляя невоздѣланными всѣ кручи, всѣ настоящія горы, которыя обыкновенно обнажаются отъ лѣсовъ и въ лучшемъ случаѣ назначаются для пастбища скота. Не такъ здѣсь. На Кіу-Сіу каменистый склонъ горы снизу доверху унизанъ полями; но такъ-какъ нерѣдко эти поля ютятся на мѣстахъ настолько крутыхъ, что вода легко можетъ смыть какъ самый посѣвъ, такъ и питающую его почву, то во избѣжаніе этого склонъ выравнивается въ видѣ небольшой площадки, которая снизу поддерживается каменной стѣнкой. Такимъ образомъ большинство горъ и горныхъ склоновъ превращаются въ безконечный рядъ террасъ или уступовъ, нѣсколько напоминающихъ тѣ, какіе дѣлаютъ для виноградниковъ. Но террасы японскихъ полей гораздо шире и

короче; онѣ иногда имѣютъ совершенно квадратныя очертанія. Онѣ не вытянуты въ столь правильные ряды и ступени, какъ виноградники, но раскиданы болѣе причудливо и капризно, принаравливаясь къ характеру самихъ горныхъ склоновъ. Характеръ посѣвовъ на этихъ поляхъ тоже не одинаковъ. Поля, занимающія мѣста болѣе низкія, окаймляющія ручейки, къ самымъ побережьямъ которыхъ террасообразно спускаются пашни, посвящены культурѣ растеній болотнаго характера; выше культивируются формы, любящія болѣе сухую почву.

Мѣста, занятая пашнею, нигдѣ здѣсь не имѣютъ того унылаго голаго вида, который присущъ культурнымъ полямъ большинства нашихъ странъ. Обложенные камнемъ уступы полей обыкновенно обсаживаются деревьями, имѣющими практическое значеніе въ жизни японца. Въ Кіу-Сіу это чаще всего восковое дерево, съ перистыми, нѣсколько напоминающими ясенъ листьями, плоды котораго даютъ всѣмъ извѣстный растительный воскъ, идущій на приготовленіе японскихъ свѣчей. Рѣже здѣсь сажаютъ хиву, *Mespilus japonica*, или издали напоминающую фурму—«каки» (*Diospyros keaki*)—любимые фрукты японцевъ. Чаще вы видите по краямъ полей ряды стройныхъ вѣрныхъ пальмъ *Chamaecops excelsa*—этой послѣдней изъ пальмъ востока Азіи, забирающейся столь далеко на сѣверъ, что ей приходится видѣть снѣгъ. Эта самая сѣверная пальма Азіи по очертанію листьевъ сходна съ единственною пальмою Европы—*Chamaecops humilis*, но ея листья шире, крона богаче листвою и стволъ пушистѣе. Она чаще, чѣмъ европейскіе *Chamaecops* въ Испаніи, принимаетъ видъ дерева и въ этой формѣ употребляется туземцами для посадки у полей, которымъ она придаетъ тропическій видъ. По сравненію съ испанскими пальмами тропиковъ, ростъ этой японской пальмы столь-же малъ, какъ и ростъ самихъ японцевъ по сравненію съ жителями континента. Она едва въ два раза выше обыкновеннаго человѣческаго роста. Но увѣнчанная кроною листьевъ съ болтающимися

изъ-подъ нихъ гроздьями желтыхъ цвѣтовъ, она не лишена эффекта и много содѣйствуетъ красотѣ и оригинальности пейзажа. Японцы пользуются волокнами, одѣвающими стволъ этой пальмы, и готовятъ изъ нихъ особую мохнатую, не пропускающую воды одежду для полевыхъ работъ.

Такимъ образомъ, густо заселенные, почти сплошь снизу доверху воздѣланные склоны горъ Кіу-Сіу представляютъ для глаза чрезвычайно пріятную и разнообразную картину, такъ-какъ передъ вами не голая равнина поля, а уступы желтѣющихъ нивъ, осѣняемыхъ зеленью самыхъ разнообразныхъ деревьевъ, которыя здѣсь, не стѣсняемыя въ ростѣ, развиваютъ чрезвычайно красивыя роскошныя кроны.

Какъ я уже говорилъ, несмотря на сплошную обработку страны, я не видалъ ни одного уголка въ Кіу-Сіу, совершенно лишеннаго лѣса. Вездѣ, гдѣ выступающій камень не допускаетъ полевой культуры, вы имѣете уголки или дѣвственной глуши вѣчно-зеленаго лѣса-кустарника, откуда доносится благоуханье гарденій и дикихъ жасминовъ, или хорошій строевой лѣсъ изъ сосенъ, криптомерій, кипарисовъ или ярко-зеленыхъ бамбуковъ. Эти красивые лѣса постоянно передъ глазами: они то увѣнчиваютъ собою острую вершину горы, то появляются изъ-за поворота спускающейся змѣйкою со склона горы дорожки. Они ласкаютъ глаза своею зеленью, манятъ прохладою глубокой тѣни на украшенномъ папоротниками грунтѣ. Эти лѣса Японіи, можно сказать, вѣчны. Если вырубятъ сосны, немедленно между пнями исчезнувшихъ стволовъ садятъ молоденькія криптомеріи или камфарныя деревья, и черезъ нѣсколько лѣтъ молодая поросль вновь украшаетъ недавно оголенное мѣсто.

Японскій земледѣлецъ не знаетъ унылой и однообразной, безбрежно раскинувшейся пашни. Какъ ни интенсивно обработанъ край, всегда глазъ встрѣчаетъ и горку, и лѣсокъ, и зеленый лужокъ, и ручеекъ. Всегда японецъ

видить зелень разнообразной древесной растительности, и воспитанный въ подобной обстановкѣ многія поколѣнія, онъ, повидимому, чувствуетъ въ ней потребность, не можетъ обойтись безъ нея, скучаетъ, если не видитъ ея передъ собою. Возьмите его домашнюю обстановку, его дворъ, его гостиницу, и вы увидите повсюду стремленіе имѣть передъ глазами этотъ заманчивый видъ зеленой растительности, веселаго зеленого пейзажа. На длинныхъ полосахъ бумаги или матеріи, вѣшаемыхъ на стѣны вмѣсто обоевъ, всегда изображены ландшафты родной страны, съ ея зарослями бамбуковъ, берегомъ рѣчки и расположенной на берегу деревушкой, группой деревьевъ на пригоркѣ и нерѣдко виднѣющейся на горизонтѣ вершиною горы Фузы-Яма—этого почти боготворимаго вулкана Японіи, поразительной красоты и идеальной конической формы, съ вѣчно бѣлѣющими снѣгами на макушкѣ.

Но японецъ не ограничивается пейзажами только на своихъ стѣнахъ. Въ большинствѣ домовъ, не только сельскихъ, но и городскихъ, какъ-бы сильно ни были скучены эти послѣдніе, вы найдете небольшіе садики. Эти садики часто помѣщаются на задворкахъ дома, въ маленькихъ закоулкахъ, въ оставшихся отъ построекъ мѣстахъ, которыя у европейца непременно сдѣлались-бы мѣстомъ свалки всевозможныхъ нечистотъ и отбросовъ. Японецъ-же находитъ возможность эти небольшіе въ 2—3 квадратныхъ сажени участки превратить въ прелестные зеленые уголки. Онъ помѣститъ здѣсь нѣсколько скалъ изъ туфа, увѣстъ ихъ зеленью ползучихъ растеній; усыпанные цвѣтами азалии, нѣсколько карликовыхъ сосенъ и вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ образуютъ у него рощу у подножія скалы, а свѣжая зелень бамбука скроетъ наготу стѣны сосѣдняго дома. Нерѣдко небольшой резервуаръ съ водою придаетъ его ландшафту видъ берега рѣчки, по которому онъ разсадитъ большіе крапчатые, глянцевитые листья японской *Tussilago*. Онъ сдѣлаетъ навѣсъ у задняго бал-

кончика своей комнаты настолько длиннымъ, чтобы скрыть отъ глазъ окружающія некрасивыя постройки, и отдыхая со своей трубкой табаку въ задней половинѣ дома, любитъся созданнымъ имъ хорошенькимъ пейзажемъ, гдѣ то расцвѣтаетъ алая азалія, то спускаетъ голубыя гроздья цвѣтовъ обвивающая балконъ глицинія или какой-нибудь другой излюбленный цвѣтокъ, занимающій определенное мѣсто въ пейзажѣ. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ гостинницахъ такіе садики очень эффектны; въ большихъ-же городахъ и гостинницахъ есть значительной величины карликовые сады, разбитые съ замѣчательнымъ изяществомъ. Объ этихъ садахъ мнѣ, впрочемъ, придется еще говорить ниже. При тепломъ климатѣ страны эти дворики-садики замѣняютъ горшечную культуру цвѣтовъ на окнахъ нашихъ домовъ, и замѣняютъ гораздо лучше въ смыслѣ эстетики.

Мы, русскіе, такъ привыкли связывать съ густотою населенія представленіе о беспощадномъ лѣсоистребленіи, что намъ кажется просто невѣроятнымъ, чтобы на Кіу-Сіу, несмотря на густоту населенія, могло быть такое обиліе лѣса. А между тѣмъ это такъ. По статистическимъ даннымъ на Кіу-Сіу до сихъ поръ еще 696,922 хо * лѣса, тогда какъ площадь всего острова занимаетъ 4.158,464 хо. Такимъ образомъ, 17⁰/₀ территоріи острова занято некультурною лѣсною растительностью. И притомъ, это еще самый безлѣсный островъ. На Сикоко 64¹/₀ всей территоріи занято лѣсомъ, а на Ниппонѣ 44⁰/₀.

Въ среднемъ, лѣса въ Японіи занимаютъ 41⁰/₀ всей поверхности, причемъ на долю искусственно разведенныхъ приходится не болѣе 18⁰/₀; тогда-какъ пашня занимаетъ всего 15⁰/₀ всей страны и пустыри—37⁰/₀. Такоѣ большой процентъ лѣсовъ и малый пахенъ объясняется гористостью страны и тѣмъ обстоятельствомъ, что сѣверъ Японіи мало населенъ. Но при густотѣ населенія, подобной япон-

* 1 хо около 10,000 кв. метровъ.

ской, мы съ нашими обычаями превратили-бы эти горы въ пустыни,—японецъ, напротивъ, поддерживаетъ лѣсъ искусственнымъ лѣсоразведеніемъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что дерево японцу менѣе нужно, чѣмъ намъ. Большую часть года здѣсь такъ тепло, что о топкѣ печей не можетъ быть и рѣчи. Въ домахъ и нѣтъ печей, есть лишь жаровни, на которыхъ держатъ угли. На этихъ жаровняхъ готовятъ обѣдъ; ихъ-же ставятъ къ ногамъ, и закутываясь одѣялами, японецъ въ зимнее время употребляетъ эти жаровни по ночамъ для согрѣванія, рискуя нерѣдко угорѣть съ этою грѣлкою. Такимъ образомъ, здѣсь употребляютъ не дрова, а уголья для жаровенъ,—и это сильно сокращаетъ расходъ на топливо.

Точно также мало идетъ лѣса и на постройку домовъ. Правда, города часто страдаютъ отъ пожаровъ. Но лишь главныя балки и стропила большихъ зданій дѣлаются деревянныя: легкій бамбукъ замѣняетъ въ остальныхъ частяхъ зданія нашъ лѣсъ.

Скорѣе на различныя деревянныя подѣлки, чѣмъ на постройку, истребляются деревья японскихъ лѣсовъ, и при разумной экономіи, надо думать, страна восходящаго солнца никогда не лишится своего главнаго украшенія—зеленаго лѣса.

Но позвольте вернуться къ японскимъ полямъ и здѣшнему земледѣлію. Я уже говорилъ, что крошечныя, иногда всего въ нѣсколько квадратныхъ сажень, поля японцевъ не даютъ той однообразной картины, какъ наши пашни. Благодатный климатъ Кіу-Сіу позволяетъ снимать здѣсь съ поля по двѣ, по три жатвы въ годъ. Сѣвооборотъ начинается здѣсь съ осени. Въ октябрѣ или ноябрѣ сѣется озимая пшеница; на холодное зимнее время она пріостанавливаетъ свой ростъ, и развиваясь весною, какъ озимая; въ маѣ мѣсяцѣ начинается окончательно созрѣвать.

Когда я ѣхалъ въ Моги, какъ-разъ было время жатвы.

Поля имѣли видъ желтѣющихъ полосъ и квадратовъ, пестрѣвшихъ среди зелени холмовъ. Кромѣ этихъ желтыхъ пятенъ, пейзажъ разнообразился также побурѣвшими посѣвами бобовъ, сборъ которыхъ предшествуетъ жатвѣ пшеницы. Тамъ и сямъ между желтыми полями на какомъ-либо уступѣ вы видите какъ-бы нарочно раскинутый изумрудно-зеленый коврикъ; это площадка, густо засѣянная рисомъ—разсада для будущихъ рисовыхъ полей. Самыя пшеничныя поля японцевъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Далеко не всѣ они представляютъ, какъ у насъ, чистый посѣвъ злака. Даже и тамъ, гдѣ вы видите таковой, пшеница не посѣяна, а посажена рядами, какъ то дѣлается у насъ на нѣкоторыхъ опытныхъ станціяхъ съ рѣдкими сортами. Культура этого злака здѣсь сводится на культуру огороднаго растенія. Смотря на эти миниатюрныя поля и густое населеніе, недоумѣваешь, какъ они могутъ прокормить это послѣднее. Но не слѣдуетъ забывать, что главная пища японца—рисъ, а не пшеница. Пшеничная мука идетъ у нихъ на похлебки, клецки и т. п. Это чаще приправа, чѣмъ пища. То-же можно сказать и о весьма рѣдко разводимыхъ ржи и ячменѣ, качество которыхъ значительно уступаетъ нашему: зерно ихъ мелкое и твердое.

Весьма часто пшеница сажается одновременно съ соей (видомъ боба)—способъ культуры, видѣнный мною только на дальнемъ востокѣ Азіи и поразившій меня своею цѣлесообразностью. Извѣстно теперь, что бобовые и злаки требуютъ совершенно различныхъ удобрительныхъ веществъ. Нива, истощенная одними, можетъ давать хорошіе урожаи другихъ.

Вмѣсто того чтобы устраивать, какъ у насъ, постоянныя плодосмѣны, японцы сообразили, что соя требуетъ совершенно иныхъ питательныхъ веществъ, чѣмъ пшеница, и посѣянная между послѣднею, не можетъ играть роли бурьяна и мѣшать росту пшеницы. Они сажаютъ ихъ вмѣстѣ на одно поле тѣсными рядами: рядъ пшеницы,

рядъ сои и т. д. Соя, развиваясь сперва медленно, остается скрытою въ тѣни колосьевъ, такъ-что издали поле кажется чисто пшеничнымъ. Но вотъ наступаетъ время жатвы, пшеницу убираютъ, соя быстро поднимается, развиваетъ вѣтви, скрываетъ обнаженные борозды—и скоро опять веселое зеленое поле является на мѣстѣ пожелтѣвшей нивы. Соя очень любима японцами; ее сажаютъ всюду и массами.

Сжатая пшеница обыкновенно связывается въ большіе снопы, причемъ ихъ перевязываютъ около самыхъ колосьевъ. Такіе пучки надѣваются на длинныя жерди по одному на каждый конецъ и на плечахъ сносятся домой на токъ, гдѣ они обмолачиваются трехконечными цѣпами. Къ срединѣ мая уборка пшеницы на Кіу-Сіу обыкновенно кончается. Сельская природа края принимаетъ совершенно иной видъ. Бобы и пшеница исчезаютъ совершенно. Изъ прежнихъ посѣвовъ остаются лишь поля сои. На освободившихся мѣстахъ сажаютъ картофель, обыкновенный и сладкій, или бататы, для которыхъ выбираютъ сухія, расположенныя выше поля. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ глазъ видитъ красивыя, напоминающія по своему виду комнатный арумъ, листья *Caladium*, засаживаемаго цѣлыми полями; клубни этого *Caladium* даютъ весьма вкусную овощь. На мѣстахъ сильно сырыхъ поле затопляется совершенно, превращаясь въ маленькій прудъ, надъ которымъ, какъ исполинскіе зонтики, начинаютъ развѣваться листья лотоса *Nelumbium*. Подъ осень пышные розовые цвѣты сплошь покрываютъ такіе пруды, придавая имъ красивый оригинальный видъ. Клубни лотоса составляютъ любимую проstonародную пищу на Кіу-Сіу, и жители этого островка вполне могли-бы въ этомъ отношеніи поспорить съ знаменитыми лотофагами Гомера.

Но не столько всѣ эти разнообразныя растенія, сколько рисъ преобладаетъ въ лѣтнее время года въ ландшафтахъ Кіу-Сіу. Большинство полей передѣлываются заново. Ихъ каменные загородки подновляются, щели законопачивают-

ся глиною. Изъ сосѣднихъ ручьевъ и источниковъ отводится вода, которая, затопляя поля, превращаетъ почву въ жидкую грязь. Въ этой грязи почти нагой японецъ проводитъ борозды примитивнымъ плугомъ, какимъ вѣроятно пахали во времена Адама. Плугъ этотъ деревянный и состоитъ просто изъ двухъ подъ угломъ скрѣпленныхъ кусковъ дерева, изъ коихъ одинъ, коротенькій и заостренный, служитъ для взрыванія земли, а другой, болѣе длинный, играетъ роль дышла для воловъ, которыми производится обработка. Чаше такой пахотѣ предшествуетъ ручная обработка земли чѣмъ-то вродѣ ручной желѣзной сѣчки. Смѣшанная съ водою вспаханная земля скоро раскисаетъ въ жидкую грязь, и эту грязь еще разъ, вмѣсто бороньбы, перемишиваютъ особыми досками. Мало-по-малу поле превращается въ резервуаръ съ кашицеобразной грязью, въ которой нога тонетъ по колѣно. Мы говорили, что въ эту грязь, кромѣ травы, никакого удобрения не кладется. Изъ бархатистыхъ лоскуточковъ, засѣянныхъ рисомъ, выдергиваются пучки молодого злака, и обыкновенно женщины проворно разсаживаютъ ростки въ жидкую грязь поля, которая скоро ихъ и засасываетъ.

Получается рядами засаженное рисовое поле. Вода, пускаемая сверху на поле, протекаетъ по немъ и черезъ небольшой желобокъ въ видѣ каскада падаетъ на слѣдующее поле и т. д., пока не дойдетъ до самаго низа расположенныхъ террасами поствовъ.

Грязь скоро улегается. Поставы зеленѣютъ; вода бѣжитъ между ними, чистая какъ кристалъ, и склоны горъ представляютъ оригинальное зрѣлище страны каскадовъ. Всюду журчитъ вода; вездѣ видна ея зеркальная поверхность, изъ которой торчатъ молодые всходы; вездѣ низвергаются небольшіе водопады, бѣгушіе съ поля на поле по высокимъ уступамъ.

Рисъ поспѣваетъ позднею осенью. Гѣмъ временемъ на сухихъ поляхъ успѣютъ собрать 2 и 3 жатвы бобовъ, на ихъ мѣстѣ выростутъ на сухихъ откосахъ пышные

листы и желтые цвѣты тыквы, огурцовъ, а тамъ, гдѣ весною произросталъ рапсъ, явятся посѣвы рѣдьки. Для всѣхъ этихъ растеній японцы не скупаются на удобреніе. Кромѣ скотскаго помета, извести и другихъ принятыхъ у насъ удобрительныхъ веществъ, они употребляютъ также человѣческія изверженія. Отхожія мѣста въ Японіи содержатся весьма чисто, хотя и не имѣютъ высокихъ сидѣній, а въ уровень съ землею расположенныя отверстія. Такія отхожія мѣста имѣются при всякомъ домѣ. Они очень хорошо обставлены въ придорожныхъ чайныхъ домахъ, гдѣ дорожатъ каждымъ посѣтителемъ. Человѣческая моча здѣсь также цѣнится очень высоко, и даже среди полей въ болѣе населенныхъ мѣстахъ вы нерѣдко встрѣчаете врытыя въ землю ведра, играющія роль писсуаровъ. Возвращающіеся съ базара крестьяне нерѣдко тащутъ домой ведра съ собранными въ городѣ экскрементами. Навозный запахъ полей не шокируетъ обонянія японца; онъ привыкъ къ нему съ дѣтства.

Изъ всего сказаннаго читатель легко можетъ видѣть, какъ разнообразенъ составъ культурныхъ растеній, находящихся въ распоряженіи японца. Но этимъ не исчерпывается и половина всего, что разводится на поляхъ. Я перечислилъ лишь растенія, играющія роль въ пейзажѣ, разводимыя въ массахъ. Но кромѣ нихъ, по сосѣдству съ домами разводятся огородныя овощи. Между послѣдними я съ удивленіемъ видѣлъ цѣлыя поля нашего любимаго дачнаго лѣтника, *Perilla nankinensis*, сѣмена котораго считаются здѣсь хорошею кухонною приправою.

Помимо того, что всѣ эти растенія даютъ японцу весьма разнообразную пищу, ихъ маленькія, скорѣе напоминающія игрушечные огородики, поля, требующія каждое особаго ухода, разнообразятъ и работу, и ландшафтъ. Японскій крестьянинъ не знаетъ ни однообразнаго ландшафта, ни однообразной работы. Сегодня онъ пачкается въ жидкой грязи, приготовляя поле подъ рисъ, вчера у него была жатва, завтра молотьба, тамъ садка картофеля,

тамъ полотьба и т. п. Его взоръ падаетъ на пространство, гдѣ черезъ каждыя нѣсколько квадратныхъ саженой новое растеніе, иное поле. Сами эти поля разнообразятся горами, перелѣсками, рощами. Тамъ подъ стѣною причудливыхъ сосенъ пріютился храмъ богу земледѣлія, которому въ мѣсяцы засухи или опасаясь неурожая японцы служатъ молебны; теперь онъ стоитъ пустой въ таинственной тѣни деревъ. Далѣе роща камфарныхъ деревъ пріютила маленькое чистенькое сельское кладбище. Тамъ каменный склонъ къ рѣкѣ одѣтъ кустарникомъ и папоротникомъ. Зеленъ, мягкость очертаній и разнообразіе—вотъ что видитъ постоянно передъ своими глазами японецъ съ ранняго дѣтства и до глубокой старости, и эта обстановка, надо думать, не мало содѣйствовала выработкѣ мягкости, разносторонности и впечатлительности японскаго характера, составляющихъ предметъ удивленія для иностранцевъ.

Всѣ только-что описанныя культурныя растенія можно наблюдать въ любомъ уголкѣ Кіу-Сіу. Все это особенно эффектно выражено и по пути изъ Нагасаки въ Моги, и любуясь этою природою и культурою, вы незамѣтно пріѣзжаете въ упомянутую деревушку, расположенную на берегу весьма красиваго залива. Здѣсь, въ ожиданіи парохода, можно пообѣдать въ японскомъ или на европейскую ногу устроенномъ Hôtel Nagasaki обѣдомъ изъ свѣжей морской рыбы и другихъ продуктовъ, чтобы затѣмъ переѣхать на другой берегъ залива въ такую-же деревушку Обама. Маленькій японскій пароходикъ, не больше нашихъ финляндскихъ пароходиковъ, перевозящихъ пассажировъ черезъ Неву, устроенъ совершенно по туземному. Каюты не имѣютъ сидѣній; полъ устланъ циновками, проходы узки. Для европейца они не представляютъ удобствъ, но японецъ чувствуетъ себя въ этихъ каютахъ въ своей обстановкѣ. Такими маленькими пароходиками соединены между собою всѣ болѣе или менѣе значительныя побережныя деревушки, и приморское населеніе Кіу-Сіу пользуется скорыми и де-

шевыми путями сообщенія, которымъ могли-бы позавидовать многія другія островныя страны.

Такъ-какъ заливы Kiu-Siu подвержены сильнымъ приливамъ и отливамъ, и приливныя теченія здѣсь очень значительны, то пароходы выжидаютъ часа наибольшей воды, чтобы двинуться въ путь.

Переѣздъ длится около двухъ часовъ, которые нельзя считать потерянными, такъ-какъ всю дорогу виды на берега восхитительны. Сама Обама, кромѣ ея теплыхъ ключей, ничего особеннаго не представляетъ, почему я предпочелъ, взявши носильщика, въ тотъ-же день подняться до Онзена. Я не буду описывать красивой дороги, ведущей по вулканической почвѣ горы. Ландшафты представляли различныя варіаціи на уже описанныя темы.

Поднимаясь выше и выше, вы постепенно покидаете область флоры береговой зоны и вступаете въ полосу, гдѣ попадаются то луговыя пространства—мѣста уничтоженнаго лѣса, то заросли невысокаго кустарника съ мелкими, большею частью вѣчно-зелеными листьями. Этотъ кустарникъ, гдѣ преобладаютъ рододендроны съ розовыми цвѣтами, азалии, самшиты и другія похожія на нихъ по внѣшности формы, весьма интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ въ миниатюрѣ большія старыя деревья. Это, такъ - сказать, карликовый вѣчно зеленый лѣсъ. Среди него, впрочемъ, попадаются и настоящія деревья, между прочимъ, изъ рода *Laugus*, напоминающія камфарныя. Идя среди всѣхъ этихъ образований, иногда чередующихся съ болотами, заросшими мхомъ *Eriophorum* и ирисами, вы достигаете Онзена—деревни съ нѣсколькими японскими отелями, многочисленными купальнями съ горячими сѣрнистыми водами и съ горячими источниками. Постройка деревенскихъ домовъ въ сущности такъ мало отличается отъ городской, что на ней я позволю себѣ не останавливаться. Деревушка—это тотъ-же городскъ, только въ миниатюрѣ. Тѣ-же сѣрыя черепичатая крыши, глиноплетныя стѣны домовъ, балкончики,

полы. Окрестности Онзена несравненно интереснѣе. Помимо того, что для гуляющаго открывается здѣсь рядъ роскошныхъ панорамъ на заливъ и лежащія подъ ногами окрестности—онѣ любопытны еще и въ естественно-историческомъ отношеніи.

Горы Онзена, всѣ вмѣстѣ взятыя, по моему убѣжденію, представляютъ продуктъ размыванія одного нѣкогда весьма большого вулкана, въ кратерѣ котораго расположена деревня. Вулканъ этотъ давно погасъ, а текшія по его склонамъ воды промыли въ нихъ рядъ рывинъ, рядъ характерныхъ для всякаго вулкана *barrancas*, которыя, углубившись, мало-по-малу превратились въ настоящія долины. Денудация зашла здѣсь такъ далеко, что эти долины перешли черезъ кратеръ и разрѣзали кольцо, окаймляющее котловину кратера, на рядъ отдѣльныхъ вершинъ, соединенныхъ неясно выраженными перемычками.

Склоны *barrancas* дали начало второстепеннымъ долинамъ, также отчасти перерѣзавшимъ свои водораздѣлы. Такимъ образомъ вулканъ распался на цѣлую горную группу, единство происхожденія которой, однако, легко понять, если подняться на одну изъ болѣе высокихъ вершинъ, съ которой видно, что она составляетъ часть стѣнки исполинскаго, не вполне еще разрушившагося кратера. Дно кратера, занятое теперь лугами, кустарникомъ и деревнею Онзеномъ, еще до сихъ поръ сохранило слѣды угасающей вулканической дѣятельности въ видѣ выдѣленія паровъ, вырывающихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большою силою, равно какъ въ ключахъ изъ кипятка, бьющихъ небольшими, напоминающими маленькіе гейзеры фонтанами, и въ минеральныхъ источникахъ, весьма богатыхъ сѣрою, имѣющихъ температуру выше 40° С. и по характеру своему весьма напомнившихъ мнѣ горячіе источники города Тифлиса. Ихъ употребляютъ для лѣчебныхъ цѣлей, и сюда стекается для купанья множество больныхъ, дѣлающихъ (особенно въ лѣтнее время) Онзенъ настоя-

щимъ курортомъ *. Окрестности Онзена изобилуютъ роскошными видами на море à vol d'oiseau и на зеленые предгорья вулкана. Но лучшая и бесспорно интереснѣйшая изъ прогулокъ, какую только можно сдѣлать изъ этого мѣстечка—это восхожденіе на Фузенъ-Дакэ. Прогулка эта одинаково удовлетворитъ какъ художника, такъ и натуралиста. Сначала вы идете по внутренности бывшего кратера, гдѣ пожаръ произвелъ сильное опустошеніе въ нѣкогда покрывавшемъ его кустарникѣ. Теперь на мѣстѣ лѣса растетъ низкая грубая трава, да не совсѣмъ сгорѣвшіе кустики ольхи даютъ новые отпрыски. Зато когда начинается подъемъ на одинъ изъ обломковъ кратера—вершину Фузенъ, картина мѣняется.

Въ описываемое время года весь подъемъ представлялъ одинъ сплошной пестрый коверъ изъ цвѣтущихъ ярко-красныхъ азалій и рододендроновъ, напоминающихъ альпійскія (*Rhododendron kamtschaticum?*), съ эффектными розовыми цвѣтами. По этому красивому пестрому турецкому ковру порхали крупныя бабочки, очертаніями и красками не уступающія тропическимъ *Equitida*.

Еще выше за этою полосой азалій и рододендроновъ, какъ-бы завершающихъ зону вѣчно-зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ Японіи, уже около самой вершины Фузена, т.-е. около высоты 4,000 ф., вы вступаете въ совершенно иной міръ, переносящій васъ въ родные края. Глянцевитый темный листъ вѣчно зеленой растительности смѣняется здѣсь нѣжною, мягкою, только-что распустившеюся листовою нашихъ широколиственныхъ породъ. Вы вступаете подъ сѣнь дубовъ, буковъ, кленовъ, грабовъ и ольхъ, въ заросли калины, цвѣтущей спиреи и т. п. породъ, тождественныхъ или близкихъ съ растущими въ окрестностяхъ Владивостока и очертанія которыхъ знакомы намъ съ

* Какъ курортъ для чахоточныхъ и сифилитиковъ, Онзенъ пользуется громадною славой. Люди, признававшіеся безнадежными, въ короткое время получали здѣсь полное излѣченіе.

дѣтства. Особенно клены, цвѣтушія рябины и ясени сходны съ нашими. Въ тѣни этихъ породъ я находилъ фіалки, ландыши, мускусники (*Adoxa moschatellina*), *Smilacina biloba*, орхидныя и др. травянистыя растенія, близкія къ нашимъ. Не отдѣльныя породы, но вся формація широколиственныхъ съ опадающею листвою деревъ являлась во всей полнотѣ на этихъ вершинахъ.

Въ то время какъ японскіе лѣса въ нижнихъ своихъ зонахъ поражаютъ молчаливостью, и тамъ вы не услышите ни щебетанія птички, ни пѣнія—здѣсь, наверху, въ свѣжей зелени низкорослыхъ лѣсовъ, отовсюду раздавались разнообразнѣйшія мелодіи птичьихъ напѣвовъ, тотъ дружный щебетъ, который у насъ услышишь въ майское утро въ лѣсахъ, на примѣръ, Полтавской губерніи. Разсматривая почву, бывшую у меня подъ ногами, я не могъ не замѣтить также рѣзкой въ ней перемѣны. Это уже не былъ болѣе краснобурый латеритъ, то совершенно красный, какъ кирпичъ, то—на лугахъ и въ бамбуковыхъ заросляхъ—нѣсколько окрашенный въ темные или шоколадные цвѣта перегноемъ. Здѣсь была та сѣрая лѣсная земля, которую мы привыкли видѣть въ нашихъ липовыхъ и дубовыхъ лѣсахъ средней Россіи — можетъ быть, немного болѣе темная, богатая перегноемъ. Съ вершины Фузенъ-Дакэ открывается одна изъ роскошнѣйшихъ панорамъ на Кіу-Сіу. Подъ вашими ногами, какъ развалины крѣпости, лежатъ пики, хребты и ущелья, оставшіеся отъ разрушенія когда-то образывавшаго котловину оазиса кольцеобразнаго вулкана; подъ ними разстилается низина съ желтѣющими нивами хлѣбовъ, со всѣхъ сторонъ омываемая зеленовато-голубыми водами моря. Съ громадной высоты Фузена сквозь его прозрачныя воды легко можно видѣть, что дно бухты не одинаково глубоко. Вы видите темно-синія пучины и тамъ и сямъ архипелагами выступающія бѣлесоватыя отмели. На горизонтѣ голубѣютъ горы острова Кіу-Сіу, видны вершины Азо-Яма и Сибо-Санъ. На самомъ-же лонѣ водъ,

точно тысячи маленькихъ, увитыхъ зеленою скалъ, разсѣялось множество маленькихъ островковъ. Эти-то островки, вмѣстѣ съ виднѣющимися въ водахъ отмелями и пучинами, составляя съ ними одно цѣлое, разсматриваемыя сверху, производятъ такое впечатлѣніе, какъ-будто эта часть Кіу-Сіу была нѣкогда обширной, далеко тянувшейся горной страной, а теперь залита водами моря. Не эти-ли миниатюрные кусочки скалъ, увитые зеленою, дали начало одной отрасли японскаго искусства, давно уже возбуждающей удивленіе европейцевъ—искусства дѣлать миниатюрные садики на скалахъ? Вездѣ въ городахъ Японіи вы найдете при домѣ куски пемзы въ человѣческую голову величиною и болѣе крупные, которымъ иногда придаютъ видъ скалы. На ихъ голой поверхности японцы умудряются выращивать миниатюрныя сосны, крошечныя кустики азалій, рододендроновъ или другихъ кустарниковъ съ мелкою листвою, растущихъ наподобіе деревьевъ; превращая такой кусокъ пемзы въ островъ, покрытый лѣсомъ и увитый столь-же миниатюрными ползучими растеніями и травами, они ставятъ это обиталище лиліпутовъ въ чашу или блюдо съ водою, въ которой отражаются вѣтви посаженныхъ на скалѣ растеній. Вода, пропитывая поры пемзы, содѣйствуетъ ея вывѣтриванію и даетъ возможность питанія посаженнымъ растеніямъ, сохраняющимся десятки лѣтъ безъ вреда на такихъ игрушечныхъ островахъ.

На вершинѣ Фузена построено небольшое капище, близъ котораго есть ключи съ чистою водою, гдѣ можно утолить жажду, вызванную долгимъ восхожденіемъ въ жаркомъ воздухѣ. По ту сторону открывается видъ на другую часть склона, на заливъ, обращенный къ Могі и перешейку, на которомъ расположенъ Нагасаки.

Но не въ однихъ красивыхъ ландшафтахъ и оригинальной, несвойственной низинамъ Кіу-Сіу сѣверной флорѣ вершинъ Фузена заключается интересъ восхожденія на эту гору. Наиболѣе любопытнымъ явленіемъ, на-

блюдаемымъ на этой горѣ, оказывается *пещера-ледникъ*, находящаяся на ея сѣверномъ склонѣ. Этого рода пещеры, весьма недавно лишь обратившія на себя вниманіе нашихъ ученыхъ, встрѣчаются и у насъ въ Крыму, гдѣ онѣ подробно изслѣдованы г. Листовымъ. Отсылая къ его работамъ тѣхъ, кто пожелалъ-бы ближе ознакомиться съ теоріей этихъ любопытныхъ и рѣдкихъ явленій, я здѣсь ограничусь лишь описаніемъ видѣнной мною пещеры-ледника въ Японіи.

Путь къ пещерѣ не принадлежитъ къ числу удобныхъ. Къ ней приходится пробираться по узкой тропинкѣ, перепрыгивая черезъ стволы деревъ и обрывы. Наконецъ, вы видите передъ собою мрачную разсѣлину въ горѣ, и въ глубинѣ темныхъ трахитовыхъ скалъ неглубокую, погруженную въ густую тѣнь пещеру. Холодомъ дышетъ въ этой разсѣлинѣ. Если-же войдете глубже, то странное зрѣлище откроется передъ вашими глазами.

На стѣнахъ, точно исполинскія полотенца, повѣшенныя великанами, висятъ бѣлыя полосы чистѣйшаго льда. Какъ на днѣ ледника, въ глубинѣ пещеры покоятся толщи льда; ближе къ выходу вы видите, что круглые камни, покрывающіе дно пещеры, точно также покрыты толстою ледяною корою. Эти бѣлыя массы, рѣзко выдѣляющіяся въ холодномъ полумракѣ, производятъ впечатлѣніе тѣмъ болѣе странное, что кругомъ вы видите освѣщенную солнцемъ зелень деревъ, что вы спустились сюда, обливаясь потомъ отъ обдававшей васъ со всѣхъ сторонъ жары, что вы слышите кругомъ пѣніе птицъ, видите порхающихъ на солнцѣ бабочекъ. Еще интереснѣе покажется вамъ здѣшняя пещера-ледникъ, если вы всмотритесь ближе въ структуру ея льда. Ледъ этотъ нисколько не напоминаетъ ни нашего обыкновеннаго рѣчнаго льда, ни того льда, который мнѣ многократно приходилось разсматривать въ ледникахъ различныхъ горныхъ странъ. Ледъ этой пещеры, выломанный изъ любого мѣста и разсматриваемый на свѣтѣ, по структурѣ своей имѣетъ

большое сходство со структурою ломтика апельсина или плода граната. Другими словами, онъ сложенъ изъ отчетливыхъ, весьма плотныхъ, но легко другъ отъ друга отдѣляемыхъ ледяныхъ зеренъ, расположенныхъ обыкновенно рядами, какъ столбчатый эпителий въ листьяхъ; величина этихъ зеренъ, смотря по ряду, различна—отъ величины клѣтокъ мякоти апельсина до величины горошины и больше. Въ кускахъ льда, выломанныхъ изъ ледяной коры, одѣвающей камни, внѣшнія зерна обыкновенно очень мелки, тогда-какъ внутреннія отличаются величиною.

Еще интереснѣе структура льда въ ледяныхъ водопадахъ, наподобіе ледяныхъ полотенецъ свѣшивающихся со стѣн къ пещеры. Поверхность этихъ ледяныхъ массъ—обыкновенно волнистая и складчатая, какъ складки матеріи, въ мѣстахъ, гдѣ ледъ уже сформировался,—мѣстами, около разсѣлинъ, гдѣ ледъ находился въ стадіи образованія, давала возможность наблюдать строеніе и ростъ этихъ покрововъ. Тутъ были ледяныя массы, у которыхъ, соотвѣтственно мѣстамъ выступовъ будущихъ складокъ, стояли гребешки изъ ледяныхъ иглочекъ, сросшихся утолщенными основаніями и со свободными какъ у гребня концами. Эти ледяные гребешки стояли на основаніи изъ двойного или тройного ряда продолговатыхъ зеренъ, постепенно переходившаго въ такую-же, какъ мы описывали выше, зернистую массу льда.

Все это показываетъ, что образованіе льда въ этихъ пещерахъ совершенно своеобразное, что ледъ этотъ—продуктъ срастанія въ крупныя иглы и зерна мелкаго инея, образующагося путемъ осѣданія заключающихся въ воздухѣ паровъ около трещинъ въ стѣнахъ и на днѣ пещеры, черезъ которыя вырывается охлажденный въ нѣдрахъ горы ниже точки замерзанія воздухъ. Это продуктъ кристаллизаціи воды путемъ взгонки—случай, довольно рѣдко дающій массы льда, а въ миниатюрѣ наблюдающійся въ видѣ морозныхъ рисунковъ на замерзшихъ окнахъ.

Въ зимнее время въ описываемой пещерѣ скопляются большія массы льду. Ледъ этотъ, составляющій собственность японскаго правительства, собирается въ особыя кладовыя и развозится по городамъ для различнаго употребленія.

Такимъ образомъ, само по себѣ крайне интересное по живописности видовъ восхожденіе на Фузенъ-Дакэ даетъ возможность видѣть рѣдкій случай этого близкаго соседства съ одной стороны горячихъ ключей и гейзеровъ, съ другой—льдовъ въ пещерѣ, въ которой поэтъ древности навѣрное увидѣлъ-бы лѣтнее убѣжище зимы или мороза.

Обратный путь въ Обама, Моги и Нагасаки я не буду описывать. Онъ не далъ ничего новаго. Не могу однако не упомянуть о зрѣлищѣ, неожиданно мнѣ представившемся, когда я подъѣзжалъ къ Моги. Я разумѣю гонку, устроенную жителями селенія въ память побѣды надъ корейцами въ царствованіе императрицы Гинко-Кого. Хотя событіе это было болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, народъ свято его чтитъ различнаго рода празднествами. Гонка была въ самомъ разгарѣ. Длинные лодки съ вытянутыми носами были биткомъ набиты совершенно нагими мальчишками. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ по веслу, по формѣ своей болѣе напоминавшему деревянную лопату. Всѣ они весьма быстро гнали лодки подъ звуки пѣсенъ и оглушительные удары въ гонгъ. Двое стояли и что-то декламировали. Двое держали украшенное лентами деревцо. Эта флотилія нагихъ гребцовъ, напоминавшая издали военный походъ краснокожихъ индѣйцевъ, была весьма эффектна. Нужно вообще отдать справедливость японцамъ—праздники свои они справляютъ съ большимъ эффектомъ. Въ одинъ изъ нихъ все небо покрывается сотнями красивыхъ змѣевъ; въ другой—въ день 5-го мѣсяца—надъ домами, гдѣ есть новорожденные первенцы, вывѣшиваются на длинныхъ палкахъ пестря, красныя и желтыя бумажныя рыбы исполинскихъ

размѣровъ, весьма искусно сдѣланныя и придающія селе-
нію въ высшей степени своеобразный видъ.

Вернувшись въ Нагасаки, я немедленно направился къ консулу, отъ котораго узналъ, что мой паспортъ съ пароходомъ, пришедшимъ изъ Токіо, не полученъ, и что придется ожидать слѣдующаго парохода. Какъ ни непріятно было это извѣстіе, сильно сокращавшее срокъ поѣздки внутрь страны, на которую я возлагалъ большія надежды, приходилось покориться обстоятельствамъ и ждать. Чтобы не терять, однако, понапрасну времени въ Нагасаки, гдѣ осматривать было уже нечего, я, по любез-
ному предложенію консула, взялъ паспортъ отъ мѣстнаго нагасакскаго правительства, по которому, какъ больной, имѣлъ право посѣтить теплые ключи Уресино и попутно фарфоровое производство въ мѣстечкѣ Арита. Поѣздка эта была значительно менѣе интересна, чѣмъ первая, отчасти потому, что приходилось встрѣчать уже видѣнные типы культуры, отчасти вслѣдствіе бѣльшаго ея однообразія.

Въ началѣ пути до сел. Токитсу пришлось ѣхать по болотистой низинѣ, по большей части превращенной въ плантаціи лотоса и риса. Переѣхавъ затѣмъ на маленькомъ пароходикѣ черезъ заливъ, я прибылъ въ мѣстечко Омура, откуда въ тотъ-же день на джиприкшѣ добрался до ключей.

Здѣсь дорога идетъ по большей части то по слегка холмистой мѣстности, гдѣ мѣстами обнажаются песчаники, содержащіе каменный уголь и вывѣтривающіеся на поверхности въ плохого качества песчанистый розоватый латеритъ, то по равнинамъ, лишь на горизонтѣ которыхъ возвышаются горы,—равнинамъ, съ протекающими по нимъ ручьями и съ нивою, занятою самою интенсивною культурою.

Но и здѣсь культура эта продолжаетъ оставаться живописною. Домики владѣльцевъ раскиданы тамъ и сямъ, наподобіе хуторовъ въ Малороссіи. Они окружены

деревьями и садами, являясь настоящими оазисами свѣжей растительности среди разнообразнѣйшихъ полей, раскинутыхъ передъ глазами. Еще болѣе украшаютъ эту картину храмы, воздвигнутые разнымъ героямъ или богу земледѣлія, обязательно окруженные рощами изъ сосенъ или криптомерій. Эти капища, покровительствуя полямъ, вносятъ въ ландшафтъ массу поэзіи. Изъ культурныхъ растений, мною ранѣе не наблюдавшихся, я назову чайный кустъ. Хотя его и сажаютъ кое-гдѣ по окраинамъ полей и въ окрестностяхъ Нагасаки, но его тамъ слишкомъ мало, чтобы можно было говорить о плантаціяхъ чая. Здѣсь, напротивъ, почти каждый крестьянинъ имѣетъ свое чайное поле. Чайный кустъ, которому не даютъ расти выше какъ по поясъ, разсаживается рядами на грядкахъ, или просто на полѣ, какъ у насъ картофель, на разстояніяхъ, которыя позволяли-бы проходить между кустами человѣку. Промежутки между рядами, чтобы не пропадала земля даромъ, засѣваются пшеницей или соей, въ противномъ случаѣ заростають бурьянами. Вообще чайная плантація, видѣнная мною въ Кіу-Сіу, не носитъ на себѣ слѣдовъ особенно тщательнаго ухода. Кустики были обстрижены и не достигали колѣнъ. Въ описываемое время сборъ листьевъ былъ уже конченъ, т. е. оборваны всѣ молодые побѣги съ нѣжною листвою, и кусты стояли одѣтые старыми прошлогодними темными листьями.

Черезъ открытыя двери хуторовъ можно было видѣть, что населеніе всецѣло занято приготовленіемъ чая. Готовятся въ Японіи исключительно зеленые сорта. Приготовление состоитъ въ слѣдующемъ. Листья кидаются въ большой чугунный котелъ, который въ наклонномъ положеніи вмазанъ въ глиняную печь. Въ печи поддерживается слабый огонь, слегка нагрѣвающій котелъ. Кучи листьевъ бросаются въ котелъ и перемѣшиваются руками, пока не подвянутъ; затѣмъ ихъ выкладываютъ на циновку и скатываютъ пальцами въ катышки. Свернувшіеся листья кладутъ опять въ котелъ, опять катаютъ

пальцами и такъ повторяютъ эту процедуру разъ восемь, пока листья не превратятся въ тотъ зеленый чай, который обращается въ продажѣ. Здѣшній чай плохого качества, что зависитъ не столько отъ сорта куста, сколько отъ приготовленія. Простой народъ въ Японіи нерѣдко завариваетъ даже свѣжіе листья: онъ любитъ ту нѣкоторую терпкость, которой мы избѣгаемъ въ нашихъ чаяхъ.

Проѣзжая по этимъ плантаціямъ и полямъ, разсматривая хутора и деревни густо населенной провинціи, естественно задаешь себѣ вопросъ: какимъ количествомъ земли довольствуется для своего благосостоянія японскій крестьянинъ и каково японское землевладѣніе? Какъ въ древности, такъ и теперь, микадо въ глазахъ народа, какъ потомокъ боговъ, создавшихъ японскіе острова, есть полноправный владѣтель всей территоріи края. На практикѣ, однако, обширные горные лѣса, равно какъ горныя пастбища, принадлежатъ частью государству, частью дворянству, потомкамъ древнихъ феодаловъ. *Вся-же обрабатываемая земля находится въ рукахъ народа.* Какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, мелкій землевладѣлецъ можетъ свой участокъ продать, передать въ другія руки, увеличить куплею, оставить въ наслѣдство; но вмѣстѣ съ тѣмъ его обязанность—обрабатывать его и своевременно уплачивать въ свою волость соотвѣтствующія подати.

Величина земельныхъ участковъ японскаго крестьянина весьма различна. Впрочемъ, крупнаго землевладѣнія здѣсь не существуетъ не только у крестьянъ, но и у дворянства. Всѣ сословія за свои земельные участки платятъ высокіе налоги. Японскій крестьянинъ платитъ двоякаго рода подать: государственную, равную 3% доходности земли, и мѣстную, соотвѣтствующую земской, равняющуюся 2¹/₂ процентамъ. Такимъ образомъ сумма податей, платимыхъ японскимъ крестьяниномъ, равняется около 5% доходности его земельного участка.

Эта подать въ неурожайные годы оказывается настолько тяжелою, что вызывала уже не разъ народные

бунты. Причина ихъ весьма понятна, если принять во вниманіе, что среднее землевладѣніе въ Японіи меньше, чѣмъ въ Германіи, чуть не въ 4 раза. Рейнъ даетъ слѣдующій простой расчетъ. Населеніе Японіи достигаетъ около 37 милліоновъ; Германіи—до 47 милліоновъ. Обработанной земли въ Японіи до 4.270,000 хо, въ Германіи—22.181,000. Такимъ образомъ, тогда-какъ въ Германіи на душу приходится 0,472 хо, въ Японіи только 0,115 хо. Между тѣмъ, подати японскія гораздо тяжелѣе европейскихъ.

Притомъ, многочисленныя изслѣдованія японскихъ почвъ показали, что онѣ ничѣмъ не богаче нашихъ, скорѣе даже бѣднѣе ихъ питательными веществами. Урожайность ихъ обусловлена исключительно только разумной системой удобренія, хорошей обработкой и благодатнымъ климатомъ. Тотъ привлекательный видъ чистенькихъ, какъ картинка хорошенькихъ японскихъ домиковъ и полей, который заставляетъ думать, что жизнь японскаго земледѣльца есть жизнь аркадскаго пастушка—только слѣдствіе культурности и трудолюбія японскаго жителя и его эстетическаго развитія. Такъ-ли хорошо ему живется подъ этою кровлею—еще большой вопросъ. Его пища хотя разнообразна, но это тотъ-же скромный продуктъ съ полей, что и у нашего мужика, въ неурожайный годъ не всегда хватающій на семью.

Не даромъ мы читаемъ у Ратуеля, что въ одномъ Токио теперь 23,000 джинрикшей, и ежегодно сюда ѣдутъ на этотъ заработокъ тысячи деревенскихъ людей. Что-же, спрашивается, заставляетъ этихъ людей, обливаясь потомъ, зарабатывать себѣ хлѣбъ буквально лошадинымъ трудомъ, котораго даже самые сильные изъ нихъ не въ состояніи выдержать долѣе пяти лѣтъ? Очевидно, и въ поэтической зелени бамбуковъ и пальмъ далеко не всѣмъ живется привольно. А между тѣмъ нигдѣ въ Японіи вы не увидите нищихъ.

Селеніе Уресино окружено горами со всѣхъ сторонъ. Оно лежитъ въ низинѣ, среди которой клубятся парм

горячихъ сѣрнистыхъ источниковъ. Горы, окружающія селеніе, состоятъ изъ изверженныхъ породъ. Ихъ расположеніе амфитеатромъ вокругъ селенія невольно заставляетъ думать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ разрушенными стѣнками вулкана. Осадочныя породы слегка приподняты около стѣнокъ вулкана. Глядя на цвѣтущее селеніе, къ которому мы приближались уже въ сумеркахъ, я невольно удивлялся тому, что заставляетъ японцевъ, подобно неаполитанцамъ, избирать подножія и кратеры вулкановъ мѣстомъ для поселеній. Землетрясенія и изверженія, здѣсь столь частыя, должны-бы, кажется, научить ихъ остерегаться подобныхъ мѣстностей.

Переночевавши, такимъ образомъ, въ кратерѣ, мало думая о томъ, что дѣлается на нѣсколько десятковъ сажень подъ ногами, я на другой день отправился выкупаться въ ключахъ, которыми славилось мѣстечко. Хотя при прекрасно устроенныхъ купальняхъ и имѣется нѣсколько отдѣльныхъ номеровъ, большинство японцевъ купаются въ общихъ купальняхъ. Это два не особенно просторныхъ резервуара, не отдѣленные ничѣмъ другъ отъ друга, что нисколько не стѣсняетъ, однако, купающихся. Въ извѣстные часы дня народа набирается въ резервуарѣ такъ много, что рассматриваемый издали, онъ мнѣ живо напомнилъ лубочныя картины, изображающія адъ, гдѣ въ котлахъ кипятятъ грѣшниковъ. Та-же масса сбитыхъ въ одно мѣсто тѣлъ, тѣ-же клубы пара, поднимающіеся изъ клокочущей между ними воды. Вмѣсто простынь, купающимся предлагаются какія-то смоченныя теплою водою тряпочки весьма сомнительной чистоты, которыя должны быть хорошими распространителями различныхъ накожныхъ болѣзней, очень обыкновенныхъ въ Японіи. Не говоря о сифилисѣ и проказѣ, здѣсь господствуютъ различные лишайи и вереды, вродѣ lupus, изъ коихъ нѣкоторыя принимаютъ крайне злокачественныя формы. Въ Нагасаки я видѣлъ нищаго, у котораго такой лишай съѣлъ губы, носъ, глаза и совершенно обез-

формилъ всю голову, превративъ ее въ какой-то шаръ розоваго цвѣта, съ издававшимъ пискъ круглымъ отверстіемъ,—вмѣсто рта. Трудно представить себѣ зрѣлище болѣе отвратительное, чѣмъ этотъ несчастный...

Сильный дождь преслѣдовалъ меня весь этотъ день. Приходилось, не слѣзая, ѣхать на джинрикшѣ и подъ дождемъ посѣтить Арита съ ея фарфоровыми фабриками. Арита—это маленькій городокъ съ 1,200 домовъ и 6,000 жителей. Онъ славится своимъ фарфоромъ уже 300 лѣтъ. Хотя это и не главный центръ фарфоровой промышленности Японіи, но во всякомъ случаѣ одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ этого рода дѣятельность развита наиболѣе. Большая часть фарфора добывается по сосѣдству, но лучшаго качества глина привозится издалека, съ острова Тау-Сима. Фарфоровая глина Арита, какъ и большей части Японіи, является продуктомъ вывѣтриванія вулканическихъ породъ. Первоначально въ Арита приготавливали большія урны для чая, круглыя блюда и японскія чашечки безъ ручекъ. Они изящно украшались изображеніями цвѣтовъ золотомъ и эмалью. Теперь вліяніе европейскаго вкуса проникло и сюда, и вы найдете въ фарфоровыхъ лавкахъ сервизы, отвѣчающіе постольку-же требованіямъ японскаго, поскольку и европейскаго хозяйства.

Всѣ японскія фарфоровыя издѣлія, начиная отъ громадныхъ, почти въ человѣческій ростъ вазъ, оцѣниваемыхъ на мѣстѣ въ 500 и болѣе рублей, до крошечныхъ бездѣлушекъ, поражаютъ своимъ изяществомъ и въ этомъ отношеніи стоятъ безконечно выше китайскихъ.

Начало фарфороваго производства въ Японіи совпадетъ съ походомъ Гидейаши въ Корею, т.-е. съ 1592—1598 гг. послѣ Р. Х. Тогда были привезены въ Японію плѣнные корейцы, которые и перенесли перенятые ими у китайцевъ знанія въ Арита, Кагосима и другія мѣстности государства. Такимъ образомъ, китайцы, черезъ посредство корейцевъ, научили японцевъ фарфоровому

производству. Но теперь ученики далеко оставили позади своихъ учителей. Помимо изящества самой работы, въ рисункахъ японскаго фарфора вы имѣете художественныя и вѣрныя природѣ изображенія, съ необыкновеннымъ вкусомъ расположенныя на стѣнкахъ сосудовъ. Напротивъ, китайская фарфоровая живопись поражаетъ только яркостью цвѣтовъ. Ея рисунки грубы, лубочны, далеки отъ природы. На японскихъ вазахъ, сервизахъ и чашкахъ вы имѣете ландшафты, которыми можно любоваться; рисунки цвѣтовъ и птицъ такъ вѣрны природѣ, что ихъ можно цѣнить не только какъ изящно расположенное украшеніе сосуда, но и какъ художественное подражаніе природѣ.

Глина для фарфоровыхъ издѣлій отмучивается на мѣстѣ. Открытые наверху, книзу пирамидально суживающіеся ящики, вродѣ нашихъ пасочницъ исполинскихъ размѣровъ, замѣняютъ у нихъ принятые въ Европѣ фильтровальныя прессы. На дно накладывается чистая глина и на нее цыновки изъ соломы.

Большинство издѣлій вырабатывается на вращающейся вертикально поставленной оси, прикрѣпленной къ деревянному горизонтально лежащему колесу. Колесо это, съ помощью приводовъ, вращается ногами работника. Въ Арита есть, впрочемъ, и болѣе сложные станки.

Обжиганіе фарфора производится въ печахъ, отапливаемыхъ дровами. Печи эти, называемыя «ката»,—лежація. Сначала предметы высушиваютъ, затѣмъ вставляютъ въ помѣщающуюся во дворѣ фабрики печь для обжиганія. Внутренность этой длинной лежачей печи раздѣлена вдоль на два отдѣленія: верхнее, куда ставится посуда, и нижнее, служащее печью; воздухъ, входя черезъ топку съ одного конца печи, выходитъ изъ другого въ трубу. Послѣ обжиганья посуда разрисовывается и покрывается глазурью, какъ и на нашихъ фабрикахъ. Для окончательнаго глазированья употребляются особыя печи. Краски, употребляемыя японцами для своего фарфора, приближи-

тельно тѣ-же, что и у насъ. Онѣ и получаютъ изъ Европы. Большая яркость цвѣтовъ явилась результатомъ искусства въ обжиганіи.

Фабрики Арита, подобно видѣннымъ мною впослѣдствіи въ Кіото и въ другихъ мѣстахъ Японіи, весьма малы и въ сущности почти могутъ назваться кустарными. Фабрика, имѣющая 40—50 работниковъ, величайшая рѣдкость. Зато въ одномъ городѣ ихъ группируется помногу. Наиболѣе легкія работы, какъ наведеніе красокъ, глазированіе и т. п., исполняются обыкновенно женщинами. Напротивъ, приготовленіе фарфоровой массы, формировка и обжиганіе исполняются мужчинами. Обыкновеннѣйшими издѣліями фарфоровыхъ фабрикъ являются: чашки (безъ ручекъ), блюдечки, маленькія чашки для саки, узкогорлыя бутылочки для саки, маленькія мисочки (безъ ручекъ, но съ крышками); резервуары для золотыхъ рыбокъ (*midzubachi*); сосуды для воды курильщикамъ, замѣняющіе бамбуковые; вазы для цвѣтовъ, цвѣтные горшки; чайники всевозможныхъ фасоновъ; сахарницы; бомбоньерки; курильницы; сосуды для сохраненія чаю, для сохраненія зерна и, наконецъ, тарелки. Работа отличается тонкостью отдѣлки и высоко цѣнится знатоками.

На слѣдующія сутки я возвратился въ Нагасаки. Паспорта все еще не было. На запросъ консула по телеграфу въ посольство ему отвѣтили, что телеграмма затеряна. На повторительную телеграмму, вмѣсто отвѣта, запросили, въ какіе пункты нужно мнѣ ѣхать. Между тѣмъ опять былъ пропущенъ пароходъ, совершающій еженедѣльные рейсы между Кабе и Нагасаки, и благодаря этой непростительной халатности и невнимательности нашихъ представителей, мнѣ приходилось отказаться отъ весьма интересной въ научномъ отношеніи поѣздки внутрь острова.

IV.

Поѣздка внутрь страны.—Кумамото.—Восхождение на Азояма.—Японскія желѣзныя дороги.—Обратно въ Нагасаки.

Лишенный возможности легальнымъ путемъ попасть внутрь острова, я рѣшилъ, однако, во что-бы ни стало тамъ побывать. Приходилось изыскивать особыя средства. Японское правительство строго слѣдитъ за паспортами; полиція Японіи неподкупна, а европейскій обликъ слишкомъ отличенъ отъ японскаго, чтобы можно было мечтать проникнуть внутрь страны подъ видомъ японца. Оставалось одно средство—путешествовать по чужому паспорту, съ рискомъ испытать всевозможныя непріятности въ случаѣ, если обманъ откроется.

Но откуда взять паспортъ? Русскихъ, имѣющихъ паспорта для проѣзда внутрь страны, кромѣ миссіонеровъ, въ Нагасаки не было; миссіонерамъ-же рисковать было-бы слишкомъ опасно: ихъ всѣ знаютъ, а открытіе обмана грозило-бы имъ высылкою изъ Японіи и запрещеніемъ христіанской пропаганды. Я рѣшился, минуя консула, обратиться за содѣйствіемъ къ нѣкому Мессу, торговцу разными разностями, еврею, давно уже поселившемуся въ Нагасаки и знающему хорошо все, что возможно и что невозможно въ этомъ краѣ. Разсчетъ мой на его содѣйствіе оказался вѣрнымъ, и всего черезъ день я имѣлъ паспортъ англійскаго торговца, съ которымъ и рѣшился проѣхать, насколько позволитъ время, внутрь Кіу-Сіу.

Меня сопровождалъ мой переводчикъ-японецъ, Мороки, человѣкъ, прекрасно знавшій законы, служившій нѣкогда въ японскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и прекрасно говорившій по-русски. Онъ сильно опасался за послѣдствія моихъ рѣшительныхъ мѣръ. Людей, знающихъ русскій языкъ, въ Нагасаки довольно много, такъ-что въ толмачахъ въ настоящее время нѣтъ недостатка. Гораздо меньше хорошихъ путеводителей. Мой переводчикъ также не бывалъ въ мѣстностяхъ, куда я направлялся. Приходилось руководствоваться англійскимъ гидомъ, что было вдвойнѣ неудобно, такъ-какъ я ѣхалъ въ качествѣ самозванца. Джона Гарденера, подъ именемъ котораго приходилось путешествовать вашему покорнѣйшему слугѣ, въ Нагасаки многіе хорошо знали. Вотъ почему лишь въ сумерки я сѣлъ на пароходъ, отправлявшійся въ Кумамото, съ тѣмъ, чтобы раннимъ утромъ высадиться въ деревнѣ, и взявъ оттуда джинрикшу, проѣхать черезъ названный городъ въ центръ острова, къ вулкану Азояма, извергавшему еще въ 70-хъ годахъ массы пепла, въ бытность-же мою тамъ находившемуся въ довольно спокойномъ состояніи.

Чтобы не обращать на себя вниманія, я немедленно залегъ спать въ каюту, передавъ вѣстовому свой паспортъ, съ котораго японскіе агенты записываютъ на билетѣ имена пассажировъ.

Въ 4 часа утра меня разбудили; я пересѣлъ на лодку и черезъ нѣсколько минутъ уже пилъ чай въ гостиницѣ мѣстечка Миката. Хозяинъ отнесъ паспортъ самозваннаго Гарденера въ полицію и черезъ нѣсколько минутъ принесъ его обратно. Все обошлось благополучно; критическій пунктъ мы миновали и, вздохнувъ свободно, продолжали нашъ путь. Дорога шла по скалистому берегу, заросшему попреимуществу колючими экземплярами манджурской араліи *Dimorphanthus mandjuricus*. Среди кустарника, чаще чѣмъ гдѣ-либо, росли душистые цвѣты *Gardenia florida*, наполнявшіе воздухъ своимъ благоуха-

ніемъ. Затѣмъ мы выѣхали на широкую воздѣланную низину, всю усѣянную хуторами. Деревенскія картины Малороссіи открылись передъ нашими глазами. Но и здѣсь разнообразіе культуры бросалось въ глаза. Рядомъ съ ярко-зеленымъ бархатомъ еще не разсаженного рисоваго поля зрѣли темныя нивы несжатой пшеницы, смѣняясь полями молодыхъ всходовъ *Caladium*. Ближе къ городу меня поразили цѣлыя поля, засаженные разноцвѣтными хризантемами. Только подъ Эрфуртомъ въ Германіи случалось мнѣ видѣть такія пространства, посвященныя исключительно культурѣ цвѣтовъ.

Эта массовая культура цвѣтовъ вызывается большимъ спросомъ на нихъ. Въ вазахъ и горшкахъ порядочнаго дома въ залѣ обязательно должны быть цвѣты; ирисъ и разныхъ колеровъ и сортовъ хризантемы лучше всего отвѣчаютъ этому спросу, и я видѣлъ, какъ кусты желтыхъ, бѣлыхъ и коричневыхъ хризантемъ цѣлыми тачками везлись въ городъ.

Въ видахъ поднятія культуры цвѣтовъ, въ Японіи устраиваются цвѣточные выставки. Выставки эти имѣютъ, однако, совершенно иной характеръ, чѣмъ наши. Онѣ устраиваются специалистами-любителями. Такъ, наприкладъ, одинъ городъ славится ирисами. Тамъ имѣются сады, гдѣ собраны всѣ разновидности этого красиваго цвѣтка. Владѣльцы прилагаютъ всѣ усилія, чтобы получать къ каждому году новые сорта. И вотъ въ концѣ мая, когда зацвѣтаетъ ирисъ, въ сады эти съѣзжаются не только знатоки и любители со всѣхъ концовъ Японіи, но и масса обыкновеннаго люда, находящаго удовольствіе созерцать красоту цвѣтовъ особенно излюбленныхъ формъ. Есть мѣста, славящіяся своими азаліями, глициніями, камеліями, хризантемами. Каждый мѣсяцъ имѣетъ свой цвѣтокъ, и каждый мѣсяцъ гдѣ-нибудь выставка привлекаетъ соотвѣтствующихъ специалистовъ.

Въ прежнія времена новый годъ начинался въ Японіи въ февралѣ, когда появлялись на кустахъ первые бѣ-

лые и красные цвѣты сливы (*Prunus Mume*), распускающіеся обыкновенно ранѣе листьевъ, усыпающіе вѣтви этого дерева какъ снѣгомъ и наполняющіе окрестный воздухъ благоуханіемъ. Японскій поэтъ Митсунэ такъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній объ этомъ деревѣ:

Трудно въ сіяніи лунномъ цвѣтущую сливу замѣтить;
Все-жь ее сразу найдешь, запахъ пріятный узнавъ...

Но не одни японскіе поэты воспѣваютъ этого вѣстника весны: японскій соловей въ пору его расцвѣта начинаетъ свою пѣсню. Эта сѣренькая птичка поетъ днемъ, далеко уступая въ пѣньи нашему соловью; но все-же пѣнье его пріятно, высоко цѣнится японцами, и обыкновенно на ихъ картинахъ бѣлые цвѣточки сливы, имѣющіе отдаленное сходство съ нашимъ терновникомъ, рисуются всегда вмѣстѣ съ японскимъ соловьемъ. Темные цвѣточки *Forsytia suspensa*, встрѣчающейся и въ нашихъ садахъ, являются спутникамъ *Prunus Mume*. Въ мартѣ начинаютъ цвѣсти персики и магноліи. Въ апрѣлѣ зацвѣтаютъ вишни съ махровыми цвѣтами. Усыпанныя какъ снѣгомъ деревья вишенъ многократно воспѣвались поэтами. Со времени ихъ цвѣтенія наступаетъ мягкая, пріятная погода. Тогда и старый и малый идутъ за-городъ любоваться цвѣтами *Sakura*, въ мѣста, которыя ими изобилуютъ. Многія мѣста специально ими засаживаются, напримѣръ, окрестности Токио и Ямато, о которомъ еще тысячу лѣтъ тому назадъ поэтъ писалъ:

Когда я гляжу на Йотинскую гору всю въ вишняхъ цвѣтущихъ,
Вѣчно впадаю въ обманъ, цвѣтъ принимая за снѣгъ.

Другой одновременно съ вишнею цвѣтущій кустарникъ съ желтыми цвѣтами—*Kerria Japonica*—теперь разводится и въ нашихъ садахъ.

Май—это мѣсяцъ піоновъ и азалій. Вмѣстѣ съ рододендронами они покрываютъ цѣлыя горы, превращая ихъ въ красивые ковры. Безъ азаліи не обойдется ни одинъ карликовый садикъ японца, и на кладбищахъ у памятни-

ковъ красуются малиновые букеты ея красивыхъ цвѣтовъ. Въ іюнѣ сезонъ ирисовъ *Iris laevigata*, *setosa* и *sibirica*.

Подъ-конецъ мѣсяца во всѣхъ прудахъ развиваются чудные розовые цвѣты лотоса, этого посвященнаго Сивѣ цвѣтка, котораго буддизмъ избралъ за эмблему своего ученія. Подобно тому, какъ его бутоны поднимаются съ грязнаго илистаго дна черезъ воду и развиваютъ на различной высотѣ свои чудные зонтикообразные листья и благовонные цвѣты, на чистыхъ нѣжно-окрашенныхъ лепесткахъ которыхъ нѣтъ и слѣда покинутой ими грязи, такъ, по ученію буддистовъ, души людей собственной своей волей могутъ изъ грязи порока подняться на различную высоту и достичь въ Нирванѣ полного счастья. Будду обыкновенно и представляютъ сидящимъ на распустившемся цвѣткѣ лотоса, символѣ чистоты, и украшаютъ его храмы цвѣтками этого растенія, сдѣланными изъ позолоченнаго дерева или бронзы.

Въ октябрѣ въ большинствѣ городовъ бываетъ осенній праздникъ, связанный съ выставкою хризантемовъ. Цвѣты ихъ—эмблема солнца, вмѣстѣ съ тѣмъ и гербъ государственнаго знамени. Они изображаются на кокардахъ, знаменахъ, документахъ и монетахъ.

Наконецъ, въ ноябрѣ, когда наступаютъ холодные дни и начинается дуть зимній муссонъ, особую красу японскимъ ландшафтамъ придаетъ дѣлающійся кровяно-краснымъ изящный японскій кленъ съ его мелкими многолопастными изящно разсѣченными листьями.

Клены около мѣстечка Татсута у Ямато особенно часто воспѣвались поэтами и изображались на японскихъ картинахъ.

Этотъ въ пурпуръ одѣвающійся кленъ, составляя рѣзкій контрастъ съ темно-зелеными соснами и пожелтѣвшими Салисбуріями, какъ эффектнѣйшее украшеніе парковъ, особенно любимъ и разводимъ японцами.

Впрочемъ, по словамъ Рейна, не одинъ только этотъ кленъ, но и массы другихъ деревьевъ расцвѣчиваютъ во

всѣ краски древесные ландшафты страны, дѣлая ихъ еще пестрѣе и цвѣтистѣе, чѣмъ знаменитые берега великихъ озеръ Америки.

Наконецъ, въ декабрѣ цвѣтутъ здѣсь чайныя деревья, и камеліевыя рощи убираются своими эффектными цвѣтами.

Кумамото, одинъ изъ самыхъ большихъ и славныхъ городовъ Кіу-Сіу,—древняя столица князей провинціи Хиго, расположенъ на рѣкѣ Тиракава, въ четырехъ миляхъ отъ ея устья. Въ немъ насчитываютъ болѣе 53,000 жителей. Съ его замкомъ связано много историческихъ воспоминаній. Кумамото является однимъ изъ лучшихъ остатковъ феодальнаго періода исторіи Японіи и славится блестящею защитою во время возстанія на Кіу-Сіу противъ новыхъ реформъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ Японіи окончательно установился теперешній строй вещей.

Съ внѣшней стороны Кумамото, если не считать той особенности, что улицы его усажены деревьями,—мало отличается отъ Нагасаки. Онъ больше, но и грязнѣе. Обнесенная рвами и расположенная нѣсколько въ сторонѣ на холмѣ цитадель, большая часть которой сдѣлалась жертвою пожара, также не представляетъ ничего особеннаго.

Но самый духъ Кумамото сильно отличается отъ Нагасакскаго. То—торговый портъ; здѣсь, напротивъ,—центръ войскъ и народнаго просвѣщенія острова. На улицахъ, вмѣсто матросовъ съ иностранныхъ судовъ, снуютъ японскіе солдаты и офицеры; на каждомъ шагу попадаются воспитанники учебныхъ заведеній съ сумками черезъ плечо. Въ то время какъ въ Нагасаки, какъ въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ и моего возлюбленнаго отечества, книжные магазины рѣдкость, а тѣ немногіе, какіе есть, наполнены всякою дрянью, въ Кумамото есть хорошія книжныя лавки, переполненные всевозможными учебниками и научными сочиненіями на японскомъ и англійскомъ языкахъ.

Солдаты японской арміи, одѣтые въ разнообразныя формы европейскихъ образцовъ, что-то среднее между прусскою, австрійскою и итальянскою формою, имѣютъ довольно смѣшной видъ. Но покручиваніе усовъ, бряцаніе шпорами и саблями, повидимому, не менѣе плѣняетъ сердца японскихъ дамъ, чѣмъ въ государствахъ Европы.

Рестораны и гостинницы Кумамото очень элегантны и замѣчательно дешевы. За долларъ въ день вы имѣете богатую чистую комнату и три раза въ сутки ѣду, съ японской точки зрѣнія весьма тонкую. Многіе изъ ресторановъ снабжены прекрасными карликовыми садами, на пространствахъ нѣсколькихъ десятковъ сажень дающими впечатлѣніе цѣлыхъ пейзажей съ горами, озеромъ, рѣчкой и живописно разбросанными среди нихъ рощами деревъ. Эти пейзажи очень недурны и даютъ полную иллюзію, благодаря карликовымъ формамъ деревьевъ (особенно осины) и оригинальнымъ очертаніямъ ихъ, достигаемымъ особаго рода подрѣзкою вѣтвей. Подрѣзка эта требуетъ большого искусства и производится подъ руководствомъ хорошихъ садовниковъ.

Лучшій садъ изъ видѣнныхъ мною, съ искусною моделью знаменитаго вулкана Фузияма, помѣщается въ ресторанѣ, находящемся на мѣстѣ когда-то бывшаго дома терпимости. Одинъ изъ гражданъ города Кумамото уплатилъ владѣльцу большія деньги съ тѣмъ, чтобы онъ далъ зданію, обладающему такимъ чуднымъ садомъ, болѣе благопристойное назначеніе. Съ тѣхъ поръ этотъ ресторанъ считается самымъ моднымъ рестораномъ въ Кумамото. Надо удивляться той способности принимать самыя разнообразныя очертанія, какою обладаетъ японская сосна. Высокимъ прямымъ деревомъ растетъ она на горахъ, осѣняя ворота и портики храмовъ и священныхъ мѣстъ; пигмеемъ-деревцомъ украшаетъ она скалы-сады изъ туфа, которые, имѣя на себѣ десятки растеній, легко умѣщаются въ тазу умывальника. Здѣсь, въ этихъ чудныхъ садахъ, это деревцо—въ человѣческой ростъ, съ раски-

дистыми вѣтвями и искривленными стволами—истинное подобіе старыхъ вѣковыхъ исполиновъ, выросшихъ на горахъ, а не на искусственно насыпанныхъ холмикахъ земли.

Окрестности Кумамото, какъ сказано, ровны. Лишь вдаль виднѣются холмы, одѣтые елями. Подъ сѣнью этихъ деревъ цвѣтутъ азалии и различные *Vaccineae*—аналогія нашихъ черники и брусники, но выше пояса ростомъ. Интересно, что отъ дальняго сѣвера и почти до субтропическаго юга, хвойные, особенно сосновые лѣса всегда сопровождаются вѣчно зелеными кустарниками и полукустарниками изъ семействъ *Vaccineae* и *Pyrolaceae*.

За неимѣніемъ красивыхъ окрестностей, нѣкоторые богатые владѣльцы устроили въ своихъ имѣніяхъ родъ парковъ съ искусственными прудами, миниатюрными деревьями, золотыми рыбками. Но парки эти въ запустѣніи, и при сравненіи съ европейскими, оставляютъ желать весьма многого.

Отъ Кумамото до Азояма болѣе 9 ри, т. е. около 32 верстъ. Провозъ въ джинрикшѣ на все это разстояніе стоитъ только одинъ долларъ. Дороги и здѣсь безукоризненны, и черезъ каждое ри есть чайные домики, гдѣ кромѣ чая можно достать еще лимонадъ и пиво японскаго приготовленія и очень недурного качества. Дорога обсажена высокими криптомеріями; она тѣниста и пролегаетъ среди рисовыхъ полей, но по пути нѣтъ ничего особенно выдающагося, на чемъ могъ-бы остановиться глазъ. Избалованный разнообразіемъ, онъ уже скупается на этомъ монотонномъ ландшафтѣ.

Только къ вечеру мы достигли подножія горы Азо, съ тѣмъ чтобы по проходу, прорытому рѣчкой въ стѣнкахъ его стараго кратера, проникнуть во внутреннюю долину. Вся мѣстность имѣетъ видъ обширнаго амфитеатра, образованнаго безчисленными террасами рисовыхъ полей. Недавно устроенныя, еще совершенно черныя, неспѣвшія покрыться зеленью, они имѣли оригинальный

видъ. Со всѣхъ сторонъ каскадами по нимъ струились воды, превращая въ зеркало пруда поверхность террасокъ. Азояма имѣетъ самый широкій кратеръ въ мірѣ. Это вулканъ, имѣющій себѣ подобныхъ только на лунѣ, гдѣ встрѣчаются такіе-же широкіе, неразрушенные кольцеобразные кратеры. Внутри его стѣнокъ помѣщается цѣлый уѣздъ съ массою деревень и воздѣланныхъ полей. Эти селенія кажутся со всѣхъ сторонъ окаймленными горнымъ хребтомъ, какъ стѣною, съ самостоятельными вершинами. Хребетъ этотъ, окружающій уѣздъ, и есть громадное кольцо изверженныхъ массъ, обнимающее воздѣланную долину-кратеръ. Трудно себѣ представить что-либо грандіознѣе этой картины.

Разнообразная растительность, попреимуществу лѣсная, одѣваетъ стѣнки. Преобладаютъ, однако, темные и мрачные лѣса изъ кипарисовъ, *Chamaecyparis obtusa*, подъ стѣною которыхъ высокими кустами растетъ хорошо извѣстное всѣмъ цвѣтоводамъ золотое дерево *Aucuba Japonica*, приносящее здѣсь въ изобиліи красные плоды. Рѣже попадаются кусты *Artinidia*, или склоняется надъ ручьемъ роща усыпанныхъ цвѣтами камелій.

Въ центрѣ возвышается громадная гора Азо,—вторичный конусъ изверженія. Ея подножіе такъ широко, что мѣшаетъ сразу охватить взоромъ древній кольцеобразный кратеръ. Это удастся только съ вершины. Мы остановились въ маленькой деревушкѣ, расположенной у подножія и невдалекѣ отъ красиваго водопада. Эта расположенная въ глуши деревушка еще настолько мало знакома съ европейцами, что мое появленіе вызывало всеобщее любопытство. Деревня эта славится горячими ключами,—послѣдними слѣдами прежней вулканической дѣятельности стараго кратера. Несмотря на удаленность мѣста, хозяинъ харчевни, передъ отправленіемъ моимъ въ купальню, предложилъ мнѣ листокъ бумаги съ точнымъ химическимъ анализомъ минеральныхъ водъ, въ которыхъ предстояло купаться. Я съ грустью вспомнилъ о

Россіи, гдѣ большинство источниковъ еще ждутъ изслѣдователей.

На завтра предстоялъ подъемъ на гору, сперва среди лѣсовъ и кустарника, потомъ по болѣе крутой тропинкѣ къ кратеру. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что строеніе горы крайне сложное. Главная масса горы представляетъ второй потухшій и уже начавшій разрушаться кратеръ, настолько широкій, что днище его могло бы прокормить цѣлую деревню. Сложенный изъ болѣе мягкихъ элементовъ, какъ ляпилли и вулканическій пепелъ, разрушившійся отъ времени, онъ имѣетъ очень гигроскопичную почву и теперь занятъ обширнымъ травянымъ лугомъ.

Впервые здѣсь, въ Японіи, на этой высотѣ въ 5,000 ф. я созерцалъ обширныя искусственнымъ путемъ возникшія травяныя пространства. Это была миниатюрная степь, поросшая злаками, полынями, бобовыми (*Sophora*, *Galium verum*, *Cytisus*) и нѣкоторыми другими травами и полукустарниками, и только по краямъ овраговъ, прорытыхъ ручьями, сбѣгающими съ окружающихъ обломковъ кратера, росли усыпанныя розовыми цвѣтами спиреи. Подобныя травяные луга я видѣлъ впослѣдствіи въ окрестностяхъ Владивостока. И, повидимому, какъ тамъ, такъ и тутъ застой воды на глинистой, не поддающейся дренажу почвѣ вызвалъ отсутствіе древесной и кустарной поросли. Любопытно также, что тутъ, и только тутъ, почва этихъ луговъ была интенсивно черного цвѣта, напоминающаго нашъ черноземъ. Цвѣтъ этотъ обусловленъ былъ не вулканическою подпочвою, такъ-какъ черноземъ этотъ подстилала бурая глина.

Только тамъ, гдѣ почва была дренирована небольшими ручейками, видны были заросли кустарника—преимущественно *Spiraea*, подъ тѣнью котораго я съ удивленіемъ нашолъ массу хорошо знакомой жителямъ сѣвера Россіи *Maianthemum bifolium*.

Самое жерло вулкана лежитъ уже въ третьемъ кратерѣ, возвышающемся внутри второго. Повидимому, въ разное время здѣсь было нѣсколько центровъ изверженія, но теперь только одинъ восточный имѣетъ видъ вулкана. У подножія его выстроены нѣсколько хижинъ и храмъ духу, живущему въ вулканѣ и производящему изверженія. Когда слышится подземный гулъ и увеличиваются клубы дыма, извергаемаго изъ кратера, въ храмѣ возносятся усиленные молитвы и жертвоприношенія, чтобы умилостивить этого японскаго Плутона. Азояма боготворится, подобно горѣ Фузи; на краю кратера стоитъ небольшой человѣкоподобный истуканъ духа горы, проходя передъ которымъ японцы набожно снимаютъ шляпы. Что-же касается подъема на конусъ кратера изъ лавы, то онъ весьма своеобразенъ. Невольно, слѣдуя за проводникомъ, я сравнивалъ этотъ подъемъ съ тѣмъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ приходилось дѣлать на Везувіи. Мы уже видѣли, что Азояма отличается отъ обыкновенныхъ вулкановъ, къ которымъ принадлежитъ и Везувій, тѣмъ, что у него собственно двѣ соммы: одна, древняя—громадный кругъ горъ, окаймляющихъ вулканъ, и другая, позднѣйшая, среди которой помѣщается конусъ вулкана. У Везувія этотъ конусъ, одиноко поднимающійся изъ окружающей его соммы, у вершины почти всецѣло состоитъ изъ мелкихъ ляпиллей и изъ вулканическаго пепла. Подниматься по конусу, окружающему жерло, крайне трудно. Туриста обыкновенно ташутъ подъ руки, пока онъ не взберется на вершину. Совсѣмъ иное на Азо. Здѣсь, какъ по лѣстницѣ, вы поднимаетесь по глыбамъ затвердѣлой лавы, застывшей спокойно, не причудливыми выкрутасами, какъ лава Везувія. Поднявшись наверхъ, вы видите также картину крайне своеобразную. У Везувія жерло имѣетъ форму небольшого амфитеатра изъ лавовыхъ образованій, на днѣ котораго помѣщается скрытое для наблюдателя клубами паровъ отверстіе, изъ котораго вылетаютъ бомбы и рапилли. У Азоямы вамъ

представляется совершенно иная картина. Вы стоите на краю громадной пропасти въ нѣсколько сотъ сажень глубины и почти съ версту длиною. Слоистыя скалы виднѣются на противоположномъ ей краю. На днѣ же—настоящее подобіе преддверія ада: изъ многочисленныхъ отверстій, помѣщающихся на днѣ, змѣеобразно извивающимися струями поднимается густой паръ. Онъ отчасти наполняетъ пропасть кратера и выходитъ изъ него, направляясь въ сторону господствующаго вѣтра. Издали виденъ бываетъ этотъ дымокъ, поднимающійся изъ кратера горы Аза. Около паровыхъ отверстій, окружающихъ мрачную дыру,—входъ въ подземное царство Плутона, и на мѣстѣ бывшаго въ 1889 году изверженія пепла разстилается обширное озеро кипящей сѣры. Всѣ стѣнки и склоны кратера изобилуютъ этимъ минераломъ, который здѣсь и разрабатывается японцами въ періодъ затишья дѣятельности вулкана.

Погода едва-едва позволила намъ разсмотрѣть всѣ эти особенности. Скоро густой туманъ заволокъ вершину, и среди него намъ пришлось пробираться большую часть пути, пока мы опять не вошли въ полосу вѣчно-зеленыхъ лѣсовъ.

Послѣднее изверженіе Азоямы было въ 1889 году. Оно ограничивалось выбрасываньемъ громаднаго количества чернаго пеплу, который разносило вѣтромъ до самаго Кумамото, гдѣ было такъ темно, что приходилось зажигать свѣчи. Большинство полей было уничтожено этимъ пепломъ. Изверженіе сопровождалось землетрясеніемъ, сильно повредившимъ городъ Кумамото. Съ тѣхъ поръ вулканъ находится въ той стадіи, какая была описана.

Въ древнемъ циркообразномъ кратерѣ вулкана, имѣющемъ 800 футовъ высоты, помѣщается на его ровной какъ столъ поверхности, занимающей 30 миль, болѣе 100 деревень, могущихъ ожидать ежедневно своей гибели въ этомъ величайшемъ на землѣ вулканическомъ циркѣ. Высота Азоямы около 5,900 футовъ. Это, послѣ Киришимаяма и Си-

бодока, имѣющихъ 6,050—6,100 ф.,—самая высокая гора на Кіу-Сіу. Но, къ сожалѣнію, частыя изверженія и застои влаги на вершинѣ и здѣсь позволили мнѣ видѣть только двѣ нижнихъ зоны японской растительности—именно, поясъ вѣчно-зеленыхъ деревъ и кустарниковъ и поясъ кипарисовъ *Chamaecyperus obtusa*. Между тѣмъ Рейнъ въ своей книгѣ о Японіи даетъ слѣдующее дѣленіе на пояса растительности этого государства:

1) Поясъ сосны и вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, до 400 метровъ высоты. Его основной характеръ былъ нами уже описанъ.

2) Поясъ криптомерій и кипарисовъ, 400—1000 метровъ. Его мы видѣли при восхожденіи на Фузенъ-дакэ и Азояма. Здѣсь характернѣйшими древесными породами являются каштаны, лавры съ опадающими листьями, магноліи, гортензіи и *Sapindaceae*. Тутъ-же расположены и тѣ луга, тѣ Нага, которые мы видѣли на горѣ Азо и которые у японцевъ служатъ для пастъбы скота и довольно рѣдкихъ въ краѣ маленькихъ лошадокъ.

3) Поясъ *Abies firma*, 1000—1500 метровъ. Это поясъ нашего чернолѣся съ его дубами, буками, кленами, вязами и азаліями. Самыя верхнія части Фузенъ-дакэ даютъ о немъ хорошее понятіе.

4) Поясъ елей и лиственницъ, 1,500—2,000 мм. Здѣсь растутъ также березы.

5) Поясъ стелющагося кедра.

Двухъ послѣднихъ зонъ я не видѣлъ. Судя по описаніямъ, ихъ растительность близка къ флорѣ сахалинскихъ горъ. О ней мы въ своемъ мѣстѣ скажемъ подробнѣе, теперь-же отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что луга «Нага» Азояма по своей флорѣ весьма похожи на луговые полубѣложелтыя пространства окрестностей Владивостока.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы пришли въ расположенную у подошвы горы деревню,—одну изъ многихъ внутри древняго кратера. Хозяинъ гостиницы затруд-

нялся предложить намъ въ столь позднее время поѣсть. На счастье, въ маленькой деревенской лавочкѣ оказались прекрасные консервы и притомъ баснословно дешевые: большая банка форелей 15 центовъ, майонезъ изъ устрицъ 20 и т. п. Консервы по виду не отличались отъ европейскихъ, но всѣ были японскаго приготовленія. Запасшись этими консервами и бутылочкой саки «Бѣлый полковникъ», мы, утомленные долгими и трудными восхожденіями, мечтали о покоѣ. Къ сожалѣнію, намъ не суждено было имъ воспользоваться. Мириады блохъ атаковали насъ со всѣхъ сторонъ, какъ только погашены были огни, и мы всю ночь не могли ни на минуту сомкнуть глазъ. Ни въ одной изъ малороссійскихъ хатъ, въ которыхъ такъ часто за время моего путешествія мнѣ приходилось останавливаться, я не видалъ такого количества этихъ паразитовъ. Мнѣ говорили, что это явленіе очень обыденное въ домахъ японскаго простолюдина. Несмотря на внѣшнюю чистоту и опрятность, они являются гнѣздилищемъ для «легкой кавалеріи».

Время не позволило мнѣ сдѣлать восхожденіе на соседнюю одѣтую лѣсами вершину Сабо-Салъ, одну изъ самыхъ высокихъ на островѣ. Я долженъ былъ спѣшить обратно въ Кумамото, чтобы поспѣть въ Нагасаки къ прибытію парохода «Москва».

Обратный путь въ Кумамото не ознаменовался ничѣмъ особеннымъ. Я могъ только ближе осмотрѣть кипарисовые лѣса кратера, въ которыхъ подлѣсокъ состоялъ изъ золотого дерева, *Aucuba Japonica*.

Изъ Кумамото, переночевавши здѣсь, я сдѣлалъ экскурсію по японской желѣзной дорогѣ до ближайшаго города. Экскурсія эта, впрочемъ, особеннаго интереса не представила. Устройство и порядки дорогъ совершенно европейскіе; вагоны-же — проходные, какъ у насъ въ Россіи. Только скорость движенія значительно больше. Зданія станцій также въ европейскомъ стилѣ. Но на каждой станціи есть чайный домъ приблизительно та-

кого-же устройства, какъ домики для джинрикшей. Билеты и кондуктора—европейскаго образца; даже названія станцій написаны на японскомъ и англійскомъ языкахъ.

Попутно въ окрестностяхъ Кумамото я имѣлъ случай осмотрѣть храмъ одного изъ героевъ, особенно почитаемыхъ жителями. Это одинъ изъ лучшихъ храмовъ на Кіу-Сіу. Безконечная лѣстница ведетъ къ построенному въ роцѣ на горѣ капищу. На алтарѣ, воздвигнутомъ передъ идоломъ, не угасаютъ куренія и огни, и передъ ними постоянно стоятъ толпы богомольцевъ. На многочисленныхъ площадкахъ, раздѣляющихъ участки лѣстницъ, какъ у насъ въ монастыряхъ, расположились продавцы свѣчей и небольшихъ идольчиковъ—копій съ настоящаго. Къ великому моему изумленію, продавецъ на вопросъ, не согласится-ли онъ уступить мнѣ одного изъ идоловъ, съ большою охотою продалъ его по обыкновенной цѣнѣ. Вообще, вездѣ духовенство шинтусскихъ храмовъ очень терпимо относится къ иностранцамъ, и мнѣ не разъ приходилось испытывать это на себѣ.

Утварь описываемаго храма отличалась большою роскошью. Кромѣ того, какъ въ буддійскихъ храмахъ, въ украшеніяхъ большую роль играли павлиньи перья. Какъ во всѣхъ шинтусскихъ храмахъ, надъ лѣстницею, ведущею къ капищу, былъ поставленъ рядъ каменныхъ воротъ, состоящихъ изъ двухъ колоннъ, подъ которыми лежитъ каменная-же, какъ и самая колонна, перекладина съ приподнятыми кверху концами. Ряды такихъ сооруженій, подобно зелени хвойныхъ лѣсовъ, всегда окружающихъ шинтусскіе храмы, придаютъ входу въ нихъ особую таинственность.

Изъ Кумамото, безъ особыхъ приключеній, я добрался до Нагасаки, и употребивъ нѣсколько оставшихся дней на изученіе интересной ископаемой флоры около Моги, отплылъ на пароходѣ «Москва» въ китайскія воды.

Путешествіе по Кіу-Сіу дало мнѣ возможность заглянуть въ глубь острова, сравнительно мало затронутую евро-

пейскимъ вліяніемъ, видѣть полудикую природу и обстановку японскаго крестьянина, живущаго на ея лонѣ—какъ истиннаго сына этой природы. Я могъ сравнительно мало наблюдать культурную, духовную сторону жизни японца, и поневолѣ долженъ ограничиться описаніемъ чисто внѣшнихъ условій его быта. Нѣсколько позже, на Ниппонѣ, я попалъ въ совершенно иную среду, давшую возможность взглянуть на японца съ совершенно другой точки зрѣнія. Но передъ этимъ мнѣ пришлось проѣхать по восточному побережью Азіи отъ Янтсекіанга до Сахалина, и чтобы не терять послѣдовательности, я прежде изложу видѣнное мною въ этихъ странахъ.

V

Берега Янтсекіанга.—Ханькоу.—Китайская кухня.—Плавучій городъ.—Шанхай.—Курильщики опиума.—Храмы и театры.

Согласно плану моего путешествія, изъ Японіи я долженъ былъ продолжать свой путь въ Сибирь. Этотъ переездъ я рѣшилъ совершить, за неимѣніемъ русскаго парохода, на пароходѣ японскаго общества Митсу-Бишу, держащаго правильные почтовые рейсы между Владивостокомъ и Нагасаки. Но такъ-какъ пароходы этого общества отходили изъ Нагасаки разъ въ двѣ недѣли, то, чтобы не терять времени въ Нагасаки, я воспользовался любезнымъ предложеніемъ капитана «Москвы»—сдѣлать небольшую экскурсію въ Китай, подняться по Янтсекіангу, посѣтить Ханькоу и Шанхай и вернуться опять въ Нагасаки ко времени отплытія японскаго парохода. Ограниченный такимъ образомъ весьма короткими сроками, я могъ сдѣлать весьма бѣглый осмотръ посѣщенныхъ мною мѣстъ. Поэтому свой переездъ отъ Нагасаки до Ханькоу и Шанхай я опишу весьма кратко.

Переходъ изъ Нагасаки до Узунчи, устья Янтсекіанга, пароходъ дѣлаетъ менѣе чѣмъ въ двое сутокъ. Уже черезъ день послѣ выхода изъ Нагасаки свойства воды

Желтаго моря измѣняются: сперва, опрѣсненная рѣчною она дѣлается зеленою, какъ воды нашего Каспійскаго моря; затѣмъ этотъ зеленый цвѣтъ становится все желтѣе и желтѣе, пока наконецъ, близъ Узунчи, вода не сдѣлается цвѣта кофе со сливками. Это—лѣссовый цвѣтъ средне-азіатскихъ рѣкъ, хорошо знакомый туркестанскому жителю.

Выйдя утромъ изъ Нагасаки, мы на другой день вечеромъ были въ Узунчи. Переплывши близъ устья рѣки и получивши лоцмана, мы съ утра на другой день вошли въ великую китайскую рѣку. Первое впечатлѣніе, производимое Голубою рѣкою, не представляетъ ничего особеннаго. Вы видите необозримую ширь мутныхъ желтыхъ водъ; за ними на горизонтѣ тянутся зеленые низменные луга, которые теряются въ безпредѣльной дали. Голубое небо, желтая вода и зеленая рамка береговъ—ничего опредѣленнаго, на чемъ глазъ могъ-бы остановиться. Мы были въ періодъ значительнаго разлива, тахітимъ котораго наблюдается здѣсь лѣтомъ, когда идутъ ливни, доставляющіе, подобно нашимъ весеннимъ снѣгамъ, рѣкѣ массу воды. Но и при спадѣ водъ ландшафтъ здѣсь не живописнѣе. Рѣка, во время своего разлива, мало оживлена—почти мертвенна. Такого ландшафта можно ожидать на берегахъ Волги или Днѣпра, въ ихъ нижнихъ теченіяхъ во время разлива; но его нельзя было ждать для собственнаго Китая, гдѣ живетъ 400-милліонное населеніе, неумѣщающееся на сушѣ и ищущее возможности строиться на водѣ. Но съ парохода вы не видите этого населенія. Китайскія лодки и барки не любятъ пускаться по водамъ великой рѣки; онѣ снуютъ по пересѣкающимъ страну каналамъ. Только изрѣдка проплываетъ мимо, поднявъ свои морщинистые паруса, китайская джонка. Оживленіе на Волгѣ гораздо значительнѣе,—и лишь морскія суда иностранныхъ государствъ мутятъ и безъ того грязныя воды Янтсекіанга.

И выше, на второй день пути, впечатлѣніе пустынно-

сти береговъ васъ не покидаетъ ни на минуту. Рѣка спутывается. Изрѣдка довольно высокіе холмы подходятъ къ самому берегу. Но обыкновенно берегъ остается плоскимъ и низменнымъ, сохраняя характеръ этотъ какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны. *Нагорнаго* берега нашихъ рѣкъ здѣсь не существуетъ; холмы подходятъ произвольно какъ съ той, такъ и съ другой стороны, подобно диллювіальнымъ холмамъ верхняго теченія Волги.

Здѣсь съ высоты мостика судна вы можете созерцать всю жизнь этой прибрежной полосы рѣки. Картина эта до такой степени не соотвѣтствуетъ тому представленію о Китаѣ, которое обыкновенно существуетъ въ обществѣ и было и у меня, несмотря на мое знакомство съ литературою объ этомъ краѣ, что я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ по этому поводу. Вмѣсто густо-населеннаго края, вмѣсто желтоземы, всюду воздѣланнаго, покрытаго пашнями, чередующимися съ деревнями, вы видите передъ собою настоящее подобіе Малороссіи. Глядя на развертывавшіеся передъ моими глазами пейзажи, я совершенно забывалъ, что нахожусь на противоположной сторонѣ стараго свѣта, что плыву на морскомъ суднѣ. Иллюзія переносила меня въ Лубенскій уѣздъ, Полтавской губерніи. Казалось, ѣдешь по проселку между Лубнами и Чутовкою и видишь тѣ пейзажи, которыми лунной ночью два года тому назадъ я любовался, ѣдучи съ однимъ изъ моихъ друзей. Полоса камышей окаймляетъ рѣку. За камышами слѣдуетъ обширная равнина, гдѣ культурные участки зеленѣющихъ рисовыхъ полей перемежаются съ покосами. Тамъ и сямъ раскиданы группы ивъ, и обыкновенно, какъ у насъ хутора, такъ здѣсь подъ ихъ сѣнью расположены по двѣ, по три хижины—такія-же глиняныя, небѣленныя, хотя съ такими-же соломенными кровлями. Конечно, эти фанзы по внутренней своей архитектурѣ мало похожи на кохлацкія хаты, но разстояніе не позволяетъ различать деталей—и въ общемъ иллюзія получается полная.

Благодаря большой глубинѣ рѣки и капризамъ фарва-

тера, судно иногда идетъ столь близко къ берегу, что кажется, рукою можно схватить вѣтви ивовыхъ рощъ, или листья береговыхъ камышей. Тогда можно бываетъ различить издали косарей, работающихъ на покосѣ, или токъ, гдѣ молотятъ хлѣбъ цѣпами, или воловъ, запряженныхъ парю и тащущихъ плугъ, за которымъ идетъ одѣтый въ соломенную шляпу земледѣлецъ, или стога сѣна, или рыбаковъ, повѣсившихъ котелъ у разведеннаго на берегу костра.

Гдѣ-же этотъ многолюдный Китай, гдѣ-же эта разбитая на клѣточки холеная нива? Изрѣдка подходятъ холмы, зеленые отъ травы и кустарника. Кустарникъ этотъ — остатки когда-то бывшихъ лѣсовъ. Лѣса эти вырублены и изглажены такъ-же безпощадно, какъ и въ Россіи. Какъ и въ Россіи, повидимому, никто не заботится объ ихъ восстановленіи. Вы не видите здѣсь, какъ въ Японіи, расположенныхъ террасовидно по склонамъ хлѣбныхъ и другихъ полей. Культурна лишь равнина, но и на равнинѣ культура эта умѣренная, менѣе интенсивная, чѣмъ въ нашей сплошь запаханной черноземной полосѣ.

Эта сравнительная рѣдкость населенія и бѣдность культуры по берегамъ Голубой рѣки имѣетъ нѣсколько серьезныхъ причинъ. Побережья рѣки, говорятъ, не даютъ представленія о лежащей далѣе и несравненно гуще заселенной и воздѣланной странѣ уже потому, что здѣсь населеніе не можетъ жить постоянно. Большинство фанзъ — временныя жилища, которымъ постоянно грозитъ наводненіе во время разлива рѣки. Разливы эти, зависящіе отъ дождей, весьма неправильны и неравномѣрны. Иногда они затопляютъ громадныя пространства, смывая посѣвы, уничтожая людей и ихъ постройки. Естественно, что лишь въ немногихъ мѣстахъ здѣсь могутъ селиться люди, устраиваться деревни. Деревни эти давно уже разрослись въ города, мимо которыхъ и проходятъ пароходы; между нѣкоторыми изъ нихъ существуетъ правильное пароходное сообщеніе.

Другая причина, объясняющая не только бѣдность деревень, но и недостатокъ населенія въ городахъ,—страшная рѣзня, бывшая здѣсь еще такъ недавно. Страна потеряла громадный процентъ населенія. Г. Шевелевъ, извѣстный негодіантъ-предприниматель во Владивостокѣ, хорошо знающій Ханькоускій край, языкъ и бытъ населенія, говорилъ мнѣ, что ему лично извѣстны многія китайскія семьи, гдѣ изъ 50 человѣкъ, послѣ возстанія тайпинговъ, осталось 3—4. Край подвергся большой очисткѣ, и теперь густота его населенія значительно ниже нормальной. Но и при всемъ этомъ—весь характеръ его не отвѣчаетъ представленію о Китаѣ. Тѣ города, мимо которыхъ вы проѣзжаете, кажутся вамъ тѣсными скопленіями мелкихъ лачугъ. Ни одного красиваго оригинальнаго зданія, которыми такъ богаты китайскія картины, вы здѣсь не видите. Темныя одноэтажныя зданія съ черными черепичатыми крышами лѣпятся въ одну общую безформенную, какъ муравейникъ, массу. Скопленіе это обнесено стѣною. Но это далеко не тѣ изящныя, какъ игрушки, вылѣпленныя изъ лёссу стѣны, какія я видѣлъ въ Западномъ Китаѣ—въ Кульджинскомъ районѣ. Здѣсь эти каменные стѣны полуразрушены: онѣ почернѣли отъ времени, поросли травою и деревьями и, кажется, рассыплются отъ одного только прикосновенія. Старыя стѣны средневѣковыхъ замковъ Европы кажутся свѣжими въ сравненіи съ этими стѣнами китайскихъ городовъ. Въ рѣдкомъ изъ городовъ вы увидите какую-нибудь почернѣлую башню китайскаго стиля. Но это одинокое зданіе не можетъ уничтожить впечатлѣнія скопища старыхъ грязныхъ лачугъ, какое производитъ китайскій городъ береговъ Янтсе-кіанга. Я не говорю о нашихъ русскихъ городахъ, столь красиво смотрящихъ съ береговъ рѣкъ, на которыхъ они построены; своими златоглавыми церквами и живописно разбросанными зданіями они внѣ конкуренціи. Не только города западной Европы, но даже прозаическіе фабрич-

ные города Америки, и тѣ живописнѣе и красивѣе, чѣмъ эти деревни-муравейники Китая.

При приближеніи къ Кю-Кіангу ландшафты мѣняются; берега подходятъ ближе другъ къ другу; являются довольно высокія горы, мѣстами обработанныя, мѣстами дикія, покрытыя осыпями. Край теряетъ ту мягкую зеленую окраску, которую онъ имѣлъ раньше; что-то напоминаетъ ландшафты внутренней Азіи въ окружающихъ пейзажахъ, весьма красивыхъ и живописныхъ. Не могу здѣсь не обратить вниманія на тотъ любопытный фактъ, что хотя Голубая рѣка протекаетъ подъ сходными широтами съ южною Японіею, господствующая растительность здѣшнихъ горъ уже далеко не та. На вершинахъ, правда, какъ мнѣ говорили, вы встрѣтите тѣ-же азалии и рододендроны, но не то увидите въ нижнихъ поясахъ. Вмѣсто вѣчно зеленыхъ деревъ и кустарниковъ съ ихъ кожистыми глянцевитыми листьями, всюду господствуетъ растительность съ листьями опадающими, мягкими, блѣдно-зелеными, словомъ, напоминающая зелень нашихъ широколиственныхъ лѣсовъ.

Правда, это не наши формы. Виды вродѣ *Ailanthus*'овъ и другихъ формъ, разводимыхъ въ нашемъ Закавказьѣ въ садахъ, являются здѣсь господствующими; они придаютъ этой флорѣ южный характеръ, но характеръ этотъ не носитъ и слѣда тропическихъ отголосковъ Японіи. Эта растительность мало гдѣ сохранилась настолько, чтобы носить характеръ лѣсовъ. Только на изрѣдка попадающихся среди рѣки островкахъ можно ее видѣть лучше. Эти островки, вродѣ *Silver island*, недалеко отъ Чи-Кіанга, и *Little orphan*, ниже Кю-Кіанга, очаровательны. Это маленькія изолированныя скалы, торчащія среди водъ. Какъ на игрушечныхъ японскихъ скалахъ, здѣсь пріютились маленькія пагоды подъ сѣнью живописныхъ рощъ. Странно какъ-то видѣть эти крошечныя скалы, одиноко вздымающіяся среди простора водъ рѣки. Ихъ появленіе на первый взглядъ кажется загадочнымъ, и объяснить его можно только принявъ въ расчетъ всю совокупность ландшафтовъ по бере-

гамъ Голубой рѣки. Только тогда получаешь представленіе о томъ, что область теченія этой рѣки изображаетъ изъ себя какъ-бы обширную горную страну съ безпорядочно разбросанными скалами и хребтами, полу-погребенную подъ новѣйшими желто-бурыми наносами, среди которыхъ пролагаетъ свой путь рѣка. Протекая среди наносовъ, Янтсекіангъ мало стѣсненъ древнимъ рельефомъ страны, и нерѣдко теченіе его пересѣкаетъ или обтекаетъ вершины хребтовъ, являющихся въ видѣ отдѣльныхъ скалистыхъ острововъ. Этимъ, вѣроятно, объясняются и неправильности его фарватера, и его глубина, позволяющая безпрепятственно громаднымъ морскимъ кораблямъ плыть по рѣкѣ внутрь страны до самаго Ханькоу.

Странную дѣйствительно картину представляетъ мѣстность по среднему теченію Голубой рѣки. Спустившись до ширины приблизительно равной нашей Волгѣ, она свободно несетъ на своихъ водахъ морскіе пароходы. Медленно и плавно движутся громадныя суда эти, привыкшія къ борьбѣ съ морскими волнами, по быстрымъ желтымъ водамъ Янтсекіанга. Вы — въ сердцѣ страны. И воздухъ, и суточные колебанія температуры говорятъ, что вы уже на континентѣ, гдѣ не слышно дыханіе моря. Кажется, что рѣчной пароходъ, а не морской исполинъ несетъ васъ по рѣкѣ. Зато появленіе въ сердцѣ страны этого множества судовъ всевозможныхъ иностранныхъ флаговъ не должно радовать сердце китайскихъ патріотовъ. У насъ привыкли обвинять китайцевъ въ непріязни къ европейцамъ, къ «заморскимъ чертямъ» — названіе, охотно посылаемое народомъ вслѣдъ гуляющимъ иностранцамъ. Но если эта непріязнь иногда и читается на лицахъ попадающихся вамъ китайцевъ, то, поставивъ себя въ ихъ положеніе, нельзя не признать ея естественной. Поставьте себя, дѣйствительно, въ положеніе народа, по традиціи привыкшаго считать себя господами Востока Азіи, къ которому въ сердце страны вторглись иностранцы. Что стали-бы дѣлать мы, русскіе,

еслибы у насъ по Волгѣ безнаказанно стали разъѣзжать иностранныя военныя суда, нацѣливая свои пушки на беззащитные береговые города? Положимъ, китайцы имѣютъ большіе торговые обороты: суда, ходящія по Голубой рѣкѣ, приносятъ имъ самимъ хорошій барышъ. Но торговля эта носитъ особый характеръ. Если сердцу русскаго патріота больно бываетъ видѣть, что въ городахъ нашихъ три-четверти лучшихъ магазиновъ принадлежатъ иностраннымъ фирмамъ и носятъ иностранныя вывѣски, то что-же долженъ думать китаецъ, когда и въ Чи-Кіангѣ, и въ Ханькоу, и въ Кю-Кіангѣ выстроены цѣлые кварталы европейскихъ домовъ, кажущихся дворцами по сравненію съ китайскими, гдѣ послѣдній прикащикъ живетъ роскошнѣе мандарина и гдѣ вся эта залѣзшая въ сердце Китая «заморская чертовщина» живетъ припѣваючи подл. защитою проникшихъ по Голубой рѣкѣ броненосцевъ, мозолящихъ глаза мирнымъ обывателямъ Китая.

Но миролюбивое населеніе еще терпитъ охраняемыхъ пушками торговцевъ; польза ихъ дѣятельности еще кое-какъ ими сознается. Другая категорія лицъ, посягающая на самыя свята для него суевѣрія, гораздо болѣе заставляетъ его негодовать. Люди эти—католическіе миссіонеры. Пропагандируя чуждую религію, они, пользуясь связями, всюду поддерживаютъ своихъ прозелитовъ, нерѣдко даже въ дѣлахъ неправыхъ. Это, конечно, возмущаетъ ихъ конкурентовъ старой религіи, равно какъ и жрецовъ этой послѣдней. Какъ противъ христіанъ древности, противъ миссіонеровъ возводились и возводятся нелѣпѣйшія обвиненія—вродѣ употребленія въ пищу человѣческаго мяса—ради чего подбрасываютъ къ порогамъ ихъ домовъ трупы. Мнѣ рассказывали, что разъ, найдя у одного изъ миссіонеровъ банку съ пикулями изъ мелкаго луку, одинъ изъ зачинщиковъ увѣрялъ толпу, что это—глаза замученныхъ миссіонерами китайцевъ. Указывая на обиліе луковицъ, онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на толпу. Результатомъ этихъ подстрекательствъ были извѣстные по

корреспонденціямъ прошлаго года разгромы въ Вугу, гдѣ поплатились жизнью нѣсколько человѣкъ и были разнесены миссіонерскія постройки. Въ то-же время къ торговцамъ, особенно къ русскимъ, населеніе относилось вполне миролюбиво.

Послѣ трехсуточного плаванія вверхъ по рѣкѣ, мы достигли Ханькоу, ставши противъ берега на мѣстѣ, гдѣ еще годъ тому назадъ былъ островъ съ зеленымъ лугомъ, на которомъ англичане играли въ lowntennis и гдѣ теперь многосаженная глубина. Голубая рѣка въ этомъ отношеніи не сдѣлала исключенія. Она мѣняетъ русло, нанося въ одномъ мѣстѣ острова и смывая ихъ въ другомъ; озеро, наблюдаемое влѣво отъ рѣки выше Кю-Ки-анга, надо думать, такого-же происхожденія.

Первое, что бросается въ глаза при приходѣ въ Ханькоу, это его европейскій кварталъ, населенный англичанами и русскими. Послѣднихъ, впрочемъ, очень немного—это чайные торговцы и повѣренныя фирмъ.

Жилища этихъ людей, выходящія фасадомъ на прелестный бульваръ на набережной Голубой рѣки, состоящій изъ пышныхъ деревьевъ, составляютъ улицу изъ прекрасныхъ зданій тропическаго стиля. Это тотъ-же типъ построекъ, что вы видите и въ Коломбо. Большія каменные одно- или двухъ-этажныя зданія со всѣхъ сторонъ окружены широкими верандами съ колоннадами, совершенно увитыми вьющимися растеніями и не пропускающими ни свѣта, ни жара въ комнаты. Передъ каждымъ домомъ палисадникъ съ тропическими растеніями, пальмами, саговиками и т. п., говорящими, что не вся туземная растительность края далека отъ тропической, что климатъ позволяетъ разведеніе чисто тропическихъ формъ.

Какъ внѣшній видъ, такъ и внутреннее убранство домовъ и самый строй жизни нашихъ русскихъ часторговцевъ ничѣмъ не отличаются отъ англійскаго. Пока вы съ ними не заговорите, не всмогритесь ближе, вы не отличите

ихъ отъ англичанъ. Англійскія бритыя фізіономіи, англійское распредѣленіе времени, англійская обстановка, англійскія манеры. Можно подумать, что русскій купецъ переродился въ англичанина, и поверхностный наблюдатель, конечно, сталъ-бы, глядя на этихъ русскихъ англичанъ, толковать о неустойчивости русской культуры и быстрой ассимиляціи русскихъ. Но достаточно только поговорить или побыть хотя немного въ средѣ ханькоускаго купечества, чтобы видѣть, что это все тѣ-же русскіе люди, съ русскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ; въ нихъ полное отсутствіе того чванства и напыщенности, которыя такъ свойственны англичанамъ колоніи. Необходимость импонировать китайцамъ, жить въ средѣ, гдѣ господствуютъ англичане,—заставляетъ ихъ облечься въ эту, хотя чуждую, но болѣе культурную оболочку.

Китайцы, языкъ которыхъ не позволяетъ произносить русскихъ именъ, перекрестили по-своему нашихъ торговцевъ. Если вы спросите, напримѣръ, Молчанова—васъ не поймутъ, вы должны искать Фо-Чана; Молоткова передѣлали въ Шунъ-Фунъ. Такимъ-же метаморфозамъ подверглись и другія имена часторговцевъ. Китайскія названія, по смыслу своему, гораздо эlegantнѣе русскихъ. Въ переводѣ на нашъ языкъ это будетъ или «Пріятная Встрѣча» или «Розовое Облако» и т. п.

Я не буду описывать здѣсь процедуры заготовки и упаковки чаю. Объ этомъ писали слишкомъ много. Скажу одно: процедура эта не эстетичнѣе, чѣмъ укладка въ бочки астраханскихъ селедокъ, описанная мною на страницахъ «Недѣли». Люди, промывающіе чай прежде чѣмъ его заваривать, поступаютъ весьма основательно.

Китайскій Ханькоу принадлежитъ къ числу непривлекательнѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Если китайскіе города, по внѣшнему своему виду, не отличаются красотой, то ихъ внутренность еще болѣе отвратительна. Улицы города настолько узки и тѣсны, что нетолько въ экипажѣ, но даже и верхомъ по нимъ трудно проѣхать. Вы-

ходящіе на нихъ дома по большей части представляютъ лавки, которыя одновременно являются и мастерскими, такъ-какъ здѣсь, какъ и во всѣхъ южныхъ городахъ, люди предпочитаютъ работать на улицѣ. Какъ во всѣхъ восточныхъ городахъ, лавки одного характера группируются въ опредѣленныхъ улицахъ. Въ одной улицѣ преобладаютъ мѣдники, въ другой—торговцы съѣстными припасами, въ третьей—вышиваютъ ткани, дѣлаютъ сапоги и т. п. Вездѣ отъ этихъ лавокъ стоитъ нестерпимая вонь. Она совершенно невыносима для европейца въ улицахъ, гдѣ торгуютъ съѣстными припасами и гдѣ тутъ-же готовится пища, которою мимоходомъ закусываютъ китайцы.

Изрѣдка попадаются дома мандариновъ. Они отличаются особыми портиками передъ входомъ, равно какъ и тѣмъ, что надо пройти рядъ внутреннихъ дворовъ, прежде чѣмъ попасть въ комнаты. Но и съ внѣшней и съ внутренней стороны, жилье этихъ китайскихъ бояръ поражаетъ необыкновенною убогостью и грязью; при видѣ ихъ хоромъ, думается, что только санъ отличаетъ ихъ отъ простыхъ смертныхъ.

Улицы переполнены народомъ. Поминутно приходится давать дорогу китайцамъ, на длинныхъ коромыслахъ несущимъ товары съ громкими криками: о'гэ—э'гэ—о'гэ—э'гэ! Я не встрѣчалъ по отношенію къ себѣ никакихъ враждебныхъ проявленій, хотя прозвище «заморскій чортъ» часто слышалось мнѣ вслѣдъ. Сравнивая Ханькоу съ Суйдуномъ, посѣщеннымъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я нахожу, что типъ этихъ городовъ, лежащихъ на противоположныхъ концахъ Небесной Имперіи, одинъ и тотъ-же. Но Суйдунъ, какъ новый городъ, и чище, и красивѣе выглядитъ. Китайскіе храмы или пагоды совершенно теряются въ общей массѣ городскихъ построекъ. Этимъ они напоминаютъ синагоги или сартовскія мечети. Попадая по узкому проходу къ дверямъ храма, у которыхъ толпится нѣсколько нищихъ, вы видите цѣ-

лый лабиринтъ зданій, построенныхъ, повидимому, безъ всякаго плана или системы. Тутъ у васъ возвышается роскошный вызолоченный портикъ искуснѣйшей старинной работы, тамъ капище съ идолами, здѣсь помѣщеніе для театра, чайный залъ и мандаринскій садъ. Все это блещетъ рѣзьбою, золотомъ, украшеніями; но все кажется случайно составленнымъ, не производитъ впечатлѣнія единства. Садики съ прудами, гдѣ плаваютъ золотыя рыбки, съ мостиками и искусственными горками, заставляютъ удивляться трудолюбію садовника; но въ нихъ нѣтъ и слѣда того изящества и пейзажнаго вкуса, какой вы видите въ Японіи. Это отсутствіе изящества и вкуса поражаетъ повсюду. Войдите въ китайскую лавку, торгующую тѣмъ-же товаромъ, что и въ Японіи, и вы поразитесь разницею въ его качествѣ. Я долгое время тщетно искалъ порядочной лавки съ фарфоромъ. Послѣ напрасныхъ розысковъ и разспросовъ знающихъ людей, я убѣдился, что хорошихъ лавокъ здѣсь нѣтъ, что я видѣлъ лучшія вазы, лучшія чашки, какія только есть въ городѣ. Но все это было такъ грубо, такъ лубочно, что послѣ японскихъ издѣлій производило такое-же впечатлѣніе, какое производятъ лубочныя картинки послѣ картины хорошаго художника.

Подобное-же впечатлѣніе производятъ и здѣшнія мѣста сбора публики—чайные дома и рестораны. Обыкновеннѣйшій простонародный русскій трактиръ производитъ впечатлѣніе учрежденія и болѣе опрятнаго, и болѣе изящнаго, чѣмъ лучшіе чайные дома и рестораны Ханькоу, посѣщаемые цвѣтомъ китайской интеллигенціи и чиновничества. Лучшіе изъ этихъ ресторановъ выходятъ своимъ фасадомъ на берега Голубой рѣки. Здѣсь не слышно смрада отъ крытыхъ сверху полутемныхъ улицъ города, напоминающихъ корридоры, пересѣкающіе одно общее многоквартирное зданіе-муравейникъ Ханькоу. По волнамъ, болѣе напоминающимъ помой, чѣмъ воду, вы подплываете къ берегу; по грязнымъ и скользкимъ

доскамъ, рискуя слетѣть въ воду, вы подходите къ лучшему изъ ресторановъ и поднимаетесь по лѣстницѣ, черезъ кухню, въ чистое помѣщеніе. По общей планировкѣ трактиры эти напомнили мнѣ деревенскіе трактиры по берегамъ Волги въ Нижегородской губерніи—гдѣ-нибудь въ Работкахъ или Исадахъ. Но и эти трактиры чище и лучше китайскихъ. Въ двухъ или трехъ комнатахъ, за мраморными столами, довольно-таки загаженными и безъ скатертей, сидятъ китайцы. Какъ наши мужики или извошники, забравшись въ трактиръ, скидаютъ съ себя верхнее облаченіе и напиваются чаю до седьмого поту, сидя въ однихъ рубахахъ, такъ точно и китайцы не считаютъ нужнымъ, во время ѣды, стѣснять себя своею и безъ того легкою одеждою; они скидываютъ свои верхніе кафтаны и сидятъ въ однихъ панталонахъ, обнаженные до пояса. Женщинъ я за время посѣщенія чайныхъ и ресторановъ въ Ханькоу не видѣлъ—можетъ быть потому, что былъ въ раннее время. Столъ китайскій также значительно уступаетъ японскому.

Китайская водка крѣпче и содержитъ болѣе сивушныхъ элементовъ, чѣмъ саки; она также подается въ крошечныхъ, съ наперстокъ величиною, стеклянныхъ чашечкахъ и также ее пьютъ въ горячемъ видѣ, наливая изъ металлическихъ кувшинчиковъ. Какъ и въ Японіи, смѣнъ блюдъ мало, и какъ въ Японіи, они подаются въ маленькихъ фарфоровыхъ чашкахъ. Впрочемъ, качество блюдъ недурно. Особенно часто за столомъ появляется курица. Но почти всѣ кушанья готовятся необыкновенно жирно, особенно морскія блюда—мелкіе рачки и разные соусы. Касторовое масло вареное не производитъ ни на вкусъ, ни на желудокъ того дѣйствія, какъ наше общеизвѣстное лѣкарство; но оно кладется въ такомъ изобиліи, что нѣкоторыя кушанья положительно не съѣдобны для европейца.

Всѣмъ извѣстно, что китайцы охотно употребляютъ въ пищу собакъ, крысъ и многихъ другихъ животныхъ,

считаемыхъ у насъ погаными. Но я могу увѣрить читателя, что блюда эти подаются въ хорошихъ ресторанахъ вовсе не такъ часто, и европеецъ въ китайской кухнѣ можетъ найти для себя весьма много вкусныхъ и здоровыхъ блюдъ. Скорѣе грязь и неопрятность всей обстановки, чѣмъ самая кухня, отталкиваютъ европейца и дѣлаютъ изъ угощенія китайскимъ обѣдомъ своего рода самопожертвованіе.

Не могу также не указать и на то, что описанія многихъ китайскихъ блюдъ преувеличены. Такъ, напримѣръ, увѣряютъ, будто у китайцевъ считаются дорогимъ лакомствомъ тухлыя яйца. На дѣлѣ, эти яйца не тухлыя, а только особеннымъ образомъ выдержанныя. Куриное яйцо варится въ крутую и завернутое въ солому опускается въ особыхъ сосудахъ глубоко въ землю, гдѣ остается до 10 лѣтъ. Выдержанное такимъ образомъ яйцо измѣняетъ свой цвѣтъ; его желтокъ дѣлается зеленоватымъ, бѣлокъ—сѣрымъ и прозрачнымъ. Не пріобрѣтая ни малѣйшаго запаха, оно получаетъ вкусъ, который я не могу назвать неприятнымъ. Такими свойствами обладаютъ и многія другія китайскія блюда, на первый взглядъ кажушіяся крайне подозрительными. Какъ и въ Японіи, обѣду предшествуетъ и онъ заключается чаемъ. Но этотъ чай, здѣсь, въ собственномъ Китаѣ употребляемый, уже напоминаетъ такой, который мы пьемъ въ Россіи, хотя, конечно, онъ подается въ закрытыхъ чашкахъ и безъ сахара и заваривается въ самой чашкѣ. Въ чайныхъ залахъ за одной такой чашкой чаю въ разговорахъ китаецъ просиживаетъ цѣлые часы; въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ русскихъ, которые, при сходныхъ условіяхъ, выдуваютъ цѣлые самовары.

Испробованныя мною кушанья состояли преимущественно изъ овощей, раковъ и куръ, отчасти изъ мяса; морскихъ продуктовъ, сравнительно съ Японіей, было очень мало. Не могу при этомъ не сказать нѣсколько словъ о пищѣ китайскаго простонародья. Можно-бы было думать,

что въ странѣ, гдѣ ѣдятъ крысъ и собакъ, питаніе простаго рабочаго и крестьянина очень плохо. Къ моему крайнему удивленію, не только мои собственные наблюденія надъ тѣмъ, что ѣли рабочіе, убравшіе чай на суда, но и разспросы заслуживающихъ довѣрія и долго жившихъ въ краѣ людей показали противное. Китайцы положительно питаются гораздо разнообразнѣе и лучше нашихъ крестьянъ и рабочихъ. Правда, ихъ пища исключительно растительная; но спрашивается, часто-ли видитъ у себя за столомъ мясо нашъ крестьянинъ средней и сѣверной Россіи? Главную массу пищи китайскаго простолюдина составляетъ рисъ, котораго онъ ѣстъ вдоволь, закусывая крайне разнообразными приправами: вяленою, сушеною и соленою рыбою, имбиремъ и т. п. Эти рисовыя блюда у него чередуются съ кушаньями изъ разнообразнѣйшихъ овощей и зелени или печеніями. Не менѣе пяти смѣнъ блюдъ имѣетъ онъ ежедневно. И эти блюда не остаются одинаковыми круглый годъ, какъ у нашихъ крестьянъ.

Осматривая Ханькоу, я не могъ не любопытствовать переѣхать черезъ рѣчку, на которой расположился одинъ изъ тѣхъ плавучихъ городовъ, о которыхъ пишется такъ много. Это была пріютившаяся около берега громадная флотилія китайскихъ джонокъ или талангъ, мачты которыхъ производили впечатлѣніе густого лѣса. На нихъ виднѣлась масса народу, а отбросовъ, кидаемыхъ въ рѣку, было такъ много, что ея и безъ того мутно-желтая вода подернулась слоемъ жира и издавала пре-непріятный запахъ. Я сильно, однако, сомнѣваюсь, чтобы одна невозможность жить на сушѣ и имѣть клочекъ собственной земли заставляла цѣлыя семьи жить на лодкахъ, или, какъ мнѣ говѣрили, цѣлыя поколѣнія не имѣть твердой земли подъ ногами.

На противоположномъ берегу рѣки въ настоящее время китайское правительство сооружаетъ желѣзный механическій заводъ, имѣющій цѣлью выдѣлывать все необхо-

димое для китайскихъ желѣзныхъ дорогъ. Заводъ этотъ можетъ служить свидѣтельствомъ тому, что народъ китайскій далеко не отличается тою косностью, въ какой его принято упрекать. Еще недавно компанія китайскихъ богачей купила только-что отстроенную желѣзную дорогу изъ Пекина въ Тенъ-Тзинъ, чтобы стереть съ лица земли ненавистное новшество «заморскихъ чертей», а теперь иждивеніемъ правительства устраивается заводъ, который долженъ своими средствами создать рельсовые пути имперіи. Проѣзжая изъ Кю-Кіанга въ Ханькоу, вдоль берега я видѣлъ уже готовое полотно этой новой чисто-китайской дороги. Она, вѣроятно, будетъ началомъ цѣлой сѣти, которая современемъ покроетъ имперію. На эту дорогу идутъ лучшія шпалы изъ лиственницъ Сибири, въ то время какъ на нашу сибирскую дорогу поставляются плохія шпалы изъ окрестностей Владивостока.

Проливной дождь заставилъ меня отказаться отъ дальнѣйшаго осмотра Ханькоу, и такъ-какъ въ этотъ-же вечеръ отходилъ пароходъ внизъ по рѣкѣ, согласованный съ отходомъ японскаго парохода въ Нагасаки, то я и долженъ былъ ограничиться осмотромъ видѣннаго.

Распростившись съ каютъ-компаніей «Москвы», о которой у меня навсегда останется самое пріятное воспоминаніе, я пересѣлъ на рѣчной пароходъ, отходившій въ 11 часовъ ночи изъ Ханькоу. Однако, капитанъ не рѣшался выйти до самого разсвѣта,—такъ силенъ былъ дождь и туманъ. Юнь мѣсяцъ—одинъ изъ самыхъ дождливыхъ въ Китаѣ, и эти приносимые муссономъ дожди имѣютъ чисто тропическій характеръ. Вода льетъ какъ изъ ведра, безъ устали цѣлые дни, и сквозь ея потоки не видно ничего окружающаго. Въ такую погоду мы вышли изъ Ханькоу, и она насъ преслѣдовала цѣлый день.

Становясь на рейдѣ въ Шанхаѣ, въ первую минуту можно подумать, что вы пріѣхали въ европейскій городъ. Красивая набережная, застроенная домами французскаго и англійскаго типа, европейскіе порядки, полицейскіе су-

да,—все это напоминает обстановку другихъ портовыхъ городовъ европейскихъ колоній. Но иллюзія эта исчезаетъ немедленно, какъ-только вы покинете прибрежные кварталы. Сейчасъ далѣе въ глубь, безразлично во французскомъ, англійскомъ или американскомъ кварталахъ города, вы увидите чисто китайское населеніе. Европейцы, въ этой массѣ желтолицыхъ, являются какъ капля въ морѣ. Правда, улицы здѣсь широки и прямы, дома—европейской конструкціи, магазины съ европейскими вывѣсками и витринами; полицейскіе по большей части индійцы; но масса народа, ходящая по улицѣ, продавцы и покупатели—все это китайцы, весьма плохо понимающіе или даже вовсе не говорящіе на европейскихъ языкахъ.

Чѣмъ далѣе отъ берега вы будете удаляться, тѣмъ болѣе китайскій характеръ пріобрѣтаетъ городъ. Здѣсь улицы, какъ и въ настоящихъ китайскихъ кварталахъ, превращаются въ сплошные ряды лавокъ. Атмосфера пріобрѣтаетъ специфическій китайскій запахъ, и только необычная ширина улицъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь когда-то хозяйничали европейцы. Европа здѣсь поглощена, наводнена Китаемъ, потонула въ морѣ желтолицыхъ. Ея вліяніе сказывается только въ одномъ—въ эксплуатированіи націи. Безпристрастный путешественникъ, побывавшій въ Шанхаѣ, перестанетъ удивляться, почему всякій порядочный китаецъ до глубины души ненавидитъ «заморскаго чорта». У себя, въ китайскомъ кварталѣ, равно какъ и въ любомъ чисто китайскомъ городѣ, никогда не найдетъ онъ такихъ соблазновъ, такихъ источниковъ разврата, какъ здѣсь, въ этихъ чужеземныхъ кварталахъ. Я уже описывалъ гостинницы и чайные дома Ханькоу. Подобный-же характеръ носятъ и другія увеселительныя заведенія города. Таковы-же они и въ другихъ чисто китайскихъ городахъ. Не то вы увидите въ европейскомъ Шанхаѣ. Здѣсь цѣлыя улицы представляютъ изъ себя ряды роскошныхъ, увѣшанныхъ изящными фонарями зданій съ открытыми на улицу балконами, зданій, откуда слышатся соблазни-

тельные звуки музыки и пѣнія. Войдите въ одно изъ этихъ зданій, и вы поразитесь его роскошью и великолѣпіемъ, конечно, рассматривая его съ китайской точки зрѣнія. Роскошныя стеклянныя мозаичныя двери, такіе-же экраны, рѣзныя колонны окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ. По широкой лѣстницѣ вы входите въ обширную залу, наполненную людьми. Но въ ней тихо. Слышатся лишь звуки музыки изъ сосѣдней комнаты да легкій гулъ сдержаннаго разговора. Между деревянными лакированными рѣзными колоннами, подпирающими потолокъ, устроенъ рядъ перегородками раздѣленныхъ наръ, рассчитанныхъ на два или на четыре человѣка. Большинство такихъ отдѣленій занято. Вы видите полунагихъ китайцевъ, съ подушками подъ головами, лежащихъ другъ противъ друга съ трубками въ рукахъ. Между ними стоитъ лампочка для закуриванія опиума. Удовольствіе это довольно дорогое. Помимо платы за мѣсто, чтобы накуриться до опьяненія необходимо истратить болѣе рубля на наши деньги. Естественно, что для китайца, заработка котораго невелики, это большой расходъ. Между тѣмъ курительные дома полны; они вмѣщаютъ многія сотни людей одновременно. Ихъ убранство, музыка, пѣніе, женщины легкаго поведенія, все это привлекаетъ сюда народъ. Благоустройство учреждений доходитъ до того, что около каждаго 5—6 мѣстъ ходитъ особый надзиратель, затѣмъ, чтобы воры не обокрали пришедшихъ въ отупѣлое отъ опиума состояніе китайцевъ. Мелкіе торговцы съ различными бездѣлушками снуютъ въ проходахъ; китайскія арфистки, играющія на эстрадахъ и плѣняющія взоры отупѣлыхъ китайцевъ своими маленькими ножками, возвышающими цѣну ихъ на сотни долларовъ,—все это движется въ смутной атмосферѣ бѣловатаго дыма, выпускаемаго курильщиками. Изрѣдка мимо васъ проходитъ толпа опьянѣлыхъ кутилъ, чтобы нанять европейскій экипажъ и прокатиться въ немъ по городу—удовольствіе особенно высоко цѣнимое китайцами, которые въ своихъ городахъ могутъ двигаться только въ

весьма допотопнаго устройства паланкинахъ, несомыхъ людьми. Въ курительныхъ домахъ Шанхая ежедневно владѣтели ихъ, европейцы, собираютъ тысячи рублей. Зато китайское населеніе Шанхая худосочно и какого-то лимоннаго цвѣта. Манзы Владивостока кажутся смуглыми здоровяками по сравненію съ этимъ людомъ слабосильнымъ и чахлымъ.

Самое интересное въ Шанхаѣ—это безусловно храмы, блещущіе богатымъ внутреннимъ убранствомъ, массою отдѣленій и маленькихъ внутреннихъ двориковъ, превращенныхъ въ красиво разбитые садики карликовыхъ деревьевъ, похожіе на японскіе. Одинъ изъ этихъ храмовъ замѣчателенъ собраніемъ громадныхъ и необыкновенно безобразныхъ идоловъ. Передъ этими идолами постоянно видишь подъ звуки музыки преклоняющихся китайцевъ, которые, принося кучи бумажныхъ денегъ изъ посеребренной бумаги, жгутъ ихъ передъ главнымъ идоломъ, весьма похожимъ на дѣлаемыя въ нашихъ балаганахъ изображенія сатаны. Цѣль приходящихъ не столько поклониться изображенію богатства, сколько спросить судьбу. При мнѣ принесшіе жертву и колѣнопреклоненные китайцы, по указанію священника, брали изъ колчана стрѣлы съ номерами, и онъ по номеру отъ имени бога говорилъ, какая участь ожидаетъ больныхъ, о которыхъ вопрошали жертвователи. Въ этомъ-же храмѣ по отдѣламъ стоятъ до 100 идоловъ меньшихъ размѣровъ. Передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ по дощечкѣ. Божества эти считаются покровителями каждаго года жизни человѣка. Подписи содержатъ предсказанія. Приходящій отыскиваетъ бога покровителя года его возраста и вопрошаетъ судьбу, написанную на дощечкѣ, стоящей передъ нимъ. Ежедневно подписи съ прорицаніями мѣняются.

Китайскій театръ въ Шанхаѣ по устройству многимъ отличается отъ японскаго. Это богатое зданіе, освѣщенное электричествомъ, какъ и въ Японіи, имѣетъ партеръ и хоры. Но здѣсь уже сидятъ не на полу, а на стульяхъ

за отдѣльными столиками, на которые спрашивается обыкновенно чай, фрукты, конфекты, а иногда и цѣлый обѣдъ. Театръ и ресторанъ такимъ образомъ совмѣщаются въ одно. Это мнѣ напомнило нѣкоторыя увеселительныя заведенія Германіи, гдѣ смотрятъ артистовъ и закусываютъ одновременно. Но характеръ представленій здѣсь иной. Сцена не измѣняется декораціями, какъ въ Японіи: декорація остается одна. Обстановка требуетъ большой доли воображенія, чтобы представить, что поднявшій ногу актеръ—герой, садящійся на лошадь, а взмахнувшій палкою—вступающій въ бой. Зато костюмы весьма роскошны и соотвѣтствуютъ той эпохѣ, какую представляетъ пьеса. Пьесы, какъ и въ Японіи, историческаго содержанія, но, повидимому, мало интересны, такъ-какъ публика охотнѣе разговариваетъ и угощается, чѣмъ слушаетъ. Актеры говорятъ, какъ и въ Японіи, не своимъ голосомъ и сильно жестикулируютъ. Играютъ здѣсь все мужчины. Насколько я могъ замѣтить, главная цѣль зрѣлищъ, какъ въ Японіи, такъ и въ Китаѣ, поучительная. Ихъ театры играютъ роль средне-вѣковыхъ «дѣйствъ»; ихъ выставки—житія святыхъ. Я не могу здѣсь не вспомнить объ одной такой выставкѣ восковыхъ фигуръ, видѣнной мною въ Кумамото. Цѣлая галлерея весьма искусно сдѣланныхъ куколъ представляла различные сказочные подвиги добродѣтельныхъ людей и буддійскихъ святыхъ. Чичероне, ходившій по этой галлерей, рассказывалъ преданія о каждомъ изъ нихъ. Эти картины и рассказы являлись полной аналогіей читаемыхъ и популярныхъ въ нашемъ народѣ лубочныхъ изданій житій святыхъ.

Переночевавъ въ довольно сносной и недорогой французской гостинницѣ «Hôtel des Colonies», я на другой день отправился на пароходъ «Iokohama»—японской компаніи—и черезъ день прибылъ на рейдъ въ Нагасаки. Пересѣвши тамъ на другой пароходъ того-же общества, я отплылъ въ Владивостокъ.

VI.

Прибытіе во Владивостокъ. — Общее впечатлѣніе, производимое городомъ. — Манзы. — Русское населеніе. — Условія жизни. — Посѣщеніе дока.

Прибывъ во Владивостокъ, — этотъ юго-восточный край нашего отечества — мы остановились весьма близко отъ набережной. Но хотя было около 5 часовъ вечера и еще полноѣ свѣтло, — туманъ стоялъ такой густой, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть ближайшія зданія.

Приходъ японскаго судна не обратилъ на себя ничьего вниманія. Ни полиціи, ни таможенныхъ чиновниковъ не было видно. Единственными посѣтителями парохода явились довѣренныя конторы Кунстъ и Альбертсъ; они любезно предложили мнѣ свою лодку, и въ сопровожденіи ихъ я съѣхалъ на берегъ, гдѣ первыя фразы, которыя мнѣ пришлось услышать въ своемъ отечествѣ, послѣ того какъ я объѣхалъ вокругъ Азіи, были *нѣмецкія*.

Сквозь туманъ на рейдѣ можно было разсмотрѣть красивые силуэты военныхъ судовъ: «Память Азова», «Дмитрій Донской», на бортѣ которыхъ въ послѣдствіи мнѣ пришлось провести нѣсколько пріятныхъ часовъ въ обществѣ милой и просвѣщенной компаніи морскихъ офицеровъ. Нѣсколько китайскихъ военныхъ судовъ, отстроенныхъ по послѣднимъ правиламъ науки, также виднѣлись на рейдѣ.

Управляемая китайским лодочником, лодка быстро приближала насъ къ берегу. Здѣсь, на востокѣ, чуть-ли не каждый городъ имѣетъ лодки своего фасона. У однихъ, какъ во Владивостокѣ, носъ тупой и плоскій; у другихъ—расширенная корма, которою онѣ и пристають къ берегу; у третьихъ—навѣсъ въ видѣ маленькой каютки, какъ на-примѣръ у лодокъ Нагасаки. Но общая имъ черта та, что всѣ онѣ приводятся въ движеніе однимъ только весломъ, помѣщающимся на кормѣ. Работая имъ, какъ пароходнымъ винтомъ, лодочникъ гонитъ свое судно ничуть не хуже, чѣмъ у насъ гребутъ въ двѣ пары веселъ.

Едва мы достигли берега, не застроеннаго, безъ всякой набережной, и вдвинули нашу лодку между массой другихъ лодокъ и одномачтовыхъ китайскихъ джонокъ, какъ насъ обступило великое множество китайцевъ и корейцевъ, предлагавшихъ свои услуги, въ качествѣ носильщиковъ. Между ними я не видѣлъ ни одного русскаго; можно было подумать, что прибылъ въ какой-нибудь изъ портовъ Небесной Имперіи. Тѣ-же полунагіе китайцы, въ однихъ панталонахъ на голое тѣло и съ косами на спинахъ, тѣ-же коричневые мясистые тѣла корейцевъ въ ихъ бѣлыхъ національныхъ костюмахъ, съ рѣденькими бородками и плоскими азіатскими, напоминающія киргизскія, лицами*. Одинъ развѣ русскій языкъ говоритъ вамъ, что вы въ Россіи. Но Боже, что это былъ за языкъ!! «Pitschin english», на которомъ говорятъ китайцы въ англійскихъ портахъ,—совершенно выработанный языкъ по сравненію съ этою пародіею на нашъ русскій. Не говоря о томъ, что здѣсь нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, самыя слова произносятся и

* Костюмъ корейца всегда сшитъ изъ чрезвычайно рѣдкой, напоминающей кисею, матеріи. Онъ состоитъ изъ кофты или халата, пояса и необъятныхъ, какъ у малороссовъ, штановъ. Ложась спать, кореецъ натягиваетъ ихъ черезъ все тѣло и завязываетъ себя какъ въ мѣшокъ. На головѣ корейцы носятъ изящныя, изъ волосъ плетенныя полупрозрачныя шляпы. За бѣлый костюмъ и манеру ходить гуськомъ наши солдаты ихъ зовутъ лебедями.

употребляются различно. Такъ напр., всякій чиновникъ, военный или гражданскій, или вообще не солдатъ и не матрость, зовется здѣсь «капитанъ»; всякая женщина — «мадамъ». При стеченіи согласныхъ вставляется между ними произвольное число гласныхъ, и слово получаетъ нѣсколько лишнихъ слоговъ; *р* произносится какъ *л*. Естественно, что при такихъ условіяхъ, свѣжему чело-вѣку почти невозможно понять владивостокское нарѣчіе; въ свою очередь, китайцы не поймутъ васъ, если вы съ ними будете говорить по-русски, по-настоящему. Всѣхъ китайцевъ здѣсь зовутъ манзами, и хотя въ сущности «манза» слово ругательное, они охотно откликаются на этотъ зовъ, не находя его для себя обиднымъ.

Протискавшись черезъ эту галдящую толпу, я вышелъ на широкую немощенную площадь, гдѣ были построены бараки для лавокъ; здѣсь я съ трудомъ нашолъ единственнаго извозчика, стоявшаго въ уголкѣ. Это былъ первый русскій, котораго я увидѣлъ по прибытіи въ Сибирь. Договорившись съ нимъ проѣхать въ противоположный конецъ города, гдѣ я рассчитывалъ найти моего знакомаго, артиллериста С., я съ изумленіемъ узналъ, что удовольствіе это будетъ стоить 1 р. *по таксъ*. Заключивъ отсюда, что Владивостокъ долженъ быть громаднымъ городомъ, я сѣлъ на моего возницу, котораго мой носильщикъ-манза осыпалъ въ это время цѣлымъ словаремъ самыхъ непозволительныхъ площадныхъ ругательствъ, запасъ которыхъ у него былъ, повидимому, гораздо большій, чѣмъ остальныхъ словъ русскаго языка. Послѣ всего, что я видѣлъ въ англійскихъ и другихъ колоніяхъ востока, послѣ того, что мнѣ было извѣстно о колоніяхъ голландскихъ, меня не могли не поразить эти отношенія. Тамъ европеецъ—господинъ, стоящій настолько высоко, что ни одинъ туземецъ, въ какомъ-нибудь Шанхаѣ, напримѣръ, имѣющій гораздо больше, въ сущности, правъ на уваженіе, чѣмъ онъ, не рѣшится прямо его оскорбить; здѣсь манза—человѣкъ по большей части изгнанный, какъ негодный

членъ семьи, изъ Китая, самими китайцами третируемый Богъ-знаетъ какъ, публично поносить русскаго, въ сущности коренного владѣльца страны, и никто этимъ не возмущается. Фактъ этотъ слишкомъ бросился мнѣ въ глаза, и встрѣчая въ городѣ повсюду манзѣ, манзѣ и манзѣ, я невольно съ первыхъ-же дней заинтересовался китайскимъ вопросомъ въ Россіи и старался собрать возможно больше данныхъ pro и contra, чтобы выяснить, кому-же принадлежитъ или будетъ принадлежать край,—намъ, или китайцамъ? Картина, мною полученная, оказалась далеко не отрадною. Какъ и вездѣ у насъ въ Россіи, полное отсутствіе до конца доведенной системы и здѣсь по отношенію къ китайцамъ приноситъ самые печальные плоды.

Нельзя сказать, чтобы манзы были любимы въ краю; но они сумѣли сдѣлать себя необходимыми и понемногу захватить все въ свои руки, такъ-что, какъ безъ еврея малороссъ на западѣ Россіи, такъ безъ китайца житель Владивостока не можетъ ступить ни шагу. До сихъ поръ *по закону* китаецъ не можетъ быть землевладѣльцемъ; онъ не можетъ безъ билета приходить въ Россію на заработки; онъ почти безправное существо, которое всякій можетъ обидѣть, даже застрѣлить какъ собаку, оставшись совершенно правымъ. Я знаю людей, которые перестрѣляли изъ-за личной мести, по закону Линча, отмщая за убійство и раззореніе семьи, не одинъ десятокъ желтолицыхъ. При такихъ условіяхъ полного безправія можно-бы было думать, что жизнь манзы слишкомъ горька, чтобы стоило оставаться въ Россіи. Между тѣмъ цѣлая волна народа наплываютъ сюда ежегодно, остаются и размножаются въ окрестностяхъ Владивостока, проникая всюду безконтрольно. Владивостокъ умретъ съ голоду, останется безъ рабочихъ, если прогонитъ манзѣ. Манзы сумѣли заарендовать большой такъ-называемый «Русскій островъ», что противъ Владивостока, покрыли его огородами и доставляютъ овощи на весь городъ. Еще весьма недавно цѣны на работу были настолько высоки, что русскому человѣку

не было никакого расчета заниматься плодоводствомъ. Самыя простыя овощи стоили во Владивостокѣ баснословныя цѣны, а зачастую и ни за какія деньги нельзя было ихъ достать. Съ приходомъ манзъ дѣло измѣнилось. Теперь овощей—изобиліе. Несмотря на то, что нелегально хозяйничающіе манзы подвергаются грабительскимъ набѣгамъ со стороны русскихъ, производящихъ между ними настоящія опустошенія, они сумѣли составить столь прочный союзъ, что теперь для русскаго—заняться огородничествомъ во Владивостокѣ значило-бы обречь себя на вѣрное раззореніе. Цѣны на продукты на базарѣ устанавливаются манзами. Покупщиками на базарѣ являются манзы-повара и прислуга, посылаемая русскими господами, и никогда китаецъ не купитъ у русскаго того, что можетъ купить у китайца. И не только огородничество,—вся мелкая торговля находится въ такихъ-же условіяхъ. Во Владивостокѣ и сосѣднихъ деревняхъ всѣ мелкія лавки—китайскія. Тяжелыя земляныя работы, а также плотницкія и каменныя—все это трудъ китайца, и трудъ оплачиваемый здѣсь хорошо. Простой работникъ при домѣ, на всемъ готовомъ, зарабатываетъ 15 р. въ мѣсяцъ, въ городѣ. Цѣна эта очень высока, но она низка для русскаго и даже для самого манзы, если принять во вниманіе, что значительный процентъ ея уходитъ на взятки и поборы, окупающіе нелегальное существованіе этого безпаспортнаго люда, численность котораго неизвѣстна въ точности ни русскимъ, ни китайскимъ властямъ.

Усиливаясь мало-по-малу трудомъ и взаимопомощью, китайцы захватываютъ въ свои руки одну отрасль промышленности за другою. Скопляя въ своихъ рукахъ деньги и пріобрѣтая силу своей массой, они образуютъ своего рода кагалъ, роль котораго при томъ безправномъ положеніи, какое они занимаютъ въ краѣ, будетъ понятна всякому. Чуждые всему русскому и по своей культурѣ, безусловно болѣе высокой, чѣмъ культура здѣшняго крестьянина, и по традиціямъ, и по своему безправному

положенію, они невольно составляютъ пассивную оппозицію, пока слабую и незамѣтную, но въ практикѣ жизни чувствительную и теперь. Къ манзѣ здѣсь всѣми прилагается пословица: «какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ». Слуга-китаецъ не привязывается къ своему господину; у него свой кругъ интересовъ, и лишь выгода связываетъ его съ хозяиномъ, на котораго онъ смотритъ враждебно. Населеніе Владивостока образовывалось доселѣ изъ такихъ элементовъ русскаго народа, которые или скоро находили легкіе и крупные заработки, или были слишкомъ деморализованы, чтобы хорошо трудиться физически. Потому-то честный, дѣловой и прилежный рабочий китаецъ невольно предпочитался во Владивостокѣ. Но масса этого городского населенія ничѣмъ не связана съ русскими, она ихъ не любитъ. Гдѣ китайцевъ много, они не постѣсняются выругать, поколотить, а если можно, то и убить крестьянина или солдата. Такіе случаи мнѣ извѣстны. Словомъ, здѣсь вырастаетъ постепенно второе изданіе нашего еврейскаго вопроса, и если онъ не принялъ рѣзкой формы, то только потому, что слишкомъ еще много простору въ странѣ, слишкомъ еще робки манзы. Напрасно многіе думаютъ, что вопросъ о манзахъ легко разрѣшить, выселивъ ихъ сразу вонъ, какъ то не разъ безнаказанно дѣлалось съ цѣлыми участками Приморской области. Скоро это станетъ почти невозможнымъ. Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу, рассматривая крестьянское населеніе окрестностей Владивостока, теперь-же позвольте перейти къ описанію общаго впечатлѣнія, производимаго городомъ.

Прогулка по Владивостоку представляетъ мало интереснаго. Холмистая гряда горъ, окаймляющая узкій фіордообразный заливъ гавани Золотого Рога, настолько близко подходитъ къ берегу, что оставляетъ мѣсто въ сущности для одной только улицы. Улица эта тянется на нѣсколько верстъ вдоль берега, и она-то и есть Владивостокъ. Впрочемъ, я не могу назвать этотъ городъ даже

улицею: это грязная проѣзжая дорога, частица сибирскаго тракта, пролегающая по берегу, вдоль которой безъ системы и плана раскиданы дома частныхъ лицъ и правительственныя постройки. Дома располагаются какъ-то группами; между ними лежатъ пустыри, глубокія рытвины и овраги съ небезопасными мостами. Все это дѣлаетъ дорогу крайне длинною, и жалкій въ сущности городишко имѣетъ концы, достойные столичнаго города.

Грустное впечатлѣніе производитъ эта грязная, немощеная дорога, съ тусклыми фонарями, неисправными мостками и запряженными въ допотопные фэтоны жалкими клячами, по сравненію съ городами восточной Азіи—Шанхаемъ и даже съ японскими колоніями въ Корей. Въ своей маленькой колоніи, Фузанѣ, японцы устроили прекрасное шоссе и чудные мостки; здѣсь-же, гдѣ камни подъ ногами, вы ѣдете съ горы на гору, рискуя сломать колеса экипажа, по грязи, достойной развѣ самыхъ захолустныхъ улицъ какого-нибудь уѣзднаго города. Небрежность и халатность жителей бросаются въ глаза всюду. Колодцы и источники города загажены. Когда-то здѣсь въ каждой рытвинѣ были ручьи чистой воды; теперь это клоаки, изъ которыхъ жители продолжаютъ пить воду, заражающую ихъ въ лѣтнее время холериною. Если не считать какихъ-нибудь двухъ десятковъ каменныхъ домовъ-особняковъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, Владивостокъ производитъ впечатлѣніе временнаго лагеря морского и военнаго вѣдомствъ.

За мысомъ Егершельдомъ, замыкающимъ Золотой Рогъ, гдѣ находятся пороховые склады морского вѣдомства, куда доступъ постороннимъ лицамъ воспрещенъ, начинается эта улица-городъ. Сперва идетъ рядъ бараковъ для поселенцевъ, длинныхъ, похожихъ на коровьи хлѣва. Бѣлыя стѣны ихъ съ узкими, какъ въ хлѣвахъ, окошками и широкими дверями не способствуютъ хорошей вентиляціи зданія. Постѣтивъ ихъ въ августъ, когда тамъ уже не было

ни одного человѣка, я подъ грязными нарами нашолъ на бревнахъ обильную флору грибовъ и плѣсени.

Отдѣленная отъ поселенческаго квартала пустыремъ, на узкой части мыса расположена такъ-называемая Солдатская слободка. Это также кучка самыхъ жалкихъ, на скорую руку изъ бревенъ сколоченныхъ лачугъ,—маленькая деревушка, которую можно было-бы назвать самымъ жалкимъ кварталомъ города, еслибы нѣсколько далѣе, на берегу моря, недавно отстроенный рядъ двухъ-этажныхъ кирпичныхъ казармъ съ морской низовой стороны не выдѣлялъ эту часть города какъ нѣчто благоустроенное. Еще далѣе, перпендикулярно къ дорогѣ-улицѣ, идутъ нѣсколько улицъ, заселенныхъ китайцами и занятыхъ китайскими и японскими лавками, жалкими, грязными, вонючими.

Минуя молодой скверъ и базаръ, вы попадаете въ лучшую часть улицы-города—Невскій проспектъ Владивостока, гдѣ зеркальныя стекла европейскихъ домовъ Лангелитъе, Кунста и Альбертса съ массою выставленныхъ въ окнахъ европейскихъ товаровъ и предметовъ роскоши представляютъ полный контрастъ съ окружающею убогостью и нищетою. Кажется, будто какимъ-то волшебствомъ выхватили изъ европейскаго города эти два дома и поставили сюда въ несоотвѣтствующее для нихъ общество. Остальные сосѣди ихъ, дѣйствительно, жалкіе бревенчатые бараки. Отъ этой части города отходятъ вверхъ въ гору нѣсколько улицъ, застроенныхъ досчатыми постройками, которыя напоминаютъ нѣсколько тѣ плохенькія дачки Коломягъ или Парголова, какія на сколоченныя съ трудомъ деньжонки выстраиваютъ для небогатыхъ чиновниковъ подгородніе крестьяне. Горожане не воспользовались даже каменной подпочвой для улучшенія улицъ. Щебень горы, размытый дождями, превратилъ эти улицы въ нѣчто весьма неудобное какъ для пѣшеходовъ, такъ и для лошадей.

Послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ для экипажей спусковъ

и подъемовъ, минуя пустыри, вы попадаете опять въ царство моряковъ. Сперва—громадный неготовый еще докъ, гдѣ, какъ въ муравейникѣ, кишатъ рабочіе китайцы; потомъ—оврагъ, гдѣ устроены примитивныя, безъ всякихъ удобствъ бани; затѣмъ—матросская слободка, и наконецъ, опять-таки отдѣленный пустырями морской лазаретъ заканчиваетъ улицу-городъ. Все это по большей части погружено въ густой туманъ и производитъ самое тягостное впечатлѣніе.

Вполнѣ соотвѣтствуетъ внѣшности, носящей характеръ чего-то случайнаго и неряшливаго, и населеніе Владивостока. Если не считать какого-нибудь десятка франтовато одѣтыхъ, но правящихъ непозволительными клячами извозчиковъ, вы почти не видите русскаго простолюдина. Зато матросы невольно бросаются въ глаза: рядомъ съ мелкимъ и смуглымъ населеніемъ восточной Азіи, они производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Высокіе, красивые, brave, они одни напоминаютъ настоящую Россію, свидѣтельствуя, что еще не выродилось ея населеніе. Одѣтые во франтоватыя рубахи, они составляютъ контрастъ съ мелкими и порядкомъ-таки обтрепанными солдатами, этими истинными піонерами края, которымъ, помимо воинской службы, въ этой дикой странѣ приходится исполнять самыя тяжелыя работы по рубкѣ лѣса, тасканію бревенъ, по постройкѣ зданій, — работы, ничуть не легче тѣхъ, какія исполняются сахалинскими каторжниками.

Крестьянина, мастерового вы не видите на улицахъ Владивостока. Китайцы портные и сапожники удовлетворяютъ потребностямъ жителей, и за немногими исключеніями вы читаете на вывѣскахъ объявленія вродѣ: китаецъ Э-по или магазинъ «Люнь-фанъ» и т. д. Остальное населеніе города—чиновники. Только носящій кокарду признается здѣсь за барина; иначе къ вамъ могутъ адресоваться съ фамиліярнымъ «ты».

Я слишкомъ мало былъ во Владивостокѣ, чтобы могъ говорить о здѣшнемъ обществѣ. Несомнѣнно, однако, что

обиліе флотскаго элемента, какъ извѣстно, одного изъ наиболѣе образованныхъ и развитыхъ элементовъ нашего военнаго общества, кладетъ свой отпечатокъ. Здѣсь есть клубъ, временный театръ, бываютъ концерты, даже существуетъ общество для изученія Амурскаго края, обладающее хорошою постройкою подъ музей естественныхъ произведеній края. Музею этому, конечно, еще очень далеко до провинціальныхъ музеевъ Европы. Его коллекціи пока въ зачаткѣ, имѣютъ чисто случайный характеръ и недостаточны для того, чтобы ознакомить пріѣзжаго человека съ краемъ. Но все-же нельзя не отдать справедливости сдѣланному началу. По всѣмъ отдѣламъ естествознанія здѣсь есть уже значительное число образцовъ; много хорошихъ моделей и образцовъ по этнографіи и археологіи; коллекція птицъ; небольшое начало мѣстнаго гербарія, кое-какіе минералы и окаменѣлости; коллекціи древесныхъ породъ Сахалина. Принимая во вниманіе отсутствіе мѣстныхъ силъ, могущихъ заняться опредѣленіемъ коллекцій, трудность найти спеціалиста въ Россіи, который взялся-бы опредѣлять присылаемые образцы, бѣдность людьми, могущими собирать коллекціи систематически,—нельзя не сознаться, что сдѣлано уже довольно много и что и теперь посѣщеніе музея не лишено интереса для всякаго. Надо пожелать дальнѣйшаго успѣха и развитія этому учрежденію и отдать справедливость энергіи стоящихъ во главѣ его лицъ. Планъ организаціи музея гораздо научнѣе, чѣмъ у пресловутаго музея въ Тифлисѣ, и не носитъ столь непріятно поражающаго балаганнаго характера послѣдняго.

Но и при этихъ зачаткахъ интеллигентной самодѣятельности края, несмотря на то, что во Владивостокѣ уже въ настоящее время издается два мѣстныхъ органа, и мнѣ лично приходилось имѣть дѣло съ такимъ числомъ энергичныхъ, просвѣщенныхъ и интеллигентныхъ лицъ, какое трудно найти не только въ иномъ сибирскомъ, но и въ русскомъ не университетскомъ городѣ, — населеніе

Владивостока въ общемъ производитъ непріятное впечатлѣніе. Главная масса его—чиновники, которые здѣсь временные гости; они исправляютъ свои обязанности, считая мѣсяцы и дни, оставшіеся до отъѣзда въ Россію. Ихъ ничто не привязываетъ къ краю, и какъ дачники Владивостока, они предпочитаютъ пользоваться его неудобными бараками, вмѣсто того, чтобы стремиться къ улучшенію города. Низшій классъ, китайцы, какъ уже было сказано, въ силу своего положенія, не могутъ быть привязаны къ городу. Ихъ мечта, какъ и у русскихъ чиновниковъ, заработать побольше денегъ и убраться по-добру по-здорову въ Китай. Солдаты и матросы также временные гости края. Всѣ эти элементы ничего не производятъ; они только тратятъ казенное жалованье или, какъ китайцы, являются временными наемниками. Ихъ трудами и деньгами живетъ множество владивостокцевъ—если хотите, коренныхъ жителей города, происхожденіе которыхъ различное и по большой части темное и сомнительное. Тутъ сгруппировались элементы нѣкогда ссыльные: контрабандисты, переселенцы съ Сахалина, люди, пришедшіе искать счастья изъ Россіи, буйныя головушки, неужившіеся въ болѣе культурныхъ краяхъ. У нихъ у всѣхъ одна задача—какимъ-бы то ни было образомъ зашибить деньгу. Эта русская Америка всецѣло живетъ насчетъ пришлаго солдатскаго и чиновнаго элемента или грабежомъ манзъ. Ея задача—пользуясь моментомъ, затрачивая наименѣе труда, получать возможно большій доходъ. Это именно она, эта коренная масса, установила непомѣрно высокія цѣны на всѣ продукты, сдѣлала жизнь во Владивостокѣ вдвое дороже, чѣмъ въ Петербургѣ. Услуги, мелкія работы—все здѣсь оплачивается непомѣрно высоко, и все дѣлается невѣроятно скверно. При всякой сдѣлкѣ надо держать ухо востро—не класть пальца въ ротъ.

За послѣдній годъ, съ проведеніемъ сибирской дороги, здѣсь явился еще новый элементъ: каторжники. Одно время, когда строились участки около Владивостока, го-

родъ былъ чисто въ осадномъ положеніи. Съ наступленіемъ темноты люди выходили съ револьверами, окликали другъ друга за десять шаговъ, требовали уступать дорогу, а въ противномъ случаѣ стрѣляли. Теперь, когда я тамъ былъ, эти времена миновали, хотя бродить въ заросшихъ кустарникомъ окрестностяхъ и теперь не вполне безопасно.

Среди этой массы живущихъ на счетъ русскихъ людей туземцевъ, самую видную роль играютъ, какъ два раскинувшіе на все побережье свои сѣти паука — фирмы Кунста и Альбертса, и Лангелитъе. Начавъ съ грошей, эти энергичные нѣмцы успѣли себѣ составить крупный капиталъ. Получая товары непосредственно изъ Европы, товары весьма разнообразнаго рода, хорошаго качества и беспошлинно, встрѣчая поддержку въ администраціи края, исполняя заказы честно и аккуратно, но зато взимая и непомерныя цѣны, Кунстъ и Альбертсъ съумѣли настолько заручиться вниманіемъ общества, что не только Владивостокъ, но и всѣ большія села края, все побережье наполнено ихъ агентами. Они забрали въ свои руки весь Сахалинъ, и подъ нѣмецкимъ флагомъ перевозятся грузы между Николаевскомъ, портами Сахалина и Владивостокомъ.

Говоря о торговыхъ людяхъ города, я не могу не остановить вниманіе читателя на русскихъ предпринимателяхъ изъ купечества, гг. Шевелевѣ и Старцевѣ, просвѣщенныхъ людяхъ, держащихъ, къ сожалѣнію, монополю въ своихъ рукахъ навигацію края. Г. Шевелеву Владивостокъ обязанъ правильнымъ пароходнымъ сообщеніемъ съ Сахалиномъ и Николаевскомъ, а пароходикъ «Новикъ» г. Старцева связываетъ Владивостокъ съ большимъ селомъ Раздольнымъ и системою Суифуна. Хотя эти энергичные люди являются носителями культуры въ краѣ, и сельскохозяйственная ферма Старцева на островѣ Путятинѣ заслуживаетъ особаго вниманія (тамъ дѣлаются попытки разведенія скота для города и акклиматизаціи плодовыхъ

деревъ), но къ сожалѣнію, несмотря на свои громадныя привилегіи, они не создали пока ничего грандіознаго, и суда ихъ, при высокомъ тарифѣ, еще оставляютъ желать многого.

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ видѣть, что Владивостокъ, несмотря на свой почтенный возрастъ, носить всѣ черты только-что зарождающейся колоніи въ дикомъ краѣ, и колоніи болѣе или менѣе искусственно созданной, живущей не на счетъ ресурсовъ страны, но на правительственныя издержки. Здѣсь почти все привозное. Даже плоды, и тѣ доставляются изъ Китая. Ягодъ нѣтъ вовсе, хотя подъ самымъ городомъ растутъ малина и мѣстные сорта ежевики. Но горожане слишкомъ бездѣтельны, чтобы доставлять ихъ въ городъ.

Цѣны на всѣ продукты въ городѣ невѣроятныя. Квартира въ три кануры, которыя развѣ только владивостокскій житель назоветъ комнатами, настолько холодная, что зимою и при топкѣ тамъ замерзаетъ вода и въ ней сидятъ въ шубахъ, стоить не менѣе 35 р. въ мѣсяцъ. Сажень дровъ безъ перевозки—отъ 5 р. до 12 р., а провозъ отъ 1 до 3 р. за сажень, смотря по разстоянію. Воду приносятъ въ банкахъ отъ керосина, за неимѣніемъ бондарей, которые могли-бы дѣлать бочки. Двѣ банки въ сутки стоятъ 2 р. въ мѣсяцъ. Качество воды весьма плохое, такъ-какъ въ колодцахъ, и безъ того загрязненныхъ, постоянно находятъ падалъ. При этомъ квартирантъ находится въ полной зависимости отъ своего поставщика манзы. Манзы раздѣлили между собою всѣхъ жителей города, и если вы поссорились со своимъ поставщикомъ, никто ни за какія деньги не согласится поставлять вамъ воду. Прислуга (солдатка или поселанка), если вы примете ее съ ребенкомъ,—7—10 р. въ мѣсяцъ; безъ ребенка—отъ 15 руб. При этомъ одинъ день въ недѣлю она обязательно должна быть освобождена отъ всякихъ работъ. Мясо, которое вы найдете не каждый день,—15—20 к. за фунтъ; притомъ это мясо старыхъ корейскихъ

быковъ, негодныхъ для работы. Яйца доходятъ до 15 р. за сотню, картофель до 1 руб. 50 коп. за пудъ. Дешевы только ристъ и чай. Овесъ—2 р. пудъ, сѣно—1 р. 20 к. Манзы на него искусственно поднимаютъ цѣну, ежегодно подпаливая сѣнные склады. Обыкновенно трава продается снопиками, по 40 к. штука. Несмотря на значительное населеніе, въ городѣ нѣтъ хорошихъ бань. Это грязныя кануры, содержимыя манзами; въ иной деревнѣ крестьянская баня чище. Гостинницы болѣе походятъ на вертепы. За 2—3 р. вамъ даютъ грязную, сырую, тѣсную каморку, гдѣ черезъ сутки вещи покрываются плѣсенью. Удобствъ—никакихъ, цѣны на кушанья—высокія. Бутылка пива доходитъ до 1 р. Но не только гостинницы—многія казенныя учрежденія не лучше. Такъ, напримѣръ, прогимназія здѣсь передѣлана изъ бывшей пекарни морского вѣдомства. Это—гнилое зданіе, гдѣ, какъ мнѣ говорили, зимою температура въ классахъ не выше 8°.

Таково крайне неблагопріятное впечатлѣніе, производимое нашей русской колоніей послѣ колоній европейскихъ. Зато если въ хорошій солнечный день подняться вверхъ на гору, оттуда откроется чудное зрѣлище. Длинная, со всѣхъ сторонъ окруженная зелеными холмами скатерть залива кажется красивымъ озеромъ, окаймленнымъ свѣжими изумрудными берегами. На этой водной скатерти тамъ и здѣсь разбросаны изящныя русскія и иностранныя (въ послѣднее время довольно часто насъ посѣщающія) суда. Крупные фрегаты, корветы, канонерки и миноноски, убранные флагами, салютуя пушечными выстрѣлами, оглашая воздухъ сигналами и музыкою, необыкновенно оживляютъ и украшаютъ рейдъ. Развѣ только чудный рейдъ Нагасаки поспоритъ въ этомъ отношеніи съ Владивостокомъ.

Не хуже бываетъ и видъ на городъ съ рейда. На фонѣ зеленыхъ холмовъ живописно вырисовываются разбросанныя деревянныя и каменные постройки. Церковь, казармы, крупныя зданія, рѣзко выдѣляясь среди группъ

мелкихъ, дѣлаютъ внѣшность города красивою и привлекаательною, и Владивостокъ, подобно большинству русскихъ и турецкихъ городовъ, гораздо красивѣе и лучше издали, чѣмъ вблизи.

Такъ или иначе, благодаря затратамъ правительства и привлекающей въ край людей сибирской дорогѣ, Владивостокъ помаленьку растетъ и развивается. Всюду вы видите строящіяся каменные зданія, и кто знаетъ,—быть можетъ, лѣтъ черезъ десять городъ станетъ неузнаваемъ. Одно въ немъ останется неизмѣннымъ—это его климатъ, зимою сухой и холодный, чисто сибирскій; лѣтомъ—сырой, туманный и дождливый, какъ въ Петербургѣ. Только осень здѣсь хороша и обильна ясными днями. Но и тогда, несмотря на южное свое положеніе, небо Владивостока поражаетъ своею блѣдностью. Насыщенная парами атмосфера производитъ кучевыя неправильныя зимнія облака; оны низко плаваютъ надъ моремъ, и при взглядѣ съ высокой горы на фестоны заливовъ и острововъ, на блѣдно-голубое море ихъ омывающее, думаешь, что здѣсь море и небо сливаются вмѣстѣ въ невѣдомомъ океанѣ.

II.

Поѣздка внутрь страны.—Почтовые экипажи и станціи.—Станція Тигровая.—Раздольное.—Село Никольское.—Восточно-сибирскія преріи и лѣса.—Крестьяне.—Низкій уровень культуры края и его причины.

Самъ Владивостокъ настолько мало интересенъ, что достаточно прожить въ немъ нѣсколько дней, чтобы почувствовать смертельную скуку. Совершенно иное — его полудикія окрестности. Природа ихъ настолько своеобразна, что заслуживаетъ посѣщенія не только натуралиста но и всякаго, кому случится побывать во Владивостокѣ. Имѣя въ распоряженіи нѣсколько свободныхъ дней, и рѣшившись сдѣлать экскурсію внутрь страны, чтобы познакомиться ближе какъ съ природою края, такъ и съ его жителями.

Я взялъ почтовыхъ лошадей, такъ-какъ другихъ средствъ сообщенія нѣтъ. Какъ нѣкогда въ Западной Сибири, такъ и здѣсь мнѣ подали почтовую кибитку, и тройка лошадей, весело позванивая бубенчиками, понесла меня по сравнительно (въ русскомъ смыслѣ слова) хорошей дорогѣ. Я говорю «въ русскомъ смыслѣ», такъ-какъ все видѣнное мною въ Европѣ, Америкѣ и другихъ частяхъ Азіи по своему качеству настолько превосходитъ русскія дороги, что сравненіе дѣлать было-бы неудобно. То-же могу сказать и о тряскихъ кибиткахъ. Хотя на своемъ вѣку мнѣ пришлось въ нихъ сдѣлать много тысячъ верстъ, однако, надо сознаться, что кромѣ фургоновъ нѣмецкихъ колонистовъ въ южной Россіи, нѣтъ экипажа болѣе тряскаго и неудобнаго во всемъ мірѣ. Но съ неудобствами почтовыхъ сибирскихъ экипажей еще можно какъ-нибудь помириться, запасшись подушками и коврами; меня поражаетъ крайнее неблагоустройство станцій. Содержать дороги въ сносномъ состояніи у насъ труднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, за громадностью пространствъ и малочисленностью населенія. Экипажи наши устроены соотвѣтственно дорогамъ. Но мерзость почтовыхъ станцій не можетъ быть оправдана ни климатомъ, ни почвою, ни народонаселеніемъ.

Въ странѣ, гдѣ разстоянія считаются тысячами верстъ, гдѣ недѣлями приходится ѣхать въ почтовомъ экипажѣ, гдѣ лошадей всегда меньше, чѣмъ проѣзжающихъ, путешественникъ поневолѣ долженъ останавливаться подолгу на станціяхъ, оставаясь въ нихъ и ночевать. Естественно поэтому желаніе провести ночь въ чистой постели, имѣя мягкую подушку подъ головой. Но о такомъ элементарномъ удобствѣ въ этихъ частяхъ Сибири нельзя и мечтать. Да и не только въ Сибири. Трудно сказать, гдѣ лучше спать: въ тряской-ли забрызгиваемой комыями грязи кибиткѣ, или въ комнатѣ, на полу которой на палецъ натоптано грязи, гдѣ, кромѣ грязныхъ стѣнъ, кривого стола съ засаленной скатертью, двухъ-трехъ стульевъ и

въ рѣдкихъ случаяхъ безногаго остова желѣзной кровати съ нѣсколькими досками, ничего нѣтъ. Васъ безцеремонно тревожатъ ночью проѣзжающіе, располагающіеся въ той-же комнатѣ пить чай, громко кричащіе и спорящіе, мало заботясь о томъ, что тутъ-же спятъ люди, проѣхавшіе сотню верстъ и измученные дорогой. Но такова, видно, особенность русскаго человѣка, который вмѣсто того, чтобы улучшить свою обстановку, сдѣлать путешествіе болѣе удобнымъ, комфортабельнымъ, норовитъ приспособиться къ самымъ невозможнымъ, непозволительнымъ условіямъ существованія.

Станціи восточной Сибири, совокупляя въ себѣ всѣ мерзости нашихъ почтовыхъ станцій, къ довершенію всего отличаются баснословною дороговизною. Такъ на примѣръ, за самоваръ, щепотку чая и кусокъ хлѣба вы платите 75 к. Другіе продукты даже и по соотвѣтствующей цѣнѣ, достать можно лишь въ большихъ селахъ. Одно только могу сказать въ пользу дороги, это — что возятъ здѣсь еще по-сибирски, а не по-малороссійски, и потому, если есть лошади, передвиженіе идетъ быстро.

Первыя станціи отъ города, Лянчихе и Тигровая, расположены въ пустынныхъ мѣстностяхъ. Это домики, выстроенные въ лѣсу, который, начинаясь за городомъ, съ небольшими перерывами сопровождаетъ васъ большую часть пути. Впрочемъ, названіе лѣса едва-ли примѣнимо къ этому кустарнику, лишь въ немного разъ превышающему человѣческій ростъ. Большія старыя деревья давно уже истреблены хищническою рукою, хотя, говорятъ, здѣсь ихъ и было мало. Туманы и морскіе вѣтры, равно какъ особенности почвы не позволяютъ здѣсь развиваться хорошимъ деревьямъ. Какъ на горахъ Японіи, широко-лиственные породы здѣсь низкорослы, дуплисты и гнилы внутри. Зато съ первыхъ-же шаговъ поражаетъ необыкновенное ихъ разнообразіе. Здѣшніе, попадающіеся по дорогѣ лѣса состоятъ почти исключительно изъ чернолѣся. Краснолѣся въ нашемъ смыслѣ нѣтъ вовсе, хотя

иногда среди зарослей лиственныхъ деревьев попадались группы изъ пихтъ и особой разновидности сибирскаго кедра съ необыкновенно крупными орѣхами. Раскиданныя среди чернолѣсья, онѣ заставляютъ думать, что нѣкогда породы эти были многочисленнѣе и что онѣ лишь въ позднѣйшій періодъ вытѣснены чернолѣсьемъ. Пихты, видѣнныя мною, имѣли довольно чахлый видъ. Кедръ еще были красивы. Но отъ тѣхъ и другихъ не оставить, вѣроятно, и слѣда сибирская дорога, берущая этихъ послѣднихъ изъ могиканъ на шпалы. Лѣсники указываютъ здѣсь на ель, сосну, лиственницу и всю серію сибирскихъ хвойныхъ; но онѣ раскиданы спорадически и не попадаютъ на глаза проѣзжему. Зато чернолѣсье здѣсь поразительно разнообразно и представляетъ зрѣлище совершенно непривычное для жителя области лиственныхъ лѣсовъ Россіи. Здѣсь царствуетъ какая-то мѣшанина изъ самыхъ разнообразныхъ видовъ и формъ. Не входя въ перечисленіе ихъ, упомяну только объ амурскомъ дикомъ виноградѣ, весьма обильномъ въ краѣ. Его листья нѣсколько менѣе разнѣзныя, чѣмъ у нашего, и мелкія синія ягоды съѣдобны, хотя и не особенно вкусны. Онѣ не болѣе смородины, и большая часть ягоды занята косточкой. Изъ нихъ пробовали дѣлать вино. Конечно, вино изъ дикаго винограда не особенно вкусно, но еслибы были сдѣланы попытки облагородить амурскую лозу культурою,—надо думать, здѣсь было-бы возможно винодѣліе. Амурскіе лѣса поражаютъ еще присутствіемъ цѣлаго ряда деревьевъ и кустарниковъ у насъ неизвѣстныхъ. Растущая деревомъ амурская сирень, съ колючими стволами, чертово дерево, амурская аралія, похожее на ясень пробковое дерево и дикій орѣшникъ, соотвѣтствующій нашему грецкому орѣху,—самые замѣчательные изъ нихъ. Они растутъ между березами, ясенями, дубами, липами и кленами, хотя и напоминающими наши, но представленными бѣльшимъ числомъ видовъ. Особенно интересны между ними грабо-

лиственная береза и необыкновенно изящный разрывнолистный кленъ.

Дорога была-бы совершенно пустынна, еслибъ не оживлялась лагерями рабочихъ, строящихъ сибирскую дорогу. Совершенно случайно мнѣ довелось быть свидѣтелемъ работъ двухъ великихъ нашихъ предпріятій—сибирскаго и закаспійскаго желѣзныхъ путей, строящихся, можно сказать, въ совершенно діаметральныхъ условіяхъ климата и постановки работъ. Въ Закаспійской области дорога велась подъ непосредственнымъ руководствомъ энергичнаго генерала Анненкова, вкладывавшаго всю душу въ это дѣло. Тамъ былъ избытокъ рабочихъ рукъ, единство администраціи. Бороться надо было только съ природою. Совершенно иное приходится наблюдать здѣсь. Здѣсь прежде всего не было единства плана. Говорятъ, инженеры, производившіе развѣдки, мало заботились о деталяхъ; поэтому, когда стали дѣлать насыпи и выемки, то насыпи по скользкому грунту сползали, выемки засыпались. Постройка дороги сдавалась по кусочкамъ различнымъ подрядчикамъ, съ неодинаковою добросовѣстностью выполнявшимъ свои работы. Поэтому въ то время, какъ одни куски дороги, болѣе легкіе, были уже готовы, другіе еще лишь начинались. Подвозъ продуктовъ удаленнымъ партіямъ дѣлается на лошадяхъ, что, конечно, обходится не дешево. Въ то время какъ закаспійская дорога возила на мѣсто укладки, въ сердце каракумовъ, и воду, и припасы, и шпалы для партіи рабочихъ, здѣсь это невозможно. Наконецъ, надо сказать, что самыя условія работъ здѣсь крайне тяжелы. Сырое, мозглое лѣто, пропитанная влагою болотистая почва—дѣлаютъ ночевки въ палаткахъ и наскоро поставленныхъ шалашикахъ крайне нездоровыми. Миріады мошекъ и комаровъ атакуютъ работающихъ, дѣлая и ночной отдыхъ затруднительнымъ, такъ-какъ приходится прибѣгать къ дымокурамъ и пологамъ. Наконецъ, ни лѣнивый элементъ мѣстныхъ жителей, ни по большей части отребье изъ одесскихъ золото-

ротцевъ, являющихся сюда въ качествѣ рабочихъ, не могутъ быть сравниваемы ни съ солдатами, ни съ персіанами, работавшими на дорогѣ закаспійской. Болѣе успѣшными работниками, выполнявшими наиболѣе трудныя части пути, были все-таки каторжныя партіи г. Коморскаго, и ихъ-то тяжелому труду Сибирь будетъ обязана лучшими частями своей дороги. Но эта выгода покупается не дешево. Самъ начальникъ партіи, г. Коморскій, трудясь въ наскоро построенномъ деревянномъ баракѣ безъ всякихъ удобствъ и комфорта, показываетъ примѣръ перенесенія лишеній и вмѣстѣ съ тѣмъ служить наглядною иллюстраціею того, какъ мало удобствъ можно имѣть работающему въ этомъ краѣ. Каменныя работы исполняются китайцами. За исключеніемъ Закавказской дороги, это первая наша дорога, гдѣ приходится имѣть дѣло съ крайне неровнымъ рельефомъ. Сырой климатъ способствуетъ крайне быстрому вывѣтриванію породъ въ обнаженіяхъ, сдѣланныхъ въ дорогѣ, и обвалы въ нихъ заставляютъ, какъ и на спалзывающихъ насыпяхъ, повторять по нѣскольку разъ одну и ту-же работу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, работы идутъ и медленно, и по сравненію съ дорогами другихъ государствъ—ненадежно. Невольно, сравнивая эту дорогу съ американскими, приходишь къ весьма невыгодному о ней заключенію. Будущее покажетъ, насколько внѣшнее впечатлѣніе соответствуетъ внутреннимъ качествамъ предпріятія.

Какъ строящаяся желѣзная дорога, такъ и почтовый трактъ проходятъ на пути къ ст. Лянчиге нѣкоторое время по берегу моря, совершенно открытые для выстрѣловъ непріятеля. Они идутъ по мочажинникамъ и болотистымъ преріямъ, которыя такимъ образомъ, въ противоположность Америкѣ, у насъ въ Сибири простираются до самаго моря. Здѣсь подпочвенная вязкая глина, содѣйствуя заболачиванію почвы и препятствуя доступу воздуха къ корнямъ растеній, вызываетъ образованіе преріи; подпочвенная мерзлота здѣсь не играетъ роли. Мѣстные

жители увѣряли меня, что почва оттаиваетъ здѣсь въ лѣтнее время повсюду и что такимъ образомъ край уже находится внѣ области почвенной мерзлоты. Однако г. Коморскій сообщилъ мнѣ крайне интересный фактъ, что на 13-й верстѣ, при зондировкѣ одного изъ болотъ, развѣдчики наткнулись на слой мерзлой почвы на глубинѣ 3-хъ саженой. Эта мерзлота не могла быть слѣдствіемъ одного зимняго промерзанія почвы, и если сообщенный мнѣ фактъ вѣренъ, было-бы весьма желательно обратить больше вниманія на это явленіе. Столь глубоко лежащій слой льда, подобно спорадически раскиданнымъ въ лиственныхъ лѣсахъ хвойнымъ деревьямъ, могъ-бы служить новымъ доказательствомъ въ пользу существованія и для восточной Сибири эпохи большого холода, когда и подъ Владивостокомъ были тундры и хвойные лѣса, остаткомъ которыхъ и являются эти хвойныя и сохранившаяся на большой глубинѣ не успѣвающая за лѣто оттаять вѣчная мерзлота.

Станціи Подгородная и Тигровая расположены одиноко, внѣ селеній. Тигровая получила свое названіе отъ тигровъ, нѣкогда часто попадавшихся въ сосѣднихъ лѣсахъ. Но теперь они гораздо чаще фигурируютъ въ охотничьихъ разсказахъ, чѣмъ на дѣлѣ, и вы безнаказанно можете бродить по чуднымъ лиственнымъ лѣсамъ и сплошь усыпаннымъ крупными ягодами клубники лужайкамъ ся окрестностей. Увитые виноградомъ кедръ этого лѣса уже ушли на подѣлки, и послѣдніе изъ могиканъ рубятся на шпалы дороги. Теперь можно уже видѣть неподалеку отъ дороги лишь единичные экземпляры.

Только достигнувъ станціи Раздольной, вы, наконецъ, видите русское поселеніе. Но поселеніе это также можетъ только въ-концѣ разочаровать человѣка, видѣвшаго колоніи другихъ странъ. Это то-же неряшливое, грязное убогое малороссійское село, какія обыкновенно въ европейской Россіи. Роль еврейскихъ лавочекъ исполняютъ здѣсь китайскія, которыхъ здѣсь великое множество. Какъ здѣсь,

такъ и въ другихъ видѣнныхъ мною селеніяхъ, всѣ лавочки въ рукахъ китайцевъ, и хотя китайскія лавочки и чище еврейскихъ, но все-же далеки отъ желательной чистоты. Въ нихъ торгуютъ предметами необходимости и плохими ситцами. Русскіе—только кабатчики. Несмотря на сравнительную зажиточность поселенцевъ, хаты ихъ такъ-же жалки и грязны, какъ и въ Россіи, хотя между владѣльцами ихъ есть тысячники, которые на попойкахъ пьютъ хереса и шампанское.

Нигдѣ нельзя видѣть болѣе рѣзкой разницы въ культурныхъ стремленіяхъ европейца и россійскаго поселенца, какъ здѣсь, въ этомъ краю. Европейецъ, нищимъ попадая въ Америку и поправляя свое состояніе изъ какого-бы словія онъ ни былъ, стремится обзавестись комфортабельнымъ домомъ, мебелью и всѣми удобствами. Поселенецъ живетъ такъ-же по-свински, какъ онъ жилъ въ своемъ отечествѣ. Зажиточность, условія новаго края мало на него вліяютъ. Даже въ тѣхъ онъ мало стремится къ улучшенію. Кирпичный чай и вообще самый невзыскательный, наскоро составленный столъ составляютъ его пищу. Особенно это кидается въ глаза въ болѣе старыхъ поселкахъ, гдѣ, какъ и въ малороссійскихъ селеніяхъ Ставропольской губерніи, даже поверхностный наблюдатель не можетъ не наталкиваться на примѣры самой возмутительной деморализаціи. Владѣя надѣлами до 100 десятинъ, поселенцы не обрабатываютъ ихъ вовсе и сдаютъ за $\frac{1}{5}$ урожая манзамъ и корейцамъ, предпочитая пользоваться этимъ малымъ доходомъ, съ избыткомъ, однако, удовлетворяющимъ ихъ скромныя потребности. Остальныя средства пропиваются или кладутся въ сундуки и зарываются въ землю.

Избѣгая тяжелыхъ полевыхъ работъ, населеніе вмѣстѣ съ тѣмъ не занимается и домашними ремеслами. Матеріи для рубахъ, обуви,—все это покупное, дорогое и дурного качества, хотя при первомъ взглядѣ придаетъ здѣшнимъ хохламъ болѣе чистоплотный видъ. Вы не видите грубыхъ холщевыхъ рубахъ съ тѣми наростами пыли и грязи, ко-

торыя такъ поражаютъ сѣверянъ, впервые попадающихъ въ Малороссію.

Жалкій, не культурный видъ поселковъ будетъ понятенъ, если вспомнить ихъ исторію; на вербованные изъ всякаго сброда, негоднаго и въ Россіи, люди эти попали въ страну, которая требовала не только труда, но и знанія, чтобы совладать съ ея природою.

Мнѣ приходилось разговаривать со многими изъ сибиряковъ-крестьянъ, пришедшихъ сюда по слухамъ, изъ знакомой мнѣ Томской губерніи. Ихъ рассказы вполне соответствовали тому впечатлѣнію, какое произвелъ на меня край. Всѣ они говорили, что Уссурийскій край невозможно и сравнивать съ Томскою губерніею.—настолько онъ хуже этой послѣдней. Тамъ скотъ дешевле и хорошаго качества. Здѣсь онъ плохой; его преслѣдуетъ «гнусъ», комары. Луговые травы невкусны и непитательны, и степныя лошади, придя сюда, первое время отказываются ими питаться и болѣютъ. Вмѣсто черноземной плодородной почвы, здѣсь приходится распахивать болотистыя, кислыя луговые почвы. Онѣ, правда, даютъ урожай весьма не дурной,—но при дренажѣ, требующемъ труда. Трудъ этотъ непріятенъ, такъ-какъ работу приходится вести среди мириадъ комаровъ, въ сырости отъ дождей. Пути сообщенія примитивныя и при болотистой почвѣ тяжелѣе, чѣмъ на юго-западѣ степной Сибири. Самая культура хлѣбовъ, преимущественно яровыхъ, должна быть иная, чѣмъ у насъ. Даже на сравнительно сухихъ нивахъ развивающаяся сырость такъ велика, что вызываетъ загниваніе и развитіе грибовъ, портящихъ зерно. Поэтому привычный для русскаго крестьянина посѣвъ въ-разбросъ здѣсь совсѣмъ не пригоденъ. Манзы и корейцы сѣютъ хлѣбъ рядами, какъ въ Японіи. Это не рядовой посѣвъ нашихъ экономій, а скорѣе грядной, причемъ направленіе грядъ идетъ параллельно господствующимъ вѣтрамъ, которые, свободно проносясь между стеблями, сушатъ почву. Но рутина крестьянина требуетъ времени, чтобы ее

одолѣть, и каждое раціональное улучшеніе хозяйства стоить здѣсь горькаго опыта.

Лучшій элементъ теперешняго населенія края—*добровольные* переселенцы изъ Черниговской губерніи. Ихъ поселковъ я лично не видѣлъ, но всѣ мнѣ единогласно свидѣтельствовали, что они производятъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ Раздольное. Но и тамъ улучшеніе выражается появленіемъ деревяннаго пола вмѣсто глинянаго, лишней головы скота, порядочнаго хлѣва. Населеніе еще само обрабатываетъ свои участки и прибѣгаетъ къ манзамъ лишь какъ къ дешевымъ работникамъ по постройкѣ хатъ, и при увеличеніи запашекъ. Но и здѣсь это все-таки бѣдныя, грязныя села, не могущія быть сопоставленными съ какою-бы то ни было колоніей европейцевъ.

Если, однако, вдуматься въ причину этихъ печальныхъ явленій, то не трудно видѣть, что она лежитъ не въ низкости культуры или отсутствіи предприимчивости у нашего крестьянина, а въ той обстановкѣ, въ какой онъ находится у себя дома и здѣсь въ колоніи. Въ то время какъ американецъ по большей части—выходецъ изъ страны, гдѣ онъ, несмотря на свою личную нищету, видѣлъ около себя такихъ-же, какъ и онъ людей, живущихъ богато, удобно, комфортабельно, развившихъ у себя потребности, какихъ самъ онъ не имѣлъ, людей, которымъ онъ завидовалъ, не будучи въ состояніи имъ подражать, нашъ переселенецъ—житель деревни, населенной такими-же бѣдняками, какъ и онъ, съ столь-же примитивными, низведенными до *minimum*'а потребностями. Деревня его окружена такими-же деревнями, а баринъ, въ домѣ котораго ему, можетъ, и бывать не приходилось, для него существо особое, ничего общаго съ нимъ не имѣющее. Даже если онъ и бывалъ въ городѣ, городская культура лишь скользила по немъ, не оставляя слѣдовъ, кромѣ желанія пріобрѣсти городскіе сапоги или «спинжакъ» и пальто. Это культура иныхъ людей, съ иными занятіями, ему чуждыми. Являясь въ Америку, европейскій эмигрантъ сразу

дѣлается гражданиномъ, равноправнымъ съ людьми болѣе его культурными. Живя въ ихъ обществѣ, занимаясь такими-же дѣлами, принуждаемый правительствомъ давать дѣтямъ своимъ такое-же воспитаніе, онъ поневолѣ стыдится своей обстановки, своей невоспитанности. Онъ переживаетъ то-же самое, что нашъ крестьянскій парень, попавшій въ городъ, гдѣ его поднимаютъ на смѣхъ за его деревенскія привычки и неразвитіе. И эмигрантъ невольно стремится, разъ ему позволяютъ средства, обставить себя какъ сосѣди, развить свойственныя имъ потребности, для удовлетворенія которыхъ къ его услугамъ и фабрики, и широкая промышленность, и торговля. Переселенецъ восточной Сибири попадаетъ, напротивъ, въ среду полуодичавшихъ крестьянъ и казаковъ. Онъ для нихъ носитель культуры. Семья и односельчане, столь-же не культурные сыны природы, какъ и онъ, создаютъ ему массу тормазовъ для развитія потребностей. Черниговскіе старики и старухи въ разбогатѣвшихъ семьяхъ съ ужасомъ упрекаютъ своихъ дѣтей въ расточительности, когда тѣ начинаютъ ѣсть каждый скромный день мясо—нормальное явленіе у американскаго поселенца. Съ такими-же затрудненіями сопряжено всякое улучшеніе быта.

Слѣдующее селеніе по тракту, Никольское, по величинѣ можетъ быть названо мѣстечкомъ. Но и въ немъ красу его составляютъ казенныя постройки, выстроенныя солдатами. Жизнь-же зажиточныхъ крестьянъ столь-же не комфортабельна. Впрочемъ, недалеко еще то время, когда и въ мѣстечкахъ вродѣ Никольскаго люди болѣе культурныхъ классовъ, попавъ сюда и не имѣя рѣшительно никакой пищи для ума, не находили ничего лучшаго, какъ предаваться самому горькому пьянству. Пьянство это—можно сказать, одно наполнявшее свободное время закинутого въ село, разобщеннаго на цѣлыя сотни верстъ невозможными дорогами служилаго сословія—здѣсь было возведено въ утонченное искусство, и если вѣрить рассказамъ, врядъ-ли въ какой странѣ можно встрѣтить тѣ алкогольныя игры, какія практиковались не-крестьянскимъ со-

словіемъ Приморской области. Приведу для примѣра двѣ изъ нихъ: 1) «Звѣздочка». Участвующие садятся въ кружокъ на корточкахъ, плотно соприкасаясь колѣнками такъ, чтобы нельзя было покачнуться ни направо, ни налево. Посрединѣ ставится ведро съ водкою, которая пьется изъ ковша круговою. Круговой ковшъ до тѣхъ поръ обходитъ участвующихъ, пока всѣ до одного, охмѣлѣвъ, не упадутъ въ безчувствіи на спину, образовавши такимъ образомъ изъ своихъ тѣлъ звѣздочку. 2) «Тигръ». Игра заключается въ томъ, что участвующие, наполнивъ стаканы водкою, начинаютъ разсказывать о своихъ охотничьихъ подвигахъ. Вдругъ раздается крикъ: тигръ, тигръ! Всѣ въ испугѣ прячутся подъ столъ, а исполняющій роль тигра, вбѣжавъ, осушаетъ залпомъ наполненные стаканы. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока роль тигра окажется ни для кого не подъ силу. Къ чести современнаго офицерства надо сказать, что въ настоящее время подобнаго рода времяпровожденіе если еще и существуетъ, то въ весьма удаленныхъ уголкахъ области. Напротивъ, лица, съ которыми мнѣ лично приходилось имѣть дѣло, поражали меня разносторонностью своего развитія и энергіей. Роль офицеровъ въ этомъ дикомъ еще краю совершенно иная, чѣмъ у насъ. На ихъ долю выпадаетъ зачастую направнѣ съ солдатами тяжелый, чисто каторжный трудъ лѣсныхъ и дорожныхъ работъ, и помимо ученія чисто-военнаго характера, отъ нихъ требуется масса другихъ заботъ, такъ-какъ, начиная съ построекъ и кончая продовольствіемъ, имъ приходится импровизировать съ помощью солдатскаго труда, потому-что очень часто ни знающихъ спеціалистовъ, ни рабочихъ достать неоткуда.

Мѣстность вокругъ села Никольскаго носитъ уже совершенно иной характеръ. Долина рѣки Суйфуна расширяется; холмы отходятъ на второй планъ; лѣса исчезаютъ, и куда хватаетъ глазъ—разстиляется широкая травяная прерія. Такія преріи, при взглядѣ на нихъ издали, невольно хочется назвать степью.

Однако, всюду почва сильно заболочена, и во многихъ мѣстахъ изъ-подъ ногъ выступаетъ вода. Во время-же сильныхъ дождей рѣка разливается и затопляетъ часть селенія. Глинистая и галечниковая подпочва, очертанія береговъ, мѣстами сохранившіяся береговья террасы,—все показываетъ, что долина эта есть дренированное днище озера, спущеннаго послѣ того, какъ Суйфунъ образовалъ себѣ выходъ, давъ ущелье, извѣстное подъ именемъ Суйфунскихъ щекъ.

Изъ Никольскаго, не желая возвращаться во Владивостокъ тѣмъ-же путемъ, я рѣшилъ воспользоваться пароходнымъ сообщеніемъ изъ Раздольнаго и проѣхать по Суйфуну, гдѣ, какъ мнѣ говорили, встрѣчается *Victoria regia*—названіе, неправильно даваемое обыкновенному лотосу *Nelumbium speciosum*, находящему на востокѣ Азіи, въ Уссурийскомъ краѣ, границу своего распространенія. Пароходъ «Новикъ» настолько великъ, что не входитъ въ устье Суйфуна, а останавливается около устья, чтобы, принявъ прибывшихъ изъ Раздольнаго пассажировъ, везти ихъ во Владивостокъ. Доставляетъ ихъ на него крошечный парходикъ, никогда не могущій вмѣстить всѣхъ пассажировъ,—тѣсный и грязный. Манзъ и корейцевъ обыкновенно онъ просто буксируетъ на лодкѣ. Въ бурную погоду выходъ въ море къ «Новику» крайне опасенъ для этой скорлупки, и нерѣдко пассажировъ увозятъ обратно въ Раздольное, гдѣ они по суткамъ ждутъ лошадей, которыхъ всего три тройки, а пароходъ ходитъ лишь два раза въ недѣлю. Грязныя, тѣсныя комнатки на пристани, биткомъ набитыя сѣрымъ людомъ, столь-же непрезентабельная каютка на пароходѣ, несмотря на весьма солидную цѣну за проѣздъ—все это заставило меня опять сдѣлать весьма невыгодное сравненіе этого сообщенія съ прекрасными и дешевыми парходиками, бѣгающими между побережными городками Японіи.

VIII.

Отъѣздъ изъ Владивостока. — Сообщенія съ Сахалиномъ. — Пароходъ „Байкалъ“. — Заливъ Св. Ольги и Императорская гавань. — Анивскій заливъ и Крпльонское теченіе.

25 іюня я покинулъ Владивостокъ, чтобы направиться на Сахалинъ, этотъ «островъ изгнанія». Пароходъ «Байкалъ», совершающій правильные рейсы между Владивостокомъ и Николаевскомъ, долженъ былъ доставить меня въ постъ Александровскій, откуда я хотѣлъ начать свое путешествіе внутрь острова. Пароходъ этотъ, принадлежащій частной компаніи купца Шевелева, не отличается ни удобствомъ помѣщенія, ни чистотою его, хотя цѣны за проѣздъ очень высокія. Тѣсныя, рассчитанныя на нѣсколько пассажировъ каюты выходятъ въ маленькую столовую, гдѣ нѣтъ ни свѣту, ни воздуху и гдѣ приходится весь день вдыхать ароматы далеко не прекрасныхъ обѣдовъ. Но каковы-бы ни были недостатки «Байкала», это двухмачтовое судно пока единственное, ведущее правильные рейсы между Сахалиномъ и Владивостокомъ. До послѣдняго времени приходилось дожидаться случая попасть на островъ на военномъ суднѣ, или-же, какъ и теперь это практикуется съ грузами,—пользоваться услугами иностранцевъ. Торговля Сахалина буквально находится въ рукахъ нѣмецкой фирмы Кунста и Альбертса. Всѣ почти предметы доставляются, и

конечно, въ три-дорога, этою фирмою на островъ; она-же перевозитъ на зафрахтованныхъ ею судахъ Сахалинскій уголь, и такимъ образомъ подъ нѣмецкимъ флагомъ и перевозится большая часть грузовъ, а зачастую и пассажиры. Какъ ни странно кажется подобное явленіе для русскаго свѣже прибывшаго человѣка, на него приходится закрывать глаза въ виду неопровержимаго аргумента, что русскихъ-де кораблей, могущихъ возить пассажировъ и грузы, не имѣется.

Погода благопріятствовала нашему путешествію. Море было тихо, и мы быстро подвигались, въ виду азіятскаго берега, гористаго и живописнаго. Ряды довольно высокихъ хребтовъ тянутся вдоль берега; невысокія ихъ вершины громоздятся одна за другою. Ихъ очертанія мягки, краски нѣжны; зелень склоновъ, одѣтыхъ лиственнымъ лѣсомъ, оттѣняется болѣе блѣдными тонами поросшихъ травой откосовъ. Голыя скалы обнажаются лишь въ области прибоа. Своими параллельно берегу и однообразно идущими хребтами съ моря край напоминаетъ нѣкоторыя мѣста черноморскаго побережья Кавказа; но блѣдность здѣшнихъ красокъ и малая высота горъ исключаютъ возможность дальнѣйшаго сравненія.

На другой день мы вошли въ заливъ св. Ольги, гдѣ расположенъ небольшой отрядъ нашихъ войскъ. Природа бухты напоминаетъ то, что мы видѣли въ окрестностяхъ Владивостока. Склоны горъ покрыты рощами изъ дубовъ, нѣсколькихъ видовъ клена, ясеней и вязовъ, перевитыхъ лозами амурскаго винограда. По берегамъ рѣчекъ тянутся болота, не особенно топкія, но крайне интересныя по своей растительности. Видъ вѣйника *Calamagrostis*, на этихъ болотахъ преобладающій, образуетъ среди нихъ правильныя цилиндрической формы кочки толщиною съ пень среднихъ размѣровъ, а по высотѣ достигающихъ колѣна и выше. Такая кочка, чернаго цвѣта, напоминающая стволъ древовиднаго папоротника, увѣнчивается пучкомъ свѣжей травы. Издали кажется, что это срублен-

ный на известной высотѣ лѣсъ, на срубяхъ котораго выросла трава. Даже тамъ, гдѣ эти болота высохли, ходьба по нимъ крайне затруднительна, такъ-какъ промежутки между кочками слишкомъ тѣсны, а кочки черезчуръ узки и высоки, чтобы ходить по нимъ или между ними. Но кромѣ болотъ, здѣсь есть и удобная для произрастанія хлѣба почва. Полей видишь, однако, немного, такъ-какъ солдаты земледѣліемъ не занимаются, а изъ устроеннаго въ 3 верстахъ поселка, за исключеніемъ двухъ дворовъ, все населеніе разбѣжалось въ другія мѣста, находя столь отдаленный пунктъ, какъ заливъ св. Ольги, неудобнымъ для себя и видя въ болѣе легкихъ и пріятныхъ промыслахъ лучшій источникъ для заработковъ, чѣмъ земледѣліе. Особенно выгоднымъ считается здѣсь охота на такъ-называемыхъ *панты*, т.-е. за рогами пятнистаго оленя. Пара такихъ роговъ, когда они еще молоды и налиты кровью, оцѣнивается въ Китаѣ очень высоко, и охотникъ, убившій нѣсколько штукъ оленей, обеспечиваетъ себя на всю зиму деньгами. Потому я охотно вѣрю рассказамъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ здѣсь пьютъ хересъ и мадеру отъ избытка средствъ.

Внутри страны есть, говорятъ, значительное селеніе; но во всякомъ случаѣ заброшенныхъ въ глубь долинъ китайскихъ фанзъ здѣсь еще болѣе, и число этихъ фанзъ врядъ-ли известно и администраціи вполне точно. Мнѣ не приходилось ихъ видѣть по сосѣдству съ постомъ, но чисто китайскій типъ вертѣвшихся около пристани русскихъ ребятишекъ говорилъ вполне ясно въ пользу легкости отношеній здѣшняго населенія, что, какъ известно, замѣчено было еще Пржевальскимъ.

Пробывши въ заливѣ св. Ольги нѣсколько часовъ, мы двинулись далѣе наперерѣзъ, черезъ Японское море къ южной части Сахалина.

Судно довольно сильно качало, и экипажъ былъ весь занятъ работою. При недостаткѣ (??) русскихъ матросовъ, желающихъ служить въ здѣшнихъ моряхъ, экипажъ «Бай-

кала» представлялъ поразительную смѣсь народностей. Можно было подумать, что онъ набранъ у подножія Вавилонской башни: матросы состояли изъ корейцевъ, японцевъ, русскихъ, финновъ; каютная прислуга были китайцы и манзы. Все это говорило отвратительно по-русски, еще хуже по-англійски и, вѣроятно, не понимало другъ друга. Но умѣнье капитана, стараго тихоокеанскаго моряка, сдерживало всю эту разношерстную команду въ должной дисциплинѣ и порядкѣ, и дѣло шло какъ-слѣдуетъ. Черезъ день, послѣ полудня мы благополучно входили на довольно открытый и доступный волнамъ рейдъ Корсаковского поста, пріютившагося въ глубинѣ Анивскаго залива.

Эта между холмами пріютившаяся улица деревянныхъ, хорошо отстроенныхъ домовъ даже послѣ Владивостока производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Окруженная со всѣхъ сторонъ горами, покрытыми елью и пихтою и зеленѣющими пашнями поселковъ, спрятавшихся въ сосѣднихъ долинахъ, она имѣетъ привѣтливый видъ и вовсе не соотвѣтствуетъ тому представленію о мрачномъ Сахалинѣ, какое составляешь себѣ объ островѣ заранѣе. Къ намъ навстрѣчу выѣхалъ прекрасный гребной катеръ съ молодцоватыми, одѣтыми въ матросскія рубахи, парнями. По ихъ внѣшности и костюму я думалъ, что они принадлежатъ къ мѣстной командѣ, и крайне велико было мое изумленіе, когда я узналъ, что люди эти, владѣвшіе веслами и управлявшіе шлюпкою не хуже матросовъ гвардейскаго экипажа, были ссыльно-каторжные, везшіе къ намъ новыхъ пассажировъ—сахалинскихъ чиновниковъ. Имѣя въ виду впослѣдствіи подробно осмотрѣть окрестности Корсаковского поста, теперь я могъ ограничиться лишь бѣглымъ его обзоромъ, заключавшимся въ небольшой прогулкѣ вдоль берега.

Несмотря на позднее время года, природа здѣсь имѣла чисто весенній характеръ. На каждомъ шагу поражало смѣшеніе арктическихъ и южныхъ видовъ растеній, стояв-

шихъ въ полномъ цвѣту. Подъ сѣнью красивыхъ пихтъ и елей вся почва была усыяна цвѣтами *Cornus suecica*, столь характернаго для флоры Новой земли и Лапландіи. Виднѣлись цвѣтки брусники и душистые колокольчики *Linnaea borealis*. Но рядомъ съ ними густая зелень тисса, кленовъ, одного вида черешни, бересклетовъ говорила о южномъ положеніи края; а травы, росшія между кустарниками: *Cirsium*, *Sacalia hastata* и *Heracleum*, были уже теперь выше человѣческаго роста.

Хотя пароходъ и не можетъ подходить близко къ берегу острова, однако для катеровъ и лодокъ, перевозящихъ грузы, устроена прекрасная пристань, отъ которой ведетъ усаженная деревьями дорога въ постъ. Правильность и порядокъ видны повсюду, и въ этомъ отношеніи первое впечатлѣніе, производимое Сахалиномъ, лучше производимаго Владивостокомъ. Населеніе, попадающееся на пути, разнообразно. Здѣсь вы увидите японца въ рыбацкой лодкѣ, такъ-какъ здѣсь хотя и не главное мѣсто ловли, но въ Корсаковѣ живетъ японскій консулъ, и сюда они больше обращаются за разрѣшеніемъ недоразумѣній. Бѣлый флагъ съ краснымъ знакомъ—«страны восходящаго солнца»—развѣвается надъ деревянною постройкою европейскаго стиля, въ которой помѣщается консульство. По сосѣдству пріютилось нѣсколько японскихъ лавокъ—грязныхъ мелочныхъ лавчонокъ со всякою дрянью и съ нахальными прикащиками, потерявшими и слѣды японской вѣжливости и любезности. Говорятъ, однако, что такое жалкое положеніе японской торговли скоро измѣнится, такъ-какъ съ будущаго года японскій крейсеръ заведетъ правильное сообщеніе между Корсаковымъ и Хакодате, и тогда, конечно, японскій дешевый и изящный товаръ долженъ вытѣснить тѣ продукты, за которые берутъ баснословныя цѣны агенты Кунста и Альбертса.

Кромѣ японцевъ, по улицѣ, по широкимъ деревяннымъ мосткамъ, идущимъ по обѣимъ сторонамъ, постоянно попадаютъ каторжные и поселенцы. Они ходятъ совершенно

свободно, и нерѣдко ни по костюму, ни по виду вы не отличите одного отъ другого. Достаточно сказать, что вся прислуга, всѣ ремесленники, рабочіе здѣсь каторжники. Они одѣты въ соотвѣтствующіе ихъ занятіямъ костюмы, и глядя на наряднаго кучера, правящаго тройкою смотрителя тюрьмы, выѣхавшаго на встрѣчу пароходу, на плотниковъ, мирно строящихъ домъ, вамъ и въ голову не придетъ, что все это—ссылные, отбывающіе каторгу, а не свободные вольнонаемные люди.

Постройки Корсаковского поста просторны и красивы. Имъ позавидовалъ-бы иной уѣздный городъ нашего сѣвера, и только устроенная въ глубинѣ улицы тюрьма, въ видѣ мрачнаго замка съ башнями, нарушаетъ иллюзію. Иллюзія эта также портится партіями закованныхъ въ кандалы рабочихъ, тащущихъ бревна, поставленные на колесахъ. Мѣрное звяканье цѣпей, испытывающія лица, команда: «смирно, шапки долой!», которая раздается при проходѣ каждого, имѣющаго на фуражкѣ кокарду челоуѣка,—все это напоминаетъ вамъ, что вы на мѣстѣ ссылки, что эти обнаженные, бритыя головы, снимающія передъ вами шапку и провожающіе васъ взглядомъ, исполненнымъ глубокой ненависти,—преступники, рецидивисты.

Но зрѣлище вродѣ сейчасъ описаннаго повторяется лишь нѣсколько разъ въ день; остальное время невнимательный наблюдатель не узнаетъ въ Корсаковѣ мѣста ссылки.

Переночевавъ на рейдѣ, мы на другой день вошли въ Императорскую гавань. Съ термометромъ въ рукахъ, пользуясь чудною погодою, я наблюдалъ за измѣненіями температуры воды Анивскаго залива. Они очень интересны и представляютъ много загадочнаго. При выходѣ изъ Корсакова и при приближеніи къ Крильонскому полуострову вода имѣла около 12° С. Но какъ только мы подошли къ мысу, гдѣ построенъ маякъ, температура воды вдругъ упала до 5°. Мы плыли нѣкоторое время въ полосѣ страшно холодныхъ водъ. Но только мы завернули за

мысь и вышли въ Японское море, температура воды повысилась вновь до 14° .

Выходя изъ Анивскаго залива въ Лаперузовъ проливъ, при ясной погодѣ легко было видѣть сильные водовороты и сулой какъ-бы отъ теченія, идущаго къ востоку. Еще рѣзче теплое теченіе обнаруживалось у береговъ Мацмая, гдѣ надъ нимъ было замѣтно легкое дрожаніе воздуха. Наоборотъ, у обоихъ береговъ Крильона надъ ихъ холодными водами стояла легкая дымка тумана. Такимъ образомъ я имѣлъ рѣдкій случай, когда простымъ глазомъ можно было наблюдать интересныя теченія Лаперузова пролива, обуславливающія въ этомъ мѣстѣ разницы температуръ между Сахалиномъ и Японскимъ берегомъ почти на 10° С.

Японское теченіе это были воды Куро-Сива, относившіяся изъ Японскаго моря въ Охотское. Гораздо загадочнѣе происхожденіе Крильонской холодной полосы. По наблюденіямъ Зуева и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, плававшихъ на русскихъ судахъ въ этомъ краѣ, равно какъ и по единогласному свидѣтельству поселенцевъ острова Сахалина, весьма часто огибавшихъ Крильонъ въ различныя времена года, теченіе это со столь низкой температурой наблюдается далеко не по всему побережью Крильона. Справа и слѣва отъ мыса оно можетъ быть прослѣжено къ сѣверу всего верстъ на 50, и температура его быстро повышается по мѣрѣ удаленія отъ маяка. Наиболѣе низкія температуры наблюдаются южнѣ маяка.

Такое исключительное пятно западной воды около Крильона—явленіе рѣдкое. Мнѣ кажется, оно должно быть отнесено къ типу такъ-называемыхъ компенсаціонныхъ теченій. Токъ воды Куро-Сиво, устремляясь въ Лаперузовъ проливъ, увлекаетъ за собою, такъ-сказать, всасываетъ воды изъ окружающихъ Крильонъ мѣстъ. Этотъ оттокъ вызываетъ здѣсь всплываніе на поверхность глубокихъ и, какъ извѣстно, очень холодныхъ слоевъ. Они-то и дѣлаютъ это странное пятно холодныхъ водъ, благодаря сосѣдству которыхъ на южной оконечности Крильона не растетъ ни

одного дерева, а только сѣверныя травы и стелющійся бамбукъ *Arundinaria Kurilensis*.

Миновавъ островъ Монеронъ, мы опять вступили въ область теплыхъ водъ и могли любоваться замѣчательно красивымъ вечеромъ. Небо здѣсь имѣло уже чисто сѣверный колоритъ. Высоко, высоко плаваютъ нѣжныя, перистыя облака. Какъ-бы вторымъ ярусомъ подъ ними расположены густыя зимніе nimbus. При закатѣ, оставаясь черно-синими, они рѣзко выдѣляются на окрасившихся въ золотисто-мѣдно-красныхъ перистыхъ облакахъ, которыя, въ свою очередь, вырисовываются весьма рѣзко на фіолетовомъ фонѣ неба. Тоны и цвѣта неба здѣсь совершенно особые, въ болѣе низкихъ широтахъ запада не наблюдающіеся.

Мы вновь перерѣзали Японское море и зашли въ Императорскую гавань: необыкновенно глубоко вдавшійся въ материкъ заливъ, прекрасно защищенный отъ вѣтровъ и по характеру своему весьма напоминающій тѣ безчисленныя бухты, которыя, начиная отъ Кореи, изрѣзываютъ Азіатское побережье. Императорская гавань знаменита какъ мѣсто, гдѣ погибъ извѣстный фрегатъ «Паллада». До сихъ поръ еще въ ясную погоду можно бываетъ видѣть глубоко подъ водою темныя очертанія судна. Берега гавани славятся своимъ лѣсомъ. Лучшія лиственничныя шпалы поставляются отсюда на китайскую желѣзную дорогу, -- и это богатство нашего края, протекая по усамъ уссурійскихъ желѣзнодорожниковъ, идетъ враждебному намъ государству. Большая часть лѣсовъ гибнетъ, однако, отъ небрежнаго съ ними обращенія, и первое, что васъ встрѣчаетъ при входѣ въ бухту, — это горѣлый лѣсъ, тянущійся во всѣ стороны по берегамъ. Внутри гавани, однако, лѣса еще уцѣлѣли, и по нимъ можно видѣть, что край уже носитъ здѣсь чисто сѣверный характеръ. Ель, пихта, лиственница, немного осины и березы, — вотъ всѣ древесныя породы, которыя я видѣлъ у берега. Зато земля покрыта пестрымъ ковромъ яркихъ цвѣтовъ субальпійской зоны.

Въ глубинѣ гавани расположенъ постъ, состоящій изъ 12 человѣкъ солдатъ и унтеръ-офицера. За всѣ мои путешествія я не видалъ нигдѣ ничего болѣе запущеннаго, какъ этотъ постъ, людей болѣе одичавшихъ и потерявшихъ человѣческое подобіе, какъ эта группа закинутыхъ въ дебри солдатъ.

На слѣдующій день мы подходили къ Александровскому посту, этой столицѣ сахалинскаго каторжнаго царства.

IX.

Александровскій постъ и его тюрьмы.—Занятія ссыльно-каторжныхъ.—Вакансіи.—Составъ каторги.—Поселки Михайловскій и Корсаковское.—Дуйская и Воеводская тюрьмы.—Градаціи наказаній.—Ихъ произвольность.—Азіаты и женщины.—Поселенцы.

Александровскій постъ, расположенный въ долину, или, какъ здѣсь говорятъ, въ «пади» рѣчки Александровки, представляетъ въ настоящую минуту довольно оживленный городокъ, съ хорошенькими деревянными домами, мостками на улицахъ и хорошими дорогами, ведущими къ пристани, на берегу моря.

Природа, окружающая городокъ, безотраднa. Съ востока тянется довольно высокій хребетъ Пилинга, поросшій хвойнымъ лѣсомъ. Его отроги и отдѣльные холмы окружаютъ и городъ. Но лѣса, ихъ нѣкогда покрывавшіе, исчезли отъ пожаровъ, и унылыя сѣрыя и черныя обгорѣлыя жерди, торчащія вмѣсто деревьевъ кругомъ на всѣхъ высотахъ, производятъ гнетущее впечатлѣніе. Садики, посаженные передъ домами, принимаются плохо. Березки и рябинки приземисты и чахлы и мало поднимаются надъ кустами шиповника, жимолости и бузины, обыкновенно роскошно разрастающимися. На болотистой низинѣ Александровки еще сохранились безобразныя корявыя ели, которыя чахлымъ видомъ своимъ также не возбуждаютъ веселости. Вообще на всей природѣ лежитъ

какая-то печать проклятія, не позволяющая ни на чемъ отдохнуть глазу.

Населеніе въ Александровскомъ посту менѣе разнообразно, чѣмъ въ Корсаковскомъ. Кромѣ чиновниковъ и солдатъ, здѣсь попадаются только каторжники и поселенцы, и тѣ и другіе въ бѣлыхъ изъ грубаго холста рубахахъ и такихъ-же панталонахъ, весьма сомнительной чистоты. Какъ и въ Корсаковскомъ посту, они ходятъ на волѣ, свободно, и изрѣдка только встрѣчается партія закованныхъ въ цѣпи рецидивистовъ, въ сопровожденіи солдата, и команда «смирно, шапки долой» раздается на пути.

Въ городѣ есть небольшой базаръ, магазинъ такъ-называемаго «колонизаціоннаго фонда», гдѣ продается все, что нужно для интеллигенціи города, и нѣсколько частныхъ лавокъ, весьма, впрочемъ, скромныхъ.

Главное населеніе Александровскаго поста, если не считать небольшого круга чиновниковъ и поселенцевъ, составляютъ ссыльно-каторжные. Естественно поэтому, что съ ихъ бытомъ было наиболѣе интересно познакомиться. Благодаря любезности И. И. Бѣлаго, я имѣлъ возможность осмотрѣть всѣ помѣщенія и обстановку ссыльныхъ. Тюрьма Александровска мало соотвѣтствуетъ представленію о тюрьмахъ, составившемуся у насъ по тѣмъ мрачнымъ зданіямъ, какія выстроены на окраинахъ многихъ изъ нашихъ городовъ. Александровская тюрьма состоитъ изъ нѣсколькихъ просторныхъ деревянныхъ построекъ, окружающихъ четырехугольный дворъ. Если вы войдете въ двери одной изъ нихъ, вы увидите передъ собою сравнительно свѣтлую комнату, въ которой расположено нѣсколько рядовъ наръ. На этихъ нарахъ лежатъ довольно грязныя шинели и подушки ссыльно-каторжныхъ рядами, какъ располагаются спать ссыльные. Число такихъ постелей различно; въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ ихъ больше, въ другихъ—меньше. Если принять во вниманіе, что наши солдаты въ иныхъ городахъ бываютъ помѣщены не чище и не просторнѣе; если вспомнить, что въ мѣстахъ ночле-

говъ петербургскихъ извозчиковъ этимъ послѣднимъ приходится спать въ помѣщеніяхъ и болѣе тѣсныхъ, и болѣе грязныхъ; что, наконецъ, каторжные, главный процентъ которыхъ составляютъ, какъ извѣстно, крестьяне, живущіе дома и тѣснѣе и грязнѣе,—нельзя не сознаться, что помѣщеніе тюрьмы и достаточно чисто, и достаточно свѣтло. Конечно, для избалованнаго условіями жизни интеллигента обстановка эта можетъ показаться ужасною,—но рабочій человѣкъ и, тѣмъ болѣе, пространствовавшій по тюрьмамъ бродяга, на волѣ не знавшій гдѣ ему приткнуть голову, здѣсь найдетъ сравнительно роскошное помѣщеніе.

Въ каждой тюрьмѣ вы найдете такъ-называемый «майданъ», т.-е. небольшую лавочку, содержащую арестантовъ-же, гдѣ онъ торгуетъ булками, чаемъ, сахаромъ, молокомъ и табакомъ. Это официально дозволенная торговля. Неофициально-же здѣсь можно купить карты и многое другое. Трудно представить, до чего развита карточная азартная игра между арестантами. Искоренить ее очень трудно, такъ-какъ если не карты, то другой видъ азартной игры воцарится въ тюрьмѣ. Проигрываютъ все до послѣдней рубашки, до сроковъ пребыванія на каторгѣ, и съ помощью подлога, проигравшіяся лица, осужденныя сравнительно на малое время, попадали въ безсрочные каторжники.

Въ одномъ мѣстѣ съ тюрьмой обыкновенно помѣщаютъ пекарни, гдѣ арестанты-же пекари пекутъ на всю тюрьму черный хлѣбъ. Поблизости помѣщается и кухня, гдѣ въ громадныхъ котлахъ варится похлебка изъ крупы и рыбы или мяса, которая два раза въ день вмѣстѣ съ хлѣбомъ полагается на пищу арестантамъ. Я пробовалъ и то и другое какъ въ Александровской тюрьмѣ, такъ и въ другихъ посѣщенныхъ мною тюрьмахъ. Вездѣ я находилъ это кушанье питательнымъ и вкуснымъ. Я не рѣшаюсь, конечно, изъ моего личнаго впечатлѣнія заключать, чтобы оно всегда было таковымъ-же и для каторжныхъ; но изъ

сдѣланныхъ мною многократныхъ разспросовъ я убѣдился, что вездѣ, гдѣ узаконенная порція добросовѣстно выдавалась жителямъ тюрьмы, на пищу пожаловаться было нельзя. Опять-таки такой пищи не ѣдали у себя многія тысячи честно трудящагося рабочаго русскаго народа. По закону, на каждаго каторжнаго выдается ежедневно 3 $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба, 1 фунтъ мяса или рыбы и 23 зол. 48 долей крупъ. Это количество въ случаѣ отлучки на дальній путь изъ тюрьмы выдается рабочему на руки. Я не хочу, конечно, этимъ сказать, чтобы вездѣ и всегда рабочій получалъ эту порцію. Злоупотребленій много и въ Россіи; на ея окраинахъ ихъ еще больше, и терпѣть отъ нихъ безотвѣтному каторжному приходится сильнѣе, чѣмъ кому-либо. Но въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ добросовѣстный смотритель наблюдаетъ строго за правильной выдачей, пища хороша, и пожаловаться на нее, на мой взглядъ, нельзя.

Я осматривалъ Александровскую тюрьму на другой день по пріѣздѣ и не засталъ въ ней ни одного рабочаго, кромѣ поваровъ и хлѣбопековъ, которые, какъ сказано, вербуются изъ тѣхъ-же ссыльныхъ. Всѣ остальные были на работахъ. Работы эти весьма разнообразны и разнохарактерны. Главною и нормальною работою считается вырубка и доставка бревенъ изъ лѣсу. Рабочій въ годъ долженъ доставить 120 бревенъ: вырубить ихъ въ лѣсу и притащить общими силами, безъ помощи лошадей. Другою и болѣе тяжелою работою считается добыча угля въ копахъ. Но на ней работаетъ сравнительно весьма малый процентъ рабочихъ. На ссыльно-каторжныхъ отчасти также лежитъ трудъ по проведенію дорогъ и осушкѣ болотъ. При нѣкоторыхъ тюрьмахъ есть еще огороды и другія хозяйственныя статьи, на которыя отряжаются рабочіе.

Въ 4 часа утра происходитъ такъ-называемая раскомандировка. Смотритель или его помощникъ распредѣляютъ на работы выводимыхъ изъ тюремъ каторжниковъ, которые выстраиваются чинно во дворѣ. Отчетъ о состоя-

ніи тюрьмы дають надзиратели-солдаты сибирскаго войска, присматривающіе какъ за тюремными помѣщеніями, такъ и за работами внѣ тюрьмы. Въ такіе надзиратели попадаютъ часто совершенно невозможные субъекты, и надо только удивляться, какъ при такомъ составѣ еще можетъ поддерживаться какой-нибудь порядокъ въ тюрьмахъ. Сибирское войско высылаетъ на Сахалинъ самыхъ плохихъ изъ своихъ солдатъ; мнѣ приходилось видѣть между надзирателями въ весьма важныхъ тюрьмахъ, вродѣ Дуйской, настоящихъ идіотовъ по своей тупости и неотесанности. Другіе, люди бѣдные и сомнительной нравственности, чуть не завидуютъ обстановкѣ ссыльнаго и охотно вступаютъ съ ними въ разнообразнѣйшія сдѣлки. Зеленой бумажки и бутылки водки по большей части бываетъ достаточно для арестанта, маломальски имѣющаго деньги и смѣтливаго, чтобы тяжелый зимній трудъ заготовки бревенъ, трудъ, связанный съ отмораживаніемъ пальцевъ и пребываніемъ чуть не по грудь въ снѣгу, былъ замѣненъ для него легкими, иногда не требующими никакого труда занятіями. Надзиратель всегда можетъ устроить рабочему такъ-называемую вакансію, т.-е. представить его смотрителю какъ пригоднаго для занятій вродѣ подметанія двора въ тюрьмѣ, закрыванія ставень въ домѣ смотрителя, дворника, лакея, дровоноса и т. п. Тутъ рабочій пользуется полною свободою, трудится весьма мало, а иногда имѣетъ возможность еще и заработать нѣкоторую сумму. Такой порядокъ вещей породилъ необыкновенное обиліе людей съ непроизводительнымъ трудомъ. Великое множество дровотасковъ, чуть-ли не по одному на чиновника, не дѣлаютъ ничего, кромѣ перевозки дровъ для топки печей. Большинство чиновниковъ имѣютъ прислуги больше, чѣмъ крупные помѣщики временъ крѣпостного права. Конечно, многія вакансіи, чтобы ихъ не потерять, надо поддерживать подарками надзирателю; другія, болѣе прочныя, покупаются сразу. Есть, наконецъ, возможность совершенно избавиться отъ тяжелаго труда, заставивъ

исполнить свою работу другого за известную плату, и обыкновенно бѣднякъ отрабатываетъ двойное количество бревенъ—за себя и за нанявшего его товарища.

Но помимо этихъ несомнѣнныхъ злоупотребленій, великое множество каторжныхъ почти не видятъ тюрьмы и ея тяжелой работы. Это всѣ тѣ лица, которыя имѣютъ хотя какія-либо спеціальныя знанія, кто не простой хлѣборобъ. Кузнецы, плотники, слесаря, столяры и т. п. мастеровой народъ находятъ немедленное примѣненіе своихъ знаній въ мастерскихъ тюрьмы: въ слесарной, кузницѣ и столярной мастерской. Они строятъ дома, дѣлаютъ мебель, различныя желѣзныя принадлежности, нужныя въ тюремномъ обиходѣ. Многіе изъ нихъ замѣчательные мастера своего дѣла. Прекрасная рѣзьба, чудная мебель и особенно шкатулки изъ корельской березы и другихъ сахалинскихъ породъ уже и теперь далеко славятся въ Восточной Сибири. Люди хотя нѣсколько образованные находятъ себѣ мѣста въ канцеляріяхъ тюремъ и тюремныхъ правленій. Сравнительно рѣдко попадающіяся лица съ болѣе спеціальной технической подготовкой находятъ еще болѣе широкое примѣненіе. Я лично знаю на Сахалинѣ лицъ, которыми производится съемка трудно доступныхъ частей острова. Большинство дорогъ и дорожныхъ сооруженій также трудъ ссыльно-каторжнаго. Тюрьма широко эксплуатируетъ знанія поступающихъ въ нее элементовъ. Не имѣя ни казенныхъ инженеровъ, ни мастеровыхъ, она создаетъ ихъ изъ контингента ссыльныхъ, платя имъ гроши, иногда даже вовсе не платя за трудъ, но создавая цѣлыя отрасли тюремной дѣятельности.

Такова та общая картина положенія ссыльно-каторжнаго, какая представится всякому при прогулкѣ по тюремнымъ постройкамъ и по мастерскимъ. Съ 4-хъ часовъ утра начинается работа, въ 4 ч. вечера она кончается. Не этотъ подневольный трудъ идетъ лѣниво, съ прохладой—не такъ, какъ трудъ вольнаго рабочаго. Онъ прерывается обѣдомъ и послѣобѣденнымъ отдыхомъ.

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ вынести впечатлѣніе, что Сахалинъ и его каторга вовсе не такое ужасное наказаніе, какимъ оно рисуется намъ, сидящимъ въ Россіи. Вы видите людей, живущихъ свободно, ночующихъ въ весьма сносныхъ казармахъ или даже внѣ ея, на мѣстѣ службы или въ семьѣ, если семья ссыльнаго добровольно за нимъ послѣдовала. Люди эти продолжаютъ заниматься тою работою, къ которой они привыкли у себя дома, могутъ довольно легко избавиться отъ тяжкаго труда, сваливъ его на чернорабочаго; этотъ-же послѣдній, въ свою очередь, обставленъ здѣсь чуть-ли не лучше, чѣмъ у себя дома. Многіе, кому приходилось бѣгло, лишь изъ порта осматривать тюрьмы, даже негодовали и возмущались тѣмъ, что гнусные преступники, отребье русскаго общества, живутъ чуть-ли не лучше, чѣмъ многіе изъ честныхъ гражданъ, съ утра до ночи проводящихъ время въ неустанномъ трудѣ. Сибирскому казаку, говорили мнѣ, для своего жилища приходится таскать такія-же бревна и при тѣхъ-же условіяхъ. Живется ему иногда не лучше.

Но все это прекрасно только при одномъ поверхностномъ отношеніи къ вещамъ. Вспомните только, читатель, кто такая эта самая каторга, ѣдущая на Сахалинъ, поскольку каждый изъ насъ вправѣ считать отребьемъ общества эту массу, наполняющую тюрьмы.

На Сахалинъ ссылаются главнымъ образомъ убійцы различныхъ видовъ, затѣмъ слѣдуютъ грабители, рецидивисты по кражѣ со взломомъ, люди совершившіе преступленіе противъ воинской дисциплины и небольшой процентъ людей, уличенныхъ въ ненормальныхъ половыхъ сношеніяхъ. Отбрасывая этотъ послѣдній элементъ, признаваемый заграничною наукою за чисто фізіологическую аномалію, остальные по крайней мѣрѣ на половину, если не на три-четверти, являются преступниками часто или въ силу случайности, или въ силу грустно сложившихся обстоятельствъ. Главный контингентъ ихъ даетъ наша

крестьянская масса; убійство въ пьяномъ видѣ, въ дракѣ, изъ ревности; грабежъ въ силу необходимости, неразвитаго сознанія преступности проступка,—вотъ мотивы большинства нашихъ крестьянскихъ преступленій. Слова нѣтъ, вы на Сахалинѣ найдете, конечно, извѣстный процентъ отъявленныхъ мерзавцевъ, людей испорченныхъ до мозга костей, убійцъ и воровъ по профессіи; но процентъ этотъ не такъ великъ, какъ кажется, и если вы вдумаетесь въ сущность даже несомнѣнно умышленнаго убійства или грабежа, несомнѣнно гнуснаго преступленія, вы навѣрное въ большинствѣ случаевъ найдете смягчающій его мотивъ; если вы не имѣете дѣла съ рецидивистомъ, этотъ человѣкъ въ другихъ условіяхъ, въ другой обстановкѣ не повторитъ сдѣланнаго, постарается о немъ не вспомнить. Странно здѣсь бываетъ видѣть одинаково третируемыхъ людей, изъ которыхъ одинъ попался за случайное убійство, за подозрѣніе въ поджогѣ, а другіе чуть не всю жизнь занимались убійствами или нажились на поджогахъ. И вотъ изъ контингента такихъ-то лицъ и составляется каторга. Не столько тяжесть работы или скверность обстановки гнететъ ссыльно-каторжнаго, сколько то, что онъ, человѣкъ въ большинствѣ случаевъ не до мозга костей испорченный, смѣшанъ, сваленъ здѣсь въ одну кучу, сдѣланъ сожителемъ и товарищемъ дѣйствительно гнуснаго злодѣя, человѣка, который каждымъ шагомъ, каждымъ дѣйствіемъ показываетъ, что все порядочное, все честное, человѣческое въ немъ навсегда заглохло. Это уравненіе, это сознаніе, что весь остальной міръ не дѣлаетъ между каторжными различія, тяжелымъ гнетомъ ложится на эту большую и лучшую часть каторги. Я видалъ многихъ простыхъ людей, изъ крестьянъ, неимовѣрно отъ этого страдавшихъ. Необходимость жить вмѣстѣ съ этими негодями, быть на товарищеской ногѣ съ ними не только угнетаетъ, но и заставляетъ поддаваться ихъ скверному вліянію.

Пребываніе въ тюрьмѣ не исправляетъ, а портитъ пре-

ступника; эта аксіома, сознанная теперь всѣми зрителями, подтверждается многими сотнями примѣровъ. Тюрьма деморализуетъ не только каторжныхъ, но и солдатъ, и нерѣдки случаи преступленій, дѣлавшихся солдатами сообща съ каторжниками. Потому, несмотря на всѣ злоупотребленія существующаго строя, онъ имѣетъ хотя одну хорошую сторону, что по крайней мѣрѣ часть людей изолируется, можетъ жить прежнею жизнью внѣ тюремныхъ вліяній, забывая прошлое. Еслибы тюрьма была меньше, еслибы зрителя знали всѣхъ своихъ преступниковъ въ лицо, еслибы это были гуманные люди, смотрящіе на своихъ кліентовъ какъ на нравственно-больныхъ, которыхъ надо нравственнымъ же вліяніемъ и лѣчить, тогда тюрьма могла-бы имѣть известное исправляющее значеніе. Теперь не то. Даже въ томъ рѣдкомъ до послѣдняго времени случаѣ, когда тюрьмой завѣдуетъ порядочный человѣкъ, онъ стоитъ далеко отъ тюрьмы. Для него вся эта масса каторжнаго люда—по большей части преступники одинаковой категоріи, къ которой одинаково и безъ разбора примѣняются эпитеты «гадъ, гнусь» и т. п., и въ одинаково широкихъ размѣрахъ—тѣлесныя наказанія.

Эти послѣднія—преобладающая форма наказаній въ тюрьмахъ. Хотя нѣтъ сомнѣній, что между ссыльными есть субъекты, которые потеряли уже отзывчивость къ какимъ-бы то ни было наказаніямъ или внушеніямъ, однако, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы по этимъ элементамъ можно было судить обо всей массѣ ссыльныхъ. Между тѣмъ, среди зрителей тюремъ попадаются страстные любители розогъ. Вездѣ, гдѣ личной власти предоставляется большой произволъ, мнѣ приходилось наталкиваться на подобныхъ субъектовъ. Въ Туркестанѣ выработался особый типъ начальниковъ, для которыхъ отодрать безотвѣтнаго киргиза доставляетъ глубокое наслажденіе. Такіе розгоманы въ былое время были между помѣщиками Россіи и рабовладѣльцами Америки. Крики истязуемыхъ для нихъ были истинной музыкой. Такого

рода субъекты нашли себѣ широкій просторъ дѣйствія на Сахалинѣ.

Способъ отношенія къ рабочему его смотрителя пере-нимаютъ и надзиратели. Это должность весьма растя-жимая. Понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, это должность солдата-надсмотрщика надъ рабочими, съ жалованьемъ отъ 7 до 15 р. въ мѣсяцъ; она здѣсь связывается нерѣд-ко съ порученіями первостепенной важности, которыхъ безграмотный солдатъ выполнить не можетъ, и тогда вручается поселенцамъ изъ каторжниковъ, гилякамъ и даже свободного состоянія людямъ съ содержаніемъ, пре-вышающимъ 75 р. въ мѣсяцъ. Штейгеры-инженеры слу-жили здѣсь на правахъ надзирателей. Особенно своеобраз-ны надзиратели изъ гиляковъ. Ихъ сахалинская администра-ція высоко цѣнитъ, какъ хорошихъ ищеекъ, чисто соба-чій нюхъ которыхъ, въ связи съ знаніемъ острова, поз-воляетъ имъ отыскивать всякаго бѣглаго, куда-бы онъ ни скрылся. Такимъ образомъ, ближайшій и непосред-ственный надзоръ за жизнью каторжнаго человѣка, какъ-бы низко ни палъ онъ, нравственно все-таки болѣе раз-витаго, находится въ рукахъ дикаря, самаго грубаго и первобытнаго, и отъ этого дикаря зависитъ разрѣшеніе каждаго его движенія, шага.

Каторжники суть люди, лишонные всѣхъ правъ со-стоянія. Эта фраза такъ часто слышится въ нашихъ су-дахъ, фигурируетъ на столбцахъ нашихъ газетъ, что ста-ла избитою. Между тѣмъ изъ насъ, свободныхъ людей, мало кто имѣетъ понятіе, до какой степени велика тя-жесть этого безправнаго состоянія. «Гадъ», котораго за малѣйшее движеніе, не понравившееся надзирателю, онъ можетъ пороть сколько ему вздумается, который передъ всякимъ прилично одѣтымъ человѣкомъ чуть не за вер-сту обязанъ обнажать голову, который понимаетъ, что его третируютъ и обращаются съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, не можетъ чувствовать себя по себѣ, и трудно ему не пасть окончательно, не потерять человѣческаго достоинства.

Меня не разубѣдятъ тѣ, которые будутъ утверждать, что темная крестьянская масса, изъ которой вербуются большая часть каторжниковъ, слишкомъ загрузѣла, слишкомъ неразвита, чтобы чувствовать это безправное положеніе. Мнѣ неоднократно приходилось самому видѣть и наблюдать, какъ самые простые и грубые изъ этихъ людей буквально измѣнялись и преображались, разъ они видѣли другое къ нимъ отношеніе и обращеніе, когда замѣчали, что въ нихъ видятъ такого-же, какъ и вы, человека. Въ нихъ происходила рѣзкая переменна. Они дѣлались услужливыми, мягкими до нѣжности, безукоризненно честными и преданными людьми, готовыми на всякое самопожертвованіе.

Между тѣмъ, именно на каторгѣ, въ противовѣсъ развращающему вліянію товарищества, нѣтъ почти ничего, что могло-бы поддержать нравственный духъ преступника. Разговоры товарищей, отношеніе властей и окружающихъ, все постоянно ему напоминаетъ, что онъ—парія, отбросъ общества, безправное существо. И если каторжный работаетъ не въ тюрьмѣ, а гдѣ-нибудь вдали, на расчисткѣ дороги—работа, съ которой я познакомлю читателя въ одной изъ слѣдующихъ главъ—безправное его положеніе проявляется не только въ моральныхъ, но и въ физическихъ страданіяхъ. Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, при проведеніи дороги на сел. Оноръ, обнаружены были вопіющія злоупотребленія безграмотнаго надзирателя, которому было поручено веденіе дорожныхъ работъ, какъ человеку, хорошо знающему дорогу. Система дѣйствія этого человека состояла въ томъ, что всѣхъ запоздавшихъ съ работой онъ сажалъ на слѣдующій день на половинное и даже на третное продовольствіе. Когда-же рабочій, изнуренный истинно каторжнымъ трудомъ, падалъ отъ изнуренія, онъ его просто пристрѣливалъ какъ собаку и хоронилъ безъ медицинскаго освидѣтельствованія, давая свои собственныя опредѣленія болѣзни.

Въ настоящее время администрація сахалинскихъ

тюремъ значительно улучшилась. Но еще очень недалеки тѣ времена, да еще и не совсѣмъ прошли они, когда смотрителя и другіе чиновники сами своими ничѣмъ не прикрываемыми преступными поступками, достойными ссылки на Сахалинъ, служили развращающимъ примѣромъ для ссыльныхъ. Трудно было при такихъ условіяхъ ожидать отъ преступника чего-либо иного, кромѣ окончательной порчи и озлобленія. Но озлобленныхъ сравнительно встрѣчается немного; въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится терпѣть каторжнику, случаевъ покушенія на жизнь ничтожное число. Немного и бунтовъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ тому служитъ фактъ, который подтвердятъ всѣ бывшіе на Сахалинѣ, что мѣстная администрація свободно развѣзжаетъ по Сахалину, имѣя своими слугами, тѣлохранителями и работниками тѣхъ-же каторжныхъ. Крайняя рѣдкость случаевъ убійства дѣлаетъ ихъ вполне надежными спутниками. Я самъ, въ сопровожденіи одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, проѣхалъ весь островъ вдоль и поперекъ, окруженный каторжными самого различнаго характера преступленій. Отъ этого народа, въ средѣ котораго мнѣ приходилось оставаться одному въ тайгѣ за десятки верстъ отъ ближайшаго населеннаго пункта, кромѣ самыхъ безкорыстныхъ услугъ и внимательнаго отношенія при полной честности, я ничего не видѣлъ. Слишкомъ еще привыкъ къ дисциплинѣ русскій человѣкъ, слишкомъ онъ долготерпѣливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ мало одного несчастія въ жизни, чтобы развратить человѣческую природу и сдѣлать изъ каторжника то ужасное существо, какимъ онъ рисуется незнакомому съ его бытомъ человѣку. И многихъ тяготитъ сознаніе, что другіе не хотятъ въ нихъ видѣть того хорошаго, что въ нихъ еще осталось.

Конечно, не всѣ ссыльно-каторжники представляютъ изъ себя хотя совершившихъ преступленіе, но въ корнѣ порядочныхъ людей. Есть между ними испорченные долгимъ хожденіемъ по тюрьмамъ или испорченные съ моло-

дости, до мозга костей развращенные субъекты. Ихъ знаетъ и сама каторга, и они сильно тяготятъ ее. Эти люди являются рецидивистами и на Сахалинѣ. И здѣсь они устраиваютъ различныя преступленія въ тюрьмахъ: побѣги, звѣрскія убійства, грабежи. Но процентъ ихъ не настолькоъ великъ, чтобы общественная безопасность на Сахалинѣ была менѣе, чѣмъ въ какомъ угодно другомъ пунктѣ Россіи. Эти рецидивисты обыкновенно, попавшись, подвергаются сильному наказанію, заковываются въ кандалы и отправляются по большей части въ находящіяся по сосѣдству съ Александровскомъ тюрьмы Дуйскую и Воеводскую.

Благодаря любезности начальника Александровскаго округа С. И. Таскина, я имѣлъ возможность въ его сопровожденіи осмотрѣть эти двѣ тюрьмы, назначенныя для содержанія самыхъ тяжкихъ преступниковъ на Сахалинѣ. Расположенныя въ отдѣльныхъ, со всѣхъ сторонъ закрытыхъ горами тѣсныхъ долинахъ или падяхъ, открывающихся почти неприступными берегами въ бурное, негостепріимное море, эти тюрьмы, ветхой, старой постройки, однѣ изъ видѣнныхъ мною на Сахалинѣ отвѣчаютъ нашему здѣшнему представленію о каторгѣ. Здѣсь дѣйствительно вы видите мрачныя полувыбритыя головы, озлобленныя звѣрскія лица, слышите бряцаніе цѣпей.

Мнѣ показывали помѣщенія для неисправимыхъ, одиночныя камеры, темныя, не пропускающія свѣта, сырыя, гдѣ ночуютъ прикованные къ тачкамъ преступники. Но таковыхъ было всего два или три. Одиночныя камеры сравнительно свѣтлы и просторны. Возможность переговоровъ черезъ окно—полная. Полы-же, настланные на землю, такъ плохи, что бѣжать слишкомъ не хитрая вещь, особенно при идіотѣ надзирателѣ. Это и доказалъ на практикѣ бѣжавшій при мнѣ убійца-рецидивистъ, скрывшійся изъ одиночнаго заключенія въ Дуйской тюрьмѣ.

Общая организація Дуйской и Воеводской тюремъ та-

же, что и Александровской, но все грязнѣе и тѣснѣе. Преступники не выпускаются изъ тюрьмы и могутъ прогуливаться только по двору и то при надзирателѣ. Говорятъ, что безъ глаза начальства они свободно снимаютъ кандалы и надѣваютъ ихъ лишь при появленіи послѣдняго. Не берусь, однако, судить, насколько это правильно, такъ-какъ при мнѣ происходила сцена, заставлявшая думать противное. Обступившая своего главнаго начальника толпа этихъ закованныхъ въ кандалы, бряцающихъ цѣпями дикихъ фізіономій, гдѣ звѣрскія лица киргизъ, манзъ и персіянъ виднѣлись въ толпѣ различнаго потерявшаго образъ и подобіе русскаго люда, живо напомнила мнѣ читанное еще въ дѣтствѣ и тогда оставившее глубокое впечатлѣніе «хожденіе Богородицы по мукамъ». Какъ тамъ подвергавшіеся въ аду разнымъ казнямъ грѣшники, такъ здѣсь эти разнообразныя преступники молили о смягченіи ихъ наказаній, напоминая также и школьниковъ, бѣгущихъ за наказавшимъ ихъ воспитателемъ, вышедшимъ изъ класса. Они были-бы смѣшны, еслибы всѣмъ своимъ видомъ не производили невыразимо тяжолаго, сжимающаго сердце впечатлѣнія.

Между этими арестантами я видѣлъ много людей, которыхъ здѣсь называютъ оглами. Это различныя кавказцы и жители Азіи, рецидивисты убійцы, бывавшіе нѣсколько разъ въ бѣгахъ. Люди эти, на мой взглядъ, представляютъ особую категорію каторжниковъ и о нихъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Обыкновенно, если вы будете спрашивать ссыльнаго, за какое преступленіе онъ попалъ на Сахалинъ, онъ вамъ отвѣтитъ или явною ложью, или если и расскажетъ характеръ преступленія, то непременно такъ, что онъ окажется пострадавшимъ невинно. Но если большая часть сахалинскаго русскаго населенія, разсуждая по совѣсти, дѣлается его жителями не безъ уважительныхъ причинъ, — оглы, разсуждая съ ихъ точки зрѣнія, страдая вдвойнѣ больше русскихъ, страдаютъ болѣе или ме-

нѣе безвинно. Чѣмъ, спрашивается, это горское или степное населеніе виновато, что оно теперь составляетъ часть того государства, въ которомъ и удалая баяра, и кровная месть за смерть или оскорбленіе родича или убійство за личное оскорбленіе считается не за доблесть, какъ это считали тысячи поколѣній его предковъ, а за такое-же мерзкое злодѣяніе, какъ систематическое воровство у своего ближняго и сосѣда и другія дѣянія, одинаково признаваемые преступными какъ культурными, такъ и не культурными народами. Вотъ эти-то сыны горъ и степей, съ міровоззрѣніемъ которыхъ я познакомился во время моихъ прежнихъ путешествій, когда мнѣ приходилось слышать рассказы, гдѣ съ гордостью перечисляли убитыхъ, за такія же преступленія попавъ на Сахалинъ, совершенно не понимаютъ, за что ихъ мучаютъ. Подобно той безотвѣтной массѣ, которая, попавъ въ Сахалинскую тюрьму, не обладаетъ ни спеціальными знаніями, чтобы попасть на вакансіи, ни деньгами, чтобы откупиться отъ тяжкаго труда, они назначаются на полевые, земляные и лѣсные работы, для нихъ совершенно непривычныя и несвойственныя. Лишившись своихъ милыхъ горъ съ чуднымъ голубымъ небомъ и теплымъ воздухомъ, или раздольной степи, гдѣ подъ яснымъ небосклономъ онъ вѣчно предавался кейфу, оглы попадаетъ на тяжелѣйшія, никогда неслыханныя даже на его родинѣ работы, по грудь въ холодной болотной водѣ при пронизывающемъ холодномъ вѣтрѣ, въ туманѣ, среди мириадъ комаровъ и мошки. Не понимая почти ничего по-русски, получая тѣлесныя наказанія и за непониманіе и неумѣніе выполнить непосильную ихъ мускуламъ работу, эти оглы испытываютъ на Сахалинѣ муки несоразмѣрныя съ тѣми, какія выпадаютъ на долю другимъ каторжниками. Большинство буквально оказываются не въ силахъ ихъ переносить и умираютъ отъ чахотки и другихъ болѣзней и изнуренія. Но многіе слишкомъ энергичны, чтобы такъ дешево разстаться съ жизнью. Дорогая сво-

бода влечетъ ихъ къ побѣгу. Будь оглы болѣе развиты, болѣе свѣдуши въ географіи, вѣроятно, они легко при ихъ энергіи достигали-бы цѣли. Но увы, невѣжественные товарищи внушаютъ имъ, что дорогѣй Кавказъ недалеко, что ихъ обманомъ возили кругомъ по Черному морю, что стоить только переплыть Татарскій проливъ, и они будутъ дома. И вотъ онъ, улучивъ минуту, бѣжитъ изъ тюрьмы, убиваетъ того, кто попытается его задержать, и блуждаетъ по тайгѣ, пока не натолкнется на товарища по несчастію или на гиляка, который или подстрѣлитъ его, или доставитъ въ тюрьму. Гиляки, получающіе изъ тюрьмы по три рубля за доставленнаго бѣглеца и ненавидящіе бѣглыхъ за грабежи и убійства, любятъ на нихъ охотиться. Въ свою очередь, вся каторга глубоко вѣритъ, что гиляки ѣдятъ человѣческое мясо, и потому ненавидитъ ихъ, не считая за людей. Вотъ почему случаи состраданія какъ съ той, такъ и съ другой стороны—рѣдкость.

Побѣгъ съ Сахалина—трудная и сложная вещь и для русскихъ. Немногимъ онъ удается. Японцы выдаютъ бѣглецовъ. Бѣжать въ Сибирь, помимо опаснаго плаванія по Японскому морю, опасно и вслѣдствіе ужасовъ, ожидающихъ въ тайгѣ побережья. Большинство бѣглецовъ, прошлявшись извѣстный срокъ въ тайгѣ, возвращаются домой, гдѣ получаетъ узаконенное число плетей, т.-е. ударовъ громаднымъ бичомъ, заканчивающимся тремя казачьи-ми нагайками, и обращаются къ прежнимъ занятіямъ. Но обыкновенно долгая голодовка въ тайгѣ, кончающаяся истязаніями, окончательно расшатываетъ и безъ того надорванный климатомъ и непривычными работами организмъ оглы и бываетъ для него роковой.

Насколько мало сознаютъ многіе кавказцы составъ своего преступленія и насколько поэтому тяжела ихъ участь на Сахалинѣ, можетъ показать ихъ взглядъ на будущее, высказанный мнѣ однимъ турецкимъ солдатомъ, сопровождавшимъ меня въ качествѣ носильщика вещей, въ

одной изъ экскурсій по тайгѣ, и почувствовавшимъ ко мнѣ расположеніе, вѣроятно, за немногія татарскія фразы, какими мы перебрасывались въ пути. Когда, какъ-то отставъ отъ другихъ носильщиковъ, мы остались вдвоемъ, онъ разсказалъ мнѣ самъ, какъ онъ эмигрировалъ въ Россію, гдѣ жилъ у Алагеза, какое оскорбленіе понесла его семья отъ одного односельчанина, какъ онъ неудачно мстилъ и былъ сосланъ по его проискамъ на Сахалинъ. Бѣдняга жилъ мечтою — какъ можно скорѣе отбыть остающіяся пять лѣтъ каторжныхъ работъ, чтобы вернуться въ Малую Азію, отыскать, во что-бы то ни стало, Асланъ-Бека и зарѣзать собственноручно этого негодяя, за котораго ему приходится страдать столько лѣтъ на Сахалинѣ. Съ такими-же взглядами на убійство въ ихъ прошломъ или будущемъ отправляются на лоно Аллаха и другіе оглы.

Слова нѣтъ, Россія должна такъ или иначе избавиться отъ азійскихъ головорѣзовъ и вывести изъ своихъ колоній это легкое отношеніе къ смерти. Но неужели-же нельзя изыскать другого мѣста для ссылки и другого способа наказанія для людей, убѣжденія которыхъ, при всей ихъ дикости, и безвредны для благоустроеннаго общества, и имѣютъ за собою силу традицій цѣлыхъ тысячелѣтій? Недаромъ даже мервскіе туркмены, какъ мнѣ разсказывали въ бытность мою въ этомъ городѣ, боятся Сахалина гораздо болѣе, чѣмъ смертной казни.

Говоря о различныхъ категоріяхъ сахалинскихъ преступниковъ, живущихъ въ тюрьмахъ или группирующихся около нихъ, я не могу не сказать нѣсколько словъ о сахалинскихъ женщинахъ-преступницахъ. Главный контингентъ ихъ также—убійцы; и хотя въ темной нашей народной жизни многое множество убійствъ имѣютъ оправдывающіе мотивы и не свидѣтельствуютъ еще объ окончательной испорченности натуры, однако, нельзя не сознаться, что женская половина населенія острова, за извѣстными, конечно, исключеніями,—элементъ значительно

болѣе испорченный, чѣмъ мужчины. Уже одна дорога и пребываніе въ російскихъ тюрьмахъ сильно отражается на деморализаціи женщинъ. Затѣмъ, надо напомнить, что Сахалинъ въ нѣкоторомъ родѣ «Зеленый островъ», гдѣ очень много мужчинъ и очень мало женщинъ. Когда приходитъ пароходъ съ женщинами,—это событіе. Холостыхъ преступниковъ выстраиваютъ, приводятъ женщинъ и предлагаютъ выбрать себѣ сожителя. Буде выборъ удаченъ, сожительство продолжается неопредѣленно долго. Буде нѣтъ,—неизбѣжна мѣна. Правда, мѣна эта официально не дозволена, но посудите сами, читатель, что вы станете дѣлать на мѣстѣ смотрителя тюрьмы, если какая-нибудь изъ этихъ новоприбывшихъ грацій заявить, что если ее не разведутъ, она поступитъ съ сожителемъ такъ-же, какъ съ первымъ мужемъ, за убійство котораго она попала на островъ. Понятно, что мѣна, продажа и покупка сожительницъ — дѣло естественное не только на ка-торгѣ, но и между сахалинскими поселенцами. Впрочемъ, при громадномъ преобладаніи мужчинъ надъ женщинами, на Сахалинѣ сожительство—дѣло условное, и участь большинства этихъ несчастныхъ—проституція въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Даже вѣрныя сожительницы въ большинствѣ случаевъ полдерживаютъ семью проституціей-же, ибо это чуть-ли не единственный вкладъ, который вноситъ въ скудные доходы мужа жена. Говоря вообще, вопроса о седьмой заповѣди на этомъ островѣ, гдѣ господствуетъ въ силу самого порядка вещей полиандрія, лучше не поднимать.

Скученность въ тюрьмахъ, при отсутствіи женскаго элемента, развращающее начало, вынесенное еще изъ тюремныхъ замковъ Россіи, общеніе съ восточными элементами, попадающими сюда за случаи половой психопатіи, заражаютъ этою психопатіею немалую часть ссыльныхъ, и тѣ ненормальности, за которыя Россія высылаетъ на Сахалинъ, сами собою создаются на этомъ островѣ. И несмотря на всѣ эти въ высшей степени неблагопріятныя

для женской нравственности условія, я лично знаю нѣсколько поселенцевъ, жены или сожительницы которыхъ оставались вѣрны мужу многіе годы и которые настолько сжились между собою, что другъ ради друга продляютъ срокъ жизни на островѣ, съ котораго почти всѣ мечтаютъ уйти. Точно также вы встрѣтите въ услуженіи нянекъ, кухарокъ изъ ссыльныхъ, честность и вѣрность которыхъ могла-бы послужить примѣромъ для лицъ той-же профессіи и свободного состоянія.

Осмотрѣвъ тюремныя помѣщенія, попробовавъ пищу арестантовъ и познакомившись съ общимъ характеромъ населенія Александровска, я рѣшился предпринять экскурсію на сѣверъ острова, чтобы ознакомиться съ его природою. Однако-же, для приготовленія къ пути потребовался цѣлый день, и я, чтобы не терять времени, сдѣлалъ небольшую экскурсію въ расположенныя близъ городка селенія Корсаковское и Михайловское.

Къ нимъ ведетъ весьма сносная дорога, пролегающая по болотистому торфянистому грунту, заросшему уже почти вырубленнымъ лѣсомъ изъ елей, пихтъ и довольно толстыхъ и высокихъ ясеней. Изрѣдка попадаются тополи и вязы. Дренированная торфянистая почва поросла злаками изъ рода *Calamagrostis*; въ мѣстахъ болѣе топкихъ виднѣются громадныя листья одной изъ *Aroideae*.

Почва во многихъ мѣстахъ обработана и занята пашнями. Несмотря на то, что стояли уже первыя числа іюля, яровые хлѣба едва только поднимались отъ земли, образуя низенькіе зеленые газоны, а картофель едва поднимался отъ полей. Мимо меня пронесли букетъ ландышей. Невольно думалось, что еще только начало мая, а іюльскія температуры Сахалина для моего изнѣженнаго тропиками организма казались болѣе приличными для марта. Подъ вліяніемъ всей этой иллюзіи, я остановилъ лошадей и подозвавъ къ себѣ нѣсколько работавшихъ надъ поправкою дорогъ человѣкъ, обратился къ нимъ съ наивнымъ для сахалинца вопросомъ: надѣ-

ются-ли они имѣть съ своихъ полей хлѣбъ этою осенью? Они мнѣ отвѣтили, что надежды на урожай плохи, но что все отъ Бога, и что если августъ простой, то и урожай, собрать хлѣбъ еще возможно.

Надо замѣтить, что въ сельскохозяйственномъ отношеніи природа Сахалина запаздываетъ ровно на мѣсяцъ, а то и болѣе. Іюль здѣшній эквивалентенъ іюню Новгородской губ., августъ — іюлю, сентябрь — августу. Уборка хлѣбовъ поэтому происходитъ въ сентябрѣ и даже октябрѣ. Но морозы, какъ и на сѣверѣ Россіи, возможны уже съ іюля, ихъ ждутъ въ августѣ, и они нормальное явленіе въ сентябрѣ. Они обыкновенно сопровождаются туманной, мозгливой погодою, мѣшающей дозрѣванію хлѣба, нерѣдко заставляющею проростать его еще въ колосѣ и содѣйствующей необыкновенному развитію спорыньи.

Торфянистая песчано-глинистая почва, будучи дренирована, даетъ средніе урожаи самъ 12 и болѣе, но урожаи эти очень не вѣрны. Два послѣдніе года были очень удачны и дали запасы хлѣба поселенцамъ, но ранѣе почти постоянные дожди и стужа губили посѣвы; мнѣ говорили, что хлѣбъ приходилось молотить въ комнатахъ, и то онъ получался сырой, проросшій. Солома гнила въ стогахъ и воротить затраченнаго не было возможности. Рожь, ячмень и пшеница разводятся въ окрестностяхъ селеній съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Лучше идетъ дѣло съ овощами; капуста, картофель и огородина удаются довольно хорошо, особенно на возвышенныхъ и сухихъ почвахъ селенія Михайловскаго. Сбытъ этихъ овощей въ Александровскѣ, гдѣ на нихъ есть спросъ, обезпечиваетъ существованіе жителей, большимъ подспорьемъ для которыхъ является еще скотоводство и его продукты, доставляемые въ городъ.

Лица, съ которыми я говорилъ, не были мѣстные поселенцы. Это были преступники, отбывшіе срокъ каторги, которые должны были получить участки для поселенія

въ Тымовскомъ округѣ. Но условія жизни въ этихъ поселеніяхъ, говорили они мнѣ, такъ ужасны, что лучше было уклониться отъ посылки туда и поступить въ поденные рабочіе въ Корсаковку, по 10 к. за рабочій день. Сумма эта, крайне малая, меня удивила, но по наведеннымъ справкамъ, заработки на островѣ рѣдко бываютъ больше и что надо благодарить Бога и за это.

Отъ нихъ-же впервые я получилъ свѣдѣнія, впоследствии мною неоднократно провѣренныя, о положеніи поселенца по выходѣ изъ тюрьмы.

По существующимъ нынѣ порядкамъ, каторжный, отбывъ срокъ наказанія, дѣлается поселенцемъ-колонизаторомъ Сахалина. Ему даются казенные топоръ и мотыга, казенное довольствіе на два года, въ долгъ сѣмена для посѣва и указывается мѣсто для поселенія. Тутъ этотъ сахалинскій Робинзонъ долженъ изъ тайги выстроить себѣ домъ, со всѣми пристройками и удобствами, мотыгой разчистить, выкорчевать и вспахать участокъ земли и затѣмъ, засѣявъ его, настолько поправить свое хозяйство, чтобы черезъ два года, лишившись поддержки изъ казны, кормиться самостоятельно. Въ долгъ казна дастъ ему корову, приплодъ отъ которой долженъ идти въ пользу поселенца, корова-же натурой или деньгами возвращается обратно. Кромѣ того, все забранное у казны въ долгъ, должно быть возвращено по существующимъ таксамъ.

При такихъ, какъ мнѣ тогда казалось, феноменально-трудныхъ условіяхъ созданія хозяйства, я совершенно недоумѣвалъ, какимъ образомъ посѣщенные мною поселки имѣли такой цвѣтушій видъ. Домишки поселенцевъ были красиво отстроены и чисты, комнаты просторны, кое у кого на окнахъ цвѣты. Убранство комнатъ было такое, о какомъ и во снѣ мечтать не можетъ средній крестьянинъ Пензенской или Симбирской губерніи. Чай съ сахаромъ—одинъ изъ необходимыхъ элементовъ стола средняго поселенца. Явленіе это пока оставалось для меня загадкой.

Дальнѣйшіе разѣзды по краю выяснили непонятное все въ немъ.

Осмотрѣвъ растительность окрестностей селенія Михайловскаго, я возвратился въ Александровскъ, чтобы отправиться на сѣверъ острова.

Х.

Поѣздка во Вяхту.—Побережья Японскаго моря.—Мысъ Тыкъ.—Причины его очертаній, его растительность.—Гиляки.—Древнія дюны тундры.—Почвенная мерзлота и погребенные лѣса вяхтинскихъ торфяниковъ.

Мы выѣхали съ вечера на паровомъ катерѣ «Князь Шаховской». Море было не совсѣмъ спокойно. Ходили значительные валы, дѣлавшіе качку на этомъ небольшомъ суднѣ весьма ощутительною. Температура воды была 12°, т.-е. выше, чѣмъ у противоположнаго берега моря. Мы держались довольно далеко отъ утесистыхъ береговъ острова, у которыхъ играли буруны. Къ ночи вѣтеръ усилился, и подвигаться впередъ стало рискованно; къ утру онъ разыгрался въ настоящую бурю, сдѣлавшую невозможнымъ ни дальнѣйшее плаваніе къ сѣверу, ни входъ въ узкую бухту селенія Вяхты, противъ котораго мы находились. Оставалось одно: зайти подъ защиту длиннаго мыса Тыкъ и остановиться, чтобы переждать непогоду. Да дальше и идти не было надобности. Отсюда какъ-разъ начиналась полоса плоскаго низменнаго побережья Сахалина, характерная для его сѣверо-запада, наиболѣе близкой къ материку части.

Мы подошли къ песчаному плоскому берегу, на которомъ виднѣлось нѣсколько хижинъ. На нашъ вызовъ показались ихъ жители, гиляки, съ смуглыми, напоминавшими мнѣ калмыцкія, фізіономіями, прекрасными длинными косами и въ тѣхъ національныхъ костюмахъ, въ которыхъ

ихъ изображаютъ на рисункахъ. Гиляки, съ выраженіями дружелюбія, подѣхали къ намъ на лодкахъ, прыгнувъ на которыя мы скоро достигли берега, а затѣмъ и ихъ хижинъ.

Эти послѣднія съ внѣшней стороны напоминали большіе сѣверно-русскіе овины. Деревянная бревенчатая постройка, съ крытою корою кровлею, имѣла чрезвычайно узкій входъ, четырехугольной формы, вродѣ слухового окна, и совершенно лишена оконъ или какихъ-либо отверстій, ихъ замѣняющихъ. Входя внутрь, миновавъ небольшія сѣни, вы попадаете въ просторную и довольно свѣтлую комнату, съ широкимъ отверстіемъ въ потолокъ, откуда проникаетъ свѣтъ и черезъ которое выходитъ дымъ отъ большого, въ центрѣ жилья расположеннаго, очага.

Очагъ этотъ устроенъ своеобразно. Онъ мнѣ напомнилъ, по своей идеѣ маленькія переносныя жаровни, располагающіяся на столѣ въ японскихъ домахъ, или тѣ ящики съ углями для закуриванія, которые тамъ подаютъ гостю. Вѣроятно, эти послѣдніе произошли отсюда. На полу изъ досокъ устроенъ большой, но съ очень не высокими краями, повидимому, врытый въ землю, ящикъ. Онъ наполненъ доверху пепломъ. На этомъ пеплѣ разводится костеръ, надъ которымъ сверху привѣшенъ чугунный котелъ, того-же типа, что вы увидите повсюду у кочевниковъ Азіи, отъ калмыцкихъ степей и до дальняго ея востока. По стѣнамъ комнаты проходятъ широкія нары—настолько широкія, что на нихъ человѣкъ можетъ вытянуться поперекъ во весь ростъ. Нары эти устланы цыновками, вродѣ тѣхъ, что употребляются въ японскихъ домахъ, но худшаго достоинства. Тутъ-же раскидана домашняя утварь, упряжь для собакъ и другія принадлежности гиляцкаго быта.

Несмотря на то, что гиляцкій обѣдъ былъ уже готовъ и семья садилась за трапезу, насъ принять въ ней участіе не пригласили, — не знаю почему, — стѣсняясь-ли предложить свое угощеніе русскимъ господамъ, или отъ

недостатка гостепріимства. Говоря откровенно, мы были рады этому обстоятельству, такъ-какъ ни сушеная рыба, ни мясо, подаваемая въ небольшихъ деревянныхъ корытцахъ, ни кирпичный чай не выглядѣли достаточно аппетитно, чтобы вызвать у европейца желаніе принять участіе въ такомъ обѣдѣ. Впрочемъ, надо отдать справедливость, посуда была содержима вполне опрятно. Хозяйка, жена старшины, у котораго мы остановились, тѣмъ временемъ предложила намъ нѣсколько вопросовъ, говоря по-русски съ довольно чистымъ произношеніемъ. По-русски-же мы изъяснялись и съ хозяиномъ и его сыновьями, довольно симпатичными гиляцкими парнями.

Впрочемъ, надо замѣтить, что языкъ, на которомъ на Сахалинѣ говорятъ его инородцы съ русскими и русскіе съ инородцами, имѣетъ лишь весьма отдаленное сходство съ тѣмъ языкомъ, какой мы привыкли слышать въ своемъ отечествѣ. Хотя гиляки и говорятъ чище, чѣмъ владивостокскіе манзы, однако, они также не признаютъ ни спряженій, ни склоненій. Кромѣ того, въ ихъ языкѣ есть много выраженій, перенятыхъ у сибирскихъ казаковъ съ Амура и совершенно неизвѣстныхъ у насъ. Къ числу особенно употребительныхъ словъ относятся: *мало-мало* вмѣсто *немного* и *однако*, вставляемое при всякомъ удобномъ случаѣ на мѣсто нашихъ: можетъ быть, вѣроятно, я думаю, пожалуй. Кромѣ того, учась языку у солдатъ и каторжниковъ, гилякъ въ своей рѣчи совершенно спокойно употребляетъ вмѣсто обычныхъ выраженій отрицанія или усиленія, такіе обороты, простонародной, рѣчи сознавая значеніе которыхъ врядъ-ли рѣшился-бы онъ произнести ихъ гдѣ-либо.

Вотъ образчикъ разговора съ гилякомъ.

«Моя говори надо идти на Віахта, твоя пойди вмѣстѣ».—Однако, будетъ поздно.—«Зачѣмъ поздно; моя шибко ходи, твоя шибко ходи, поспѣемъ. Я деньги дари. Однако пойдёмъ».—Однако дождь.—«Ничего, твоя бери моя шуба, какую хочешь, вотъ изъ собака шуба, какой

хочешь».—Спасибо, у меня есть.—«Ну, ладно. Моя мало-мало кури, а то во Вьяхтѣ нѣтъ ничего».—Развѣ?—«Ну, да ни...».

Первое впечатлѣніе, производимое гилякомъ, очень симпатичное. Онъ общителенъ, внимателенъ, вѣжливъ, ласковъ и услужливъ. Я не рѣшаюсь, конечно, обобщать моихъ впечатлѣній на весь народъ; но всѣ гиляки, которыхъ я видѣлъ, мало отличались другъ отъ друга въ этомъ отношеніи, и г. Штернбергъ, сопровождавшій меня въ путешествіи внутрь острова и много имѣвшій дѣлъ съ этимъ народомъ, вынесъ о немъ такое-же мнѣніе.

Около гиляцкой хижины вы видите цѣлую рощу изъ вбитыхъ въ землю палокъ, къ которымъ привязано до дюжины и болѣе бѣлыхъ съ черными пятнами собакъ. Собаки эти употребляются въ упряжь. Имъ надѣваютъ ошейники и впрягаютъ въ сани. Они рѣдко лаютъ. Но замѣчательно: передъ закатомъ и восходомъ солнца всѣ хоромъ издаютъ протяжный и продолжительный вой. Эта мольба восходящему солнцу весьма своеобразна и на дикаря должна производить глубокое впечатлѣніе.

Гиляки, какъ извѣстно, поклонники силъ природы. Г. Штернбергъ собралъ любопытныя данныя о ихъ религіи, до публикаціи которыхъ я не считаю удобнымъ сообщать рассказанные имъ мнѣ факты. Скажу только, что по вынесенному лично впечатлѣнію, эта естественная религія дикаря сѣвера весьма проста и несложна. Гилякъ живетъ главнымъ образомъ моремъ, рыбою. Два раза въ годъ это море или, вѣрнѣе, невидимый, таинственный богъ, живущій въ этомъ морѣ, изъ глубокихъ нѣдръ его высылаетъ несмѣтныя стаи рыбы, приплывающія къ берегу, входящія въ устья его рѣкъ и дающія гиляку запасы пищи на цѣлый годъ. Два раза въ годъ регулярно даетъ запасы этой пищи богъ моря. Когда онъ милостивъ—оно тихо; разгнѣвается онъ—море это бушуетъ и можетъ взять, какъ жертву себѣ, гиляка съ его лодкою и семьею. И боится этого гилякъ, боится онъ, что можетъ разгнѣ-

ваться богъ моря и не дать ему пищи. А вечеромъ, когда картина моря наиболѣе величественна, молчаливо подходитъ онъ къ его берегу, творя немногосложную молитву: «Боже, будь къ намъ милостивъ».

Гиляцкія собаки, подобно своимъ хозяевамъ, кормятся сушеной рыбой—юккалою. Эта юккала на длинныхъ жердяхъ сушится передъ жильемъ, и изъ такихъ рыбосушенъ образуются цѣлые лабиринты, достаточно высокіе, чтобы собаки не могли, подпрыгивая, достать этой, заготовленной на зиму, пищи.

Около жилья гиляковъ я видѣлъ нѣсколько деревянныхъ клѣтокъ, въ которыхъ сидѣли пойманныя живыя лисицы. Мнѣ говорили, что гиляки держатъ такимъ образомъ и медвѣдей, но мнѣ не могли объяснить, для чего они это дѣлаютъ.

Мѣстность, среди которой расположены селенія гиляковъ—мысъ Тыкъ, имѣла природу крайне безотрадную. Я ее назвалъ-бы по первому взгляду тундрою, еслибы флора ея не представляла существенныхъ отличій отъ настоящей тундровой. Уже Миддендорфъ въ своихъ описаніяхъ природы сѣвера Сибири указываетъ, что ея тундра не однообразна, что можно отличить три типа тундръ: торфяниковую, моховую и лишайниковую, съ рѣзко отличною растительностью и свойствами почвы. Путешествія Веги и данныя Норденшильда о сѣверѣ Азіи, равно какъ прекрасныя наблюденія Варминга надъ растительностью Гренландіи еще болѣе внесли знаній о растительности лишенныхъ лѣса полярныхъ странъ. Они показали, что тундры могутъ имѣть видъ и мертвенной глинистой пустыни, и заросшей вѣчно зеленымъ карликовымъ кустарникомъ. Словомъ, и въ полярныхъ странахъ растительность группируется въ естественныя формаціи, подобныя лѣсамъ, лугамъ и болотамъ нашихъ странъ, въ зависимости отъ почвенныхъ условій. Но главная черта этихъ формацій—отсутствіе деревьевъ. Ту растительность, какою былъ покрытъ мысъ Тыкъ, я-бы назвалъ формаціей лѣса,

но безъ деревьевъ. Ровная низина была на большое пространство или совершенно лишена растеній выше $\frac{1}{4}$ фута ростомъ, или на ней разбросаны были красивыми купами въ человѣческій ростъ и ниже кусты кедроваго сланика. Эта стелющаяся порода кедра, свойственная субальпійской зонѣ нѣкоторыхъ горныхъ странъ, здѣсь, на этой песчаной низинѣ образуетъ красивый садъ. Но, какъ сказано, далеко не все пространство длиннаго и плоскаго мыса Тыка покрыто кедровыми сланцами. Значительная часть его безлѣсна. Эта ровная песчаная низина подошла-бы подъ типъ лишайниковой тундры Миддендорфа, еслибы лишайники встрѣчались на ней чаще. Но бѣлый и оленій мохъ, эти столь характерныя для лишайниковой тундры формы, попадаются здѣсь только какъ исключенія.

Большая часть пространства представляетъ изъ себя темно-зеленый коверъ изъ крайне маленькихъ ползучихъ вѣтвей *Empetrum nigrum*, приземистаго багульника, необыкновенно мелколистной брусники, полярно-альпійской азалии *Loiseleuria procumbens*, альпійской *Arctostaphylos alpina*, мелкой совершенно выродившейся клюквы и пышныхъ кустовъ *Cornus suecica* и *Majanthemum bifolium*. Знакомый съ ботаникою читатель легко замѣтитъ, что эта тундра представляетъ какую-то смѣсь альпійскихъ растеній съ видами дальняго сѣвера Шпицбергена и Новой Земли, съ формами, водящимися въ хвойныхъ лѣсахъ.

Прогулка по тундрѣ, занявшая большую часть дня, выяснила необыкновенное однообразіе ея и постоянство состава ея растительности. Всюду кидалось въ глаза то интересное явленіе, что растенія, покрывавшія тундру, были приземисты и почти всѣ съ толстыми глянцевитыми и зимою не опадающими листьями, напоминающими въ мініатюрѣ листву растеній области Средиземнаго моря, гдѣ эта кожистость служитъ хорошимъ предохранительнымъ средствомъ отъ испаренія.

На первый взглядъ могло-бы показаться страннымъ, почему этого типа растительность развивается въ климатѣ

Сахалина, сыромъ и влажномъ. Изслѣдованія Кильманна въ Лапландіи, однако, показали, что при холодной, большую часть года мерзлой почвѣ сильные вѣтры производятъ не столько отмораживающее, сколько иссушающее дѣйствіе и что ими во многихъ мѣстахъ сѣвера Лапландіи обуславливается какъ безлѣсье, такъ и кожистый, вѣчно зеленый характеръ листвы. Это объясненіе всецѣло примѣнимо къ Сахалину вообще и къ его низменной части въ частности.

Длинный и узкій мысъ, окруженный моремъ, представляетъ полный просторъ бушующему вѣтру. Его губительное дѣйствіе на растительность легко было видѣть гуляя по прилегающей къ острову части мыса, гдѣ почва была несовсѣмъ ровная и были песчанья дюны, полузаросшія *Elymus arenarius* и нѣкоторыми другими прибрежными злаками и осоками. Здѣсь пытались расти ольха и рябина, но онѣ имѣли лишь видъ низкорослаго кустарника, ростъ котораго зависѣлъ прямо отъ роста защищающей его дюны. Чѣмъ выше была послѣдняя, тѣмъ выше поднимались эти рябины и березки. Замѣчательно, между прочимъ, что несмотря на 5 іюля, многія изъ нихъ только-что начинали цвѣсти, другія-же стояли еще и не расцвѣтшими.

Губительное вліяніе здѣшнихъ вѣтровъ можно было также наблюдать на листовенницахъ. Я насчиталъ ихъ на всемъ пройденномъ мною пути всего три или четыре штуки, но всѣ онѣ имѣли въ высшей степени оригинальную внѣшность. Однѣ имѣли видъ совершенно круглыхъ зеленыхъ лепешекъ, около сажени въ діаметрѣ, не выше $\frac{1}{2}$ фута. Эти зеленые круги вырисовывались весьма эффектно на желтомъ песчаномъ грунтѣ обыкновенно въ нѣсколько углубленныхъ мѣстахъ тундры. Рѣже изъ центра такой лепешки поднимался невысокій полуискривленный загнутый по направленію господствующаго вѣтра стволъ съ лепестками зелени.

Эти странные уродцы, въ которыхъ невозможно при-

знать деревья, тождественныя съ тѣми роскошными строевыми экземплярами, которыми, какъ мы увидимъ, не бѣденъ и Сахалинъ, являются слѣдствіемъ дѣятельности зимнихъ и весеннихъ вѣтровъ.

Только та часть дерева и остается живою, которая заносится снѣгомъ или можетъ быть подогнута подъ его сугробъ. Остальное отсыхаетъ и отмираетъ. Дѣйствуя каждую зиму наподобіе ножницъ садовника, леденящіе вѣтры заставляютъ вырождаться деревья въ эти причудливыя формы, которыя нашли-бы себѣ мѣсто въ любой коллекціи аномалій растительнаго міра.

На возвратномъ пути мы наткнулись на небольшое становище тунгусовъ. Тунгусы, подобно гилякамъ, здѣсь не могутъ считаться аборигенами, но время ихъ прихода значительно позже, чѣмъ у гиляковъ. Рѣзко различаясь своимъ типомъ, они поражаютъ безобразіемъ своихъ сморщенныхъ узкоглазыхъ фізіономій, съ такимъ феноменальнымъ развитіемъ скуловыхъ костей, что въ сравненіи съ ними скулы калмыка и гиляка кажутся чисто европейскими. Они ходятъ обстриженными, нѣкоторые носятъ бакенбарды и въ этомъ видѣ напоминаютъ старыхъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Они живутъ въ очень легкихъ шалашахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ подъ острымъ угломъ сложенныхъ палокъ, обтянутыхъ березовой корою. Внутри такого первобытнаго шалаша разведенъ костеръ. Полъ устланъ кедровыми вѣтками. На немъ—одинъ или два сундука, олени шкуры, замѣняющія постель, и зимняя одежда. Въ углу обязательно образъ, очевидно играющій роль бурхана.

Всѣ сахалинскіе тунгусы,—христіане, конечно только по имени. Ихъ жизнь и характеръ пользованія природными богатствами края совершенно иные, чѣмъ у гиляковъ.

Тунгусы здѣсь представители кочевого, занимающагося скотоводствомъ населенія. Ихъ главное богатство—олень. Берегъ и его рыба ихъ мало интересуютъ; зато тундра, въ которой гилякъ не видитъ для себя никакой пользы,

главный источникъ благосостоянія тунгусовъ. Мясо и молоко оленей—ихъ пища, и теперь есть тунгусы, пасущіе болѣе 100 оленей. Здѣшніе олени по большей части имѣютъ шерсть почти бѣлую, что при ихъ богатыхъ вѣтвистыхъ рогахъ дѣлаетъ картину пасущагося стада на зеленой тундрѣ весьма живописной. Въ туманной атмосферѣ сѣраго дня ихъ фигуры вырисовываются неотчетливо, фантастично.

Отношенія между тунгусами и гиляками миролюбивыя, хотя повидимому тунгусы хитрѣе и энергичнѣе. Они хорошо знаютъ горы и слывутъ хорошими охотниками на соболей.

Одежда тунгусовъ уже потеряла національный характеръ. Они носятъ на себѣ всякую рвань европейскаго покроя. Изъ видѣнныхъ мною на Тыкѣ всѣ говорили по-русски.

Буря продолжалась всю ночь и весь слѣдующій день. Намъ нечего было и думать пытаться войти въ устье Выхты. Не желая терять однако времени, я рѣшился сдѣлать этотъ путь пѣшкомъ, взявши проводникомъ одного изъ гиляковъ. Приходилось сдѣлать болѣе 50 верстъ, считая путь назадъ и впередъ. Кромѣ того, хожденіе по топкимъ тропинкамъ могло сильно замедлить путь. Потому приходилось двигаться быстро и только уступая обычаямъ гиляковъ, я, г. З., сопровождавшій меня въ этой экскурсіи, и нашъ проводникъ останавливались, чтобы выкурить трубку подъ тѣнью кедроваго кустарника.

Я не буду описывать длиннаго и скучнаго пути вдоль мыса Тыкъ. Картина тундры была та-же, какъ и только-что описанная, но она сохраняла свой голый монотонный характеръ лишь до тѣхъ поръ, пока мы не достигли берега острова. Берегъ этотъ состоялъ изъ высокихъ заросшихъ старыхъ дюнъ, представлявшихъ своею неровною поверхностью богатое сопротивленіе вѣтру. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, деревья на нихъ развивались гораздо успѣшнѣе, чѣмъ на Тыкѣ, съ тою только разницею, что лѣсъ этотъ былъ чахлый, болѣзненный, лиственницы приземисты, покрыты лишаями.

Береговая полоса, напротивъ, представляла сочныя луговины, среди которыхъ виднѣлись золотистыя лиліи и оранжевыя *Нemeroscallis*. Ряды дюнъ здѣсь отдѣляли отъ моря болѣе низменную, болѣе или менѣе заболоченную страну. Она имѣла видъ торфяного болота, мѣстами совершенно безлѣснаго, по виду напоминающаго торфяную тундру сѣвера, мѣстами-же поросшаго необыкновенно приземистыми болѣзненно-чахлыми лиственницами, въ сѣрой обстановкѣ, напоминавшей петербургскій октябрь.

По мѣрѣ приближенія къ селенію, расположенному въ глубинѣ довольно широкаго залива, тундра эта принимаетъ болѣе и болѣе характерный видъ и доходитъ до самыхъ береговъ рѣчки Вяхты. Здѣсь вы видите передъ собою мощный разрѣзъ торфяника въ нѣсколько сажень толщины, налегающаго на плотную синеватую глину, въ свою очередь покоющуюся на галечникѣ. Интересно въ этомъ разрѣзѣ то, что вы видите въ немъ погребенный большой старый лѣсъ. Мощные пни *in situ* покоятся на глинистой почвѣ. Видно, что нѣкогда здѣсь росли хорошія деревья, повидимому лиственницы, но что они погибли, замерзли, что ихъ замѣнилъ торфяникъ, и что этотъ торфяникъ, постепенно нарастая, образовалъ мощное скопленіе торфа болѣе сажени толщиною. Мало того, влажная, покрытая мохомъ поверхность болота, заросшаго клюквой, багульникомъ, морошкой, андромедой и *Myrica Gale*, какъ въ настоящихъ тундрахъ дальняго сѣвера Сибири, влажна на весьма незначительной глубинѣ. Далѣе на глубинѣ всего полуаршина лопата наталкивалась на мерзлую, смѣшанную со льдомъ почву. Подъ широтою Тулы здѣсь, такимъ образомъ, мы видѣли 6-го іюля ледъ, который не тая лежитъ здѣсь, можетъ быть, столѣтіе.

Эта картина можетъ навести на весьма грустные размышленія. Можно подумать, что климатическія условія края нѣкогда были значительно лучше, что теперь тамъ, гдѣ росли деревья, воцарилась тундра безлѣсная, и что мало того, тундра эта получила никогда неоттаивающую мерзлоту.

Тундра со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ. И теперь еще можно видѣть различныя стадіи умиранія этого лѣса, его засыханія и гибели по окраинамъ тундры. Кажется, будто тундра расплзается по низинѣ все далѣе и далѣе отъ берега, поглощая, всасывая и убивая своею холодною торфяною почвою когда-то цвѣтушій лѣсъ.

Селеніе Вьяхта состоитъ менѣе чѣмъ изъ десятка домовъ, расположенныхъ у берега той-же мерзлой тундры. Нѣкоторые изъ домохозяевъ, на моихъ глазахъ, копали ямы на задворкахъ, и какъ въ открытой тундрѣ, наталкивались на полуаршинной глубинѣ на ледъ.

Я не видалъ настоящихъ полей около селенія, но почва была обработана, и изъ рыхлой торфянистой земли кое-гдѣ выглядывали попарно маленькіе листики проростающей картофельной ботвы. Картошка эта была посажена еще въ маѣ, но понятно, что мерзлый торфяникъ служилъ ей погребомъ для сохраненія, а не мѣстомъ для развитія. Гдѣ-то, при рѣчкѣ, у вьяхтинскихъ жителей есть поля столь-же жалкія. Тамъ пытались разводить, также мало успѣшно, рожь и ячмень. Сопоставляя жалкій видъ полей, по словамъ поселенцевъ постоянно вымерзающихъ и вымокающихъ, съ довольно хорошими избами, и главное, съ довольно хорошимъ ихъ внутреннимъ убранствомъ, говорящимъ скорѣе о нѣкоторой зажиточности, чѣмъ о нищетѣ, я совершенно недоумѣвалъ, чѣмъ существуютъ эти закинутые въ такую гибельную страну жители. Положимъ, у нихъ есть скоть; но однимъ молокомъ съ немногочисленнаго стада 8-ми дворамъ прожить трудно.

Естественно, что не земледѣліе ихъ кормить. Не кормить ихъ и тюрьма, такъ-какъ многіе живутъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ, втеченіе которыхъ поселенцы получаютъ пайки на время обзаведенія. Мнѣ говорили, что охота на соболей, продажа брусники, извозъ, и главное, тайная торговля спиртомъ и эксплуатація туземцевъ при обмѣнѣ шкуръ убитыхъ ими соболей на табакъ и чай, продавае-

мые по четверной цѣнѣ—главный источникъ жизни этихъ людей. Этому приходилось вѣрить. Русскій человѣкъ, въ какія условія его ни поставь, изловчится жить какъ-нибудь. Но невольно задаешь вопросъ: къ чему существуетъ поселокъ въ этой холодной пустынѣ, гдѣ люди, живя даже эксплуатаціей дикарей, чтобы не умереть съ голоду, должны на вырученные нелегальнымъ путемъ деньги купленный хлѣбъ тащить на плечахъ въ куляхъ за 80 верстъ по берегу. Но нѣтъ явленія безъ причины, и вѣроятно, какія-нибудь высшія соображенія заставляли селить людей въ тундрѣ, гдѣ не растетъ путемъ даже картофель.

ХІ.

Переходъ черезъ Пилингу.—Горная природа Сахалина.—Нормальная флора горной и низинной тайги.—Долины рѣкъ.

Утихшая къ вечеру буря позволила намъ вернуться къ полудню въ Александровскъ. Отдохнувъ слѣдующій день, 8 іюля я выступилъ въ экскурсію, сопровождаемый гг. З. и Штернбергомъ, чтобы перейти хребетъ Пилингу, вступить въ Тымовскій округъ и тамъ, въ селѣ Рыковскомъ, соединиться съ инспекторомъ сельскаго хозяйства г. фонъ-Фрикеномъ, съ которымъ я предполагалъ совместно совершить путешествіе по Сахалину.

Въ Рыковское можно проникнуть двумя дорогами; одна изъ нихъ экипажная, другая—нѣкогда также проѣзжая, но теперь заброшенная и потому доступная только всаднику. Я, однако, избралъ эту послѣднюю, такъ какъ она вела черезъ болѣе высокій перевалъ хребта и съ нея легче было достигнуть его высокихъ вершинъ, которыя намъ взялся показать хорошо знавшій мѣстность одинъ изъ сосланныхъ на поселеніе, г. Г.

Дорога, которая вела къ горамъ, давала нѣкоторое представленіе о строеніи острова. Мы выступили путемъ, проложеннымъ черезъ Кирсановку и Михайловку, оставляя вправо холмы, поднятіе которыхъ еще Шмидтъ объяснилъ выходомъ діоритовыхъ скалъ. Дорога шла по торфянистой аллювіальной долинѣ рѣчки Александровки, долину несомнѣнно новѣйшаго происхожденія, такъ-какъ

она была прорыта въ конгломератѣ изъ гальки и валуновъ, заполнявшемъ болѣе широкую долину и образующемъ вторую террасу рѣки. Затѣмъ, извиваясь, она поднимается въ горы, гдѣ по бокамъ ея видны глыбы отъ громадныхъ обваловъ. Здѣсь человекъ не успѣлъ еще отнять отъ сахалинской тайги ея первобытной красоты, и несмотря на суровый ея колоритъ и на то, что и здѣсь на уродливо, неправильно развитыхъ формахъ деревъ видна была печать проклятiя, лежащая на всей восточно-сибирской природѣ,—она не лишена была своеобразной красоты.

Характерною чертою сахалинскихъ лѣсовъ является то обстоятельство, что тамъ, гдѣ нѣтъ пологихъ склоновъ на крутыхъ каменистыхъ горахъ, нѣтъ и лиственницы. Горы одѣты хвойнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ ели и пихты, хотя и относимыхъ къ отдѣльнымъ отъ сибирскихъ видамъ, но по общему облику мало отъ нихъ отличающихся. Сосна до сихъ поръ не встрѣчалась нигдѣ на островѣ, точно такъ-же какъ и кедръ, замѣненный, какъ мы уже видѣли, кедровымъ сланикомъ. Зато нерѣдко мрачная еловая тайга здѣсь оживлялась примѣсю одного вида березы, похожаго на нашу, но не образующаго характерныхъ для нашихъ березокъ плакучихъ вѣтвей. Попадался также, впрочемъ большею частью въ видѣ кустарника, кистеносный кленъ—*Acer spicatum*.

Вѣроятно, благодаря примѣси этихъ лиственныхъ породъ, и самый характеръ подлѣска въ сахалинской тайгѣ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ еловыхъ лѣсахъ сѣвера. Здѣсь вы находите всѣ характеризующiе ихъ цвѣты: хорошенькiя *Rubra*, пахнушiе геліотропомъ колокольчики *Linnaea borealis*, бруснику, *Cornus suecica*, *Maianthemum*. Кое-гдѣ стволы обвиты цвѣтущею голубыми цвѣтами *Atragene alpina*. Но рядомъ вы находите кустарники жимолости, калины, бересклета, вьющуюся *Actinidia Caloniota*, и что всего своеобразнѣе—громадныя пространства, заросшiя низкорослымъ бамбукомъ—*Arundinaria*

Sachalinensis. Этотъ бамбукъ, конечно, пародія на бамбуки Индіи или даже Японіи. Онъ рѣдко достигаетъ высоты человѣческаго роста, его листь короче и шире, стволы вѣтвистѣе и тоньше. Онъ растетъ обыкновенно стелясь и слегка приподнимаясь отъ земли; но его стволы, чрезвычайно твердые и жесткіе, не уступаютъ въ этомъ отношеніи настоящимъ бамбуковымъ. Устилая собою горные склоны, онъ ихъ дѣлаетъ необыкновенно скользкими и трудными для восхожденія. Замѣчательно, что сахалинскій бамбукъ предпочтительно придерживается горнаго хвойнаго лѣса. Онъ не любитъ низины, и только на безплодной галечниковой почвѣ тайги южнаго Сахалина я его видѣлъ на ровныхъ низинахъ. Мѣстами на Пилингѣ заросли бамбука такъ часты и густы, что черезъ нихъ почти невозможно продраться. Среди нихъ встрѣчаются сырыя топкія мѣста, гдѣ исполинскія спиреи, *Spirea Sachalinensis*, *Senecio* и *Casalia*, образуютъ заросли въ человѣческій ростъ.

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ видѣть, что внѣшность горной сахалинской тайги значительно отличается отъ еловаго лѣса нашей сѣверной полосы Россіи. Она представляетъ смѣсь видовъ суроваго сѣвера съ формами болѣе южными, нашей хвойной полосѣ несвойственными. Число такихъ формъ возростаетъ съ высотой, и болѣе спеціальное изученіе травянистыхъ формъ невольно наводитъ на мысль, что климатическія условія на горныхъ склонахъ мягче, чѣмъ на низменномъ побережьѣ.

Странно, поднявшись на высоту 1500—2000 футовъ, видѣть эту сравнительно мягкую южную флору, развивающуюся подъ сѣнью елей, когда только-что вы покинули низину съ чисто арктическимъ характеромъ, каковы были тундры Тыка и Вяхты. Особенно красятъ сахалинскую тайгу маленькія кирпично-красныя лиліи, масса бѣлыхъ цвѣтковъ *Cornus suecica* и изрѣдко попадающіеся *Trollius*. Они убираютъ милліонами цвѣтныхъ точекъ зе-

ленный моховой коверъ почвы, придавая ему красу, неизвѣстную въ лѣсахъ нашего сѣвера.

Кедровый сланикъ, *Empetrum* и другіе сѣверные и горные виды, встрѣченные на сухой тундрѣ Тыка, вовсе (за исключеніемъ кедра) не встрѣчаются въ лѣсахъ. Они появляются вновь на самыхъ вершинахъ горъ, но и здѣсь отсутствуетъ большая часть арктическихъ видовъ; кедръ же и *Empetrum* развиваются пышнѣе, имѣя болѣе длинныя иглы, чѣмъ на низменности побережья острова.

Гг. Шмидтъ и Гленъ отличаютъ еще верхнюю листовую зону лѣса. На Пилингѣ мнѣ ее положительно не удалось констатировать, хотя, конечно, я не рѣшусь на основаніи этого отрицать ея существованіе въ другихъ мѣстахъ хребта.

Сдѣлавъ экскурсію къ вершинамъ хребта, неособенно впрочемъ успѣшную, такъ-какъ туманъ и мокрая трава мѣшали движенію, мы спустились на восточный склонъ горъ и направились по дорогѣ, ведущей въ селеніе Мало-Тымово. Горныя долины казались здѣсь гораздо привѣтливѣе. Быстрыя, извилистыя рѣчки бѣжали между берегами, густо заросшими прекрасными тополями, березами, ильмами и ясенями. Среди этихъ рощъ открывались красивыя изумрудныя луга изъ *Calamagrostis*, среди которыхъ бѣлые зонтики *Heracleum*, красивыя желтыя лиліи *Heimerocallis* и другіе цвѣты прекрасно разнообразили основной фонъ. Среди камней, по которымъ журчали рѣчки, виднѣлись громадныя листья *Petasites*.

Навстрѣчу намъ попадались большія стада прекраснаго сытаго скота. Можно-бы было думать, что находишься гдѣ-нибудь въ средней полосѣ Россіи, въ глуши, еслибы не окружающія горы, поросшія на кручахъ непривѣтливою полувыжженною тайгою изъ елей и мѣстами изъ еще болѣе печальныхъ листовицъ. Среди такой грустной обстановки горѣлаго лѣса расположено Мало-Тымово, куда мы прибыли позднимъ вечеромъ.

ХІІ.

Поселенія Тымовскаго округа.—Ихъ внѣшній видъ, селенія Рыковское и Дербенское.—Дербенская тюрьма.—Экскурсія по р. Тыму.—Селеніе Воскресенское.—Первые піонеры поселенческой культуры.—Сахалинъ какъ земледѣльческая колонія.

Встрѣтивъ радушный пріемъ у смотрителя поселенія и отдохнувъ за ночь, утро я посвятилъ ближайшему осмотру поселенія, заходилъ въ дома, разговаривалъ съ поселенцами, осматривалъ ихъ обстановку. Затѣмъ насъ угостили обѣдомъ, дали лошадей, и я переѣхалъ въ селеніе Рыковское—главную резиденцію Тымовскаго округа. Оттуда, соединившись съ фонъ-Фрикеномъ, мы отправились на другой день въ селеніе Дербенское, гдѣ я имѣлъ случай осмотрѣть мѣстную тюрьму, содержащуюся въ большомъ порядкѣ и давшую въ миниатюрѣ ту-же картину организаціи, что и въ Александровкѣ; тѣ-же постройки, пекарни, кухни, мастерскія. Трудями каторжниковъ создалась хорошенькая церковь, весь иконостасъ которой съ изящною рѣзьбою оказался произведеніемъ ссыльнаго рѣзчика.

Въ Дербенскомъ мы сѣли въ лодку, управляемую нѣсколькими рабочими, и стали спускаться внизъ по р. Тыму, чтобы достигнуть самыхъ крайнихъ селеній. Составленный такимъ образомъ маршрутъ давалъ возможность осмотрѣть цѣлый рядъ поселеній молодыхъ и старыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно было наглядно прослѣдить исторію развитія сахалинскихъ деревъ и получить нѣкоторое понятіе и

о центральной части главной продольной сахалинской долины и о началѣ ея сѣвернаго склона въ частности.

Начну съ описанія природы края.

Здѣсь она носитъ нѣсколько иной, чѣмъ подѣ Александровскомѣ, характеръ. Можно различить въ общемъ два довольно рѣзко отдѣляющихся другъ отъ друга типа природы, — это рѣчныя долины и пространства, лежащія выше этихъ долинъ, между областью разлива и горными склонами.

Въ началѣ своихъ очерковъ я уже говорилъ, что большая продольная долина Сахалина, повидимому, нѣкогда была проливомъ, дно котораго закончено береговымъ галечникомъ, а въ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ — пескомъ. Въ этомъ галечникѣ рѣки проложили себѣ русла, расширили ихъ и наполнили ихъ аллювіемъ. Въ зависимости отъ строенія подпочвы — аллювіальной, галечной и каменистыхъ горныхъ склоновъ, группируется и здѣшняя растительность.

Горы, какъ мы видѣли, покрыты здѣсь тайгою, по большей части уже сдѣлавшеюся жертвою лѣсныхъ пожаровъ. Холмы изъ галечника и болѣе мелкихъ породъ покрыты также тайгой, но тайга эта уже другого характера. Видами она гораздо бѣднѣе горной растительности. Я здѣсь уже не видалъ камыша, ель часто смѣняется лиственницею, которая особенно охотно избираетъ слегка заболоченныя мѣста. Впрочемъ, извѣстная степень заболоченности наблюдается и вездѣ въ тайгѣ; нерѣдко и подѣ сѣнью елей вы видите торфяной мохъ и багульникъ. Въ лиственномъ лѣсу Сахалина это обыкновенные его спутники, и онъ по облику своему не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ лиственными лѣсами, видѣнными мною въ Западной Сибири, въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Тамъ буйная цвѣтистая трава, почти въ человѣческій ростъ, наполняетъ лѣсъ. Деревья стоятъ рѣдко одно отъ другого. Травы у нихъ оспариваютъ обладаніе вѣтками образовавшеюся тучною черноземною почвою. Здѣсь спут-

никомъ лиственницы является торфяной мохъ, багульникъ, андромеда и другія формы торфяного болота. Почва почти не вывѣтривается изъ-подъ покрова, и на ней накапливается торфянистая масса, которую поселенцы такъ и зовутъ *трундою*—названіе, подъ которымъ здѣсь извѣстна тундра. «Какъ снимешь трунду, говорятъ они,—такъ подъ нею и остается глина да галька, и никакой силы въ себѣ она не имѣетъ. Хлѣбъ на ней горитъ и сохнетъ или выгоняется въ листь».

Мѣстами эта заболоченная почва остается лишеною лѣса: тутъ или процвѣтаетъ багульникъ, или развивается кустарникъ изъ трехъ видовъ спиреи, безъ которыхъ не обойдется ни одно петербургское дачное мѣсто. *Spiraea sorbifolia* съ ея перистыми листьями и распускающимися метелками бѣлыхъ цвѣтовъ, *Spiraea salicifolia* съ розовыми цвѣточками и *Spiraea betulacifolia*—вотъ три вида, господствующіе на этихъ мѣстахъ, и хотя здѣсь они и не развиваются такъ роскошно, какъ въ своемъ новомъ отечествѣ, зато они необыкновенно часто попадаются и характерны для края. Но безусловно самую пышною по своей растительности областью является формація аллювіальныхъ, болѣе или менѣе заливаемыхъ весенними разливами почвъ. Ихъ лучше всего было наблюдать во время плаванія внизъ по р. Тыму.

Лодка быстро двигалась, слѣдуя извивамъ рѣки, и одинъ за другимъ раскрывались ландшафты одинъ другого мягче, одинъ другого привѣтливѣе. Любуясь ими, вы забываете, что еще такъ недавно были окружены суровою сѣверною природою съ ея еловою тайгой или лиственными лѣсами. Здѣсь, напротивъ, всюду, гдѣ самый берегъ не окаймленъ непосредственно зарослью красивыхъ развѣсистыхъ ивъ, склоняющихся надъ водами свои вѣтви, вы видите живописно раскинувшіяся рощи изъ высокихъ и бальзамичныхъ тополей, въ тѣни которыхъ виднѣются густыя заросли изъ краснокожаго дерева, *Cornus sibirica*, или бѣлыя кисти *Spiraea*. Новый извивъ рѣки открываетъ новый, еще болѣе

привѣтливый ландшафтъ. Передъ вами открывается обширная луговина съ нѣжною, сочною, выше пояса стоящею травою, гдѣ зонтичныя, спиреи, оранжевыя *Нетеросallis* пылаютъ какъ огоньки на зеленомъ фонѣ. Тамъ и сямъ раскинули свои вѣтви громадныя, развѣсистыя, старыя вязы. Между ними, рѣзко отличаясь своимъ меньшимъ ростомъ и круглою кроною, попадаетъ боярышникъ. Такого боярышника вы не увидите ни въ Россіи, ни въ западной Европѣ. Развѣ только въ Ленкоранскомъ округѣ или въ Америкѣ вы найдете такіе толстые стволы, такія мощныя кроны. Лодка несетъ васъ далѣе, и вамъ выплываетъ навстрѣчу селеніе еще чистенькихъ домиковъ съ тесовыми кровлями. Смуглый цыганъ гонитъ къ берегу табунъ сытыхъ и рѣзвыхъ коней, которые, испугавшись шума лодки, ринулись въ рошу, и слышно только, какъ подъ ихъ ногами трещатъ сучья да гикаетъ удалой погонщикъ. Гдѣ мы? На Сахалинѣ или въ Малороссіи? Псѣлъ это или Тымъ? Поля высокаго, только-что выгнавшаго колось, жита волнуются тамъ и сямъ за домами, между рощами и покосами. Изъ-за зеленѣющаго картофельнаго поля слышатся звуки заунывной русской пѣсни. Двѣ-три красныхъ рубахи мелькаютъ между кустовъ. И мнится, что плывешь по богатой, раздольной странѣ, могущей кормить многія сотни и тысячи русскаго люда.

Но эта привольная полоса не широка. Это какъ-бы искусственная декорація, маскирующая для плывущаго по рѣкѣ безотрадную тайгу и тундру долины. Чѣмъ ниже спуститесь вы по Тыму, чѣмъ ближе подойдете къ его устьямъ, тѣмъ шире и безотраднѣе раскинется тундра эта въ низовьяхъ рѣки, по обширности и безотрадности не уступающая пустынямъ сѣвера Сибири. Вездѣ, гдѣ горы подходятъ къ землѣ, гдѣ выходятъ скалы изъ изверженныхъ породъ, поднявшія третичныя осадочныя пласты, вплоть подходитъ къ рѣкѣ тайга. Вмѣсто мягкой, шепчущей зелени лиственнаго лѣса, выступаютъ

мрачныя очертанія елей и пихтъ съ ихъ спутниками—таежными травами и цвѣтами. Несмотря на то, что аллювіальныя почвы Сахалина подвергаются почти ежегодно наводненіямъ, которыя нерѣдко угрожаютъ поселеніямъ, онѣ вездѣ могутъ считаться хорошими нивами. У насъ, въ Россіи, въ ея культурной черноземной полосѣ, поволжскіе луга чуть-ли не одни уцѣлѣли отъ пахоты. Здѣсь, наоборотъ, именно луга и являются мѣстами, избираемыми для земледѣлія. Въ урожайные года здѣсь урожай доходитъ до самъ 15; урожай самъ 8—12 можетъ считаться среднимъ. Исключительные случаи давали даже самъ 20. Но всѣ эти цифры требуютъ весьма осторожнаго къ нимъ отношенія. Бывали случаи, когда по нѣскольку лѣтъ подрядъ холодныя и дождливыя осени мочили хлѣбъ и совершенно губили всякій урожай. Всѣ спрошенные мною поселенцы единогласно мнѣ говорили, что хлѣба надо имѣть въ закромахъ года на два для того, чтобы быть гарантированнымъ отъ голодовки.

Всѣ поселки безъ исключенія производятъ весьма хорошее впечатлѣніе. Выстраиваемые подъ надзоромъ мѣстной администраціи, они и распланированы лучше нашихъ деревень, и домики при обиліи лѣса смотрятъ прилично, имѣютъ тесовыя крыши, просторныя, чистыя комнаты. Снаружи они напоминаютъ русскія бревенчатыя избы, а во внутренней своей отдѣлкѣ еще носятъ отпечатокъ той національности, къ которой принадлежалъ хозяинъ. У хохла стѣны обязательно выбѣлены; великороссъ стремится убрать картинами бревенчатую стѣну.

Характеръ обстановки въ старыхъ селеніяхъ—Рыковскомъ, Малотымовскомъ,—зависитъ, конечно, отъ характера владѣльца. У лѣнтя она довольно убогая; у работающаго поселенца я назвалъ-бы ее очень хорошою. Общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ десятка осматрѣнныхъ домовъ, такое, что обстановка здѣшняго сахалинскаго поселенца лучше средней обстановки русскаго крестьянина черноземной полосы Россіи. Въ Мало-Тымовѣ я видѣлъ нѣ-

сколько семей, быту которыхъ позавидовалъ-бы любой крестьянинъ Симбирской губерніи. Здѣсь нерѣдко можно встрѣтить поселенцевъ, имѣющихъ порядочно скота и большія запашки. Бывали даже случаи, что люди, выпившіеся въ крестьяне и уходившіе въ Сибирь, возвращались оттуда обратно. Правда, это были неудачники, которые погубили по неопытности накопленное на Сахалинѣ состояніе; но самый фактъ возвращенія несомнѣнно доказываетъ, что хозяйство здѣсь возможно, и что даже подъ широтами Тымовскаго округа хозяйство это не такъ ужасно, какъ то заставляютъ думать картины природы Александровскаго округа людей, пріѣзжавшихъ съ моря. Но конечно, и здѣсь главное богатство крестьянина составляетъ скотъ. При хроническомъ неурожаѣ на хлѣбъ, могущемъ длиться годы, одни лишь молочные продукты поддерживаютъ крестьянина. Скотъ-же плодится здѣсь хорошо. Мѣстныхъ болѣзней у скота нѣтъ, и если иногда и бываетъ чума, то исключительно когда ее заносятъ съ привознымъ корейскимъ скотомъ.

Поселенцы старыхъ поселковъ, гдѣ я видѣлъ довольно много женатыхъ, имѣли бодрый видъ. Самыя мѣропріятія мѣстной администраціи содѣйствуютъ превращенію ихъ сожительницъ въ женъ. На каждаго прижитаго ребенка выдается особый паекъ, являющійся большимъ подспорьемъ для хозяйства. Такимъ образомъ образуется нѣчто вродѣ семьи. Конечно, семья эта далека еще отъ своего идеала. Даже восточно-сибирскіе взгляды на семейныя отношенія были бы строгими въ примѣненіи къ Сахалину. Но это все же лучше, чѣмъ открытая проституція, и многія женщины, входя въ роль хозяекъ, дѣлаются въ концѣ-концовъ весьма сносными помощницами въ домашнемъ хозяйствѣ и обиходѣ. Я уже не говорю о тѣхъ, въ корни не испорченныхъ, которыя сразу попадаютъ въ жены поселенцу.

Такимъ образомъ мало-по-малу создается хозяйство. Поселенецъ обзаводится рогатымъ скотомъ, лошадью, сохою, строитъ овины, запасаетъ сѣно. Но благосостояніе

его растетъ медленно. Раскорчевка почвы—дѣло трудное. Неурожай, зависящій здѣсь всецѣло не отъ почвы и ея обработки, а отъ капризнаго и мало еще изученнаго климата, надолго тормазитъ ростъ благосостоянія. Хозяйство здѣсь такъ или иначе все-же должно ложиться въ рамки хозяйства очень сѣверныхъ и холодныхъ странъ типа Финляндіи и Исландіи, гдѣ упованіе земледѣльца возложено на скотъ, а не на землю. Сильно вредитъ развитію земледѣлія невозможность сбыта продуктовъ и невозможность достать денегъ, необходимыхъ на закупку даже элементарныхъ орудій и утвари для обихода. Однимъ скотомъ и хлѣбомъ не создается хозяйство: нужны орудія, нужны деньги, а ихъ-то и не достанешь. Тюрьма вмѣсто того, чтобы поддержать поселенца покупкой его продуктовъ, стремится завести свои огороды, свои пашни, свои рыбныя ловли, и земледѣльцу, иногда имѣющему и хлѣбъ, и другіе продукты въ избыткѣ, нѣтъ возможности купить сбрую для своей лошади.

Таковы эти выросшіе, уже готовые поселки. По тѣмъ, которые мы описали, читатель можетъ видѣть, что жить въ нихъ возможно, хотя и трудно. Земледѣліе, находящееся здѣсь на границѣ возможности, все-же еще мыслимо, и трудолюбивый поселенецъ здѣсь живетъ иногда жизнью, какой онъ не видѣлъ и въ Россіи.

Поселокъ Рыковскій, эта столица внутренняго Сахалина, имѣющій даже нѣсколько лавокъ, въ праздничный день смотритъ совершенно привольно. Окруженный живописными горами, среди широкой долины, съ широкими улицами опрятныхъ избъ, этотъ поселокъ, когда его улицы пестрѣютъ красными рубахами и на нихъ раздается хоро-водное пѣніе, заставляеть совершенно позабывать, что вы находитесь въ странѣ изгнанія, а не въ любомъ богатомъ русскомъ селѣ.

Но какъ въ бытѣ рабочаго каторжника, такъ и въ бытѣ поселенца есть другая, обратная сторона медали. Сторона эта, совершенно замаскированная въ большихъ

и старыхъ поселкахъ, выступаетъ съ особенною рѣзкостью въ поселкахъ недавно основанныхъ, особенно-же въ отдаленныхъ, имѣющихъ и почвенныя условія значительно худшія. Образцомъ такого поселка можетъ служить посѣщенное мною селеніе Ускво, а также Слива, Вельза, Лонгри и многія другія.

Мы подѣхали къ берегу рѣки, на которомъ живописно расположено нѣсколько гилацкихъ землянокъ. Отъ нихъ узкая тропинка вела въ лѣсъ, выросшій на топкой трясинѣ, въ которой нога проваливалась мѣстами по колѣна. Вдругъ передъ моими глазами открылась поляна, на которой стояло около десяти свѣжеотстроенныхъ, очень небольшихъ размѣровъ домиковъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ лѣсомъ или вырубленными пнями. Это и было селеніе Ускво. Улицы еще не было. Хотя дома стояли въ два ряда, но пространство между ними было еще наполнено пнями отъ срубленныхъ деревьевъ. Близко къ домамъ, на мѣстахъ, соотвѣтствующихъ задворкамъ или гдѣ обыкновенно устраиваются огороды, были видны небольшіе лоскутки обработанной земли съ молодою, еще не колосящеюся рожью или картофелемъ. За исключеніемъ двухъ большихъ цыганскихъ семей съ массою ребятишекъ и бабъ, предложившихъ сейчасъ-же погадать, я не видѣлъ въ селеніи женщинъ. Во всѣхъ почти домахъ, посѣщенныхъ мною, жило по двое поселенцевъ. Вмѣстѣ они строили этотъ домъ, вмѣстѣ обрабатываютъ землю. Тяжела, непосильно тяжела работа этихъ сахалинскихъ Робинзоновъ. Получивъ отъ казны топоръ да мотыгу, цѣлой партіей они были посланы въ эту глухую болотистую тайгу годъ тому назадъ. Сообща, помогая другъ другу, они должны были вырубить мѣсто для поселка, изъ бревенъ сложить избы. Кто зналъ плотничью работу, тотъ отдѣлывалъ детали зданій. Кто не имѣлъ специальныхъ знаній,—таскалъ и тесалъ бревна. Кто не зналъ этой работы ранѣе,—учился теперь на практикѣ. Безъ лошадей и хитрыхъ приспособленій, должна

была эта артель выстроить себѣ въ одно лѣто дома, выкорчевать пни вырубленныхъ деревьевъ и, взявши въ руки мотыги, ручнымъ трудомъ разрыхлить землю и засѣять ее взятыми изъ казны зернами. Кто знакомъ былъ ранѣе съ земледѣльческимъ трудомъ, тому приходилось тяжеленько; для тѣхъ-же, кто его не знавалъ вовсе, эта работа, конечно, была хуже каторжной. При массѣ труда въ первый годъ имъ пришлось расчистить сравнительно ничтожные клочки земли. Но и на нихъ дѣвственная почва отказалась дать урожай, а выгнала исполинскаго роста зелень. Размотыживъ на этотъ годъ вдвое большій участокъ, они получили всходы, дающіе слабыя надежды на урожай, да и то въ томъ только случаѣ, если осень этого года будетъ такая-же, какъ въ прошломъ году. Если-же она будетъ такою, какою ее помнятъ старожилы въ прежнія 5 лѣтъ подрядъ, то хлѣбъ не дозрѣетъ, такъ-какъ холодные іюнь и іюль еще донынѣ не дали ему выколоситься. Пропадутъ и эти зерна—надо будетъ еще и еще забирать въ долгъ. Но еслибы былъ даже идеальный урожай, то немногое, во всякомъ случаѣ, онъ можетъ дать человѣку, который едва успѣлъ руками своими, безъ лошади, выкорчевать и размотыжить эти 10 квадр. саженой. Такого урожая едва хватитъ для его прокормленія до осени. А зимою кончается его двухлѣтній срокъ пользованія пайкомъ. Ему предстоитъ перспектива или голодной смерти, или новаго кредита. Но новый кредитъ ему уже не дадутъ такъ легко. Ему уже не дадутъ коровы, для которой у него не готовы ни хлѣвъ, ни сѣно. Мало-по-малу онъ влѣзетъ въ неоплатный долгъ. И много тысячъ такого долга накопилось на поселкахъ. Безъ уплаты этого долга, когда онъ отбудетъ пятилѣтній срокъ каторги, его не пустятъ въ крестьяне, и счастливая мечта вырваться когда-нибудь съ Сахалина и пасть въ среду обыкновенныхъ людей разлетается прахомъ. Я видѣлъ нѣсколько заколоченныхъ домовъ. Ихъ владѣльцы, несмотря на каторжный трудъ, ими затрачен-

ный, принуждены были бросить ихъ и уйти куда глаза глядятъ на заработки по 10 коп. въ сутки, съ перспективою вѣчнаго поселенія, или, что также не рѣдко—на новыя преступленія, чтобы попасть опять въ тюрьму, гдѣ работа все-таки легче и гдѣ вопросъ о завтрашнемъ днѣ не поставленъ такъ остро, какъ здѣсь.

Первые годы поселенія почти для трехъ-четвертей каторжниковъ—самое тяжелое время изъ всего срока пребыванія на Сахалинѣ. Слова нѣтъ, здѣсь человѣкъ работаетъ самъ для себя, но роль Робинзона въ комариномъ царствѣ сахалинской тайги слишкомъ непосильна, средства поставить себя на ноги слишкомъ малы, чтобы съ ними, при климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, легко было справиться преступнику—человѣку и безъ того уже испорченному, оторванному отъ труда и деморализованному тюрьмой. Развѣ только идеальный, здоровый работникъ-крестьянинъ съ честью выйдетъ изъ такого тяжелого положенія. Неудивительно поэтому, что въ этотъ періодъ такъ часто бываютъ рецидивы, и что эта масса уклоняется отъ поселенія въ тайгѣ Тымовскаго округа, предпочитая лишиться сладкаго призрака будущей свободы.

Но, скажутъ мнѣ, какъ-же въ такомъ случаѣ создаются тѣ цвѣтушіе, изъ многихъ десятковъ и даже сотенъ дворовъ состоящіе поселки, какіе только-что были описаны?

И здѣсь, какъ и въ тюрьмѣ, есть средство сбойти тяжесть работы.

Сахалинъ имѣетъ свою легендарную эпоху. Было время, когда поселенецъ былъ поставленъ въ лучшія условія, когда администрація не останавливалась передъ мѣрами легальными и нелегальными, чтобы поставить его на ноги, чтобы на первыхъ порахъ дать ему и орудія, и деньги. И какъ у насъ на югѣ нѣмецкія колоніи, сразу поставленные въ лучшія условія, чѣмъ крестьянскія села, расцвѣли въ непобѣдимые центры колонизаціи, такъ-же

точно и здѣсь могли сформироваться хозяйства, которымъ не страшны уже стали климатическія условія. Они и дали ядро старыхъ селеній, тотъ богатый поселенческій или нынѣ крестьянскій типъ, который такъ пріятно поражаетъ глазъ. Другую категорію представляютъ поселенцы, во время пребыванія на различныхъ вакансіяхъ успѣвшіе скопить нѣкоторую сумму денегъ, позволяющую имъ купить уже готовый домъ и распаханную землю. Имъ остается только собственнымъ трудомъ расширить брошенное хозяйство піонера, достать займы скотъ, получить отъ него приплодъ, увеличить запашку, запастись хлѣбомъ, купить лошадей и мало-по-малу довести до извѣстнаго предѣла свое благосостояніе. Эти, такъ-сказать, на костяхъ піонера созданныя хозяйства составляютъ второй и главный контингентъ зажиточныхъ хозяйствъ. Большая часть другихъ остается болѣе или менѣе въ неоплатномъ долгу у казны. Хотя, конечно, есть энергичные поселенцы піонеры, выбившіеся съ самаго начала, но процентъ ихъ установить трудно.

Крупнымъ лишеніемъ въ бытѣ каторжнаго является недостатокъ женщинъ. Мы уже видѣли, какъ ихъ мало въ Ускво. Еще меньше ихъ въ другихъ маленькихъ поселкахъ. Этотъ недостатокъ дѣлаетъ рѣзкую разницу между хозяйствами бобылей, отличающимися своимъ неблагоустройствомъ, и зажиточными домами семейныхъ поселенцевъ. Но помимо того, онъ поддерживается и у поселенцевъ тѣявленія половой психопатіи, которыя наблюдаются въ тюрьмахъ.

Изъ Ускво, по просѣкѣ среди лѣса, черезъ который за 80 верстъ на своихъ плечахъ приносятъ свои пайки въ село поселенцы, я пробрался до села Воскресенскаго, откуда по прекрасной почтовой дорогѣ на лошадяхъ вернулся въ село Рыковское.

ХІІІ.

Путь до р. Пороная.—Сел. Вельза.—Дороги, ихъ состояніе и проведеніе.—Тундра верхняго Пороная.—Лиственничные лѣса.—Опасность, угрожающая проѣзжему по сахалинскимъ проселкамъ.—Туземцы острова Сахалина.—Южная оконечность острова.

Я вернулся въ Рыковское, чтобы снарядиться оттуда въ длинное путешествіе на южный Сахалинъ. Надо было взять запасовъ и провіанта на нѣсколько недѣль, носильщиковъ, которые могли-бы его протащить по побережьямъ Охотскаго моря, людей, которые провезли-бы насъ по Пороною въ заливъ Терпѣнія. Позаботиться обо всемъ этомъ взялъ на себя трудъ начальникъ округа, а потому на другой день все уже было готово къ выступленію въ путь.

Дорога шла по открытой, отчасти уже обработанной, широкой долинѣ Тыма. На горизонтѣ голубѣли горы. Почва была покрыта весьма слабымъ вывѣтрѣлымъ слоемъ съ гумусомъ. Ниже лежалъ галечникъ и повидимому содѣйствовалъ ея лучшему дренажу. По крайней мѣрѣ здѣсь, въ верхнемъ теченіи рѣки, флора не имѣла болотистаго характера, и растительность нашихъ луговъ и сибирскихъ прерій здѣсь встрѣчалась чаще. Розовый шиповникъ, желтый подмаренникъ, *Clematis*, *Pulsatilla*, крупныя гвоздики украшали разбросанные между полей необработанные участки.

Водораздѣлъ между системами Тыма и Пороная въ проѣзжаете совершенно незамѣтно. Ничтожная разница

зъ уклонѣ заставляетъ сбѣгающія съ двухъ параллельныхъ продольныхъ хребтовъ рѣки изливать свои воды, одну— въ заливъ Терпѣнія, другія— въ систему р. Тыма. Открывая сѣвернымъ и южнымъ вѣтрамъ, эта долина—главная культурная область Сахалина—сильно отъ нихъ страдаетъ. Это они приносятъ сюда холодъ, ненастье. Г. Никольскій думалъ даже объяснить этими вѣтрами полное господство тундры въ нижнемъ теченіи обѣихъ рѣкъ. При описаніи Охотскаго побережья мы приведемъ доказательство неправильности этого воззрѣнія, а теперь укажемъ лишь на тотъ фактъ, что наиболѣе открытыя вѣтру побережья этихъ рѣкъ покрыты прекрасными лѣсами, явно свидѣтельствующими, что не вѣтеръ причина гибели деревъ.

Спускаясь въ бассейнъ Пороная, вы входите въ полосу лиственной тайги. Черезъ нее проложенъ путь къ селенію Вельза. Хотя онъ и носитъ названіе дороги и по ней проносятъ себѣ на домъ выдаваемые пайки и другія принадлежности поселенцы, однако, я прямо долженъ сказать, что путешествіе по этой дорогѣ сопряжено съ серьезною опасностью для жизни: верхній торфянистый слой почвы прикрываетъ идущую до значительной глубины толщу полужидкой чернобурой грязи. Верховыя лошади, на которыхъ мы ѣхали, внезапно проваливались посерединѣ дороги по самую шею и даже морду въ эту жидкость, валясь на бокъ, выбиваясь изъ силъ въ попыткахъ выкарабкаться изъ трясины и грозя ежеминутно свалить сѣдока всею своею тяжестью въ отвратительную густую черно-бурую жидкость. Перспектива утонуть и покончить съ жизнью въ подобномъ болотѣ была непривлекательна. Лучше ужъ тонуть въ морѣ, въ рѣкѣ, чѣмъ въ этой бурой грязи. Но въ такомъ критическомъ положеніи, въ какомъ мы находились, трудно было разсуждать о причинахъ, заставившихъ проводить дорогу по болоту, гдѣ буквально ни пройти, ни проѣхать невозможно, равно какъ и ставить поселки въ мѣстахъ, къ

которымъ приходится пробираться съ опасностью жизни. Едва представилась возможность, мы соскочили съ совершенно изнемогавшихъ, захлебывавшихся лошадей и, сами по поясъ проваливаясь въ трясину, стали пробираться по сваленнымъ по краю дороги бревнамъ до конца болота.

Наконецъ, мы выбрались на сухое мѣсто и, уже не довѣряя вымазаннымъ до верхушекъ ушей лошадямъ, сами не менѣе грязные пришли въ небольшой станокъ въ лѣсу, гдѣ насъ должны были дожидаться высланные впередъ люди, чтобы нести на себѣ грузъ, бывшій на лошадяхъ. Но людей на мѣстѣ не оказалось. Пришлось нашимъ проводникамъ тащить двойную тяжесть.

Переночевавъ, мы двинулись въ путь. Лиственничный лѣсъ дѣлался рѣже и рѣже, и вскорѣ передъ нами развернулась грустная картина пустынной тундры, границы которой терялись въ свинцовомъ сумракѣ сѣраго неба и той сѣрой атмосферы, которая такъ характерна для петербургскихъ октябрьскихъ дней.

Эта тундра, начинаясь здѣсь, тянется десятки верстъ, вплоть до залива Терпѣнія, становясь все безбрежнѣе, все пустыннѣе и унылѣе. На ея моховой равнинѣ, усѣянной кустами багульника, карликовой березы, *Betula nana*, и другими характерными для нашихъ торфяныхъ болотъ видами, есть свои оазисы, эти большіе холмы, раскиданные на ея безбрежномъ просторѣ. Холмы эти обязательно покрыты лиственничнымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ виденъ издалека, какъ островокъ на тихой глади водъ спокойнаго моря.

Къ полудню мы достигли селенія Вельзы, пріютившагося у берега рѣки, пользуясь узкою полосой аллювиальныхъ почвъ, вносящихъ совершенно такъ-же, какъ и по Тыму, въ область мертвенной тундры совершенно особый міръ болѣе пышной растительности. Тучные луга превращены уже въ пашню. Селеніе еще окружено веселыми рощами изъ толстыхъ старыхъ березъ, а тополи, ивы и порой березы украшаютъ извилистое побережье рѣки.

Здѣсь украшенный нивами и привѣтливymi лѣсами, Поронай уподобляется рѣкѣ, протекающей по пустынѣ съ сопровождающими ее оазисами зелени. Но оазисы эти здѣсь лежатъ не среди сухой и жаркой степи, но среди безбрежной мертвенной мерзлой тундры.

Я не буду описывать нашего плаванія по Поронаю, ландшафты котораго вполнѣ напоминаютъ то, что было описано мною для р. Тыма; но я не могу не коснуться здѣсь вопроса, затронутого мною ранѣе, при описаніи поселеній около Віахты, — вопроса о явленіяхъ смѣны лиственныхъ лѣсовъ тундрою, съ которымъ впервые мы встрѣтились при экскурсіи въ этотъ поселекъ. Віахта — не единственное мѣсто, гдѣ наблюдается эта смѣна; на Охотскомъ побережьи, по самому югу Сахалина, въ заливѣ Анива, по рѣчкамъ Пуннай и Кекенай, я встрѣчалъ такіа-же тундры съ вымирающимъ лѣсомъ, и флора Шпицбергена роскошно развивается на Сахалинѣ подъ широтами, соответствующими сѣверному берегу Крыма. Сѣверные олени въ дикомъ состояніи были находимы здѣсь — подъ широтами винодѣлія и культуры кукурузы!

Эти тундры, однако, нигдѣ такъ не распространены, какъ въ долину, середина которой занята Поронаемъ. Необъятныя пространства промерзлой, покрытой торфомъ почвы тянутся куда хватаетъ глазъ. Мощностъ торфа достигаетъ здѣсь до 7 саженой, и эти мерзлыя массы составляютъ неисчерпаемый запасъ топлива, помимо угля и нефти, которыми, какъ извѣстно, щедро одаренъ природою островъ.

Но для плывущаго по Поронаю тундра, по большей части, замаскирована его лугами и лѣсами. Лишь въ немногихъ мѣстахъ она прорывается къ берегу, и вездѣ мы видимъ деревья, вмерзшія въ основанія ея торфяныхъ массъ. На Охотскомъ побережьи, равно какъ и въ низовьяхъ рѣки попадаются различныя стадіи вырожденія лиственныхъ лѣсовъ. Наблюдая ихъ, сопоставляя ихъ между собою, невольно убѣждаешься, что лѣсъ

самъ создаетъ себѣ здѣсь гибель, разъ онъ начинаетъ развиваться на болѣе или менѣе ровномъ или слабо пологомъ мѣстѣ. Пока мѣсто это открыто, его свободно продуваетъ вѣтеръ, и нива остается сухою, изрѣдка прогрѣваемою солнцемъ. Но разъ на немъ разрастается тайга, она его затѣняетъ, и залеживающійся снѣгъ здѣсь таетъ чрезвычайно поздно. Метеорологическія наблюденія показали, что даже подъ широтою Харькова характеръ сахалинскаго лѣта напоминаетъ архангельское. Здѣсь снѣгъ залеживается до конца іюня, особенно когда сѣверный вѣтеръ нагоняетъ льды въ проливы. Позднее таяніе снѣга позволяетъ корнямъ деревъ пробуждаться весьма поздно. Оно держитъ все лѣто почву въ полузаболоченномъ состояніи, котораго не выноситъ большинство деревъ, и обыкновенно лишь лиственница, и то чахлая, выживаетъ на такомъ грунтѣ. Заболоченная почва развиваетъ на своей поверхности торфяной мохъ-сфагнумъ—одинъ изъ самыхъ плохихъ проводниковъ тепла. Сфагнумъ способствуетъ еще худшему оттаиванью замерзшей зимою почвы. Она остается мерзлою все лѣто. Корни деревъ не дѣйствуютъ, ихъ вѣтви заболѣваютъ; деревья принимаютъ уродливую, карликовую форму и, наконецъ, умираютъ, постепенно обращаясь въ рыхлую массу быстро нарастающаго мохового торфа. Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе древесныхъ труповъ въ основаніи сахалинскихъ тундръ.

Чѣмъ ниже идти по Поронаю, тѣмъ хуже его ландшафты. Вы попадаете въ полярную пустыню, гдѣ кромѣ мириадъ мучительныхъ комаровъ не видно никакого живого существа. Деревья исчезаютъ, людей нѣтъ. Не видно никого изъ туземцевъ, несмотря на то, что мы уже близки къ побережью, главному мѣсту жительства на сѣверѣ—гиляковъ, на югѣ—аиновъ.

Представителей этихъ двухъ наиболѣе культурныхъ племенъ изъ инородческаго населенія Сахалина мы начинаемъ встрѣчать, спустившись по пустынному Поронаю до

самаго его устья, у селенія Тарайки—поста, который трудно, въ сущности, назвать селеніемъ. Это менѣе десятка избъ, расположенныхъ на болотѣ близъ устья рѣки, на которой болтаются японскія морскія рыболовныя лодки.

Поселокъ Тарайка состоитъ изъ нѣсколькихъ русскихъ поселенцевъ и собирающихся сюда для сбыта продуктовъ и работы на японскихъ лодкахъ инородцевъ. Эти послѣдніе живутъ большею частью въ шалашахъ, и намъ единственно возможнымъ для ночлега жильемъ показалась телеграфная станція, только-что отстроенная. Какъ извѣстно, Сахалинъ соединенъ телеграфомъ съ Россіею. Теперь проволока проводится съ сѣвернаго Сахалина на южный, а послѣдній будетъ соединенъ съ Японіей. Но нельзя будетъ позавидовать тѣмъ телеграфистамъ, которые будутъ жить во вновь построенныхъ жилищахъ. Не говоря о невеселой перспективѣ жить одиноко въ тайгѣ закинутымъ за 40 — 50 верстъ отъ пункта, гдѣ увидишь европейца, хотя-бы и каторжнаго, самыя жилища эти временно въ нихъ поселяемыми надзирателями дѣлаются совершенно необитаемыми: такъ быстро въ нихъ размножаются различные паразиты. Партія проводившихъ проволоку чиновниковъ, поселившихся въ зданіи, построенномъ не болѣе мѣсяца тому назадъ, должна была выселиться въ палатки, предпочитая миріады сахалинскихъ комаровъ не менѣе многочисленнымъ русскимъ клопамъ.

Помимо гиляковъ и айновъ, для которыхъ устье Пороная составляетъ, повидимому, этнографическую границу, здѣсь можно встрѣтить и двѣ другія группы сахалинскихъ инородцевъ: орочей и тунгусовъ.

Ихъ, какъ сказано, привлекаетъ сюда надежда сбыта своихъ продуктовъ.

Сахалинская тайга изобилуетъ звѣремъ, весьма цѣнящимся и русскими, и японцами. Лисицы, бѣлки, зайцы, соболи водятся въ изобиліи въ лѣсахъ острова, представляющихъ всѣ характерныя черты фауны нашихъ лѣсовъ сѣвера. Не трогаютъ только медвѣдя. На него охотятся айны,

стараясь поймать живьемъ. Пойманное животное сажаютъ въ особенные деревянные срубы, кормятъ и поятъ, воздавая ему особыя почести. Потомъ его убиваютъ и справляютъ по немъ тризну, приглашая на пиръ родственниковъ и знакомыхъ.

Настоящими охотниками являются орочи, тогда какъ тунгусы, состоящіе всего изъ нѣсколькихъ сотенъ семей, представляютъ типичныхъ оленеводовъ и настоящихъ жителей тундры.

Разъ зашла рѣчь объ орочахъ, необходимо сказать и о другомъ, подобно имъ живущемъ у береговъ и питающемся рыбой племени, объ аинахъ. Если по своему облику гиляки не оставляютъ никакого сомнѣнія въ принадлежности своей къ монгольскому племени, о чемъ особенно наглядно свидѣтельствуютъ ихъ широкоскулыя, узкоглазыя, безбородыя фізіономіи, то другое, родственное по культурѣ и занятіямъ, населяющее южный Сахалинъ племя—аиносы, въ этомъ отношеніи представляетъ полную противоположность. Аины—это тотъ народъ дальняго востока Азіи, по поводу происхожденія котораго ломаютъ копья современные этнографы и антропологи, причисляя аиновъ одни къ монгольской, другіе къ кавказской расѣ.

По облику своему аины совсѣмъ не похожи на монголовъ. Прямо поставленные глаза, роскошныя чисто-рускія бороды, всѣ очертанія лица, а главное, несвойственное монгольскому племени развитіе волосъ на тѣлѣ отличаютъ ихъ отъ ихъ сосѣдей. Типичные представители, не имѣющіе въ жилахъ своихъ ни гиляцкой, ни японской крови (нынѣ довольно рѣдкіе) покрыты волосами такъ густо, какъ ни одинъ изъ народовъ. Даже дѣти этихъ волосатыхъ людей въ нѣжномъ возрастѣ покрыты какъ-бы пушкомъ.

Аиновъ любятъ сравнивать съ русскими. Сѣдой, бородатый аиносъ, въ лаптяхъ и въ своемъ кафтанѣ, издали дѣйствительно покажется похожимъ на великоросса,

но только издали. Вблизи аинось напомнить скорѣе цыгана или молдаванина. Жилище аиноса—та-же бревенчатая изба на сваяхъ. Избы эти располагаются иногда рядами, образуя тѣсную улицу. Сзади построекъ настоль-же высокихъ сваяхъ выстроены кладовыя или протянуты жерди съ сохнущею юккалою. Запахъ рыбы стоитъ надъ селеніемъ, на первый взглядъ кажушійся покинутымъ. У аина, кромѣ собаки, нѣтъ домашнихъ животныхъ. Некому топтать и ѣсть высокой травы, окружающей его жилище, и бурьяны, поднимаясь высоко, какъ между покинутымъ жильемъ, заполняютъ все пространство улицъ и проулковъ и возвышаются даже надъ сваями построекъ.

Рыба, какъ и у гиляковъ, главная кормилица аина. Еще недавно она не только кормила и освѣщала, но и одѣвала этотъ народъ. Донынѣ еще мѣстныя франтихи носятъ довольно красивые костюмы изъ рыбьей шкуры. Кусочки шкуръ кеты и горбуши сшиваются вмѣстѣ и обшиваются кожей или кусками матеріи. Изъ нихъ образуются полукафтаны, довольно прочные, но сильно отдающіе запахомъ рыбы.

Обстановку и костюмъ аина вообще нельзя назвать опрятными; но избы ихъ, устроенныя по тому-же типу, какъ и у гиляковъ, чище и просторнѣе, чѣмъ у послѣднихъ, а утварь, преимуществу рѣзная, деревянная,—разнообразнѣе и сложнѣе. На ней вы замѣчаете сильное японское вліяніе. Японцы въ числѣ болѣе 1,500 человекъ ежегодно, съ цѣлой флотиліей судовъ, пріѣзжаютъ на охотскій берегъ Сахалина ловить рыбу. Работниками у нихъ являются аины, получающіе за трудъ обыкновенно натурою, или рисъ, или японскія издѣлія. Доселѣ еще аины считаютъ японцевъ своими хозяевами. Ихъ они уважаютъ болѣе, чѣмъ русскихъ, хотя не японскій, а повидимому аинскій языкъ и донынѣ главный международный языкъ, на которомъ изъясняются русскіе съ японцами и японцы съ русскими. Впрочемъ, японцы имѣютъ на югѣ Сахалина, въ посту Корсаковскомъ особое

консульство, которое и разрѣшаетъ всѣ проистекающія между японцами и сахалинцами недоразумѣнія.

Типъ сахалинскихъ орочей весьма разнообразенъ; въ немъ много японскихъ отголосковъ. Болѣе правильно сложенные, хотя подобно всѣмъ гиперборейцамъ далекіе от совершенства, орочи показались, повидимому, нашимъ поселенцамъ симпатичнѣе тунгусовъ, и нѣкоторые поженились на орочанкахъ. Въ Тарайкѣ я лично видѣлъ такую парочку. Но и кочующіе въ лѣсахъ орочи, подобно тунгусамъ, сильно ассимилировались, потеряли національный костюмъ и всѣ хотя ломаннымъ языкомъ, но говорятъ по-русски. Орочи имѣютъ жалкій, хилый видъ. Въ другомъ мѣстѣ они, вѣроятно, давно-бы вымерли, ставъ жертвою эксплуатаціи, пьянства и сифилиса. Но на Сахалинѣ, гдѣ европейское населеніе проходитъ сквозь фильтръ медицинскаго осмотра, гдѣ водка баснословно дорога и ея не хватаетъ на самихъ ссыльныхъ, гдѣ по отношенію къ послѣднимъ инородецъ есть привилегированное сословіе, они живутъ еще сносно, и сахалинскій инородецъ, можетъ лучше, чѣмъ иной инородецъ на материкѣ, жить по сосѣдству съ русскимъ населеніемъ.

Познакомившись въ Тарайкѣ съ этими разнообразными инородческими элементами острова, я направился на югъ сухопутьемъ вдоль побережья Охотскаго моря. Я не буду описывать подробностей этого долгаго, 8-мидневнаго, крайне однообразнаго пути. Скажу одно: картины природы, развертывавшіяся передъ моими глазами, были совсѣмъ не тѣ, что внутри острова. Тутъ мы лицомъ къ лицу стояли передъ могущественной и грозной стихіей. Со дна глубочайшаго въ мірѣ океана, почти не сдерживаемые цѣпью Курильскихъ острововъ, несутся на берегъ острова громадныя валы, разбиваясь здѣсь съ шумомъ и грохотомъ, заглушающимъ человѣческій голосъ, рассыпаясь въ тысячи брызговъ, наполняя воздухъ соленою пылью. То набѣгая на берегъ, то отступая отъ него, они оставили широкую песчаную полосу—какъ-бы аллею, усыпан-

ную мелкимъ пескомъ. По одну сторону возвышаются на уступѣ берега молчаливыя еловыя тайги, лиственныя лѣса или заросли березы и ольхи—сѣверная сибирская природа; съ другой—реветъ бушующая стихія.

На песчаный откосъ море выбрасываетъ громадными массами морскую капусту, образующую темно-бурыя ленты, иногда болѣе сажени длиною и $\frac{1}{4}$ аршина шириною. Эта водоросль, утѣвая берегъ, издали имѣетъ видъ обрывковъ ремней или приводовъ съ какой-либо фабрики. Между ними раскиданы водоросли зеленныя, красныя, бурыя, то какъ громадныя лоскутки продырявленной ткани, то формами своими напоминающія нѣжныяшіе пурпурныя кораллы.

Тамъ и сямъ валяются раковины выброшенныхъ моллюсковъ, крошечныя, прозрачныя какъ хрусталь медузы. Они привлекаютъ къ себѣ, въ свою очередь, цѣлыя стаи птицъ, и громадное количество чаекъ утѣваютъ берега. Особенно много ихъ тамъ, гдѣ выходятъ въ видѣ скалъ и выступовъ *изверженныя* породы. Здѣсь море работаетъ съ удвоенною энергіею. Оно пѣнится и бурлитъ у подножія скалъ, выбивая въ ихъ черныхъ стѣнахъ гроты и пещеры, гдѣ клокочутъ волны, разбивая скалы на отдѣльные утесы, неприступныя и крутыя.

Многія скалы превращаются здѣсь въ птичьи города. Чайки и другія морскія птицы, громадными стаями разгуливающія по морскому побережью, утѣваютъ скалы эти своими гнѣздами, оглашаютъ воздухъ тысячами криковъ. Самое море, если только нѣтъ сильнаго вѣтра, здѣсь также очень оживлено. Низко плаваютъ облака, иногда непривычно для нашего глаза расположенныя въ два яруса. Зеленовато-голубыя волны, освѣщенныя проглядывающимъ изъ-за облаковъ солнцемъ, кишатъ жизнью. Охотское море изобилуетъ тюленями. Нерпы, шкуры которыхъ — обычный покровъ гимназическихъ ранцевъ, выглядываютъ изъ воды, съ своими длинными усами, напоминая лысыя головы старыхъ гренадеръ. Далѣе, около

такъ-называемаго Тюленьяго острова тысячи котиковъ рѣзвятся въ водахъ.

Береговая полоса моря здѣсь также гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Сахалина. Этотъ его дальній востокъ мало напоминаетъ мѣсто ссылки. На незначительномъ другъ отъ друга разстояніи попадаются факторіи японскихъ рыбопромышленниковъ съ чистенькими домиками, передъ которыми они даже въ этомъ гиперборейскомъ климатѣ пытаются разбить садикъ съ обычнымъ своимъ вкусомъ. На Охотскомъ берегу рѣже, чѣмъ на западѣ, деревья страдаютъ отъ вѣтровъ. Тамъ, гдѣ подпочву составляютъ рыхлыя породы, является чернолѣсье, придающее большую мягкость суровой сибирской природѣ. Еще южнѣе начинаютъ попадаться селенія айновъ. Въ ихъ избахъ, стоящихъ на сваяхъ, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ для дыма въ крышѣ и другимъ для входа—спереди, на чистыхъ циновкахъ, у расположеннаго въ центрѣ очага, путникъ можетъ отогрѣться отъ непогоды, хотя онъ и не можетъ надѣяться найти здѣсь то радушіе и гостепріимство, какъ у большинства другихъ сыновъ природы. Звучный, напоминающій итальянскій языкъ аина—здѣсь языкъ международный. На немъ объясняются русскіе и съ японцами, здѣсь постоянно попадающимися на глаза.

Наконецъ, начиная отъ устья р. Найбуги, мы опять встрѣчаемъ русскія поселенія. Расположенные, какъ и на сѣверѣ, въ рѣчныхъ долинахъ, они окружены здѣсь гораздо болѣе южною и пышною природою. Хотя южный Сахалинъ по господствующимъ формаціямъ и мало отличается отъ сѣвернаго, хотя и здѣсь можно видѣть обширныя пространства тайги и мертвенной съ замерзшею почвою тундры,—но его природа носитъ все-же гораздо болѣе южный колоритъ. Особенно поражаетъ это въ рѣчныхъ долинахъ, по такъ-называемымъ еланямъ.

Эти елани, избираемая обыкновенно какъ мѣста для поселеній, уже не имѣютъ непригляднаго облика сѣвер-

ныхъ поселковъ. Особенно хороши онѣ въ долинѣ р. Найбы, которую во время экскурсіи я прослѣдилъ до самыхъ верховьевъ.

Селеніе Галкино-Врасское, или какъ его зовутъ чаще—Сіянцы, здѣсь скоро достигло довольно цвѣтушаго состоянія. Оно окружено со всѣхъ сторонъ тучными нивами хлѣбовъ, превышающихъ человѣческій ростъ, но, какъ и на сѣверѣ, созрѣвающихъ весьма поздно. Въ началѣ августа рожь стояла еще въ полномъ цвѣту. Среди этихъ полей отдѣльными исполинами высились громадныя вязы. Далѣе, какъ группы деревьевъ, посаженныхъ въ паркѣ, вы видите заросли изъ нашего средне-русскаго чернолѣся: большіе ясени, клены, березы; боярка образуетъ здѣсь настоящія деревья; усыпанныя бѣлыми цвѣтами, онѣ напоминаютъ яблони. Здѣсь есть дубовыя рощи. Въ изолированныхъ долинахъ сохранились еще южныя породы: манджурскія араліи, гортензіи, грецкій орѣшникъ, пробковое дерево *Phyllodendron amurense*, виноградъ, чортово дерево (*Tatsia horrida*). Но особенно интересны здѣсь травы. Луговые многолѣтники изъ зонтичныхъ, какъ заря *Angelidium*, спирея, крапива, такіе виды, какъ *Casalia hastata*, различные *Senecio* и особенно сахалинская гречка—*Polygonum Sachalinense*, пріобрѣтаютъ исполинскіе размѣры и достигаютъ 3-хъ-саженной высоты. Средній уровень роста травъ раза въ два превосходитъ ростъ человека. Попадаются экземпляры до двухъ саженей высоты. По такому лугу съ цвѣтами, которые мы привыкли рвать у себя подъ ногами, приходится ходить по узкимъ тропинкамъ, видя эти зонтики и метелки у себя высоко надъ головою. Человѣкъ, пробираясь среди стеблей травъ въ руку толщиною, уподобляется какому-то муравью или жителю страны лилипутовъ. Громадныя размѣры травъ, южныя породы деревьевъ, буйное роскошное развитіе растительности представляютъ живѣйшій контрастъ съ мертвеною тайгою и безжизненной тундрой. И когда та или другая случайно подойдутъ къ берегу, откроется просвѣтъ

или на бурую равнину тундры, или выдвинется скала, сверху до низу одѣтая мрачнымъ еловымъ лѣсомъ—эффектъ контраста поразителенъ. Но на рѣкѣ они не надѣдають вамъ. Мягкая обстановка елани опять и опять идетъ имъ на смѣну.

Удивительнымъ кажется, какъ могутъ ужиться рядомъ отдѣленные какимъ-нибудь полуверстнымъ разстояніемъ растительность и фауна полярныхъ странъ и мягкая южная природа. Но явленіе это не представится намъ загадочнымъ, если мы вспомнимъ, что елани, занимая долины рѣкъ, болѣе защищены отъ холодныхъ вѣтровъ съ охлажденнаго морскими теченіями моря, являющихся здѣсь главнымъ врагомъ растительности. Мерзлая тундровая почва низины здѣсь и дренирована и согрѣта рѣчными водами, отложившими плодородный наносъ. Здѣсь чаще затишье. Если-же въ тихую погоду, подъ широтою Крыма и Екатеринославской губерніи, выглянетъ здѣсь солнце, то во влажной атмосферѣ острова оно паритъ какъ въ парникѣ или оранжереѣ. Нигдѣ, даже подъ тропиками, я не чувствовалъ на себѣ такъ сильно этихъ жгучихъ лучей, накалявшихъ даже бѣлый лѣтній костюмъ. Теперь термометръ поднимается высоко, и при такой, чисто парниковой культурѣ съ невѣроятною быстротою,—быстрѣе, чѣмъ въ любой оранжереѣ,—развиваютъ свои громадныя листья и метелки буйныя травы Сахалина. Рожь, посѣянная на елани и едва показывавшаяся изъ земли въ первыхъ числахъ іюля,—въ августѣ выгоняетъ стебли въ полтора раза выше человѣка.

Богатству и пышности флоры еланей соответствуетъ и ихъ фауна. Рѣки здѣсь баснословно богаты рыбою. Кета и горбуша—два вида, близкіе къ нашей семгѣ, — составляютъ главную и основную пищу какъ туземцевъ, такъ и поселенцевъ. Во время хода рыбы такая масса въ рѣкахъ Сахалина, что ее можно брать руками. На сланяхъ южнаго Сахалина скотоводство удастся еще лучше, чѣмъ на сѣверѣ. Поселенецъ живетъ не столько хлѣ-

бомъ, сколько молокомъ. Но и доннынѣ еще количество скота недостаточно даже въ Корсаковскомъ округѣ, сравнительно лучше обставленномъ. Г. Фрикенъ, инспекторъ сельскаго хозяйства острова, даетъ слѣдующую безотрадную картину состоянія этого округа:

На одно среднее хозяйство здѣсь приходится:

0,7 жилого дома при 2,1 обитателяхъ.

0,1 упряжныхъ земледѣльч. орудій (соха, плугъ).

$\frac{1}{2}$ десятины пашни.

5—7 грядъ огорода.

$3\frac{1}{2}$ пуда посѣва зерновыхъ хлѣбовъ.

$4\frac{1}{2}$ » картофеля.

около 1,6 головъ скота.

17 р. 84 к. годового дохода.

18 р. 34 к. » долга.

Это лучший округъ. Въ другихъ скота нѣтъ и у половины крестьянъ. Обезпеченный урожай даютъ только картофель и овощи, которые, при тучной почвѣ еланей и чисто парниковой ихъ атмосферѣ, удаются; особенно капуста бываетъ весьма удовлетворительна.

Такъ или иначе вырастаютъ поселки. Живя по-двое въ избѣ, мало-по-малу создаютъ поселенцы свои хозяйства, а иногда подъ конецъ заводятъ и хозяйекъ. Многіе поселенческіе дворы производятъ впечатлѣніе зажиточности и довольства. Вы найдете въ нихъ и самоваръ, и хорошую постель. Но ихъ немного; рядомъ царитъ полное убожество. Постройки сахалинскихъ деревень, еще молодыя, не успѣвшія погнить, производятъ выгодное впечатлѣніе. Глядя на инья, можно подумать, что здѣсь живетъ недурно. Я уже говорилъ, что бывали случаи, когда устроившійся на поселеніи ссыльный, выйдя въ крестьяне, уходилъ въ Сибирь, но раззорившись, возвращался на Сахалинъ. Однако это все-таки рѣдкія исключенія. Какъ-бы хорошо ни удалось себя обставить поселенцу, постоянный надзоръ и опека, доходящая до формальнаго запрещенія употреблять водку (тайкомъ за баснословныя цѣны ее можно купить сколь-

ко угодно), наконецъ, тяжелыя воспоминанія прошлаго,— все это дѣлаетъ пребываніе на островѣ постылымъ, и поселенецъ съ нетерпѣніемъ считаетъ часы отбытія срока. Многіе не ремонтируютъ даже доставшихся имъ жилищъ, считая ихъ временными.

Поселки растутъ и устраиваются, но стоить только дать свободу этимъ колонистамъ и никто изъ нихъ не останется на островѣ. Поэтому эти колоніи—чисто искусственныя, существующія на средства и по принужденію тюремнаго вѣдомства.

Статистическія данныя показываютъ, что поселенцы Корсаковского округа выплачиваютъ свои долги скорѣе, чѣмъ жители сѣвера. Скотоводство у нихъ прививается лучше, поля рѣже страдаютъ отъ неурожаевъ, и округъ начинаетъ производить уже нѣкоторый избытокъ хлѣба, который оказывается возможнымъ продавать въ тюрьмы. Но обликъ селеній—тотъ-же.

Пути сообщенія между селеніями Корсаковского округа прекрасныя, дороги были въ большемъ порядкѣ, и поэтому я скоро достигъ южной части острова, — поста Корсаковского, роль котораго по отношенію къ острову въ скоромъ времени будетъ значительнѣе, чѣмъ роль Александровска. Здѣсь группируются лучшія мѣста для земледѣлія, съ климатомъ болѣе мягкимъ; здѣсь уже близко къ Японіи, и съ 1893 года устанавливаются правильныя торговые рейсы между Хакодате и Корсаковскимъ.

Таковы тѣ впечатлѣнія, которыя получаютъ изъ поѣздки по острову. До сихъ поръ еще культурныя мѣста на немъ представляются оазисами. Остальное пространство, это—дикая сѣверная пустыня, непривѣтливая и неплодородная. Земледѣліе на немъ если и возможно, то во всякомъ случаѣ находится на границѣ возможности и окупаетъ только хорошо обставленныя хозяйства, какими являются далеко не всѣ хозяйства поселенцевъ. Остальные живутъ лишь накопляя долги казнѣ или перебиваясь. Скотоводство и сѣверное молочное

хозяйство обѣщаютъ лучшую будущность. Но если Сахалинъ какъ колонія и будетъ имѣть значеніе, то во всякомъ случаѣ—не какъ колонія земледѣльческая. Слишкомъ много есть у насъ подъ бокомъ лучшихъ и менѣе заселенныхъ земель, куда всегда будетъ тянуть поселенца. Постоянно обезкураживаемый капризами природы, сахалинецъ живетъ и работаетъ здѣсь лишь по принужденію, готовый всегда покинуть островъ, разъ онъ получитъ на то возможность. Онъ радъ обратиться ко всякому другому занятію. Вотъ почему намъ кажется, что скорѣе эксплуатація морскихъ и рыбныхъ богатствъ острова, его неисчерпаемая и далеко еще не приведенная въ извѣстность богатства углемъ и вновь открытые нефтяные источники гораздо болѣе, чѣмъ хлѣбопашество, обѣщаютъ будущность краю.

XIV.

22-го августа пароходъ «Кострома» покинулъ Владивостокскую гавань, и черезъ два дня мы были у входа во внутреннее, или, какъ здѣсь его также называютъ, «Средиземное Японское море», славящееся на весь міръ красотою своихъ береговъ.

Море это, окруженное мысами острововъ Ниппона, Сикоко и Кіу - Сіу, съ голубовато - зелеными водами, хотя и не можетъ соперничать съ чудною голубизною Средиземнаго моря Европы, однако по прелести пейзажей, открывающихся съ борта парохода, значительно превосходитъ это послѣднее, и можно сказать, гораздо болѣе отвѣчаетъ представленію, составляемому о южно-европейской природѣ по книгамъ, чѣмъ «*mare nostrum*» древнихъ римлянъ. Въ громадномъ большинствѣ пунктовъ, берега нашего Средиземнаго моря желты, голы и выжжены; то-же самое можно сказать и объ архипелагѣ его острововъ; надо подойти къ нимъ ближе, чтобы выступила на первый планъ ихъ чудная южная природа. Кромѣ того, суда рѣдко даютъ возможность любоваться ими вблизи, какъ въ Босфорѣ или въ Дарданеллахъ.

Совершенно иное даетъ внутреннее море Японіи. Оно глубоко вдается внутрь, оставляя мѣстами столь узкіе проходы, что часто пароходъ идетъ почти вплотную съ берегомъ, давая возможность различать постройки, отдѣльныя деревья, цвѣты. И тутъ-то передъ глазами пу-

тешественника разворачивается японская природа во всемъ ея разнообразіи и великолѣпіи. Вѣчно-зеленые кустарники и деревья образуютъ цѣлыя роши на скалистыхъ уступахъ, гдѣ повсюду, какъ игрушки, пріютились домики поселянъ. Эти заросли, во всѣхъ отношеніяхъ подобныя тѣмъ рошамъ изъ миртъ и лавровъ, которыхъ тщетно ищетъ въ Италіи и Греціи воспитанный на классическихъ поэтахъ глазъ, здѣсь еще изобильны и играютъ большую роль въ ландшафтѣ, гдѣ смѣняются постоянно то одиноко стоящія, то образующія лѣса сосны. Хотя сосны эти и не имѣютъ зонтикообразныхъ очертаній итальянскихъ пиній, но ихъ разбросанныя вѣтви такъ оригинальны и причудливы по своимъ формамъ, что въ ландшафтахъ онѣ значатъ больше, чѣмъ пиніи. Роши смѣняются деревьями, террасообразно расположенными полями и живописно разбросанными хуторками. Передъ вами настоящее подобіе японскихъ картинокъ: въ ландшафтѣ такъ все отдѣлано до послѣднихъ мелочей, что забываешь, что это природа. Но сейчасъ - же затѣмъ на горизонтѣ вырисовываются горы, то высокія, то сверху до низу одѣтыя сосновымъ боромъ, то почти оголенные, обнажившія свою почву до гранита, или чаще, розоваго, почти малиноваго цвѣта ла-терита. И здѣсь эти нѣжно-розовыя горы съ темными пятнами сосновыхъ зарослей при нѣжно-голубомъ небѣ и голубо-зеленомъ морѣ дѣлаютъ ландшафтъ и по краскамъ, и по очертаніямъ чѣмъ-то особеннымъ, очень далекимъ отъ того, что мы привыкли видѣть въ Европѣ.

Любуясь этими ландшафтами, вы не замѣчаете, какъ амфитеатръ зданій и дымныхъ трубъ разворачивается передъ вами, и вы стоите на рейдѣ города Кобэ-Хіого, одного изъ важныхъ портовъ Имперіи.

Здѣсь «Кострома» должна была взять большой грузъ рису и простоять болѣе недѣли.

За весеннее мое посѣщеніе Японіи все мое вниманіе было обращено на ея природу; теперь-же продолжать мои изслѣдованія было трудно. Кругомъ все воздѣлано. Кобэ

величиной своей превосходитъ значительно Нагасаки и является торгово-промышленнымъ центромъ. Дальнія поѣздки въ глубь страны было предпринимать рискованно, въ виду того, что срокъ прѣбыванія нашего въ Кобэ не былъ опредѣленъ точно. Поэтому я рѣшилъ посвятить это время осмотру замѣчательнѣйшихъ изъ городовъ южнаго Кіу-Сіу: Кіото — этой древней столицы Имперіи, по обилію храмовъ справедливо называемой японскою Москвою; Нара, съ гигантскимъ изображеніемъ Будды, и Осака, какъ большого торгово-промышленнаго центра. Наконецъ, Кобэ самъ по себѣ представлялъ богатое поле для наблюденія надъ общественной жизнью страны.

Ниппонъ, послѣ Кіу-Сіу и Кобэ, послѣ Нагасаки и другихъ городовъ острова, производитъ впечатлѣніе области, далеко ушедшей впередъ на пути промышленности и подражанія Европѣ. Европейскій костюмъ здѣсь уже сталъ преобладающимъ; всюду телеграфныя и телефонныя проволоки, электрическое освѣщеніе, свистки локомотивовъ. Если-бы не японская архитектура домовъ, можно-бы было подумать, что находишься въ Америкѣ. Европейскій кварталъ города обширенъ и благоустроенъ; на японскихъ улицахъ масса книжныхъ магазиновъ, столь рѣдкихъ на Кіу-Сіу, и вы въ нихъ видите не только беллетристику, но и научныя сочиненія. Городъ подъ-вечеръ не только не умираетъ, но, напротивъ, тогда-то и закипаетъ здѣсь настоящая жизнь. Открываются маленькіе базары, съ игрушками и бездѣлками вродѣ тѣхъ, что у насъ продаютъ въ Петербургѣ на вербной недѣлѣ. Все это — грошевыя вещи, но поражающія или оригинальностью, или изяществомъ. Что, кажется, можно сдѣлать изъ нѣсколькихъ щепочекъ и клочковъ папирсной бумаги? А между тѣмъ японецъ выдѣлываетъ фонари, которые могли-бы послужить украшеніемъ любого будуара. Къ двумъ крестообразно и наискось другъ къ другу, наподобіе вѣтряной мельницы, прикрѣпленнымъ щепочкамъ приклеивается колпачекъ съ вырѣзанными въ немъ сквозными изображе-

ніями рыбъ, людей и т. п.; подъ колпачекъ этотъ ставится огарокъ, а самъ онъ прикрѣпляется внутри шарообразнаго, изъ той-же бумаги склееннаго фонаря, такъ что токъ горячаго воздуха, идущій отъ свѣчки, приводитъ во вращательное движеніе покрывающій его колпачекъ. Вырѣзанныя въ немъ изображенія проектируются на внѣшней оболочкѣ фонаря, того-же что и колпачекъ цвѣта, въ видѣ движущихся свѣтлыхъ тѣней, и получается такое впечатлѣніе, будто передъ вами виситъ шаръ, наполненный зеленой или розовой свѣтящеюся жидкостью, изъ центра котораго то подплываютъ, то вновь скрываются различныя плавающія въ немъ существа. И все это удовольствіе стоить 1—2 копѣйки. Другія распространенныя игрушки, — это вырѣзки изъ мелкаго дерева, склеенныя въ видѣ зернышекъ. Бросьте такія сѣмена въ блюдечко съ водою — и на вашихъ глазахъ они раскроются въ букетъ цвѣтовъ, рыбки, домики и другія изображенія. Много также продавцевъ съ крошечными изящными клѣточками изъ соломы. Въ такой клѣткѣ, болѣе элегантной, чѣмъ наши лучшія для птицъ, имѣющей не болѣе 4—5 сантиметровъ, сидитъ цикадо и заливается пѣніемъ. Цѣна 3—5 копѣекъ.

На этихъ базарахъ, освѣщенныхъ фонарями и факелами, у лотковъ съ гостинцами и всякою всячиною толпится и старъ и малъ, сильно оживляя городъ по вечерамъ. Впрочемъ, здѣсь и торговля въ магазинахъ идетъ бойко въ вечернее время, и городъ кажется въ это время особенно многолюднымъ.

Не останавливаясь на описаніи гостинницъ, театровъ и другихъ общественныхъ мѣстъ Кобэ, такъ-какъ мнѣ пришлось-бы повторять говоренное о Нагасаки, я обращаю вниманіе читателей на одно учрежденіе, которое меня поразило здѣсь своимъ благоустройствомъ; это — школы. Я осматривалъ ихъ нѣсколько. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, напомнимъ, въ какомъ состояніи находится народное образованіе Японіи.

Образованіе въ Японіи въ настоящее время обязательно для всего народа. Оно дается бесплатно въ 4-хъ и 8-ми-классныхъ училищахъ, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ. Посылаютъ дѣтей въ школы въ раннемъ возрастѣ, большею частію съ 6 лѣтъ. Родители, не посылающіе дѣтей въ школы, подвергаются штрафу.

Курсы болѣе всего приближаются къ курсамъ американскихъ школъ. Учениковъ учатъ читать и писать—дѣло очень трудное въ Японіи, такъ-какъ тамъ до сихъ поръ приняты іероглифы. Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія по математикѣ—ариѳметика, основы геометріи, начальная алгебра,—исторіи, географіи, англійскому языку и естественной исторіи. Курсы приняты концентрическіе, такъ-что въ высшихъ классахъ проходится подробнѣе то, что проходило въ низшихъ.

Въ четырехъ высшихъ классахъ, кромѣ подробныхъ, соотвѣтственныхъ нашимъ средне-учебнымъ курсамъ знаній по математикѣ, англійскому и китайскому языкамъ, исторіи и географіи, даются краткія свѣдѣнія по физикѣ, химіи, фізіологіи и естественнымъ наукамъ. Удѣляется время гимнастикѣ, пѣнію и рисованію. Но наиболѣе оригинальною особенностью японскихъ школъ являются курсы *воспитательные*, идущіе съ самаго низшаго класса до высшаго, благодаря которымъ японецъ, какого-бы сословія и состоянія онъ ни былъ, является человѣкомъ прилично держащимъ себя, вѣжливымъ и хорошимъ гражданиномъ.

Чтобы читатель могъ получить понятіе о томъ, что проходится на этихъ курсахъ, даю переводъ программы нынѣшняго года, утвержденной правительствомъ для всѣхъ школъ Японіи.

Младшій возрастъ.

Ученики IV (низшаго класса) 1 сем.

Апрѣль. О томъ, какъ долженъ ученикъ вести себя въ классѣ: классное поведеніе, прилежаніе. Какъ исправлять сдѣланные проступки. Экономія.

Май. О фізіономіи челоуѣка. Что надо дѣлать, ложась вечеромъ и вставая утромъ.

Іюнь. О честности. Гигіена. Объ отношеніяхъ къ родителямъ. О любви, ласкѣ и вообще отношеніи къ друзьямъ.

Іюль. О разговорахъ и бесѣдахъ, и какъ ихъ должно вести.

Августъ. Каникулы.

Сентябрь. О правдѣ. Объ учтивости. Объ уваженіи старшихъ.

Октябрь. О знакомствахъ. О визитахъ и посѣщеніяхъ. Объ отвѣтныхъ визитахъ.

Ноябрь. О помощи и пособіи. О необходимости не забывать оказаннаго пособія. Объ обращеніи съ прислугою. О необходимости держать комнату въ чистотѣ.

Декабрь. О дачѣ и полученіи вещей.

Январь. Объ энергіи. Объ услугахъ. О необходимости каждому стараться принести пользу своему государству.

Февраль. Объ одеждѣ. Правила обѣда. Какъ надо ставить приборы и кушанья.

Мартъ. Какъ надо собираться въ дорогу. Какъ поступать съ потерянными и чужими найденными вещами.

Ученики III класса.

Апрѣль. Объ обязанностяхъ на службѣ челоуѣка. О терпѣніи, о прилежаніи и экономіи.

Май. Какъ держать себя въ обществѣ. Физіономія. Какъ сидѣть. Входъ и выходъ изъ дома. Тѣлодвиженія. Забавы и игры.

Іюнь. О подчиненіи родителямъ и оказаніи добра. О любви къ друзьямъ и хорошихъ отношеніяхъ къ людямъ. О бесѣдѣ.

Іюль и августъ. Каникулы.

Сентябрь. О честности. О заглаживаніи проступковъ. О необходимости держать данное слово.

Октябрь. О свиданіяхъ и визитахъ.

Ноябрь. Учтивость и уваженіе къ старшимъ.

Декабрь. Объ опрятномъ содержаніи комнатъ. Какъ надо принимать и отдавать вещи.

Январь. О необходимости помогать другъ-другу. О необходимости помнить благодаренія. Объ обращеніи съ прислугою.

Февраль. Одежда и правила о кушаньяхъ.

Мартъ. Какъ поступать съ чужими найденными вещами.

Для учениковъ IV и V классовъ программа приблизительно та-же, но детали ея расширяются соотвѣтственно возрасту.

Въ четырехъ старшихъ классахъ опять проходятъ тотъ-же курсъ, но съ еще большими дополненіями и подробностями. Вотъ нѣкоторые пункты его программы: О храненіи интересовъ отечества. Объ уваженіи учителей и старшихъ. О разговорахъ въ семействахъ. О входѣ и выходѣ изъ класса. Что есть счастье и несчастье. Поведеніе внѣ классовъ. О содержаніи въ порядкѣ классныхъ вещей. Какъ держать себя со старшими и младшими сестрами. О разговорахъ въ школѣ. Какъ убирать садъ и дворъ. Какъ обращаться со шляпою, зонтикомъ и башмаками. Отношеніе къ учителямъ и пріятелямъ. О наукѣ. Какъ вести себя по дорогѣ въ училище. Какъ одѣваться въ японское платье. Какъ открывать и закрывать двери. Объ осторожномъ веденіи разговоровъ. Какъ подавать кушанье гостямъ. О чаѣ и пирожномъ. Какъ принимать награды и почести. Обязанности къ живымъ и мертвымъ и къ различнымъ сословіямъ народа. О совѣсти. Цѣль человека. О займѣ и отдачѣ вещей. Обязанности по отношенію къ родственникамъ. Обязанности по отношенію къ императору. О гигиенѣ питанія. О приглашеніяхъ. Объ обращеніи съ рѣдкими вещами. Объ обязанностяхъ по отношенію къ душѣ. О совѣсти. Обязанности въ дѣлахъ общественныхъ. О нарушеніи спокойствія.

Какъ вести себя въ отношеніи знатныхъ. О штемпеляхъ на конвертахъ. О брани и клеветѣ. О чтеніи чужихъ писемъ. Какъ держать себя въ гостяхъ. Какъ—на панихидѣ.

Изъ этой программы видно, что японская школа не довѣряетъ воспитанію родителей, но сама путемъ систематическихъ и практическихъ уроковъ стремится дать всѣмъ своимъ ученикамъ одинаковую культуру. Будучи школою для *всего народа*, она не боится, что въ нее попадутъ дѣти джинрикшей, сапожниковъ и портныхъ, которые портятъ манеры и возрѣнія учащихся вмѣстѣ съ ними дѣтей болѣе зажиточныхъ и привилегированныхъ родителей. Она не вручаетъ своихъ питомцевъ воспитателю лишь въ рекреационное время, когда дѣтямъ надо рѣзвиться и бѣгать и когда грѣшно да и невозможно читать имъ мораль и нравоученія. Манеры и нравственность здѣсь возведены въ науку. Приходя въ школу маленькимъ 6-лѣтнимъ глупышомъ, японецъ отъ легкихъ и простыхъ правилъ приличія, внушаемыхъ въ бесѣдахъ на урокъ, конкурируя въ ихъ исполненіи съ товарищами, мало-по-малу переходитъ къ усвоенію болѣе сложныхъ правилъ этикета. По мѣрѣ того какъ растетъ его умственный кругозоръ, ему внушаются не только правила школьника и благовоспитаннаго мальчика, но и гражданина.

Изученіе этого японскаго домостроя имѣетъ результатомъ вѣжливость и изящество манеръ, которыя поражаютъ европейца по пріѣздѣ въ Японію; оно-же причиною того, что за все время моего пребыванія на островахъ я не слыхалъ ни крупной брани, ни безобразныхъ сценъ между простонародьемъ. Весь народъ одинаково благовоспитанъ.

Чтобы дать путныхъ воспитателей для этой массы дѣтей и образовать націю, въ каждомъ уѣздѣ имѣется высшая школа для приготовленія преподавателей (если хотите, учительская семинарія). Это маленькій университетъ, гдѣ проходятся математика, исторія, географія, физика,

химія и естественныя науки, японская литература, англійскій и китайскій языки, по программамъ низшимъ, чѣмъ наши университетскія, но высшимъ, чѣмъ среднеучебныя.

Съ изумленіемъ пересматривая исписанныя іероглифами учебники, я призналъ въ нихъ переводы лучшихъ европейскихъ и американскихъ руководствъ. Химія Роско, ботаника Грея, геологія Лайеля и т. п. учебники, вращающіеся въ рукахъ нашихъ студентовъ, служатъ пособіями этимъ стипендіатамъ, долженствующимъ пробыть определенное число лѣтъ народными учителями.

Конечно, Японія имѣетъ и спеціальныя учебныя заведенія, сгруппированныя въ Токио; туда поступаютъ по экзаменамъ и, какъ и въ Америкѣ, платятъ большія деньги за обученіе. Тутъ есть, помимо университета, инженерныя, морскія и артиллерійскія училища. Но важно то, что правительство позаботилось объ открытіи достаточнаго числа семинарій, вручивъ образованіе народной массы не отставнымъ солдатамъ и разнымъ проходимцамъ, а дѣйствительно получившимъ путное образованіе людямъ.

Посѣщенные мною народная школа и учительская семинарія въ Кобэ произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Крошечные мальчики и дѣвочки, оставивъ свои зонтики и сандалии въ раздѣвальнѣ, чинными парами шли въ классы, гдѣ съ 8 часовъ утра начинаются уроки, дліящіеся до 2-хъ. Классная обстановка чисто европейская: такія-же скамьи, доски, каѳедра. Одѣтые по случаю лѣтнаго времени въ чистые, бѣлые сюртучки европейскаго покроя, учителя объясняли воспитанникамъ содержаніе урока или спрашивали ихъ. Иные писали задачу на доскѣ, заставляя учениковъ устно или письменно ее рѣшать. Ученики держали себя смирно и внимательно, и хотя появленіе въ классѣ иностранца и вызывало нѣкоторую сенсацію, однако не нарушало порядка урока. Ученики 8-ми-классныхъ училищъ носили форму. Я ихъ видѣлъ дѣлающими гимнастику. Ихъ здоровыя лица свидѣтельствовали, что наука ихъ не утомляетъ и не вредитъ организму.

Изъ уроковъ мнѣ были понятны лишь англійскіе. Съ преподавателемъ англійскаго языка я только и могъ бесѣдовать, и теперь вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ о той готовности объяснить все меня интересовавшее, какую я тутъ встрѣтилъ.

Посѣщеніе семинаріи оставило то-же впечатлѣніе. Ея кабинеты: физическій, химическій и натуральной исторіи, живо напомнили мнѣ то, что я видѣлъ у насъ въ Бѣлгородской учительской семинаріи. Но многіе и очень хорошіе приборы, напр. электрическія машины, были уже мѣстнаго издѣлія, изъ Токио. Гербаріи и зоологическія коллекціи оставляли еще желать многого, но зато маленькій садикъ и оранжерея давали все нужное какъ пособіе по преподаванію, а учебники и библіотека сдѣлали-бы честь любому мѣстному музею. Всѣ преподаватели и директоръ были японцы. Воспользовавшись европейскою наукою, японцы продолжаютъ ее сами, и если учебники ихъ переводные, то надо думать,—временно, такъ-какъ уже и теперь появляются мѣстные авторы. Преподаватель ботаники показалъ мнѣ одинъ списокъ японской флоры, японцемъ-же составленный, и указывая на инициалы Максимовича, стоящіе при нѣкоторыхъ видахъ, сказалъ мнѣ, что ими они обязаны трудамъ руссійскаго ученаго.

«Такъ вотъ каковы японцы!» подумалъ я, покидая стѣнныя заведенія. Двадцать лѣтъ назадъ европейцы считали ихъ дикарями; десять лѣтъ тому назадъ они искали учителей у своихъ сосѣдей, приглашали русскихъ инструкторовъ для войскъ и пытались посылать къ намъ учиться свою молодежь. Теперь они уже сумѣли выбрать отъ сосѣдей лучшее — прусскую систему въ арміи, американскую—въ школѣ, нѣмецкую — въ университетѣ, французскую — въ юриспруденціи и англійскую—въ судоходствѣ. Кто знаетъ, не придется-ли черезъ двадцать лѣтъ европейцамъ черпать знанія у этихъ маленькихъ островитянъ, къ которымъ Европа насильно прорубила окно.

Осмотрѣвъ самый городъ, я рѣшилъ, не теряя времени,

отправиться въ Кіото. Сдѣлать это было не трудно, такъ-какъ почти каждый часъ по направленію къ этому городу отходили поѣзда желѣзной дороги. Дорога эта мало чѣмъ отличалась отъ описанной мною въ первое путешествіе. Поражала только масса народа, входившаго и выходившаго изъ поѣздовъ, останавливавшихся обязательно на всѣхъ станціяхъ. Надо думать, дорога эта даетъ большіе доходы компаніи. Пейзажи были довольно однообразны. Поѣздъ вскорѣ покидаетъ горы, у подножія которыхъ стоитъ Кобэ, и мчится по равнинѣ, почти сплошь превращенной въ рисовое поле, или огороды съ другими растеніями.

Городъ Осаки, который я посѣтилъ по пути, подобно городамъ Европы, окруженъ безконечными огородами и чернѣется темною массою, изъ которой поднимаются сотни фабричныхъ трубъ. Безконечныя улицы со всевозможными складами мало интересны. Городъ получилъ тотъ прозаичный характеръ дѣлового фабричнаго центра, который такъ антипатиченъ на западѣ и такъ рѣзко фигурируетъ въ Японіи. Вліяніе Европы здѣсь виднѣе, чѣмъ на югѣ. Есть много казенныхъ построекъ въ европейскомъ вкусѣ, и что всего болѣе меня поразило, это—роскошное зданіе музея древнихъ японскихъ оружій и доспѣховъ. Не будучи компетентнымъ въ оцѣнкѣ выставленныхъ предметовъ, могу сказать лишь, что убранство зала, порядокъ выставленныхъ предметовъ, красота витринъ—все это сдѣлало-бы честь любому музею Европы. Древнее вооруженіе японскихъ героевъ, старавшихся устрашить врага своего болѣе внѣшностью, чѣмъ оружіемъ, крайне курьезно. Въ шлемахъ съ рогами и латахъ, они болѣе походили на чертей или на жуковъ, чѣмъ на людей. А громадныя сабли ихъ были такъ тяжелы, что ихъ едва можно было поднять двумя руками. Зато луки и стрѣлы отличались легкостью и изяществомъ отдѣлки. Процессъ надѣванія доспѣховъ былъ столь сложенъ, что для поясненія его выставлено 15 рисунковъ, гдѣ послѣдовательно изображены всѣ фазы одѣванія. Словомъ, въ эти еще недавно ми-

нувшія времена японскіе войны мало отличались отъ средневѣковыхъ рыцарей Европы. Около музея устроенъ базаръ, гдѣ можно очень дешево купить хорошенькія бездѣлки и вещи домашней принадлежности.

Въ Кіото безъ паспорта, выданнаго отъ консула, не пускаютъ. Паспортъ, впрочемъ, выдается безъ особыхъ затрудненій. Въ центрѣ города, котораго вы достигаете пройдя на джиприкшѣ по безконечнымъ и однообразнымъ улицамъ, расположенъ устроенный на европейскую ногу отель съ японскимъ отдѣленіемъ. Въ послѣднемъ, между прочимъ, жилъ во время своего пребыванія въ Кіото Наслѣдникъ Цесаревичъ, и тамъ до сихъ поръ хранятся два кресла на возвышеніи, на которыхъ сидѣли Его Высочество и микадо, и два недурно сдѣланные портрета. Здѣсь-же можно получить путеводителей и переводчиковъ, безъ которыхъ почти невозможенъ осмотръ столь богатаго достопримѣчательностями города.

Чтобы должнымъ образомъ познакомиться съ Кіото, нужно по меньшей мѣрѣ четыре или пять дней; въ одинъ день можно только обѣжать главнѣйшія изъ зданій города, имѣющаго, если вѣрить японцамъ, исторію столь-же древнюю, какъ Вавилонъ.

Кіото сталъ столицею Японіи съ 793 года, въ царствованіе знаменитаго императора Кванъ-Му, и оставался ею до 1868 года, т. е. до переворота, положившаго конецъ феодальной системѣ, когда столица была перенесена въ Токио. Теперь это главный городъ большой губерніи Яматаро, занимающей 25 кв. миль, съ населеніемъ около 400,000. Какъ городъ, Кіото мало отличается отъ другихъ городовъ Японіи. Но громадное количество храмовъ, разсѣянныхъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, дѣлаетъ его пунктомъ чрезвычайно интереснымъ для туриста. Особенно много здѣсь буддійскихъ храмовъ, отличающихся громадною величиною и внутреннимъ великолѣпіемъ. Что-же касается ихъ внѣшности, то они не производятъ большого впечатлѣнія. Всѣ они деревянные

съ черепичатыми крышами, и всѣ въ большихъ размѣрахъ воспроизводятъ одинъ и тотъ-же типъ японскаго буддійскаго или шинтускаго храма.

Описывать всѣ эти храмы значило-бы придать моему путешествію характеръ карманнаго путеводителя, что не входитъ въ мою задачу, тѣмъ болѣе, что въ Кіото такихъ путеводителей теперь продается масса не только на японскомъ, но и на англійскомъ языкѣ, точно такъ-же какъ и собраніе весьма недурныхъ фотографій храмовъ. Поэтому я остановлю вниманіе читателей лишь на главнѣйшихъ изъ нихъ, представляющихъ характеризующія народъ особенности. Это будутъ:

Дайбудзу-денъ. Съ виду мало интересная постройка, заключающая въ себѣ исполинское изображеніе сидящаго Будды. Въ Японіи всего три такихъ Будды: самый большой изъ нихъ находится въ Нара; второй по величинѣ — въ Камакура; тотъ-же, который въ Кіото, занимаетъ третье мѣсто. Онъ имѣетъ въ высоту 63 фута и нѣкогда, какъ и Будда въ Нара, состоялъ изъ чистой бронзы, будучи отлитъ на средства знаменитаго полководца въ 1578 г. Во время одного изъ пожаровъ, когда сгорѣлъ храмъ его покрывавшій, статуя была испорчена, и мѣдь, изъ которой она была отлита, употребили на монету, а вмѣсто идола сдѣлали деревяннаго Будду, который и былъ водворенъ на мѣсто въ 1600 г. Около храма находится колоколъ 14 футовъ высоты и 9 ф. 2 дюйма въ діаметрѣ при толщинѣ въ 5 дюймовъ. Этотъ японскій соперникъ московскаго царя - колокола отличается отъ него тѣмъ, что онъ звонитъ, тогда-какъ въ Москвѣ царь-колоколъ безмолвствуетъ. Впрочемъ, самый большой японскій колоколъ, находящійся въ особомъ зданіи въ Кіото, тоже не можетъ звонить, подобно московскому. Онъ находится при буддійскомъ храмѣ Chioin-in и подобно царю-колоколу составляетъ національную гордость японцевъ. Онъ имѣетъ 18 ф. высоты, 9 ф. въ діаметрѣ и $9\frac{1}{2}$ д. толщины. По формѣ онъ отличается отъ нашего, такъ

какъ его верхушка не сводообразной формы, а плоская; кромѣ того, у него нѣтъ языка, а звонятъ въ него ударя въ стѣнку металлическимъ биломъ.

Какъ-разъ противъ Дайбудзу находится холмъ, называемый *Миме-Тзука*, что значитъ—«могила ушей». Въ древности въ Японіи былъ обычай, что побѣдители отрѣзывали врагамъ головы и представляли ихъ полководцу. Въ 1592 г. снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ генерала Гидейоши для покоренія Кореи. Возвращаясь побѣдителемъ, онъ, въ виду массы убитыхъ на войнѣ корейцевъ, могъ доставить въ столицу какъ трофеи только ихъ уши, которыя и были похоронены въ этомъ холмѣ, свидѣтелъ того, что жестокость нравовъ въ Японіи въ 16-мъ столѣтіи мало уступала европейской.

Другой интересный и достойный осмотра храмъ, это *Sanjusangendî* — громадное деревянное зданіе, длиною въ 33 кепы (кепъ = 6 футовъ) = 198 ф., выстроенное въ 1156 г. императоромъ Готиракава. Храмъ этотъ заключаетъ въ себѣ 1,000 идоловъ позолоченныхъ и достигающихъ человеческого роста. Всѣ 1,000 идоловъ одинаковаго роста и поставлены какъ солдаты рядами—500 вправо и 500 влево отъ большого изображенія Будды и нѣкоторыхъ другихъ безобразныхъ идоловъ, занимающихъ среднюю часть храма, расположенную противъ паперти. На головѣ каждаго изъ 1,000 идоловъ есть еще по 30 маленькихъ истуканчиковъ, и столько-же они держатъ въ рукахъ, такъ-что въ общей сложности храмъ этотъ содержитъ 33,333 идола.

Но главными храмами города являются громадные выстроенныя на площади зданія *Higaschi Hongwangi*, расположенныя къ сѣверу отъ станціи желѣзной дороги. Этотъ храмъ былъ нѣкогда, подобно московскому кремлю окруженъ массою другихъ храмовъ и дворцовыхъ построекъ, которыя, къ сожалѣнію, сгорѣли во время переворота 1868 г. На ихъ мѣстѣ теперь строится громадныхъ размѣровъ храмъ, въ стилѣ *Higaschi hongwangi*, гдѣ многія стропила состоятъ изъ дорогихъ и громадныхъ испо-

линовъ японскаго лѣса невѣроятной толщины. Тяжести при постройкѣ этого храма поднимаются канатами до 9 дюймовъ въ діаметрѣ, сплетенными изъ человѣческихъ волосъ, приносимыхъ въ жертву народомъ для этого священнаго дѣла. Длина канатовъ достигаетъ нѣсколькихъ верстъ.

Старый храмъ съ его пристройками, куда посѣтителей пускаютъ только по спеціальному разрѣшенію первосвященника, достоинъ особаго вниманія. Этотъ древнѣйшій изъ храмовъ Кіото, помимо богатаго и роскошнаго буддѣйскаго капища, содержитъ рядъ древнихъ залъ, отдѣленныхъ для феодальныхъ принцевъ и императора, гдѣ эти именитыя особы останавливались, прѣзжая на богомолье, и гдѣ императоръ давалъ аудіенціи. Комнаты эти теперь стоятъ пустыми, но роскошная рѣзьба на кускахъ цѣльнаго дерева въ потолокѣ и стѣны, разрисованныя кистью лучшихъ японскихъ художниковъ,—замѣчательны. Это рисунки цвѣтовъ и птицъ на золотомъ фонѣ. Но растенія и птицы, несмотря на ихъ глубокую древность, сдѣланы неподражаемо и сохранили свѣжесть красокъ. Невольно въ этихъ открытыхъ во дворъ широкихъ залахъ рисуешь себѣ фантастическіе образы разодѣтыхъ и церемонныхъ японскихъ царедворцевъ. Говорятъ, что половицы этихъ залъ, скрипя подъ ногами, издаютъ звуки тѣхъ птицъ, которыя служили эмблемами на гербахъ феодаловъ. Лично я не обратилъ во время моего посѣщенія вниманія на этотъ скрипъ и думаю, что во всякомъ случаѣ подобіе птичьяго крика здѣсь было весьма отдаленное.

Изъ другихъ церковныхъ построекъ обращаютъ на себя вниманіе еще *Тазака радода*, небольшая башня, напоминающая по конструкціи китайскія фарфоровыя башни. Построенная въ честь бога покровителя пчелъ, она является имитаціей такихъ-же пагодъ въ Осака и Токио и типомъ архитектуры, необычнымъ въ японскихъ храмахъ.

Я могъ-бы перечислить около десятка другихъ святынь.

Для воздвиганія фундамента однѣхъ изъ нихъ изъ каждой провинціи Японіи съ великимъ трудомъ привозимы были громадныя камни, такъ-что фундаментъ этотъ можетъ быть сравненъ лишь съ циклопическими постройками или съ трудомъ народовъ, воздвигавшихъ дольмены; въ другихъ хранятся изображенія знаменитыхъ философовъ; третьи, расположенныя на высокихъ горахъ, пользующіяся роскошными панорамами, ютятся въ садахъ, манящихъ своею тѣнью и являющихся сборищами для народа во время церковныхъ празднествъ. Словомъ, каждый имѣетъ что-либо, что манитъ къ себѣ богомольца, что заставляетъ оставить для бонзы или для храма какое-либо приношеніе.

Въ противоположность другимъ городамъ, Кіото можно назвать царствомъ буддизма. Большинство храмовъ, и притомъ роскошнѣйшіе изъ нихъ—буддійскіе. Духовенство терпимо. Если вы надѣнете на сапоги нѣчто вродѣ калошъ изъ матеріи, чтобы не пачкать пола,—васъ пустятъ всюду, дадутъ осмотрѣть и престолъ, и всѣхъ идоловъ. Только разъ какой-то бонза, усердно молившійся подъ мѣрное постукиваніе въ барабанъ, вѣроятно за то, что я мѣшалъ ему сосредоточиться, сердито посмотрѣлъ на мѣ вслѣдъ.

Таковы храмы Японіи. Не могу, говоря о нихъ, не напомнить хотя въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, въ какомъ положеніи теперь находится въ Японіи религія. Вѣрованія японскаго народа представляютъ изъ себя наслоенія вліяній четырехъ различныхъ религій, мирно ужившихся и слившихся въ одно цѣлое.

Коренная и «истинная», исповѣдуемая императорскимъ домомъ религія Японіи—это религія *Шинту*, представляющая изъ себя поклоненія силамъ природы: солнцу, лунѣ, духу моря, горъ, господствующихъ надъ страной, вулкановъ, геніямъ-покровителямъ полей, лѣсовъ и т. п. Это нѣкогда первобытная естественная религія, вродѣ той, какая нынѣ исповѣдуется аинами сѣвера—вѣрованіе дикаря, видящаго невидимаго духа во всѣхъ непонятныхъ

для него и грандіозныхъ проявленіяхъ. Согласно ученію этой религіи, первый изъ японскихъ императоровъ—Jinmu Теппо,—является потомкомъ бога солнца, и благодаря своему божественному происхожденію, династія японскихъ императоровъ, какъ извѣстно—древнѣйшая въ мірѣ, окружена ореоломъ божественнаго престижа. Нравственный кодексъ религіи Шинту, какъ и всякой естественной религіи первобытнаго народа, весьма не сложенъ:—онъ учитъ не дѣлать ближнему зла, чтобы не имѣть отъ него того же. Благодаря невыработанности этого кодекса, когда еще при первыхъ императорахъ Японія пришла въ соприкосновеніе съ китайцами, окружившими дворъ микадо и внесшими сюда свои обычаи, явилась религія Конфуція. Она и дала тотъ нравственный законъ, котораго не было въ японской религіи, освятила почитаніе родителей и предковъ, уваженіе къ старшимъ, глубоко укоренившееся въ японскомъ народѣ и сдѣлавшееся столь распространеннымъ правиломъ, что отсутствіе этого принципа въ европейцахъ болѣе всего шокируетъ сыновъ страны восходящаго солнца.

Принявъ ученіе Конфуція, японцы сохранили суевѣрія шинтуской вѣры. Но еще тогда, какъ и нынѣ сахалинскіе айны, они не были настоящими идолопоклонниками. Храмы шинтускимъ богамъ всюду строились на возвышенныхъ мѣстахъ, въ поэтической дубравѣ густого лѣса. Собственно Богу посвящалась маленькая деревянная избушечка, всегда запертая, въ которой не ставилось никакого идола, а просто хранились эмблемы божества—круглое зеркало и скипетръ—которыя точно также служатъ и эмблемою царственной власти микадо. Передъ храмами Шинту устраиваются обыкновенно болѣе значительныхъ размѣровъ деревянные портики, располагаемые на горѣ, къ которымъ ведутъ лѣстницы, надъ коими стоитъ рядъ каменныхъ воротъ, состоящихъ изъ двухъ столбовъ съ перекладиной, съ оригинально загнутыми кверху концами.

Въ IX вѣкѣ изъ Китая въ Японію распространяется

ученіе Будды. Оно находитъ себѣ пріютъ въ Кіото и скоро распространяется по всей странѣ. Какъ это ни странно, но эта третья религія ужилась совершенно свободно съ двумя первыми; она давала народной массѣ именно то, чего не имѣла невыработанная первобытная религія Шинту и сухой сводъ законовъ Конфуція.

Буддизмъ создалъ обрядность. Онъ включилъ въ свиту своихъ божествъ божества религіи Шинту, онъ счелъ ихъ за воплощенія Будды; въ сонмъ тѣхъ-же божествъ включены были прославившіяся божества, герои японской исторіи. Шинтускіе храмы продолжали процвѣтать по-прежнему и рядомъ съ ними выросли болѣе грандіозные храмы буддистовъ.

Буддизмъ далъ народу эффектные, связанные съ увлекательными для народа обрядами, церемоніи и богослуженія. Эта религія дала ему объясненія и утѣшеніе въ скорбяхъ жизни, философію существованія и картину будущей жизни. Она распространила грамотность, и проникши въ массу, укоренилась въ ней. И донынѣ, выслушивая въ школѣ нравственный кодексъ Конфуція, японецъ ходитъ на поклоненіе въ шинтускій храмъ, куда на девятый день послѣ рожденія его носятъ для нареченія имени, а при похоронахъ его отпѣваетъ буддистъ, напутствуя въ загробное странствіе, о которомъ древнія религіи ничего не говорятъ.

Уже подъ вліяніемъ буддизма развились обрядности и у шинтускаго духовенства — пляски весталокъ и костюмы. Но шинтускій священникъ уже тѣмъ отличается отъ бонзы, что онъ не даетъ обѣта безбрачія. Онъ священникъ лишь до тѣхъ поръ, пока на немъ жреческое облаченіе; затѣмъ онъ обращается къ своимъ повседневнымъ занятіямъ самаго обыденнаго прозаическаго характера. Точно также и весталки выходятъ замужъ.

Храмы буддійскіе, какъ мы уже видѣли, въ противоположность шинтускимъ, окружены великолѣпіемъ, имѣютъ сложный штатъ бонзъ и переполнены идолами. Здѣсь

совершаются торжественныя празднества съ длинными богослуженіями. Нѣкоторыя имѣютъ характеръ дельфійскаго оракула.

Христіанство явилось четвертою религіею, пытавшеюся получить право гражданства въ странѣ восходящаго солнца. Католицизмъ, впервые занесенный сюда португальцами, былъ однако принятъ гораздо хуже, чѣмъ его предшественники: буддизмъ и ученіе Конфуція. Сходный по обрядовой сторонѣ и по многимъ нравственнымъ правиламъ съ буддизмомъ, онъ мало поражалъ новизною японцевъ. Но догматы, превосходства которыхъ не могли не видѣть сыны страны восходящаго солнца, мало прельщали этотъ практическій народъ. Видя въ пріѣзжавшихъ авантюристахъ людей нравственно значительно ниже себя, они всегда выставляли это на видъ миссіонерамъ, говоря: значитъ, религія ваша не имѣетъ силы, если послѣдователи ея такъ безнравственны. Тѣмъ не менѣе, усиліями миссіонеровъ ученіе Христа мало-по-малу распространялось, и въ періодъ португальскаго вліянія оно имѣло уже многихъ послѣдователей. Но въ послѣдующія феодальныя смуты вмѣшательство въ нихъ христіанъ оказалось политически опаснымъ для японскихъ гегемоновъ. Тогда воздвигнуто было гоненіе, которое заставило христіанъ-японцевъ вынести на дальнемъ востокѣ Азіи всѣ ужасы, испытанные во времена римской имперіи христіанскими мучениками. Въ концѣ-концовъ, христіанство въ Японіи было искоренено до-тла, кромѣ одного маленькаго округа въ Кіу-Сіу. Сами европейцы сильнѣе всего дискредитировали свою религію въ глазахъ туземцевъ, такъ-какъ единственные его представители—голландскіе купцы въ Нагасаки—вели торговлю съ Японіей подъ обязательствомъ ежегодно публично, передъ народомъ, топтать крестъ и евангеліе. Остальные христіане были изгнаны, обращены въ буддизмъ или лишены жизни, и красивая островъ-гора Пиппенбергъ, стоящая при входѣ въ Нагасаки, — печальный

свидѣтель сверженія съ ея утесовъ въ воду нѣсколькихъ сотъ христіанскихъ проповѣдниковъ.

Теперь, съ открытіемъ страны для европейцевъ, вновь предоставлена свобода проповѣди. Въ Токио есть даже православная миссія; въ Нагасаки — наши миссіонеры. Но врядъ-ли христіанство успѣетъ вытѣснить буддизмъ. Прежде чѣмъ оно это сдѣлаетъ, сюда, съ другими вѣяніями Европы, проникаютъ ученія скептиковъ и матерьялистовъ, и образованный японецъ столь-же мало склоненъ почитать своихъ пенатовъ, какъ и святыхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Киото является центромъ издѣлій изъ фарфора и клоазоннэ. Весьма любопытно поэтому посмотрѣть, какъ ведется это производство, столь восхищающее европейцевъ. Японцы охотно показываютъ свои фабрики, которыя, кстати сказать, трудно назвать этимъ именемъ. Такъ напр., на лучшихъ заводахъ клоазоннэ, меня провели въ рядъ внутреннихъ комнатъ японскаго дома, открывающихся прямо въ изящнѣйшій садъ миниатюрныхъ деревъ. На полу комнатъ, на циновкахъ, сидѣли мальчики, занимавшіеся кропотливою работою клоазоннэ. На мѣдную вещицу сначала наколачивается узоръ изъ проволоки, такъ-сказать контуръ или канва будущаго рисунка; затѣмъ щипчиками въ промежутки узора насыпается порошокъ изъ различныхъ веществъ, который обливается особымъ клеемъ. Засыпавъ мѣста, долженствующія имѣть красный цвѣтъ, вещицу обжигаютъ. Затѣмъ насыпаютъ такимъ-же способомъ бѣлые, синіе и другіе цвѣта, обжигая каждый разъ издѣліе. Готовую фигуру полируютъ, и тогда уже получаютъ тѣ чудныя мозаичныя вазы, блюда и другія вещицы, которыя при хорошемъ исполненіи работы кажутся выточенными изъ цѣльнаго камня или разрисованными. Хорошія клоазоннэ стоятъ сотни долларовъ. Это работы многихъ мѣсяцевъ, обыкновенно исполняемая на заказъ. Ихъ вы сразу отличите отъ тѣхъ дешевенькихъ клоазоннэ, которыя разнощики приносятъ на паро-

ходы. Эти послѣднія всегда устѣяны маленькими точечками и дырочками, тогда-какъ настоящія издѣлія изъ Кіото кажутся точно выточенными изъ цѣльнаго куска. Издѣлія клоазоннэ, такимъ образомъ, чисто кустарныя, хотя исполненныя несравненно изящнѣе и при гораздо болѣе благопріятныхъ для рабочихъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Фарфоровыя фабрики, въ силу самаго характера производства, имѣютъ менѣе эстетичный видъ. Ручныя станки, масса глины, грязные полы. Но здѣсь вы поражаетесь искусствомъ, съ какимъ, вращая на станкѣ кусокъ глины, рабочій въ нѣсколько минутъ на вашихъ глазахъ придаетъ ему форму стакана, вазы или тарелки. Процедура обжиганія и окрашиванія, равно какъ и наведеніе глазури, напоминаетъ наши, почему о нихъ распространяться не будемъ. Въ складахъ при фабрикахъ можно видѣть чудныя выставки издѣлій. Здѣсь вы легко отличите сатсумскій типъ съ массою золота и золотыхъ рельефныхъ украшеній и сѣверные типы съ изящными тонкими цвѣтными узорами и рисунками. Европа и здѣсь уже оказала свое вліяніе. Наряду съ японскимъ типомъ посуды: вазами, курильницами и т. п., вы видите наши тарелки, столовые, чайные и кофейные сервизы и проч.

Въ Кіото, повидимому, какъ въ древне-японскомъ городѣ, можно было-бы ожидать болѣе характерныхъ сценъ японской жизни, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Можетъ быть, во время японскихъ празднествъ оно и такъ; но въ обыденное время нельзя замѣтить ничего особеннаго. Какъ и въ Кобэ, главное оживленіе на улицахъ—вечеромъ. Толпы народа снуютъ взадъ и впередъ по улицамъ вдоль освѣщенныхъ лавокъ. Изъ ресторановъ слышны звуки музыки и пѣнія гейшъ. Театры, которыхъ въ Кіото множество, но которые мало отличаются отъ описаннаго въ Нагасаки, полны народа. Наконецъ, какъ во Франціи или у насъ на масляной, дѣйствуетъ масса маленькихъ балаганчиковъ, гдѣ или показываютъ китай-

скія тѣни, или фокусникъ даетъ представленія, или фигурируютъ жонглеры, или наконецъ просто устраиваются игры.

Кромѣ театровъ съ представленіями чисто историческаго характера, въ Кіото много балагановъ, гдѣ публично танцуютъ гейши подъ акомпаниментъ пѣнія. Ихъ танцы, конечно, болѣе скромны, чѣмъ въ гостинницахъ и трактирахъ, но также порою бываютъ не лишены цинизма.

Гораздо своеобразнѣе театръ древнихъ придворныхъ танцевъ съ религіозной подкладкой. Это, такъ-сказать, столичный балетъ. Здѣсь даются старинныя пьесы, которыя очень непонятны для европейца, такъ-какъ вмѣсто пѣнія здѣсь происходятъ прямо завыванія, мало отличающіяся отъ тѣхъ, какія вы слышите въ звѣринцѣ у клѣтокъ, гдѣ заперты волки и другіе звѣри. Особенно дикъ этотъ вой въ патетическихъ мѣстахъ пьесы. Мой переводчикъ не могъ мнѣ объяснить, что заставляетъ артистовъ издавать эти далеко не гармоничные звуки и подражать животнымъ. Красивы только роскошные древніе костюмы. Болѣе получаса въ такомъ театрѣ высидѣть трудно, хотя японцы засиживаются здѣсь до полуночи.

Въ лунныя ночи много народа гуляетъ по набережной и по берегамъ рѣки, протекающей черезъ городъ. Пускаютъ ракеты и пьютъ чай въ маленькихъ садикахъ на берегу рѣки.

Въ окрестностяхъ города есть нѣсколько ресторановъ и храмовъ, славящихся видами и знаменитыхъ въ Японіи. Но на мой взглядъ, знаменитостью они обязаны лишь близости къ столицѣ: въ Японіи очень много мѣстъ болѣе красивыхъ.

Чтобы закончить осмотръ буддійскихъ святынь, доступныхъ въ Кобэ европейцу, я проѣхалъ въ г. Нара, куда проведена изъ Осаки побочная желѣзнодорожная вѣтвь. Маленькій городокъ этотъ переполненъ храмами, изъ которыхъ безусловно самый замѣчательный—это храмъ гигантскаго Будды, сдѣланнаго изъ бронзы. Вокругъ

исполина расположенъ рядъ витринъ съ маленькими идолами и другими предметами сѣдой старины. Такимъ образомъ, храмъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и музей древностей.

Къ сожалѣнію, при выборѣ вещей японцы не прилагали достаточной критики, почему древность многихъ вещейъ очень сомнительна. Сужу по тому, что въ числѣ другихъ курьезовъ этого музея-храма я нашолъ муміи крылатаго дракона и человѣка-рыбы. Первая была около полутора фута длины и представляла иглистаго, напоминающаго ящерицу, чудовища съ крыльями—фантастическаго дракона японскихъ гербовъ. Человѣкъ-же-рыба была мумія ребенка, у котораго вмѣсто нижней части тѣла былъ рыбій хвостъ. Надо думать, что оба курьеза были мазурнической продѣлкой какого-нибудь американца, за большія деньги заставившаго наивныхъ японцевъ купить эти вещи для музея.

Самое лучшее мѣсто въ Нара — это маленькій шинтускій храмъ, расположенный на горѣ, окруженный восхитительнымъ паркомъ криптомерій и вѣчно-зеленыхъ дубовъ; въ немъ ходятъ цѣлыя стаи ручныхъ оленей, до вѣрчиво подбѣгающихъ къ проходящимъ, чтобы получить отъ нихъ нѣсколько лепешекъ, специально для нихъ продаваемыхъ. Самый храмъ, какъ и всѣ шинтускіе храмы—маленькое невзрачное зданіе, пріютившееся въ поэтической глуши растущаго на горѣ лѣса.

Роща начинается большимъ кладбищемъ, около котораго нѣсколько храмовъ; выше вы вступаете въ чудный лѣсъ изъ криптомерій столѣтняго роста и исполинскихъ размѣровъ. Это и есть обиталище божества. Въ храмѣ, на открытой верандѣ совершаются молебны для желающихъ. Ихъ могутъ справлять и не буддисты. За долларъ ихъ отслужатъ и для европейца. Помимо чтенія молитвъ, молебны эти состоятъ изъ танцевъ весталокъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья. Онѣ (3 или 4) дѣлаютъ плавныя движенія то съ зелеными вѣтками, вродѣ оливковыхъ, то съ цвѣтами, то съ какими-то символическими жезлами. Движе-

нія ихъ очень стройны и изящны. Бонзы имъ акомпанируютъ на музыкальныхъ инструментахъ. Эти изящные танцы среди прелестной дикой природы лѣса очень поэтичны: они переносятъ васъ въ древній античный міръ. Иллюзія была-бы полная, еслибы не типы женщинъ, чисто японскіе, напоминающіе вамъ, что вы въ Азіи. На память, обыкновенно, дается вамъ молитва молебна съ рисункомъ исполняющихъ его весталокъ.

Нара славится лучшими въ мірѣ сабельными клинками. Теперь, между прочимъ, ихъ готовятъ въ видѣ стилетовъ, удобно вкладывающихся въ палку, могущую служить посохомъ.

Близъ самага Кобэ, на одной изъ высокихъ вершинъ хребта, поднимающагося къ югу отъ города, находится еще болѣе эффектный по положенію храмъ луны. Восхождение туда весьма затруднительно, такъ-какъ гора высока и крута. Но чудный видъ вознаграждаетъ за трудъ. Кромѣ того, растительность склоновъ, оставленная въ первобытномъ состояніи, даетъ много интереснаго для натуралиста. Тутъ есть сосновые лѣса, своею обстановкою переносящіе васъ на сѣверъ, но встрѣчается много и чернолѣсья. Послѣднее менѣе разнообразно, чѣмъ на Кіу-Сіу. Зато бросается въ глаза удивительное богатство разныхъ сортовъ дуба, листь котораго напоминаетъ то каштановый, то мелкій дубовый, то ивовый. Такое разнообразіе дубовъ я встрѣчалъ только въ Америкѣ. На вершинѣ — богатый храмъ луны, своего рода дельфійскій оракулъ Японіи. Здѣсь, потрясая съ молитвою передъ дверями храма колчанъ со стрѣлами, вопрошающій божество вытягиваетъ одну изъ нихъ, и бонза вынимаетъ соотвѣтствующее ея номеру предсказаніе. Японцы придають большую вѣру этому предсказанію.

Тутъ-же помѣщаются монастырь и страннопріимный домъ, гдѣ помимо обѣда вы получаете отъ духовенства особый медъ, какъ говорятъ, обладающій цѣлебными свойствами.

Японцы любятъ дѣлать паломничества къ своимъ хра-

мамъ; но, насколько я могъ замѣтить, религіозный скептицизмъ уже и здѣсь проникъ въ массу. Многіе увѣряютъ, что не столько молитвы и заступничество бога, сколько моціонъ и чистый воздухъ окружающихъ храмы лѣсовъ содѣйствуютъ выздоровленію страждующихъ и спокойствію духа огорченныхъ. Мой проводникъ, показывая на исполинскую статую Будды, замѣтилъ: «Въ нашъ вѣкъ изъ этой массы мѣди сколько полезныхъ вещей можно-бы было сдѣлать!»

Изъ Кіото можно въ нѣсколько часовъ проѣхать въ городъ Отсу, ставшій хорошо извѣстнымъ русской публикѣ послѣ покушенія на жизнь Наслѣдника Цесаревича. Самый городъ, кромѣ храма, съ котораго открывается чудный видъ на величайшее въ Японіи озеро; у подножія котораго онъ расположенъ, ничѣмъ особенно не замѣчательнъ. Въ Отсу можно проѣхать по желѣзной дорогѣ и въ экипажѣ. Послѣдній путь гораздо интереснѣе. Онъ пролегаетъ по чудной дорогѣ среди бамбуковыхъ лѣсовъ, дачъ и рощъ. Несмотря на сѣверное положеніе, пальмы, бамбуки и другіе субтропическія черты природы выражены не слабѣе, чѣмъ на Кіу-Сіу. Также изобилуетъ цвѣтушій лотосъ. Самое интересное въ пути — это длинный судоходный каналъ изъ озера въ Кіото. Японцы не затруднились пробить черезъ отдѣляющія озеро горы длиннѣйшій туннель и провести каналъ въ этомъ туннелѣ. Этотъ единственный видѣнный мною грандіозный подземный искусственный водный путь сообщенія въ высшей степени любопытенъ.

Осмотромъ этихъ пунктовъ я и ограничился въ это второе мое посѣщеніе Японіи. «Кострома» снималась съ якоря, и мнѣ нужно было возвратиться на бортъ, чтобы продолжать свое плаваніе подъ тропики.

XV.

Прибытіе въ Батавію.—Первое впечатлѣніе города.—Новый европейскій кварталъ.—Желѣзная дорога въ Buitensorg.—Отель «Belle-vue».

22-го сентября въ 8 час. утра меня разбудилъ въ моей каютѣ вѣстовой парохода «Godavery» словами: «Monsieur, nous voilà à Priok». Я живо одѣлся, вышелъ на палубу со своимъ небольшимъ дорожнымъ чемоданомъ и еще черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ въ вагонѣ поѣзда, мчавшаго меня изъ гавани Tanjong Priok, гдѣ останавливаются теперь всѣ суда, въ Батавію, исходный пунктъ моихъ экскурсій по Явѣ.

Итакъ, давнишняя мечта моего дѣтства исполнилась. Желаніе видѣть тропики, къ которымъ вотъ уже годъ какъ были направлены мои помыслы—удовлетворено. Я ѣду по тропической странѣ,—можно сказать, по странѣ тропической попреимуществу, тропической до пес plus ultra. Съ нею по могучести растительнаго міра, по его роскоши и богатству, по теплу и влагѣ климата, какъ говорятъ, едва можетъ соперничать Бразилія, это эльдорадо тропиковъ. Это отечество тигровъ, носороговъ, тапировъ и обезьянъ. Это тѣ тропики, гдѣ кишатъ ядовитыя змѣи и насѣкомыя, гдѣ человѣкъ подавляется могучею природою, дѣлается ея рабомъ. Здѣсь теперь, когда тамъ, въ сѣверномъ полушаріи, въ Россіи, наступаетъ осень съ ея холодами и ненастьемъ—мнѣ пред-

стоитъ провести нѣсколько мѣсяцевъ путешествія подъ вертикальными лучами стоящаго въ зенитѣ солнца. И невольно, поэтому, достигнувъ этой обѣтованной земли, я жадно впивался глазами въ окружающій меня міръ, въ малѣйшія детали ландшафта.

Но ничто изъ окружавшей меня природы не говорило о томъ, что я попалъ въ страну, которую народы Востока считали за мѣсто Эдема, изъ котораго былъ изгнанъ первый человѣкъ. Справа и слѣва изъ оконъ вагона виднѣлись, куда хватаетъ глазъ, болота. Эти болота отъ времени до времени пересѣкались прямыми какъ стрѣлы каналами. Такой-же точно каналъ тянулся вдоль полотна желѣзной дороги, и около него было проложено шоссе. Каналы эти, шириною почти съ нашу Мойку въ Петербургѣ, предназначенные для движенія барокъ, не были, однако, оживлены судами. Надъ ихъ мутными желтоватыми водами возвышался кустарникъ, который затѣмъ, покрывая полузатопленные пространства, тянулся куда хватаетъ глазъ, придавая болоту печальный однообразный видъ. Кустарникъ этотъ былъ, правда, кустарникъ тропическій, не тотъ, что привыкъ видѣть глазъ на болотахъ сѣвера. Выше человѣческаго роста, онъ состоялъ по большей части изъ породъ съ толстыми кожистыми листьями, напоминающими листья нашихъ фикусовъ, но болѣе мелкими и гуще сидящими. Онъ переплетался съ преобладавшими, на болѣе залитыхъ мѣстахъ, листьями пальмъ *Nipa fruticans*, перистыми, какъ у нашихъ финиковыхъ, но выходящими прямо изъ земли. Въ этомъ сплетеніи не было ни красоты, ни правильности, ни изящества. Тамъ и сямъ торчали, какъ метлы, стволы кокосовыхъ пальмъ. Но во всемъ уступая пальмамъ финиковымъ, они мало оживляли ландшафтъ съ его не столько голубымъ, сколько сѣрымъ небомъ, тяжелымъ, давящимъ, хотя не столь мрачнымъ, какъ наши пасмурные дни сѣвера, но не имѣвшемъ ни ясности, ни прозрачности.

Прибавьте къ этому жаркую, чисто банную атмосферу, и вы получите первое ощущеніе человѣка, ступившаго на яванскую почву. Мало оно соотвѣтствуетъ рисуемому воображеніемъ, феерически дивному тропическому міру.

Прежде суда останавливались на открытомъ рейдѣ. Пассажиры пересаживались въ мелкіе пароходы и лодки и по упомянутымъ выше каналамъ поднимались въ Батавію. Сердце голландскаго патріота радовалось, видя тѣ-же, что и на родинѣ, сцены. Каналы держались въ порядкѣ, и голландецъ постепенно, по этимъ обсаженнымъ деревьями водянымъ улицамъ, какъ въ Голландіи, въѣзжалъ въ такъ мало похожую на его отечественные города столицу острова. Теперь не то. Удобное устье Tanjong Priok даетъ возможность судамъ подходить прямо къ набережной, съ которой поѣзда недавно отстроенной желѣзной дороги мчатъ васъ, минуя каналы, въ Батавію, расположенную въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, среди болотистой низменности и окруженную рощами кокосовыхъ деревьевъ.

Еще нѣсколько минутъ, и я былъ въ городѣ. Омнибусъ изъ Hôtel de Java, рекомендованнаго мнѣ еще на пароходѣ, избавилъ меня отъ непріятнаго положенія искать гостиницы въ городѣ, гдѣ я не могъ говорить ни на одномъ изъ распространенныхъ въ немъ языковъ.

Батавія, какъ и всѣ голландскія колоніи, находится на совершенно особомъ положеніи. Въ колоніяхъ французскихъ и англійскихъ, даже въ Японіи, не говоря уже о Египтѣ, вы смѣло можете обратиться къ первому встрѣчному по-англійски. Если не пойметъ васъ онъ — пойметъ его сосѣдъ и переведетъ что нужно. Не то у голландцевъ. Они не только не учили, но даже запрещали туземцамъ изучать свой языкъ, и потому, чтобы васъ могли понять на улицѣ, вы должны говорить по-малайски, — языкъ, которымъ здѣсь владѣютъ всѣ живущіе въ колоніи европейцы; не зная его, вы беспомощны, хотя-бы говорили на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая и

голландскаго. Послѣдній для путешественника здѣсь почти излишенъ. Чуть-ли не всѣ голландцы, живущіе на Явѣ, если не говорятъ, то понимаютъ или по-французски, или по-нѣмецки, и съ этими двумя языками, обращаясь въ магазинѣ, на станціи или на улицѣ къ европейцу, вы всегда будете поняты, и въ первое время это единственный способъ выяснить неизбѣжныя при незнаніи малайскаго языка недоразумѣнія съ туземцами. Но рано или поздно и вы придете къ сознанію полной необходимости выучиться по-малайски, иначе роль ваша будетъ не лучше француза или нѣмца, попавшаго въ глушь русской провинціи. Пріѣхавъ въ Батавію, я не зналъ, что найду въ лицѣ голландцевъ исключеніе изъ прочихъ европейцевъ Запада, какъ извѣстно не очень-то прилежныхъ въ изученіи языковъ своихъ сосѣдей, почему и поспѣшилъ пріютиться подъ крылышко французской гостиницы.

Послѣ легкой закуски я попросилъ хозяина нанять мнѣ экипажъ къ русскому консулу, и такъ-какъ послѣдній находился въ другомъ концѣ города, то вмѣстѣ съ тѣмъ я воспользовался случаемъ осмотрѣть Батавію.

Экипажи, употребляемые для ѣзды въ городахъ, на Явѣ крайне своеобразны и нельзя сказать, чтобы удобны. Это такъ-называемые *dos-à-dos* — одноколесные и двухколесные экипажи, крытые сверху небольшимъ навѣсомъ и съ однимъ общимъ сидѣньемъ. Кучеръ править лошадыю, вы-же садитесь къ нему спиною и видите только тѣ части улицы, которыя миновали.

Всѣ дѣловыя учрежденія города находятся въ его сѣверной половинѣ, которая по внѣшности своей напомнила мнѣ наши неблагоустроенные степные провинціальныя города. Не вполне правильныя, страшно пыльныя, немошенныя улицы, съ одноэтажными казарменными каменными зданіями неуклюжей архитектуры; выкрашенныя, какъ у насъ, въ бѣлую краску, по большей части не отбѣненные зеленою, они заставляютъ васъ со-

вершенно позабыть, что вы подъ тропиками, и переносятъ васъ въ родныя степи, а запахъ дегтю, мелочныя лавочки, колонны базарныхъ зданій и все застилающая пыль—дополняютъ эту иллюзію. Чтобы имѣть право разѣзжать внутри острова, я долженъ былъ взять въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи нѣчто вродѣ вида на жительство (онъ здѣсь выдается всѣмъ пріѣзжимъ). И здѣсь, въ этомъ зданіи, я опять почувствовалъ себя какъ въ Россіи. Тѣ-же голыя бѣлыя стѣны казенной комнаты, толпа ожидающихъ лицъ, столъ съ забрызганнымъ чернилами сукномъ, 2—3 чиновника, по случаю жары въ порядочномъ дезабилье, и полицейскій у входа. Та-же медленность производства дѣла. Впрочемъ, путешественникамъ-иностранцамъ голландцы затрудненій не дѣлаютъ, и я безъ препятствій получилъ нужный документъ; но къ своимъ и эмигрантамъ они очень придирчивы.

Въ колонію пролетаріатъ, люди безденежные, совершенно не допускаются. Пріѣзжему голландцу сейчасъ-же предъявляется допросъ: — «А на какія средства вы, милостивый государь, намѣрены здѣсь существовать?» И въ случаѣ, если новоприбывшій субъектъ не представитъ убѣдительныхъ доказательствъ, что онъ имѣетъ средства къ жизни—его немедленно высылаютъ съ первымъ-же пароходомъ обратно.

Такимъ образомъ европейцы на Явѣ — люди болѣе или менѣе обезпеченные; нѣтъ между ними голи, нѣтъ поэтому и случаевъ и проступковъ, роняющихъ престижъ бѣлаго человѣка въ глазахъ туземцевъ. И, какъ мы увидимъ ниже, онъ здѣсь еще очень высокъ; только въ городахъ портовыхъ и гостинницахъ туземцу приходится видѣть во всей наготѣ слабости бѣлаго; здѣсь и отношеніе къ нему уже другое.

Къ югу отъ этой старинной и дѣловой Батавіи, соединяя ее съ Батавіею новою, тянется китайскій кварталъ города,—точно также пыльные ряды бѣлыхъ одноэтажныхъ зданій, занятыхъ большею частью лавками съ ихъ

всевозможными мелочными товарами. Специфическаго китайскаго запаха нѣтъ, и хотя черепичныя крыши зданій формою своею еще напоминаютъ стиль китайскихъ построекъ, онѣ по чистотѣ своей болѣе подходятъ къ европейскимъ. Характеръ товаровъ не носитъ ничего специфически китайскаго. Нигдѣ, ни въ Сингапурѣ, ни во Владивостокѣ, ни даже въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ китайцы не потеряли въ такой мѣрѣ своего характернаго облика, какъ здѣсь. Китайскаго въ ихъ внѣшности только и осталось, что коса да черты лица. Они уже вмѣсто своихъ шапочекъ носятъ европейскаго фасона котелки, башмаки и панталоны, и только бѣлая кофта китайскаго покроя, усвоенная здѣсь на востокѣ и европейцами, является остаткомъ китайскаго костюма. Лица ихъ, болѣе смуглыя, имѣютъ въ себѣ меньше монгольскаго, и даже косы какъ-то не хотятъ расти въ тропическомъ климатѣ Явы. Нигдѣ здѣсь я не видѣлъ тѣхъ длинныхъ, до полу болтающихся, черныхъ какъ смоль косъ, какъ въ собственномъ Китаѣ и Сингапурѣ—косъ, заставлявшихъ меня при видѣ китайца почему-то вспоминать о пароходныхъ крысахъ. Здѣсь большая часть косы замѣнена вплетенными въ нее и какъ коса-же заплетенными голубыми или розовыми снурками. Кажется, будто косы эти—приставныя, искусственныя, а собственныхъ волосъ на головѣ китайца не болѣе, чѣмъ на европейской. Кромѣ того, самая коса только едва держится на затылкѣ; остальная часть головы выбрита какъ у магометанина, что опять отличаетъ фizioномію яванскаго китайца отъ жителя Небесной имперіи, у котораго голова выбрита лишь на половину и на границѣ съ небритою частью торчмя стоятъ короткіе, черные, грубые волоски.

Но что особенно отличаетъ китайскіе кварталы Батавіи, равно какъ и всѣхъ тѣхъ городовъ, которые я посѣщалъ впослѣдствіи—это ихъ относительная чистота. Человѣкъ, бывавшій въ собственномъ Китаѣ, не мо-

жетъ себѣ представить китайскаго города безъ непролазной грязи, тѣсноты и вони. Таковы кварталы эти и въ другихъ странахъ. Ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Это такія-же торговыя улицы, какъ и части европейскаго города.

За китайскимъ кварталомъ слѣдуетъ новая жилая часть европейскаго города. Только здѣсь вы начинаете чувствовать, что вы—подъ тропиками, да и то далеко не сразу.

Опять каналы, обнесенные аллеями изъ *Tamarindus indica* съ мелкою разрѣзною листвою, напоминающею наши гледичіи юга Россіи. Но дома здѣсь уже не сплочены въ тѣсныя улицы. Это — особняки, окруженные со всѣхъ сторонъ палисадниками. Фонъ этихъ палисадниковъ образуютъ пальмы и другія тропическія деревья. Спереди-же, въ довольно безобразныхъ горшкахъ, полукругомъ, на деревянныхъ табуреткахъ, разставлены кусты чахлыхъ розъ или посажены безобразные кусты пестролистаго *Croton*. Европейецъ черезчуръ консервативенъ, чтобы отстать отъ обычаевъ, выработанныхъ въ бѣдной и жалкой природѣ его родины; окруженный здѣсь чудной и богатой растительностью, онъ попрежнему стремится имѣть передъ балкономъ своего дома тѣже жалкіе палисадники — красивые въ туманной Голландіи, но далеко не производящіе эффекта здѣсь. Только роскошныя тропическія деревья оттѣняютъ фонъ домовъ. Чѣмъ далѣе внутрь города, тѣмъ гуще и разнообразнѣе становится этотъ лѣсъ исполинскихъ деревьевъ, въ которомъ начинается утопать городъ, пока не потонетъ совсѣмъ, превратившись въ роскошный паркъ, въ которомъ изъ-за деревьевъ выглядываютъ постройки европейца.

Я не буду теперь описывать этой части города, такъ-какъ и самъ я съ нею познакомился лишь въ послѣдствіи, въ самые послѣдніе дни моего пребыванія на Явѣ. Скажу только, что въ этой блестящей растительностью

части города живетъ большинство батавскихъ европейцевъ; здѣсь помѣщаются главныя достопримѣчательности города: дворецъ генераль-губернатора, въ которомъ онъ, впрочемъ, не живетъ, такъ-называемое Groote huis, нѣсколько памятниковъ, армянская церковь. Всѣ эти достопримѣчательности Батавіи, которыми гордятся яванцы, едва-ли сто́ють вниманія туриста, видѣвшаго хорошія европейскія зданія и памятники, и развѣ только такъ-называемый Gambir или Konigsplein — громадное поле въ одну квадратную версту, окруженное чудными домами и дачами, — заслуживаетъ посѣщенія, равно какъ и весьма недурной этнографическій музей. Зоологическій и ботанический сады города также, кромѣ развѣ крупныхъ орангъ-утанговъ, не представляютъ ничего занимательнаго.

Поэтому я поспѣшилъ елико возможно скорѣе покинуть пыльную и душную столицу и, повидавшись съ консуломъ, въ тотъ-же день сѣлъ на поѣздъ, чтобы переѣхать въ Buitensorg и, избравъ этотъ городъ за центръ экскурсій, изъ него уже изучать растительность острова.

Путь изъ Батавіи до Buitensorg'a беретъ около 2-хъ часовъ, но и здѣсь желѣзнодорожные пейзажи мало соответствуютъ тому, что мы привыкли ожидать отъ тропиковъ. Лѣса, когда-то одѣвавшие сѣверный берегъ Явы, давно уже уничтожены. Большія деревья вырублены; на ихъ мѣстѣ остался кустарникъ-подлѣсокъ, столь-же мало величественный и изящный, какъ и мангровые лѣса около Tanjong Priok. Рисовыя поля и плантаціи, напоминающія издали питомники нашихъ древесныхъ школъ, также не придаютъ изящества пейзажу. Мѣста неводѣланные покрыты травой въ перемѣшку съ сорнымъ кустарникомъ столь любимой въ нашихъ купеческихъ домахъ лантаны. Трава эта имѣетъ какой-то линияло-свѣтло-зеленый цвѣтъ, точно ей было недостаточно свѣта, чтобы развить вполне хлорофилъ въ своихъ листьяхъ.

Какая разница съ весеннею зеленою поѣвовъ и степей въ Туркестанѣ! Тамъ, наоборотъ, всѣ всходы имѣютъ столь непривычный темнозеленый цвѣтъ, что онъ поражаетъ взоръ послѣ зелени нашихъ полей и луговъ. Ничего, ничего, связываемаго нами съ представленіемъ о тропикахъ: ни дѣвственныхъ лѣсовъ, ни исполинскихъ ліанъ и орхидей, ни древовидныхъ папоротниковъ!

Станціи довольно часты. На нихъ толпятся малайцы—все пассажиры 3-го класса. Это смуглый желто-коричневый народъ, обыкновенно одѣтый въ короткіе до колѣнъ панталоны изъ тонкой цвѣтной матеріи. На бедрахъ у нихъ намотанъ широкій кусокъ пестрой матеріи, во время оно, вѣроятно, составлявшій весь костюмъ малайца и теперь сохранившійся по традиціи. Сверху—застегнутая на одну пуговицу коротенькая бѣлая курточка, дающая видѣть коричневое тѣло груди. На головѣ нѣчто вродѣ небольшого тюрбанчика. Все это довольно тонкое и яркихъ цвѣтовъ, дѣлающее шумящую и болтающую толпу подобіемъ пестрыхъ попугаевъ. Ростъ малайца небольшой, чѣмъ онъ напоминаетъ японца; но его лицо красивѣе, чѣмъ у послѣдняго, живѣе и выразительнѣе. Черные глаза и черные, большею частью коротко обстриженные волосы напоминаютъ неаполитанца. Народъ этотъ болтливъ, общителенъ и смѣтливъ какъ и итальянцы, но ему, конечно, далеко до граціи послѣднихъ. Женщины въ длинныхъ платьяхъ и кофточкахъ съ заплетенными волосами по костюму напоминаютъ болѣе европейскъ, хотя по граціи онѣ далеки отъ нихъ.

Кромѣ малайцевъ, на промежуточныхъ станціяхъ никто не садился. Въ первомъ и второмъ классахъ ѣхали больше европейцы и нѣсколько знатныхъ, по-европейски одѣтыхъ туземцевъ и китайцевъ. Число ихъ невелико и на весь поѣздъ былъ всего одинъ смѣшанный вагонъ 1-го и 2-го класса.

Съ середины пути пошолъ проливной, чисто тропиче-

скій дождь. Цѣлые потоки воды лились съ неба, слышались раскаты грома, и все окружающее скрылось въ этихъ потокахъ.

Уже почти въ сумеркахъ мы достигли Buitenzorg'a, и омнибусъ подъ дождемъ доставилъ насъ въ отель «Belle vue», рекомендованный мнѣ консуломъ. За 6—8 флориновъ въ сутки въ этой лучшей въ городѣ гостинницѣ вы имѣете комнату, столъ и прислугу. Здѣсь я и остановился на нѣсколько недѣль.

Прежде чѣмъ описывать самый городъ, гдѣ сразу послѣ моря и однообразныхъ желѣзнодорожныхъ ландшафтовъ вы попадаете въ превосходящій всякое описаніе чудно-тропическій міръ, скажу нѣсколько словъ о моемъ помѣщеніи.

Голландская гостинница на Явѣ, хотя-бы то и былъ отель 1-го ранга, мало походитъ на то, что мы разумѣемъ подъ этимъ именемъ въ Европѣ или другихъ европейскихъ колоніяхъ Азіи. Она создается мѣстными условіями жизни. Ея строй—сколокъ съ строя жизни и устройства явайскаго европейскаго дома.

Этотъ послѣдній хотя строился и изъ камня и забѣленъ известью какъ малороссійскія хаты или наши казенныя зданія губернскихъ городовъ, непохожъ однако на наши дома. Европейскій типъ постройки, который вы еще видите въ старой Батавіи, уже оставленъ. Теперь строящіеся здѣсь дома заимствовали многое отъ туземныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Жара, одинаковая лѣтомъ и зимою, дѣлаетъ пребываніе въ комнатѣ крайне непріятнымъ. Поэтому въ ней обыкновенно голландецъ проводитъ только время, посвященное какой-либо спеціальной работѣ. Комнаты эти полутемныя и небогаты мебелью. Занимая внутреннюю часть зданія, онѣ окружены верандами, гораздо болѣе широкими, чѣмъ самая комната, на которыхъ и проводитъ свое время яванецъ. Веранды эти еще болѣе затѣняютъ спрятанныя внутри дома — спальни и столовыя. На

верандахъ стоятъ лонгшезы, кресла-качалки и круглые столики. Стѣны убраны обыкновенно висячими растеніями, рогами животныхъ, оружіемъ. Словомъ, это тѣ-же комнаты. Сюда не достигаютъ лучи солнца и дождь; но здѣсь васъ со всѣхъ сторонъ продуваетъ всегда теплый бархатистый тропическій воздухъ, и лежа въ креслѣ и предаваясь *dolce far niente*, чтенію или разговору, на этой верандѣ яванецъ проводитъ всѣ свои досуги.

Яванская гостинница выстроена по тому-же типу. Длинное зданіе прячется за еще болѣе длинной и широкой верандой. Одноэтажная, какъ и всѣ дома на Явѣ, она состоитъ изъ множества дверей, ведущихъ въ маленькія полутемныя комнатки-спальни, не имѣющія ничего, кромѣ постели съ пологомъ, умывальника, стола и нѣсколькихъ стульевъ. Передъ дверью на верандѣ столъ, лонгшезъ и качалка. Надъ ними висячая лампа. Тонкая ширма отдѣляетъ васъ отъ сосѣдней двери съ точно такими-же атрибутами.

Для иностранца, особенно для русскаго, въ первую минуту пребываніе въ подобной гостинницѣ кажется чрезвычайно неудобнымъ и некомфортабельнымъ. Сидѣть въ комнатѣ и темно, и душно, и тѣсно. Она годится лишь для снѣнья. Выйти на балконъ—значитъ оказаться на виду у своихъ сосѣдей, которые слышатъ каждое ваше движеніе, слово, видятъ всѣ недостатки вашего утренняго костюма. Неудобство это, однако, скоро перестаетъ казаться ужаснымъ, разъ только вы освоитесь съ особенностями яванской жизни. А жизнь эта своеобразна.

Утромъ чуть свѣтъ — другими словами въ 6 часовъ, такъ-какъ въ 6 часовъ здѣсь восходитъ солнце и свѣтъ появляется сразу,—васъ будитъ вашъ лакей, малаецъ, внося немедленно чашку кофе. Въ калсонахъ и какой-нибудь легкой кофточкѣ вы выходите на веранду любоваться пробуждающимся утромъ. Ваши сосѣди, вста-

ющіе обыкновенно тогда-же, являются къ этому кофе въ такихъ-же костюмахъ—все равно, будь это мужчины или дамы. Другъ-друга не стѣсняются, ибо это принято, а приличіе—вещь условная. Кофе вамъ даютъ полухолодный. Въ этомъ царствѣ кофе, гдѣ сотни и тысячи десятинъ покрыты кофейными плантаціями, пить его всѣмъ не умѣютъ, и не только турки и арабы, приготовляющіе, какъ извѣстно, напитокъ этотъ на свой манеръ, но даже и наши русскіе и нѣмецкіе кофейники пришли бы въ ужасъ отъ здѣшняго приготовленія. Въмѣсто священныхъ традиціонныхъ правилъ кипяченія кофе въ кофейникахъ и мѣшечкахъ, здѣсь сразу приготовляютъ кофейный отваръ, наливаютъ его въ графинчикъ, даютъ ему остыть и когда надо, по вкусу разбавляя кипяткомъ, наливаютъ въ чашки, прибавляя по желанію молока, или, что рѣже, выпивая его чернымъ.

Проведя нѣкоторое время въ *dolce far niente* на верандѣ, яванецъ одѣваетъ «тропическій костюмъ», то-есть бѣлые панталоны и таковой-же пиджакъ или куртку и идетъ въ общую столовую съѣсть нѣсколько бутербродовъ съ ветчиною, телятиной или сыромъ, послѣ чего отправляется къ своимъ дѣламъ.

Въ часъ или около того обыкновенно завтракъ или обѣдъ, но обѣдъ совершенно своеобразный. Онъ существуетъ только здѣсь, въ голландскихъ колоніяхъ Азіи: это такъ-называемый рисовый столъ, *table de riz*, *reis tafel menu*, заимствованный изъ княжескихъ туземныхъ обычаевъ. Передъ вами стоитъ глубокая тарелка. Одинъ изъ лакеевъ обноситъ сидящихъ за столомъ большимъ сосудомъ съ варенымъ рисомъ, съ большой деревянной ложкою. Этою ложкою вы накладываете себѣ доверху вашу тарелку рисомъ. Тогда одно за другимъ вамъ подносятъ по крайней мѣрѣ 12 или 20 блюдъ, крайне своеобразныхъ и оригинальныхъ. Тутъ есть и жаренныя куры, и маленькія говяжьи котлетки-битки, и битки изъ телячьего мяса. Есть рыбки жаренныя и соленныя, при-

готовленныя въ красномъ соусѣ, вродѣ нашихъ анчоусовъ. Есть поджареный порошокъ изъ кокосоваго орѣха и порошокъ изъ мяса. Но болѣе всего здѣсь разныхъ подливокъ изъ бобовъ, стручковъ и другой зелени, обильно приправленныхъ краснымъ перцемъ. Этотъ-же перецъ подается нарубленнымъ въ видѣ стружекъ. Наложивъ себѣ тарелку этими крайне разнообразными кушаньями вы все это поливаете сверху еще ѣдкою желтою подливкою, нѣчто вродѣ супа изъ курицы, свареннаго съ нѣсколькими сортами корней куркума—растенія изъ семейства имбирныхъ, весьма ѣдкаго и жгучаго, и перцу. Затѣмъ приступаютъ къ ѣдѣ, смѣшивая эти разнообразныя, до слезъ жгучія яства съ рисомъ, и получаютъ единственную здоровую пищу, возбуждающую ослабѣвающій подъ тропиками желудокъ.

Въ Британской Индіи и англійскихъ колоніяхъ Китая давно распространено кушанье, повидимому, также взявшее свое начало изъ туземнаго кулинарнаго искусства—такъ-называемое суггу. Это кэрри есть рисъ, смоченный подливкой изъ перцу и куркума, которому въ видѣ приправы служатъ яйца, куски мяса и сушенныя рыбки. Но въ англійской кухнѣ кэрри есть только одно изъ блюдъ обѣда, тогда-какъ на Явѣ рисовый столъ составляетъ настоящій обѣдъ. Въ него входятъ не 2—3 ингредиента какъ у англичанъ, но цѣлая масса своеобразно приготовленныхъ мясъ. Это—смѣшеніе кэрри съ туземными малайскими кушаньями. Позже я дѣйствительно имѣлъ случай ихъ пробовать въ туземныхъ деревняхъ и видѣть на туземныхъ базарахъ, въ закусочныхъ лавкахъ, почти всѣ, не исключая даже на тоненькихъ палочкахъ въ перцѣ изготовленнаго шашлыка, напоминашаго мнѣ по способу приготовленія шашлыкъ, какимъ меня угощали беки въ Бухарѣ.

Въ гостинницахъ, кромѣ *ricetafel*, которымъ обыкновенный яванецъ и ограничивается, подаютъ еще бифштексъ и затѣмъ фрукты. Какъ будетъ показав-

но ниже, Ява—фруктовое Эльдorado. Одно перечисленіе ея плодовъ могло-бы составить цѣлую книгу; однако, гостинница, предназначенная для европейцевъ, никогда не пользуется этими рыночными фруктами, находя ихъ или черезчуръ дорогими, или несоотвѣтствующими вкусу европейцевъ. Право гражданства признается только за ананасами, которые здѣсь безподобны, бананами, обыкновенно съѣдаемыми съ сыромъ, и рѣже за плодомъ Carica рарауа или дыннаго дерева, величиною съ очень маленькую дыню, съ рыхлымъ желтымъ мясомъ, имѣющимъ отдаленное сходство съ этой послѣдней. Разрѣзанный, этотъ плодъ дѣйствительно напоминаетъ маленькую дыню, но зернышки въ немъ мелкія, многочисленныя, какъ икра. И странно какъ-то видѣть въ этомъ царствѣ фруктовъ подаваемые на десертъ консервы изъ персиковъ и абрикосовъ, доставленные сюда изъ Европы. Такъ велика сила традиціи, что консервы изъ персиковъ и чахлые розаны въ горшкахъ милѣе взору европейца, чѣмъ безконечно разнообразныя чудныя формы тропическихъ растений и ихъ еще болѣе оригинальные плоды.

Къ 5-ти часамъ, когда послѣ дождя вы вновь собираетесь домой для того-же *dolce far niente* въ безпардонномъ *negligé*—вамъ подаютъ чай съ молокомъ. Чай этотъ довольно душистый, но для русскаго вкуса онъ и крѣпокъ, и терпокъ. Съ наступленіемъ вечера бѣлые костюмы снимаются. Публика облекается или въ тропическій фракъ, отличающійся отсутствіемъ фалдъ, или по крайней мѣрѣ въ черную пару, и въ этомъ парадномъ видѣ выходятъ къ обѣду—въ 8 часовъ. У голландцевъ, правда, ѣда еще не возведена въ священнодѣйствіе, какъ у англичанъ; фракъ, необходимый у послѣднихъ при таинствѣ насыщенія своего брюха, не обязателенъ; но даже въ гостинницѣ вы лишь какъ исключеніе увидите посѣтителя въ дневномъ бѣломъ костюмѣ. Впрочемъ, оно и понятно. На Явѣ не день, а вечеръ, съ 5—8 часовъ, время визитовъ, и всѣ теперь одѣваются болѣе парадно

Я воспользовался этимъ обычаемъ, чтобы въ тотъ-же вечеръ посѣтить г. Treub'a, директора здѣшняго ботаническаго сада, считающагося всѣми лучшимъ ботаническимъ садомъ въ мірѣ.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ посѣщеніи, о г. Treub'ѣ и ввѣренномъ ему садѣ, позвольте забѣжать нѣсколько впередъ, сказать о томъ городѣ, среди котораго онъ расположенъ, и сдѣлать съ вами экскурсію по Beitenzorg'у.

XVI.

Beitenzorg или Bogor. — Кварталы туземный, арабскій, китайскій европейскій. — Исторія Beitenzorg'a. — Его климатъ. — Культурныя растенія города.

«Hôtel Belle vue» справедливо заслуживаетъ своего названія. Выйдя на его веранду, вы можете любоваться роскошнымъ видомъ на городъ и его окрестности. На фонѣ картины, на тяжеломъ сѣроватомъ тропическомъ небѣ, вырисовываются столь-же тяжелыя, неправильныя коническія формы господствующаго надъ мѣстностью волкана. Онъ потухъ, не дымится, его склоны поросли лѣсами, но его коническая форма выдаетъ его происхожденіе. пышная растительность склоновъ, не ясною черновато-зеленою пеленою виднѣющаяся въ туманной дали, по мѣрѣ того какъ склоны эти становятся болѣе пологими, переходя въ равнину, выступаетъ все отчетливѣе и отчетливѣе. Отдѣляются верхушки и цѣлыя рощи пальмъ, пирамидальныя какъ наши кипарисы или тополи Дамара, и вотъ подъ вашими ногами раскидывается во всю ширь восхитительная картина чуднаго тропическаго лѣса съ его безконечнымъ разнообразіемъ формъ, обрамляющаго оба берега неширокой, но быстрой рѣки съ мутными, желтыми водами, катящейся прямо подъ вашу веранду, исчезая подъ ея навѣсомъ, гдѣ виднѣется насыпь желѣзной дороги.

Широкіе громадныя листьа зарослей, банановъ, высо-кихъ и пышныхъ, занимають болотистое побережье. За ними густой сводъ темной лѣсной зелени, надъ ко-торою, граціозно вздымаясь цѣлыми группами, колышатыя вершины кокосовыхъ пальмъ, здѣсь пышныхъ и краси-выхъ, не то, что на морскомъ побережьи. Отсюда-же, съ балкона, вы можете разсматривать безконечное разно-образіе формъ древесной растительности лѣса. У самыхъ вашихъ ногъ, напоминая въ гигантскихъ размѣрахъ на-ши комнатныя азалии, возвышается усыпанное цвѣтами дынное дерево. Внизу виднѣются роши апельсиновъ, изъ-за темной глянцевитой зелени которыхъ подымается ка-кое-то дерево съ листьями, какъ у мимозы, съ тою раз-ницею, что каждый листь его, выходящій изъ стебля, до 2 сажень длиною. Тамъ, надъ водою, склонились тем-ныя, какъ у финиковыхъ пальмъ, перистыя вай низко-рослыхъ пальмъ *Metroxylon*, дающихъ листьа отъ земли. Еще далѣе крона сахарной пальмы, съ громадными гроздьями плодовъ. И все это на густой зелени вѣчно-зеленыхъ крупно-листныхъ деревъ...

Но гдѣ-же городъ? Неужели содержатель отеля вы-строилъ свое заведеніе на окраинѣ тропическаго лѣса? Ничуть. Городъ, читатель, у васъ подъ ногами. Вгляди-тесь, и вы увидите въ дѣвственномъ лѣсу тамъ и сямъ крас-нѣющую черепицу среди стеблей пальмъ или фикусовъ. Изъ-за листьевъ банана также чернѣетъ солома постро-екъ. Банановыя роши обнесены загородками. Въ нихъ движутся люди. Они, сверху такіе маленькіе, нагіе, ко-ричневые люди, купаются въ водахъ рѣки и одѣвшись скрываются въ жилищахъ, не видныхъ съ перваго взгляда подъ сводами буйной, бѣшеной растительности. Дома играютъ здѣсь не бѣольшую роль въ панорамѣ, чѣмъ муравейники въ разсматриваемомъ издали лѣсу.

Панорама, мною описанная, обнимаетъ часть арабска-го и китайскаго кварталовъ *Beitensorg*'а, группирующихъ свои дома по берегамъ рѣки, тогда-какъ дома частей

европейской и китайской выстроены на правомъ ея берегу и въ сторонѣ отъ русла.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ частяхъ и кварталахъ, скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи и исторіи Бейтензорга.

Beitensorg у туземцевъ извѣстенъ подъ именемъ B-gcr, что значитъ: изобилующій сахарною пальмою (*Arenga Sacharifera*), такъ-какъ пальма эта изобиловала въ урочищѣ, выбранномъ подъ городъ.

Въ настоящее время Beitensorg мѣстожителство генераль-губернатора Явы, проводящаго здѣсь въ роскошномъ замкѣ большую часть года. Мѣсто подъ городъ, выбранное еще въ 1677 году, какъ удобное для охоты, лишь въ 1744 году стало застраиваться, чтобы сдѣлаться Beitensorg'омъ, т.-е. *sans souci* — явайскимъ Петергофомъ для высшей администраціи края. Перенесеніе въ его здоровый климатъ и чудную природу мѣста жительства администраціи быстро вызвало мѣстечко къ росту, и теперь оно превратилось въ хорошенькій цвѣтущій городокъ, подобно нашей Гатчинѣ или Петергофу, группирующійся около громаднаго тропическаго парка. Разнообразное и уже сильно перемѣшавшееся между собою населеніе города до сихъ поръ, однако, группируется по вышеозначеннымъ кварталамъ.

Выйдя изъ отеля, вы попадаете на большую базарную площадь, которая сейчасъ-же напомнитъ вамъ, что вы въ Азіи, и притомъ не на дальнемъ ея востокѣ, какъ Китай или Японія, а въ той Азіи, которая знакома намъ, русскимъ, по туркестанскимъ нашимъ владѣніямъ и по востоку Россіи. Рядъ лотковъ съ зеленью, фруктами, рыбою и мясомъ подъ навѣсами изъ пальмовыхъ листьевъ, защищающими провизію отъ солнца и дождя, удобными для туземцевъ, но слишкомъ низкими для европейца, прежде всего останавливаетъ ваше вниманіе. И не напрасно. Сколько разъ я ни проходилъ по этому базару, у этихъ стоящихъ за лотками въ своихъ пестрыхъ

платкахъ и курткахъ торговцевъ, болтающихъ и кричащихъ какъ истые неаполитанцы, всегда я находилъ какіе-нибудь новые и интересные плоды.

Iunghuhn — знаменитый натуралистъ, изслѣдовавшій Яву въ 60-хъ годахъ, насчитываетъ здѣсь не менѣе 55 родовъ различныхъ фруктовыхъ деревьевъ съ соотвѣтствующимъ числомъ видовъ. Это было въ 60-хъ годахъ. Но съ тѣхъ поръ живой обмѣнъ, установившійся между тропиками, не мало увеличилъ эту цифру, и теперь трудно даже сказать, какъ велико разнообразіе здѣшнихъ фруктовъ. Я позволю себѣ описать наиболѣе часто мнѣ попадавшіеся, такъ-какъ они много отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ въ Европѣ.

При всемъ разнообразіи тропическихъ фруктовъ, нужно все-таки сознаться, что перепробовавши большинство, я все-таки остаюсь сторонникомъ произведеній нашего сѣвера. Фрукты тропиковъ далеко не столь нѣжны и ароматны, какъ наши. Мясо ихъ или грубо и твердо, или отдаетъ сильнымъ запахомъ, который непріятенъ для непривычнаго, или они водянисто-кисловаты и безвкусны. Отъ многихъ пассажировъ нашихъ судовъ, проходящихъ тропическіе порта, и отъ морскихъ офицеровъ я слышалъ даже безусловное порицаніе тропическихъ плодовъ. Фрукты тропическіе, какъ и наши, не всѣ одинаковаго качества и достоинства. Купивъ на базарѣ или, что еще хуже, у привезшаго на пароходъ торговца банановъ или мангу, можно составить весьма неправильное представленіе о вкусѣ этихъ плодовъ. Ихъ здѣсь, какъ и нашихъ яблоковъ, великое разнообразіе. Банановъ, напримѣръ, болѣе 100 сортовъ. Есть длинныя, въ $\frac{1}{4}$ аршина длиною, есть мучнистыя какъ картофель, тающіе во рту какъ бисквиты, есть душистыя и безъ 'запаха, есть годныя въ пищу лишь вареными, жареными и т. д. Не зная ихъ качествъ, покупатель такъ-же ошибается, какъ тотъ, кто купить для ѣды вмѣсто сладкаго и душистаго розмарина

кислую антоновку. Выборъ тропическихъ фруктовъ затрудняется еще и рутиною европейцевъ, какъ мы видѣли, придерживающихся лишь немногихъ избранниковъ: пампельмуссовъ, банановъ, ананасовъ и рѣже мангу и мангустана. Поэтому спеціальной культуры тропическихъ фруктовъ съ цѣлью продажи нѣтъ. Ихъ разводятъ любители-туземцы. Они сажаютъ дерево въ своемъ саду или во дворѣ, у дома, нисколько не заботясь, какъ оно растеть или какъ его улучшить. Его сажаютъ для себя или для своей семьи. Несутъ на базаръ лишь излишекъ, рассчитывая, что его купятъ китайцы. Поэтому лучшіе сорта, наиболѣе вкусные виды рѣдко фигурируютъ на базарѣ; ихъ продаютъ въ весьма небольшомъ числѣ экземпляровъ, и только путемъ частыхъ посѣщеній базара можно познакомиться со всѣмъ разнообразіемъ тропическихъ фруктовъ.

Больше всего вы увидите всегда банановъ, которые здѣсь такъ-же обыкновенны, какъ у насъ картофель. Цѣлые углы базара бываютъ завалены громадными рядами съ этими то ярко-желтыми, то темно-зелеными длинными или почти яйцевидными плодами. Ихъ продаютъ гроздьями, длиною превосходящими человѣческой ростъ. Подъ ихъ несъѣдобной, легко сдирающейся кожей мягкое мясо сильно мучнисто и хотя таетъ во рту, но какъ-то заклеиваетъ горло, и притомъ очень часто имѣетъ тотъ запахъ, который такъ свойствененъ «ананаснымъ» леденцамъ Ландрина. Новичку бананы скоро пріѣдаются, набиваютъ оскмину, но это потому, что ихъ не умѣютъ ѣсть. Лучше всего бананъ запивать водою. Тогда это незамѣнимый бисквитъ или мороженое—конечно, если бананъ хорошаго сорта. Европейцы часто ѣдятъ его съ сыромъ; тоже оригинально и недурно; но туземецъ охотнѣе ѣсть его варенымъ и печенымъ, дѣлая изъ его тѣста съ мукою пирожки. Особенно хороши бананы, жареные въ маслѣ. По вкусу это совершенно наши пышки изъ кондитерской, или вѣрнѣе, тѣ ихъ внутреннія части, куда такъ скупно кладется пи-

рожниками варенье. Они и по виду напоминаютъ пирожки—такъ выпучивается въ маслѣ ихъ наружная коричневая корочка. Ъсть ихъ лучше горячими. Здѣсь этимъ кушаньямъ цѣна грошовая: на 1 копѣйку до 5 штукъ.

Второе мѣсто занимаютъ ананасы. Утромъ можно видѣть множество разнощиковъ, на длинныхъ кривыхъ коромыслахъ несущихъ цѣлыя пирамиды изъ связанныхъ вмѣстѣ этихъ плодовъ. Ихъ также много сортовъ. Лучшіе—это маленькіе, не болѣе двухъ сложенныхъ кулаковъ величиною, изъ окрестностей Бейтензорга. Въ Батавіи, напротивъ, преобладаютъ крупные—съ голову и болѣе, темно-оранжевые и зеленые. Говоря по правдѣ, наши тепличныя ананасы сѣвера много душистѣе. Но во всякомъ случаѣ, яванецъ не станетъ ѣсть той рѣпы, которую, посыпая сахаромъ, приходится ѣсть пароходнымъ пассажирамъ въ тропическихъ странахъ. Цѣну ананаса узнаешь въ жаркіе дни, блуждая по лѣсу,—тогда, когда вы умираете отъ жажды, и вашъ спутникъ, обрѣзавъ ножомъ его шероховатую колючую поверхность и разрубивъ на восьмушки, подаетъ вамъ блѣдно-желтую мякоть. У зрѣлаго ананаса она таетъ во рту какъ арбузъ, наполняя ротъ кислосладкою ароматною жидкостью. Въ тропическомъ лѣсу онъ играетъ ту-же роль, что арбузъ въ степи—и тутъ только вы узнаете его прелести, а не за десертомъ, гдѣ 2—3 ломтика плода, очищеннаго и поблекшаго, не могутъ дать понятія ни о его обильномъ сокѣ, ни о его прохладительности.

Здѣсь гораздо умѣстнѣе крупный плодъ, болѣе человеческой головы, извѣстный у туземцевъ подъ именемъ Nangka balanda или голландскаго хлѣбнаго дерева, названнаго малайцами такъ за его внѣшнее сходство съ плодомъ послѣдняго. Конечно, это растеніе не голландское, но привезено европейцами изъ Америки. Это—Анопа, плодъ зеленый, какъ-бы покрытый сѣткой; кожа съ него не снимается; она нѣжная; поэтому его рѣжутъ на ломтики, величиною превосходящіе ломти крупнаго

ананаса, которые они въ разрѣзѣ и напоминаютъ. Но мясо ихъ очень нѣжное, снѣжно-бѣлаго цвѣта, съ крупными какъ арбузные, черными косточками. Оно таетъ во рту какъ желе и имѣетъ кислый вкусъ лимонада, слегка отдавая вмѣстѣ съ тѣмъ земляникой. Для утоленія жажды—восхитительно, но скоро пріѣдается. Говоря о видахъ *Anona*, нельзя не упомянуть о болѣе распространенныхъ, но менѣе вкусныхъ *Anona reticulata* и *Anona Squamosa*. Плодъ первой розоватый, напоминаетъ по виду только-что описанный, но мельче. Вкусомъ онъ похожъ на переспѣлую грушу, съ легкимъ земляничнымъ привкусомъ. Гораздо вкуснѣе и ароматичнѣе напоминающій мамуру плодъ *Anona Squamosa*, имѣющій видъ кедровой шишки и почти такой-же величины. Но ѣсть его непріятно, потому-что черныхъ косточекъ въ немъ болѣе чѣмъ мяса.

Отъ *Nangka balanda* намъ удобнѣе всего перейти къ плодамъ, носящимъ у туземцевъ имя *Nangka*, то-есть хлѣбному дереву. Ихъ болѣе пяти видовъ на Явѣ. Но самыя распространенныя—это *Artocarpus incisa* и *Artocarpus integrifolia*. *Artocarpus integrifolia*—*Djek fruit* англичанъ,—даетъ вырастающіе прямо на стволѣ громадныя продолговатые зеленые плоды, до аршина длиною, при соотвѣтствующемъ объемѣ. Иныхъ и одинъ человекъ не подниметъ. Изъ ихъ мелкихъ факетокъ, составляющихъ поверхность плода, при разрѣзѣ выдѣляется, какъ у нашихъ молочаевъ и фикусовъ, бѣлое молоко. Если такой плодъ разрѣзать, онъ окажется наполненнымъ крупными, болѣе чѣмъ съ бобъ величиною зернами, обмотанными мякотью янтарнаго цвѣта. Мякоть эта богата сокомъ, слегка волокниста, нѣсколько напоминаетъ нето дыню, нето персикъ и съ сильнымъ бананнымъ запахомъ. Его очень любятъ туземцы, почему куски плода, завернутые въ банановыя листья, можно всегда найти на базарѣ и даже на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ мелкихъ лавочкахъ. Европейцы считаютъ плодъ хлѣбнаго дерева

слишкомъ вульгарною пищею, и я никогда не видѣлъ его за ихъ столомъ.

Настоящій хлѣбоплодникъ—*Artocarpus incisa*—въ сыромъ видѣ не употребляется; поэтому его надо разсматривать какъ овощъ. Его шаровидный плодъ зеленый, слегка колющій.

Зато третій видъ *Nangka*, культивируемый около Батавіи и сравнительно рѣдкій въ другихъ мѣстахъ,—безподобенъ, такъ-какъ соединяя достоинство и запахъ *Artocarpus integrifolia*, онъ имѣетъ почти вкусъ «дурьяна», вкуснѣйшаго изъ тропическихъ плодовъ, но доступнаго, вслѣдствіе своего запаха, лишь немногимъ гастрономамъ.

Дурьянъ, *Durio Zihethinus*, есть плодъ въ человѣческую голову величиною, сигарнаго цвѣта, круглый, усаженный колючками, сидящими на широкихъ основаніяхъ. Его кожура, весьма твердая и толстая, можетъ быть разрублена лишь большимъ ножомъ. Тогда вашимъ глазамъ предстанутъ 3—5 полостей, въ которыхъ, какъ въ лодочкахъ, вложены съ грецкій орѣхъ величиною ядра изъ нѣжно-желтаго тѣста, обволакивающего крупныя бѣлыя зерна. Тѣсто это таетъ во рту какъ кремъ и имѣетъ необыкновенно пріятный и крайне своеобразный вкусъ, не напоминающій ни одинъ изъ другихъ фруктовъ. Любители дурьяна единогласно утверждаютъ, что это лучшій изъ всѣхъ тропическихъ плодовъ. Но прелесть дурьяна отравляется его невѣроятно сильнымъ запахомъ, могущимъ по силѣ своей поспорить развѣ только съ черемшой или съ чеснокомъ. Для многихъ онъ невыносимъ. Одни находятъ его напоминающимъ запахъ трупа, другіе слышатъ въ немъ усиленный до крайней степени запахъ хлѣбоплодника. Не знаю, кто болѣе правъ. Интересно только то, что превозмогшій отвращеніе къ плоду и съѣвшій нѣсколько кусковъ перестаетъ совершенно замѣчать запахъ дурьяна, и чѣмъ

чаще приходится его ѣсть, тѣмъ больше и больше входишь во вкусъ этого плода.

Если дурьянъ только для избранныхъ, то манга—любимица всеобщая, не только европейцевъ, но и туземцевъ. Разновидностей ея великое множество, и въ то время какъ однѣ воняютъ терпентиномъ до отвращенія, другія совершенно не имѣютъ этого запаха. Ихъ вкусъ нѣсколько напоминаетъ персикъ, съ привкусомъ дыни, но сочнѣе. Обыкновенная манга формою напоминаетъ нѣсколько плоскую сливу зеленого цвѣта, но почти втрое крупнѣе. Подъ дурно отдѣляющеюся кожурою, оранжевое мясо манги крѣпко пристало къ крупной плоской косточкѣ, съ которой его буквально приходится обглаживать или срѣзать ножомъ. Есть, впрочемъ, культурная разновидность, гдѣ мясо прямо отстаетъ отъ косточки, но она рѣдка. Манги суть плоды или чистыхъ формъ, или продуктовъ скрещиванія *Mangifera indica*, *foetida* и *angustifolia*.

Мангу не слѣдуетъ смѣшивать съ мангустанами (мангисъ), *Garcinia Mangostana*, изящнѣйшимъ по виду и деликатнымъ по вкусу плодомъ. Представьте себѣ ягоду черники, не вполне зрѣлую, когда она черномалиновая, увеличьте ее до размѣровъ яблока, и вы получите мангустанъ. Но это плодъ твердый. Если вы разрѣжете ножомъ этотъ плодъ, то подъ малиноваго цвѣта, упругой какъ кожа и толстой оболочкой вы увидите пять снѣжно-бѣлыхъ долекъ, какъ зубки на малиновыхъ губахъ. Мясо этихъ долекъ нѣжно и таетъ во рту. Косточки въ нихъ нѣжныя, легко раскусываемыя. Особенно хороши мангустаны холодные, поданные на льду. По вкусу мангустанъ нѣсколько напоминаетъ плодъ *Nephelium*, или рамбутана. Рамбутанъ растетъ на деревѣ. Это гроздья плодовъ, съ лѣсной орѣхъ величиною, одѣтыхъ довольно упругою земляничнаго цвѣта кожурою съ упругими, но мягкими иглообразными придатками. Подъ нею маленькая косточка, одѣтая кисленькимъ какъ лимонадъ, студенистымъ мясомъ.

Необыкновенно красивы на видъ, но далеко не такъ-вы по вкусу разнообразные представители рода *Jambosa*, характернаго для Остъ-Индіи дерева. *Jambosa alba* даетъ прехорошенькіе бѣлые, глянцевитые, полупрозрачные плоды, точно отлитые изъ парафина съ наведеннымъ карминомъ румянцемъ. Видомъ и формою они напоминаютъ груши. Вкусъ ихъ ближе всего къ яблокамъ, но въ нихъ нѣтъ рассыпчатости послѣднихъ и притомъ чувствуется какая-то травянистость.

Другая ямбоза (*J. cauliflora*) даетъ гроздья плодовъ, цвѣтомъ и формою похожихъ на вишни, вкусомъ-же на незрѣлый виноградъ. Этотъ плодъ,—равно какъ и другой, по формѣ напоминающій сливу, но такой-же бѣлый, прозрачный, точно парафиновый, съ желто-пластинчатымъ придаткомъ, плодикъ *Cissadisticha*—европейскій вкусъ безусловно бракуетъ. Но зато *Bua mantega* или *Persea gratissima*, чудный плодъ шоколаднаго цвѣта, величиною съ сливу, пользуются почетомъ за всякимъ хорошимъ десертомъ. Это лучшая приправа къ рюмкѣ хересу.

Наконецъ, было-бы въ перечисленіи яванскихъ фруктовъ большимъ пробѣломъ, еслибы я пропустилъ апельсины. Ихъ здѣсь въ продажѣ до 10 различныхъ видовъ. Съ человѣческую голову величиною пампельмуссы, съ громадными долями, желтой и розовой мякотью, самый распространенный изъ всѣхъ апельсиновъ; затѣмъ идутъ кисловатые съ зеленою кожею сорта, соответствующіе нашимъ апельсинамъ, но во всемъ имъ уступающіе. Лучшій сортъ, формою напоминающій тюрбанъ, съ крупный лимонъ величиною. Его кожа оранжевая, но мякоть слишкомъ суха. Лимоны здѣсь замѣняются маленькими, съ орѣхъ величиною фруктами съ очень кислымъ сокомъ. Одного достаточно на стаканъ лимонаду.

Я слишкомъ утомилъ-бы читателя, еслибы сталъ перечислять здѣшніе орѣхи, не менѣе разнообразные, начиная съ крупныхъ, какъ кокосы, и кончая мел-

кими, но вкусными какъ миндаль плодами *Conarium com-
pue*, любимаго дерева голландцевъ. Поэтому я на этомъ
и останавливаю свой перечень.

Говоря о фруктахъ, продающихся на базарахъ, я не
могу не упомянуть здѣсь и о торговцахъ прохладитель-
ными напитками, которые не только на базарѣ, но на всѣхъ
перекресткахъ города цѣлый день кричатъ протяжнымъ
голосомъ: *Ajier batu! Ajier batu!* На столикѣ у него стоятъ
нѣсколько широко-горлыхъ стеклянныхъ банокъ съ гус-
тымъ сахарнымъ сиропомъ и стакановъ, въ которыхъ ле-
жатъ или нарубленные мелкими кусочками ананасы, или
стружки кокосовыхъ орѣховъ, или большія полупрозрач-
ныя сѣмена *Arenga saccharifera*, или слизистыя плавающія
въ водѣ сѣмечки *Ocimum basilicum*, или наконецъ из-
дали напоминающій маленькую дыню плодъ *Passiflora
edulis*. За нѣсколько центовъ торговецъ приготовляетъ
слѣдующаго состава лимонадъ. Въ особую жестянку,
гдѣ у него лежатъ куски чистѣйшаго искусственнаго
льду, онъ наливаетъ нѣкоторое количество сиропа. Слад-
коватая холодная жидкость наливается въ стаканъ, куда
опускается ложка студенистыхъ сѣмянъ, расплывающих-
ся въ водѣ, или стружекъ орѣха, или ананаса. Все это
перемѣшивается вмѣстѣ, и въ концѣ-концовъ образуется
весьма вкусный прохладительный напитокъ. Европейцы, въ
жаркое время дня мало ходящіе по улицамъ, почти не
пользуются услугами торговцевъ напитками. На торгов-
цевъ этихъ они смотрятъ не лучше, чѣмъ у насъ на
уличныхъ торговцевъ мороженымъ. Но туземцы, дѣятель-
ность которыхъ не прерывается и въ жаркое время
дня, весьма часто прибѣгаютъ къ этимъ прохладитель-
нымъ напиткамъ.

Минуя площадь, гдѣ торгуютъ зеленью, овощами и
мясомъ подъ навѣсами изъ травы, столь низкими, что
европейцу приходится нагибаться, проходя между ларь-
ками, вы подходите наконецъ къ каменному зданію
типа нашихъ «гостинныхъ дворовъ», гдѣ совершенно

какъ въ нашихъ базарныхъ рядахъ вы проходите мимо торговцевъ краснымъ товаромъ, готовымъ платьемъ, косметиками и т. п. Лавки напоминаютъ сѣнной базаръ въ Петербургѣ. Но все это и болѣе открыто, и пестрѣе. Кромѣ того, тутъ-же готовый столъ. Кушанья, описанныя нами въ рисовомъ столѣ голландцевъ, фигурируютъ и здѣсь—конечно, худшаго качества и сильнѣе приправленные рисомъ.

Аборигены тропиковъ въ отдаленныя времена, родившіеся и жившіе въ непроглядной тѣни дѣвственнаго лѣса, съ которымъ ихъ первобытныя орудія не могли справиться, выработали типъ селенія, и усовершенствовавши его, насколько позволяла ихъ культура — создали этотъ типъ лѣса-города, съ которымъ вы повсюду встрѣчаетесь на Явѣ. Когда поѣздъ желѣзной дороги проноситъ васъ по плодороднымъ долинамъ острова, то вамъ кажется, что вы ѣдете по роскошному фантастическому парку съ ярко-зелеными лужайками нѣжной муравы и раскинутыми по нимъ рощами пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ. Но то, что вы принимаете за рощи—это деревни или города туземцевъ. Въ нихъ вы не видите домовъ. Это сплошная густая масса листвы. Гордые вершины кокосовыхъ пальмъ высятся надъ густою темною зеленою различныхъ деревъ, съ листьями то мелкими, какъ у тополя, то громадными, какъ у хлѣбнаго дерева, достигающими аршина длины. Опушку, бордюръ такого лѣса образуютъ эффектные вай перистой пальмы *Metroxylon Rumphii*, такъ естественно со всѣхъ сторонъ обростающей селенія, что иллюзія лѣса и его опушки получается полная. Подъ сѣнью этихъ деревьевъ—этой чащи, ютятся домики туземцевъ, и нынѣ, какъ въ доисторическія времена, продолжающихъ жить въ густой сѣни лѣса. Деревья настолько своею громадностью, густотою и беспорядочнымъ ростомъ напоминаютъ лѣсъ, настолько мало они въ расположеніи своемъ стѣсняются заборами изъ бамбука, расположеніемъ двориковъ

и задворковъ селенія, что невольно думается, будто дома его строились уже въ готовомъ густомъ лѣсу, а не наоборотъ, лѣсъ этотъ былъ разсаженъ между ними.

А между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одного дерева, которое-бы выросло само, которое не играло-бы важной роли въ хозяйствѣ малайца. Роскошная кокосовая пальма, съ громадными листьями бананы, красивыя съ разнообразною глянцевою темною листвою померанцевыя, апельсинныя деревья, манги, мангустаны, дурьяны и вся серія плодовыхъ деревьевъ, произведенія которыхъ вы видѣли на базарѣ, все это ютится здѣсь безпорядочно въ этомъ лѣсу, едва давая мѣсто для маленькихъ, какъ грибы пріютившихся у подножія этихъ деревъ домиковъ.

Въ нѣсколькихъ направленіяхъ такую деревню-лѣсъ пересекаютъ прекрасныя шоссированныя дороги, по которымъ вы можете кататься какъ по самому лучшему фантастическому парку. Остальныя части селенія перерѣзаны узкими, только для пѣшехода пригодными улицами. Но именно они-то, подобно сельскимъ проулкамъ Малороссіи огороженныя тыномъ или, гораздо чаще, живою изгородью изъ бамбука и *Saulorhyllum inphyllum*, и достойны того, чтобы ихъ посѣтили. Тутъ подъ тройнымъ слоемъ листвы банановъ, какъ лопухи вытягивающихъ свои выше человѣческаго роста листья молодыхъ побѣговъ сахарной пальмы, тропической дубравы мангъ вы незамѣтно приходите къ ручью, гдѣ полощатся ребятишки, полунагія женщины моютъ бѣлье въ текущей фонтаномъ по бамбуковымъ стволамъ водѣ. Берега такихъ ручьевъ покрыты какъ сводомъ стеблями исполинскихъ бамбуковъ, своею изящною, нѣжною блѣдно-зеленою листвою особенно привлекательныхъ послѣ густой темной глянцевою дубравы. Еще лучше, если вы попадете къ окраинѣ оврага, выходящаго на берегъ большой рѣки, на которой расположенъ Beitensorg. Не столько папортники, сколько

различные арумы, каладіумы и другія орхидеи покрываютъ его склоны. Изящные стрѣловидные листья этихъ растеній, какъ простой бурьянъ растущіе подъ ногами, могли-бы привести въ восторгъ любого цѣнителя этихъ эффектныхъ оранжерейныхъ растеній.

Самыя жилища какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ жителей весьма своеобразны. Довольно помѣстительныя у богатыхъ, маленькія у бѣдняковъ, они носятъ тотъ-же колоритъ. Это избы-корзинки,—тѣ избушки на курьихъ ножкахъ, о которыхъ приходится слышать въ сказкахъ. Дѣйствительно, на четырехъ сваяхъ (иногда ихъ и больше), на высотѣ около двухъ футовъ надъ землею, у вай возвышается домикъ, стѣны котораго представляютъ изъ себя такую-же плетенку, какъ у корзины. Плетенка эта дѣлается изъ пластинокъ бамбука, а иногда даже просто изъ пальмовыхъ листьевъ. Такія сквозныя стѣнки избушки при нѣкоторомъ усилии можно пробить палкою, и онѣ легко продуваются вѣтромъ. Полъ избы—такая-же, хотя и болѣе прочная, но все-же подающаяся подъ ногами циновка. Такимъ образомъ маленькій домикъ малайца напоминаетъ вполне карточный домикъ или клѣтку на ножкахъ, какія иногда дѣлаютъ дѣти для насѣкомыхъ. Изящныя окна со ставнями и плетенныя изъ рисовой соломы или пальмовыхъ листьевъ крыши придаютъ всей постройкѣ весьма изящный, картинный видъ—особенно когда такой домикъ со всѣхъ сторонъ окружонъ ваями пальмъ, листвою банановъ и другихъ тропическихъ деревьевъ.

Гораздо болѣе прозаичный видъ имѣетъ китайскій кварталъ Бейтензорга. Это—улица бѣлыхъ зданій, безъ всякой зелени, одноэтажныхъ, съ черепичатою кровлею и широкимъ входомъ, черезъ который видно внутреннее убранство единственной комнаты, уставленной европейскою мебелью и съ домашнимъ, напоминающимъ дачный каминъ, жертвенникомъ въ глубинѣ.

Рѣдко одно или два одинакихъ дерева возвышаются

на улицѣ. Китайцы, какъ и въ Батавіи, кромѣ косы и бѣлыхъ кофтъ, ничѣмъ по костюму не отличаются отъ голландцевъ, и въ ихъ домашней утвари вы увидите множество европейскихъ принадлежностей.

Арабскій кварталъ города живописнѣе: онъ подобно туземному тонетъ въ зелени деревъ; но домики бѣлѣе, палисаднички больше, все выглядитъ аккуратнѣе. Наконецъ европейскія части Бейтензорга во всѣхъ отношеніяхъ напоминаютъ лучшія части новой Батавіи.

Улицы города—въ какую-бы его часть вы ни пришли, оживлены народомъ. Китайцы, малайцы, арабы чаще всего вамъ попадаются на глаза. Европейца вы увидите обыкновенно лишь въ экипажѣ—пѣшкомъ его встрѣтите лишь въ европейскомъ кварталѣ.

Здѣсь, быть можетъ, уместно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, откуда такое громадное смѣшеніе народностей въ Бейтензоргѣ. Смѣсь эта не есть особенность одного этого города: вы ее видите повсюду на Явѣ; да и самое коренное населеніе острова есть только конгломератъ изъ той-же смѣси. *Яванцы* не могутъ быть считаемы чистыми малайцами. Объ аборигенахъ острова мы не знаемъ почти ничего. Чернокожаго населенія, наблюдавшагося въ центральныхъ частяхъ многихъ острововъ дальняго востока Азіи, здѣсь, кажется, не было, и повидимому, выходцы съ полуострова Малакки, т. е., первоначально малайцы заселяли этотъ островъ. Время этого заселенія скрыто во мракѣ неизвѣстности—оно существуетъ лишь въ преданіи. Но то-же преданіе говоритъ, что въ историческую еще эпоху Ява и Суматра составляли одно цѣлое, и Суматра въ древнихъ лѣтописяхъ VIII вѣка еще называется Явою. Преданіе говоритъ, что громадный провалъ раздѣлилъ эти два острова, отдѣливъ жителей восточной его половины отъ западной. Страшное изверженіе вулкана Кракатау какъ-разъ на мѣстѣ пролива между Суматрою и Явою и провалъ острова Кракатау, происшедшій послѣ этого изверже-

нія, подтверждаєть преданіє туземцевъ, къ которому еще недавно натуралисты и историки Явы относились весьма скептически.

Но такъ или иначе, рукописи, сохранившіяся еще съ вѣковъ, предшествовавшихъ Р. Х., свидѣтельствуютъ, что роскошная природа Явы привлекала сюда не однихъ только малайцевъ. На восточную половину Явы послѣдовала эмиграція браманитовъ, индусовъ, основавшихъ обширныя колоніи съ многочисленнымъ населеніемъ, напоминаемъ о которомъ служатъ развалины храмовъ, доселѣ сохранившіяся въ этой части острова. Даже въ окрестностяхъ Бейгензорга, въ Batutulis, указываютъ на одну развалину съ надписями этой санскритской эпохи.

Индусы внесли на островъ цивилизацію и, смѣшавшись съ почти дикарями туземцами, основали болѣе или менѣе культурныя княжества. Позже, когда исламъ подвинулъ на смѣлые походы и предпріятія арабовъ, эти послѣдніе основали рядъ колоній на Явѣ и, распространивъ здѣсь ученіе Магомета, также болѣе или менѣе слились съ кореннымъ населеніемъ, повліявъ на его культуру и письменность.

Однимъ изъ первыхъ культурныхъ элементовъ, устремившихся на Яву, были *китайцы*. Ихъ привлекали не завоевательныя, но торговыя цѣли. Они селились въ городахъ, устраивали лавки. Холостой народъ, покидая свое отечество, женился здѣсь на туземныхъ женщинахъ. Теперь китайцы зорко слѣдятъ за сохраненіемъ своей крови, и хотя многіе уже подъ вліяніемъ смѣшенія съ туземцами и имѣютъ типъ средній между китайскимъ и малайскимъ, но не допускаютъ роду своему окончательно омалаяться, въ 3 или 4-мъ туземномъ поколѣніи обязательно выбирая себѣ женъ изъ Китая и такимъ образомъ давая возможность въ потомствѣ своемъ вновь возродиться своему и безъ того весьма живучему типу. Но ранѣе было не то, и несомнѣнно, несмотря на то, что китайцы остались китайцами—

въ жилахъ туземнаго населенія городовъ течеть извѣстная примѣсь китайской крови. Какъ теперь, такъ и въ гораздо большей степени прежде китайцы играли роль эксплуататоровъ мѣстнаго населенія, не столько торговлею, сколько ростовщицествомъ, высасывая соки кореннаго населенія. Малаецъ — ребенокъ по своему характеру, любитель увеселенія, мало думающій о завтрашнемъ днѣ и потому всегда готовый соблазниться какой-либо бездѣлкой и занять денегъ у охотно предлагающаго свои услуги китайца; но разъ попавъ къ нему въ руки, яванецъ дѣлается его данникомъ. Въ концѣ-концовъ доходы съ земли всѣ поступали въ карманы доброму «Вава», какъ зовутъ здѣсь китайцевъ, который, въ свою очередь, оставлялъ своему кліенту изъ его сборовъ ровно столько, чтобы тотъ не умеръ съ голоду и продолжалъ залѣзать въ долги. И безъ того плодливая нація — китайцы множились на такихъ хлѣбахъ чрезвычайно быстро, и скоро цѣлыя княжества совершенно обнищали подъ властной китайской эксплуатаціей. Обыкновенно эта исторія кончалась бунтомъ народа и походомъ противъ эксплуататоровъ. Эти яванско-китайскія междуусобицы далеко не всегда кончались счастливо для туземцевъ, и особенно въ восточной половинѣ острова китайское вліяніе не только не ослабѣвало, но упрочивалось. Оставаясь политически раздробленнымъ на множество мелкихъ княжествъ, яванскій народъ экономически продолжалъ зависѣть отъ китайца.

Такой порядокъ вещей длился до появленія европейцевъ — сперва португальцевъ, а затѣмъ голландцевъ, окончательно овладѣвшихъ островомъ. Подобно китайцамъ, они послѣдними явились сюда для торговыхъ цѣлей. Но неурядицы между отдѣльными княжествами дали возможность Остъ-Индской компаніи слишкомъ часто вмѣшиваться въ политическія дѣла острова и постепенно, незамѣтнымъ для самихъ туземцевъ образомъ овладѣть островомъ. До сихъ поръ есть здѣсь

quasi-самостоятельныя княжества (Djokjakartu, Surapatra), но ихъ самостоятельность не больше чѣмъ у нашей Бухары. До сихъ поръ народъ имѣетъ мнимое туземное управленіе, но, какъ увидить читатель ниже, управленіе это есть ловкій обманъ народа.

Хотя какъ въ Бейтензоргѣ, такъ и въ другихъ городахъ, различаютъ кварталы арабскій и малайскій, — однако чисто арабскій типъ здѣсь имѣютъ лишь тѣ изъ жителей, которые являются торговцами, пріѣхавшими недавно изъ другихъ частей Азіи. Эти еще носятъ восточные тюрбаны, пестро-яркихъ матерій куртки и широкіе шаравары. Туземцы-же, имѣющіе, какъ сказано, въ крови своей столько-же малайской, сколько арабской или индусской крови, весьма разнохарактерны. Отсутствіе густыхъ волосъ на тѣлѣ, бакенбарды и густой бороды, желтобронзовый цвѣтъ кожи—говорятъ за преобладаніе въ яванцахъ малайской крови; но рядомъ вы видите даже у не-метисовъ чисто европейскія черты лица.

Большинство встрѣчающихся на малайскихъ улицахъ крестьянъ одѣты весьма легко. Ихъ костюмъ состоитъ изъ короткихъ, лишь до колѣнъ хватающихъ панталонъ, сверху опоясанныхъ яркихъ цвѣтовъ платкомъ, за которымъ, какъ кинжалъ у нашихъ горцевъ, торчитъ въ деревянныхъ ножнахъ ножикъ. Коротко стриженная голова повязана пестрымъ платкомъ, играющимъ роль чалмы. Поверхъ его они часто надѣваютъ необыкновенно широкополыя шляпы, плетенныя изъ пальмовыхъ листьевъ, или деревянныя, лакированныя. Поля такихъ шляпъ раза въ три превосходятъ поля нашихъ соломенныхъ рапата, и издали толпа людей въ такихъ шляпахъ походить на группу грибовъ, выросшихъ въ тропическомъ лѣсу. Часть-же тѣла выше пояса остается обыкновенно совершенно обнаженною, давая возможность любоваться иногда прекраснымъ тѣлосложеніемъ туземцевъ. Къ сожалѣнію, весьма значительный процентъ встрѣчающагося

населенія пораженъ однимъ лишь тропикамъ свойственною наочною болѣзью—микроскопическимъ грибомъ, отъ котораго образуются на тѣлѣ бѣловатаго цвѣта крупныя круглыя пятна.

Нарядно одѣтые яванцы носятъ сверху разныхъ цвѣтовъ легкія курточки европейскаго фасона, застегивающіяся на одну пуговицу и надѣваемые или на голое тѣло, или на тѣльную фуфайку. Надо думать, что всѣ эти принадлежности костюма, подобно самому типу населенія, суть позднѣйшія наслоенія извнѣ. Такъ куртка и тѣльная фуфайка есть вліяніе европейцевъ, панталоны—китайцевъ, тюрбанъ и *sacong*, т. е. опояска—арабское и индусское. Климатъ-же Явы самъ по себѣ дѣлаетъ какой-бы то ни было костюмъ отяготительнымъ, и вѣроятно, во всемъ современномъ убранствѣ малайца единственное ему лично принадлежащее—это металлическій поясокъ, надѣваемый на бедра съ извѣстнаго возраста,—нынѣ значенія неимѣющій, скрытый подъ платьемъ, но несомнѣнно остаточная форма когда-то общепринятаго пояса стыдливости.

На тѣнистыхъ улицахъ-аллеяхъ города вы встрѣчаете самыя разнообразныя группы и погонщиковъ, гонящихъ передъ собою запряженныхъ въ двухколесную арбу плосконогихъ буйволовъ—обычное животное для обработки полей и перевозки тяжестей. Это движеніе, эта пестрота типовъ, а главное, волшебная, фантастическая декорація изъ чудныхъ тропическихъ формъ—дѣлаютъ прогулку по улицамъ наслажденіемъ, конецъ которому можетъ положить лишь самая послѣдняя степень усталости.

XVII.

Климатическія условія Бейгензорга.—Тропическіе дожди.—Ихъ распре-
дѣленіе на островѣ Явѣ.—Почвы острова.

Я, однако, принужденъ былъ въ первый день моего пребыванія въ городѣ ограничиться лишь небольшою прогулкою по его улицамъ-аллеямъ, такъ-какъ предвѣстники дождя заставили меня поспѣшить возвращеніемъ домой. Конецъ сентября стараго стиля, когда я прибылъ на островъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ концомъ яванскаго лѣта, яванскаго сухого времени года и начала зимнихъ дождей. Хотя островъ и находится въ южномъ полушаріи, его климатическій режимъ напоминаетъ намъ времена года сѣверныхъ странъ, и яванская зима, если можно такъ назвать ея зимнее дождливое время, совпадаетъ по времени съ нашею зимою. Солнце, переходя на зиму въ южное полушаріе, сильно грѣетъ Австралію и окрестныя моря и обусловливаетъ возникновеніе дожде-носныхъ, постоянно дующихъ с.-з. вѣтровъ, создающихъ здѣсь мѣстами непрерывные, недѣлями длящіеся ливни. Извѣстный изслѣдователь Явы Junghuhn описываетъ эти ливни какъ нѣчто ужасное. Цѣлые дни, не переставая, говоритъ онъ, струятся потоки дождя. Отъ ихъ шума невозможно слышать разговора въ комнатѣ. Рѣки превращаются въ бурные потоки, выходятъ изъ береговъ и разливаются по окрестности. Ява становится непроходима, гады и амфибіи размножаются въ невѣроятномъ

количествѣ. Эти ужасы дождливаго времени, обыкновенно дополняемые описаніемъ еще большихъ ужасовъ, истекающихъ отъ дождей въ другихъ тропическихъ странахъ, пугаютъ путешественниковъ и они смотрятъ на поѣздку въ дождливое время подъ тропики какъ на предпріятіе рискованное, непріятное или даже совсѣмъ невозможное. «Какъ, вы рѣшаетесь ѣхать подъ тропики въ сезонъ дождей? Да развѣ возможно тогда путешествовать? И что вы тогда увидите?» обращались ко мнѣ неоднократно еще на пароходѣ съ вопросами, говоря откровенно, и меня самого тогда смущавшими. Но мои сомнѣнія разсѣялись, какъ только я прожилъ день въ Бейтензоргѣ. Дѣло въ томъ, что Ява, какъ и всякая гористая страна, въ зависимости отъ положенія горъ имѣетъ десятки вариантовъ основного климата, и многіе изъ этихъ вариантовъ, занимая цѣлыя области, дѣлаютъ ихъ по характеру погоды въ различные времена весьма несходными другъ съ другомъ. Они носятъ свой мѣстный характеръ, и Бейтензоргъ именно принадлежитъ къ числу такихъ пунктовъ. Здѣсь выпадаетъ въ день дождя болѣе, чѣмъ его падаетъ въ дождливый мѣсяцъ въ Голландіи. Естественно, слѣдовательно, было-бы предположить, что на этомъ пунктѣ Зондскаго архипелага, принадлежащаго къ самымъ обильнымъ влагоу уголкамъ Азіи, должно-бы было совершаться нѣчто необычайное. Между тѣмъ здѣсь даже въ самый разгаръ зимняго сезона можно гулять съ гораздо меньшими шансами вымокнуть, чѣмъ въ лучшіе сухіе мѣсяцы въ окрестностяхъ Петербурга; скажу больше—здѣшніе жители могутъ пользоваться прогулкою при ясномъ безооблачномъ небѣ большую часть дня круглый годъ. Погода Бейтензорга отличается удивительною правильностью, регулярностью, подобною ходу часовъ. По часамъ можете вы опредѣлять, когда будетъ вѣдро и когда будетъ дождь и наоборотъ; видя наступающія тучи, вы безъ часовъ будете знать сколько

времени. Обыкновенно—и такъ бываетъ круглый годъ—солнце встаетъ въ розовой дымкѣ тумана, отражая лучи свои въ тысячахъ не успѣвшихъ просохнуть капель дождя, висящихъ на стволахъ и листьяхъ пальмъ, банановъ и другихъ омытыхъ свѣжею влагою тропическихъ растеній. Пріятная прохлада господствуетъ въ воздухѣ. Зари нѣтъ. Ровно въ 6 часовъ, можно сказать, выскакиваетъ дневное свѣтило, чтобы разлить свои грѣющіе лучи на эту мокрую растительность. Небо безоблачно; оно нѣжнаго сѣро-голубого цвѣта, цвѣта акварельной картины—фона декораціи, на которой, какъ на декораціяхъ фантастической фееріи, вырисовываются силуэты кокосовыхъ пальмъ и нѣжная двоякоперистая зелень залитыхъ пурпурными цвѣтами тропическихъ деревьевъ тонущаго въ садахъ города. Легкій вѣтерокъ, нарушая иллюзію волшебной картины, колыхаетъ ваями пальмъ и ихъ листочки трепещутъ подъ этимъ дыханіемъ зефира. Въ это время просыпается европеецъ; въ бѣломъ тропическомъ костюмѣ отправляется онъ на работу.

Температура мягкаго іюльскаго дня петербургскаго лѣта не стѣсняетъ движеній. Вѣтерокъ освѣжаетъ лицо, принося благоуханія то отъ изгороди усѣянныхъ бѣлыми, какъ лиліи, крупными цвѣтами древовидныхъ датуръ, то изъ залитыхъ цвѣтами померанцевыхъ рощъ, то отъ увитаго жасминами окна... Въ это время можно забыть, что находишься подъ тропиками. Между тѣмъ, солнце медленно движется по направленію къ закату. Температура медленно повышается; вы переноситесь подъ широты юга Россіи съ его знойнымъ лѣтомъ. Нѣжные, крупные листья начинаютъ блекнуть. На небѣ появляются неясныя, сливающіеся съ его сѣроватымъ фономъ облака. Къ полудню наступаетъ настоящая жара; солнце палитъ, и горе тому европейцу, который рискнетъ гулять съ обнаженной головой: солнечный ударъ ждетъ неосторожнаго. Теперь все стремится домой. Главныя дѣла и занятія кончаются.

Воздухъ послѣ полудня становится удушливъ. Температура не повышается, но воздухъ чувствительно для организма насыщается влагою. Малѣйшее движеніе вызываетъ испарину. Вы ходите въ настоящей атмосферѣ оранжереи, жаркой, влажной, гдѣ культивируютъ тепличныя формы. Наступаетъ полное затишье. Не движутся не только самые слабо прикрѣпленные листочки на ваяхъ высокихъ пальмъ, но не шелохнется буквально ни одинъ стебелекъ травы, и около 2—3 часовъ вся растительность парится въ тепличномъ недвижномъ воздухѣ. Надъ горными вершинами Gedeh и Salak давно уже сгушавшіяся облака быстро расползаются по небу, все болѣе и болѣе превращаясь въ темно-свинцовую грозовую тучу, теперь уже облегающую полъ горизонта, скрывающую наконецъ и солнце. Слышатся отдаленные раскаты грома. Вотъ пахнулъ вѣтерокъ, зашелестивши листьями деревьевъ; за нимъ еще и еще одинъ порывъ, сильнѣе и сильнѣе. Они подхватываютъ покраснѣвшіе листья Сатарра, несутъ крутя въ вихрь цѣлыя въ аршинъ длиною оторванные листья хлѣбнаго дерева. Они нагибаютъ и колышатъ громадныя кроны кокосовыхъ пальмъ, разщепляютъ въ лохмотья нѣжныя листья банановъ. Упало нѣсколько капель дождя. Раздаются нѣсколько оглушительныхъ раскатовъ грома, сверкаютъ молніи и разражается такой ливень, какого не могутъ себѣ и представить тѣ, кто не бывалъ подъ тропиками. Самые сильные проливные дожди во время нашихъ лѣтнихъ грозъ—лишь жалкая пародія на этотъ ливень. Раскаты грома, одинъ оглушительнѣе другого, почти непрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ. Цѣлыя вѣтки, громадныя вайи пальмъ, обламываясь подъ тяжестью струящейся съ неба воды, падаютъ съ трескомъ на землю; улицы и дороги превращаются въ настоящія рѣки. Горе тому, кто попадетъ подъ эти разверзшіяся небесныя хляби!... При первыхъ капляхъ дождя все, что можетъ, спасается бѣгомъ, куда глаза глядятъ, и шагать подъ дождемъ рискуютъ

развѣ немногіе только малайцы въ своихъ шляпахъ-зонтикахъ иногда болѣе чѣмъ аршиннаго діаметра, сверху лакированныхъ — совершенно какъ шляпки грибовъ. Европейцы въ это время предаются обыкновенно кейфу на верандахъ домовъ, лежа въ креслахъ-качалкахъ и попивая чай со сливками, возбуждающій ихъ нервы послѣ полуденнаго сна.

Дождь бушуетъ не болѣе часу. Затѣмъ онъ слабѣетъ и передъ закатомъ вы уже можете свободно выходить изъ дому. Тихая, прохладная ночь обыкновенно слѣдуетъ за этимъ бурнымъ вечеромъ, и если есть луна, ея блѣдный свѣтъ производитъ поразительные эффекты, играя на увлажненныхъ дождемъ недвижныхъ силуэтахъ растеній. Ея свѣтъ блѣднѣе, чѣмъ въ наши малороссійскія ночи. Онъ тусклъ, какъ на сѣверѣ. Но проникая черезъ нѣжную фантастическую листву бамбуковъ, играя жемчугомъ на громадной листвѣ банана или вдругъ открывая фонъ свѣтлаго неба, гдѣ темными контурами рисуются пирамидальные, какъ кипарисы, Дамага или кроны пальмъ,—онъ производитъ чудный эффектъ. Затихшая во время дождя городская жизнь пробуждается вновь. Кричатъ продавцы прохладительныхъ напитковъ, зажегши фонарикъ у своихъ лотковъ; толпы малайцевъ спѣшатъ въ театръ или глазѣютъ подъ звуки музыки на свадьбу, толпясь подъ окномъ богатаго китайскаго дома; брызгая грязью, мчится фаэтонъ съ голландской семьей, возвращающейся съ передъ-обѣденной прогулки или визита.

Но и для пѣшехода нѣтъ теперь опасности увязнуть въ грязи. Не вѣришь глазамъ, что идешь по тѣмъ улицамъ, гдѣ только-что текли рѣки воды. У насъ въ черномоземной полосѣ такой ливень сдѣлалъ-бы дороги негодными на недѣли; экипажи увязали-бы съ лошадьми, и при закладкѣ новыхъ домовъ пришлось-бы не разъ, какъ нѣкогда въ Харьковѣ, наталкиваться на ископаемые фаэтоны. Здѣсь-же, напротивъ, о грязи нѣтъ и помину, и не

рискуя даже промочить ботинокъ, вы можете пройтись по улицѣ. Причиною этому характеръ здѣшнихъ почвъ—этихъ различныхъ разновидностей латерита или краснозема, который, начиная отъ Индіи и Цейлона и вплоть до Японіи, характеризуетъ собою весь влажный тропическій и субтропическій югъ и юго-востокъ Азіи. Эта почва столь-же характерна для этой окраины Азіи, какъ черноземъ для степной полосы Россіи. Начиная отъ Кореи и Кіу Сіу и до Цейлона, я ее встрѣчалъ всюду подъ тропиками. Вездѣ ея окраска то яркая какъ цвѣтъ битаго кирпича, какъ напр. на дорогахъ Цейлона, то отдающая въ болѣе коричневатые и даже шоколадные тона отъ примѣси гумуса; вездѣ она поражаетъ глазъ сѣверянина, непривычный къ этой красной окраскѣ почвы. Представляя коренныя породы, разложенныя на глубинѣ многихъ сажень на свои элементарныя составныя части *in situ*, превращенныя въ глины особеннаго, лишь подъ тропиками вырабатывающагося сложенія, способныя всею своею многосаженною толщею впитывать влагу—эти латериты быстро вбираютъ весь избытокъ выпадающей на землю влаги, чтобы передать ее тысячамъ пронизывающихъ ее корней пышной тропической растительности. Вода уходитъ въ глубь, не оставаясь у поверхности, не превращая почву въ этотъ прилипающій къ ногамъ полужидкій кисель, столь несносный въ нашей степной полосѣ Россіи.

На другой день регулярно повторяется то-же самое и показанія термометра или барометра въ *Beutensorg*'ѣ могли-бы замѣнять часы. Круглый годъ тропическіе ливни выпадаютъ въ послѣ-полуденное время, орошая почву; круглый годъ по утрамъ сіяетъ здѣсь солнце. И понятно поэтому, что если здѣсь изъ 365 дней въ году около 340 дождливые—эти дожди никому не мѣшаютъ; къ нимъ всѣ привыкли, они столь-же обыденное явленіе, какъ день или ночь. Напротивъ, когда не выпадаетъ дождя, вся природа чувствуетъ себя какъ-то не по себѣ.

Воздухъ всю ночь тяжолъ и удушливъ, вы спите въ атмосферѣ оранжереи, обливаясь потомъ. Обычной прохлады вечера, позволяющей надѣвать сукно, нѣтъ. Вся природа чего-то ждетъ. Слѣдующій день воздухъ недвижимъ, солнце паритъ невыносимо, разслабляя самый выносливый организмъ, и наконецъ, все кончается феноменальнымъ ливнемъ, вновь очищающимъ атмосферу.

Таковы климатическія черты Бейтензорга. Его пышная растительность ежедневно получаетъ въ опредѣленные часы обильную поливку, какъ кліенты самаго правильно содержимаго садоваго заведенія. Неудивительно поэтому, что на каждомъ шагу она поражаетъ роскошью своихъ формъ и разнообразіемъ видовъ. Естественно, что здѣсь, какъ-бы по указанію самой природы, голландское правительство разбило акклиматизаціонный и ботаническій садъ, безспорно въ настоящее время и по научной своей организаціи, и по богатству коллекцій, и по красотѣ и величинѣ экземпляровъ занимающій первое мѣсто на земномъ шарѣ.

Ботаническій садъ Бейтензорга и его научное учрежденіе есть рай какъ для ученаго ботаника, такъ и для любителя садовода.

Только здѣсь, не рискуя ни здоровьемъ, ни жизнью, имѣя всѣ европейскія удобства жизни и комфортъ, имѣя лабораторіи, бібліотеку и пособія, какимъ можетъ похвастаться любой изъ западно-европейскихъ университетовъ или ученыхъ ботаническихъ институтовъ, имѣя хозяиномъ выдающагося ученаго и любезнѣйшаго изъ мужей науки, профессора Треуба, — ботаникъ можетъ изучать явленія и формы растительнаго міра во всемъ ихъ величіи и безконечномъ разнообразіи сгруппированными такъ, какъ ихъ создала природа въ дѣвственныхъ лѣсахъ на тропикахъ, среди едва проходимыхъ зарослей и дебрей.

XVIII.

Ботаническій садъ въ Бейтензоргѣ.—Его растительность.—Тропскій лѣсъ.—Растительность низинъ и горъ.—Яванскіе вулканы.

Одною изъ главныхъ достопримѣчательностей города Бейтензорга является его ботаническій садъ. Онъ привлекаетъ къ себѣ не только ученыхъ ботаниковъ, но и туристовъ, такъ-какъ даетъ возможность послѣднимъ познакомиться съ характернѣйшими чертами тропической растительности *. Садъ и его лабораторіи, библіотеки и опытные станціи по своей прекрасной организаціи, богатству собранныхъ въ нихъ коллекцій и удобству для работы организованы не хуже, я сказалъ-бы—даже лучше, чѣмъ большинство учрежденій подобнаго рода на Западѣ. Ботаникъ, пріѣзжая сюда, въ лицѣ директора сада д-ра Трейба встрѣчаетъ не только разносторонне образованнаго ботаника (что теперь большая рѣдкость), но и прекраснаго учонаго—и что особенно пріятно—любезнаго и предупредительнаго хозяина, всегда готоваго содѣйствовать пріѣзжему въ его планахъ и дать нужныя разъясненія въ этомъ чуждомъ по природѣ и культурѣ краѣ. Я не буду здѣсь на этихъ страницахъ распространяться

* Характеристика ея сдѣлана мною въ „Извѣстіяхъ Харьковскаго университета“, къ которымъ я и отсылаю читателей, желающихъ подробнѣе познакомиться съ чертами природы Малайскаго архипелага.

объ организаціи сада, о томъ, какъ сотни туземцевъ работаютъ здѣсь подъ руководствомъ туземцевъ-же садовниковъ, изъ коихъ многіе знаютъ мѣстную флору такъ хорошо, что Трейбъ смѣло посылаетъ ихъ въ спутники къ прїѣзжимъ ботаникамъ—и малайцы приводятъ ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ растутъ интересующія прїѣзжихъ ученыхъ растенія.

Какъ мѣсто для прогулки, надо сознаться, садъ Бейтензорга оставляетъ желать еще весьма многого. Разбивавшіе его ботаники заботились о наукѣ болѣе, чѣмъ о ландшафтахъ. Безчисленные сорта тропическихъ деревьевъ расположены по семействамъ; ихъ группировка поэтому не удовлетворяетъ требованіямъ эстетики, и имѣй мы дѣло съ нашими сѣверными деревьями, садъ непременно принялъ-бы видъ некрасиваго питомника. Но разнообразіе формъ тропическихъ деревьевъ столь велико, очертанія ихъ такъ причудливы и красивы, что несмотря на массы торчащихъ этикетокъ съ надписями, прогулка по саду доставитъ удовольствіе и художнику. Главная-же польза такого рода прогулки состоитъ въ томъ, что садъ даетъ возможность въ расчлененномъ на отдѣльныя составныя части видѣ наблюдать тѣ элементы пышной тропической растительности, тѣ ея особенности, наблюдать которые бываетъ необыкновенно трудно среди природы въ лѣсахъ, гдѣ тысячи растительныхъ формъ, перепутываясь другъ съ другомъ на различныхъ высотахъ, сплетаются въ невообразимомъ хаосѣ, не поддающемся никакому наблюденію.

Первое, что кидается въ глаза при прогулкѣ по саду, это характеръ листвы здѣшнихъ деревьевъ, значительно отличающейся отъ нашей. Листва тропическихъ деревьевъ можетъ быть подведена подъ два типа. Это будетъ или глянцевитый какъ у камеліи, кожистый листъ, варьирующій по величинѣ и по формѣ, или напротивъ, нѣжный, перистый, мелкоразсѣченный, какъ у акаціи или мимозы. Эти два типа даютъ своеобразный

обликъ тропической растительности и красивые темные оттѣнки лѣснымъ ландшафтамъ края.

Еще болѣе останавливаютъ вниманіе стволы здѣшнихъ деревьевъ. Многіе изъ нихъ на корѣ своей образуютъ бутоны, развивающіе цвѣты и иногда дающіе крупные плоды; другіе изъ этихъ стволовъ пускаютъ воздушные корни нерѣдко громадной величины.

Необыкновенно эффектна богатая аллея, ведущая вдоль окраины сада къ большому губернаторскому дому. Аллея эта образуется громадными старыми индійскими смоковницами. Каждая изъ нихъ представляетъ изъ себя маленькую рошу, такъ-какъ горизонтально распростертыя вѣтви материнскаго дерева, пуская множество воздушныхъ корней, вросшихъ въ послѣдствіи въ землю и утолстившихся, поддерживаются ими, какъ колоннами. У нѣкоторыхъ деревьевъ материнскій стволъ уже сгнилъ и виситъ на воздухѣ, древесная-же семья живетъ и существуетъ на счетъ второстепенныхъ стволовъ, образовавшихся изъ воздушныхъ корней.

Громадныя кроны деревьевъ, подверженные порывамъ тропическихъ урагановъ, требуютъ крѣпкой поддержки. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если тамъ, гдѣ нѣтъ воздушныхъ корней, подземные корни разрастаются въ широкія доскообразныя подпорки. У различныхъ *Sterculia* и *Ficus* такіе доскообразно-поднимающіеся отъ земли и змѣеобразно-изогнутые пластинчатые корни иногда превышаютъ ростъ человѣка.

Но наиболѣе оригинальною формою стволовъ и корней отличаются смоковницы-удушители. Въ самомъ саду эти странные деревья почти не представлены. Но въ окрестностяхъ города они встрѣчаются нерѣдко.

Изъ маленькаго сѣмячка на вѣтви дерева вырастаетъ небольшое растенъице. Оно скоро пускаетъ длинный воздушный корень, свѣшивающійся съ вѣтви, достигающій земли и въ нее врастающій. Къ нему обыкновенно присоединяется другой, за ними слѣдуетъ третій, и скоро

все приютившее такую смоковницу дерево опутывается мощными объятіями становящихся все толще и толще корней. Мало-по-малу корни совершенно удушают приютившее растеніе, а надъ его кроной разрастается еще болѣе мощная и пышная крона фікуса-удушителя.

Другая не менѣе характерная черта, присущая стеблямъ многихъ тропическихъ многолѣтниковъ—это способность образовывать длинные ползучіе, но деревенѣющіе побѣги. Такого рода вьющіяся деревья извѣстны подъ именемъ ліанъ. Какъ канаты трапецій, образуя стволъ въ ногу толщиною, ліаны перебрасываются съ дерева на дерево, опутывая десятки деревъ. Формы ихъ стволовъ своеобразны. У однѣхъ они скручены какъ пробочникъ, у другихъ завязаны въ причудливые узлы.

У самага входа въ садъ, со стороны базарной площади, вы вступаете въ длинную тѣнистую аллею изъ высокихъ деревьевъ—*Canarium commune*. Первые десять деревьевъ служатъ здѣсь естественными подпорками громадной ліанѣ *Entada grandis*, которая, гирляндами перебрасываясь съ дерева на дерево, вѣтвясь и образуя съ руку толщиною стволы-веревки, тянется на добрую сотню саженой.

Но изъ всѣхъ ліанообразныхъ растеній въ ботаническомъ саду наибольшее вниманіе обращаютъ на себя пальмы-ротанги—особенно характеризующія тропическій юго-востокъ. Въ молодомъ возрастѣ, по красотѣ и изяществу расположенія своихъ перистыхъ вай, ротанги безспорно превосходятъ всѣ красивѣйшія наши комнатныя пальмы. Становясь старше, онѣ образуютъ ползучій колѣнчатый стволъ, рѣдко превосходящій толщиною человѣческую ногу, обыкновенно-же болѣе тонкій. Онѣ ползутъ по землѣ и, достигши дерева, мало-по-малу всползаютъ по немъ. Онѣ легко держатся между вѣтвями, такъ-какъ необычайно длинныя въ этомъ возрастѣ вай ихъ заканчиваются длинными, крѣпкими и эластичными жгутами, усажен-

ными необыкновенно цѣпкими колючками. Въ такомъ видѣ эти ползучія пальмы достигаютъ вершинъ самыхъ высокихъ деревъ, стремясь къ свѣту и воздуху. Часто случается однако, что сильный ураганъ срываетъ съ дерева такую пальму; гибкій колѣнчатый стволъ, падая внизъ отъ тяжести, свертывается въ десятки колецъ, какъ толстая змѣя, вершина-же продолжаетъ расти и крона ротанга опять достигаетъ прежней высоты. Послѣ нѣсколькихъ такихъ, одно за другимъ слѣдующихъ паденій, земля покрывается сплошь узлами свернутыхъ въ кольца стволовъ, напоминающихъ бесконечно длинную кишку пожарной машины. Въ Бейтензоргѣ есть ротанги—болѣе 50 саж. длины.

Настоящія высокоствольныя пальмы представляютъ здѣсь необыкновенное разнообразіе. Въ громадной рошѣ отдѣленія пальмъ вы видите передъ собою всѣ типы листьевъ этого семейства, отъ громадныхъ круглыхъ вѣровъ до простого листа кокосовой пальмы или до сложнаго листа *Caruota*. Перечисленіе здѣшнихъ формъ представило-бы интересъ лишь для ботаника, почему я его здѣсь опускаю. Не могу, однако, не отмѣтить, говоря о пальмахъ вообще и въ особенности о пальмахъ Азіи, одного факта, на который слишкомъ мало обращаютъ вниманія путешественники.

Мы привыкли связывать представленіе о тропикахъ съ представленіемъ о пальмахъ. Ихъ, какъ главнѣйшихъ представительницъ тропической растительности, видимъ мы въ нашихъ теплицахъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, въ большинствѣ дѣвственныхъ лѣсовъ Явы пальмы не играютъ видной роли, не кидаются въ глаза. «Лѣса пальмъ», о которыхъ такъ много говорятъ туристы, описывающіе тропики, вовсе не лѣса, а посаженные человекомъ кокосовыя или сахарныя пальмы, скрывающія обыкновенно подъ своею сѣнью жильѣ. Гордыя царицы растительнаго царства не выносятъ конкуренціи съ массою другихъ деревьевъ, оспаривающихъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ

другъ у друга право пользованія свѣтомъ, и потому обыкновенно надъ темнымъ фономъ дѣвственныхъ лѣсовъ Зондскаго архипелага вы никогда не увидите пальмовой кроны.

Но если обликъ пальмъ настолько знакомъ читателю, что на немъ нѣтъ надобности долго останавливаться при описаніи тропической растительности, то нельзя сказать того - же о другихъ однодольныхъ деревьяхъ этого пояса, представленныхъ въ ботаническомъ саду. Передъ ними, какъ передъ диковинными звѣрями богатаго звѣринца, невольно съ изумленіемъ останавливается проходящій. Я разумѣю здѣсь главнымъ образомъ панданусы и бамбуки.

Панданусы, которые мы привыкли себѣ представлять въ видѣ горшечныхъ комнатныхъ растений съ фонтанообразно ниспадающими длинными пальчатыми листьями, являются здѣсь исполинскими деревьями, не ниже нашихъ березъ, съ толстыми стволами, пускающими болѣе чѣмъ въ ногу толщиною безобразные воздушные корни; на нихъ, какъ на подпоркахъ, и возвышается настоящій стволъ. На вершинѣ такой стволъ вѣтвится, и каждая вѣтвь на концѣ своемъ несетъ пучекъ громадныхъ, имѣющихъ остро-зубчатые какъ у пилы края листьевъ.

Еще оригинальнѣе здѣшніе бамбуки. Тѣ формы бамбуковъ, которыя мы видѣли нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ Японіи, являются жалкими пигмеями въ сравненіи съ представителями этихъ исполинскихъ злаковъ, развивающимися здѣсь подъ тропиками. Достаточно сказать, что колѣнчатые стволы многихъ видовъ толще туловища взрослого мужчины, высота-же злака, дающаго пышную крону, вдвое или втрое превосходитъ высоту самыхъ высокихъ изъ нашихъ деревьевъ.

Къ числу характерныхъ чертъ тропическаго міра принадлежатъ и такъ - называемые эпифиты — растенія, развивающіяся на стволахъ и вѣтвяхъ другихъ деревьевъ. Это не паразиты. Они не питаются соками при-

ютившаго ихъ растенія, но только живутъ на немъ. Оно, вмѣсто земли, служитъ мѣстомъ для прикрѣпленія ихъ корней. Частые дожди и влажный воздухъ даютъ растеніямъ этимъ достаточно питанія. Типомъ подобныхъ эпифитовъ могутъ служить многія разводимыя въ нашихъ оранжереяхъ орхидеи, столь любимыя садоводами за ихъ красивые и эффектные цвѣты.

Эти орхидеи, подобно пальмамъ, дали основаніе совершенно превратному представленію о красотѣ тропическихъ цвѣтовъ, въ особенности у эпифитовъ. Между тѣмъ большинство эпифитовъ вовсе не имѣетъ цвѣтовъ, такъ-какъ оно представлено папоротниками. Другіе имѣютъ цвѣты очень невзрачные, зеленые. Лишь немногіе блещутъ такими причудливыми вѣнчиками, какъ у орхидей—да и эти послѣднія далеко не часты. Зато эпифиты отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ зелени, и часто десятки и сотни видовъ покрываютъ стволъ дерева, совершенно скрывая его отъ взоровъ своею листовою. Особенно оригинальны пушистые черные стволы масляныхъ пальмъ, которые, какъ колонна плющемъ, бываютъ увиты зеленью одного нѣжнаго папоротника. Между эпифитами бываютъ замѣчательно организованныя формы. Такъ, напр., эпифитъ *Dischidia Rafflesiana* превращаетъ часть своихъ листьевъ въ кувшинчики, въ которые собираетъ дождевую воду. Изъ стѣнокъ этихъ кувшинчиковъ развиваются корешки, всасывающіе воду и такимъ образомъ питающіе растеніе, которое, благодаря такому приспособленію, можетъ жить на самыхъ сухихъ стволахъ.

Ботаническій садъ Бейтензорга позволяетъ такимъ образомъ ознакомиться съ рядомъ характернѣйшихъ для тропиковъ формъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ мѣста интересныя и въ ландшафтномъ отношеніи. То проходите вы по широкой аллѣѣ, усаженной какъ колоннами высочайшими вѣрными пальмами, то попадаете на аллею изъ роскошныхъ *Oreodoxa regia*, то, наконецъ, подходите

къ пруду, который заросъ, какъ у насъ заростають кувшинками, громадными какъ сковороды листьями *Victoria regia*.

Познакомившись въ саду съ элементами тропической флоры, посмотримъ, какъ группируется эта послѣдняя въ естественныя ассоціаціи—отправимся посмотрѣть на дѣвственные лѣса острова. Было время, когда лѣса эти кишѣли тиграми и носорогами, и путешествіе по нимъ было сопряжено съ опасностью для жизни. Но времена эти давно миновали. Теперь васъ можетъ тамъ напугать развѣ шумъ отъ пробѣгающей надъ головами по вѣтвямъ деревьевъ стаи обезьянъ. Обыкновенно-же лѣса безмолвны. Вы не слышите даже характернаго для нашихъ дубравъ чиликанья птицъ—изрѣдка раздастся только чей-либо жалобный крикъ. Однѣ бабочки, рѣдкія въ городахъ, кишмя кишатъ на опушкахъ, поражая яркостью своихъ красокъ, иногда громадною величиною и причудливостью полета.

Желѣзная дорога пересѣкаетъ Яву вдоль и поперекъ и отъ любой изъ ея станцій не болѣе двухъ сутокъ ѣзды до моря. Страна густо населена; между деревьями проложено чудное, гладкое какъ паркетъ, въ необыкновенномъ порядкѣ содержимое шоссе. Вы можете пользоваться или почтовымъ экипажемъ, или, что еще лучше, нанимаете китайскій рессорный съ крытымъ верхомъ шарабанъ. Малаецъ-кучеръ погоняетъ кнутомъ тройку маленькихъ какъ пони, рядомъ (безъ пристяжныхъ) впряженныхъ лошадокъ, и онѣ быстро мчатъ васъ до мѣста назначенія. Если это послѣднее не городъ, гдѣ васъ ожидаетъ гостинница, вродѣ описанной въ предыдущей главѣ, а деревня,—вы останавливаетесь въ такъ-называемомъ заѣзжемъ домѣ, то-есть малайской хижинѣ, назначенной для пріема пріѣзжающихъ европейцевъ-чиновниковъ. Это маленькій, крытый пальмовыми листьями домикъ изъ пяти комнатъ съ чистыми постелями и веранды, передъ которою разбитъ цвѣтникъ съ души-

стыми цвѣтами и виднѣются кроны пальмъ. Рисовый столъ, уже описаннаго мною характера, васъ ожидаетъ на ужинъ. Отдохнувъ въ такомъ домѣ, вы можете продолжать вашъ путь. Но обыкновенно приходится проѣхать нѣсколько сутокъ, чтобы, не поднимаясь на горы, добраться до настоящаго дѣвственнаго лѣса.

Дѣвственные лѣса Явы далеко не обычное явленіе. Густое населеніе превратило низины острова въ рисовыя поля, европейцы заняли склоны горъ плантаціями. Проѣзжающій не можетъ оторвать глазъ отъ безконечной смѣны ландшафтовъ — одинъ восхитительнѣе другого. Среди нихъ постоянно встрѣчаются деревушки. Но ихъ глазъ сѣверянина не признаетъ за человѣческія селенія. Онъ скорѣе приметъ ихъ за участки дѣвственныхъ лѣсовъ съ пышными кронами кокосовыхъ и арековыхъ пальмъ, окаймленные массаами другихъ темно-зеленыхъ пальмовыхъ кустарниковъ и состоящіе изъ непроглядныхъ дебрей съ исполинскими листьями хлѣбоплодниковъ, мангъ, мангустановъ, дурьяновъ—все фруктовыхъ деревъ, подъ сѣнью которыхъ развиваютъ свои нѣжные листья бананы, осѣняющіе живыя изгороди какъ капуста растущихъ ананасовъ. Невидныя снаружи подъ сѣнью этихъ роскошныхъ деревьевъ, ютятся хижины туземцевъ—настоящія избушки на курьихъ ножкахъ, плетенныя какъ наши платяныя корзины, съ легкою изъ пальмовыхъ листьевъ крышею или болѣе тяжелою, сдѣланною изъ черепицы. Рѣже вамъ путь пересѣчетъ рѣка, и если здѣсь нѣтъ у ея береговъ увѣнчанныхъ кокосовыми пальмами построекъ, исполинской величины букеты бамбуковъ—этихъ характерныхъ злаковъ восточной Азіи, поразятъ васъ своими размѣрами и красотою формъ.

Такую постоянную смѣну восхитительныхъ ландшафтовъ вы видите повсюду на территоріи Явы. Нигдѣ нѣтъ и помину о джунгляхъ, дичи. Дебри необитаемыя вы найдете развѣ только по берегу моря. Но настоящій дѣвственный лѣсъ въ зонѣ ниже 200 ф. вы найдете не

легко. Одинъ, много развѣ два участка такихъ лѣсовъ сохранились на островѣ. Окруженные джунглями, они еще до сихъ поръ служатъ обиталищами тигровъ и носороговъ, памятью о которыхъ въ другихъ мѣстахъ являются только названія урочищъ.

Одинъ изъ такихъ лѣсовъ близъ южнаго берега, недалеко отъ Индійскаго океана, удалось посѣтить и мнѣ. Онъ не произвелъ на меня впечатлѣнія того разнообразія и пышности, какія я видѣлъ въ болѣе высоко расположенной полосѣ лѣсовъ горныхъ.

Какъ самый воздухъ, такъ и вся растительность такого дѣвственнаго лѣса носятъ отпечатокъ бѣльшей сухости, чѣмъ въ лѣсахъ другихъ поясовъ острова. Въ густомъ полумракѣ стволы деревьевъ увиты безконечнымъ разнообразіемъ ліанъ и эпифитовъ. Но эти ліаны и эти эпифиты, даже въ томъ случаѣ, когда они принадлежатъ къ папоротникамъ, здѣсь вообще менѣе обильнымъ, отличаются темными кожистыми листьями. Это тотъ цвѣтъ листвы, который столь обыденъ для нашихъ комнатныхъ растений—это типъ листвы филодендрона. Голая красная почва, хотя постоянно влажная, не одѣта ковромъ травъ. Она скрыта отъ глазъ крупными, грубыми листьями *Cycas*, нѣкоторыхъ орхидей, главнымъ-же образомъ молодыми, весьма изящными пальмами, которая подобно молодымъ кленкамъ, составляющимъ подлѣсокъ нашихъ дубравъ, густо растутъ въ такомъ лѣсу. Эта темная однообразная зелень дѣлаетъ лѣса мало интересными для ботаника. Лучшіе и красивѣйшіе цвѣты растутъ на деревьяхъ, которые зеленѣютъ нѣжною какъ у мимозы листвою и залиты пурпурными или розовыми цвѣтами *Caesalpinia*, или поражаютъ, какъ *Tectona grandis*, величиною листьевъ, или наконецъ, какъ фикусы, исполинскими стволами.

Обиліе ліанъ, темный цвѣтъ зелени, преобладаніе на землѣ орхидей, ротанговъ, ліанъ, а между деревьями исполинскихъ фикусовъ *Leguminosae*, дающихъ массы родовъ

и еще больше видовъ, сравнительно меньшее число папоротниковъ съ темною и грубою листвою—вотъ главная существенная черта этихъ лѣсовъ. Наконецъ, здѣсь вы не видите древовидныхъ папоротниковъ. Несмотря на все величіе, я назвалъ-бы лѣса эти гораздо менѣе пышными, чѣмъ тѣ, несравненно лучше сохранившіеся лѣса, которые расположены на нѣкоторой высотѣ, на горахъ—не ниже 4,000 ф. Тутъ, можно сказать, концентрируется вся мощь тропической растительности Явы, и здѣсь какъ-бы собраны вмѣстѣ ея типичнѣйшіе представители.

Наилучшимъ пунктомъ для изученія этого второго, наиболѣе роскошнаго пояса будетъ акклиматизаціонный садъ Tjibodas, устроенный Трейбомъ на самой опушкѣ дѣвственнаго лѣса, гдѣ онъ отъ устроенной имъ ботанической станціи провелъ дорожки къ замѣчательнѣйшимъ деревьямъ сада, къ лучшимъ изъ открывающихся видовъ. На станціи рядъ комнатъ для пріѣзжающихъ, общее зало съ библіотекой, въ которой я нашолъ даже произведенія Толстого, и лабораторіей. Домъ устроенъ на склонѣ вулкана Gunung Gede. Передъ окнами изящный садъ съ австралійскими деревьями араукаріями, ксантореями, эвкалиптами, мелалевками и акаціями. Садъ этотъ какъ-бы виситъ на уровнѣ облаковъ, плавающихъ въ окружающемъ васъ небѣ, оставляя возможность видѣть далеко внизу брентную землю. Замѣчательная тишина и спокойствіе воздуха царствуетъ кругомъ. Мнишь себя перенесеннымъ въ обиталище небожителей. Сзади-же домика непосредственно къ нему примыкаетъ дѣвственный лѣсъ, на фонѣ сплоченной зелени котораго возвышаются исполинскія Rosamala.

Растительность этого дѣвственнаго лѣса, какъ и всѣхъ вообще подобныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ полосы между 5,000—7,000 ф., поражаетъ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ. Издали такой лѣсъ не представляетъ ничего особеннаго. Это по внѣшности тотъ-же широколиственный

лѣсъ умѣренной полосы. Достойно вниманія то, что и здѣсь не видишь никогда тѣхъ *пальмовыхъ кронъ*, которыя рисуются при мысли о тропикахъ. Пальмы въ ландшафтѣ лѣсовъ фигурируютъ только въ жаркой нижней зонѣ; выше мы видимъ только ротанги и ареки и имъ подобныя ютящіяся въ тѣни другихъ деревъ породы. Масса лѣса образована обыкновенными лиственными деревьями, и между ними, на фонѣ опушекъ, рѣзко выделяются бѣло-сѣрые стволы *Liquidambar*, этого характернѣйшаго изъ деревьевъ дѣвственныхъ лѣсовъ Явы. Фонъ листвы лѣсовъ представляетъ или безконечные варианты типа глянцевого кожистаго листа фикуса, или нѣжнаго перистаго листа мимозы. Но зато очутившись подъ самою сѣнью лѣса, нетолько туристъ, но и самый опытный ботаникъ становится въ положеніе деревенскаго мальчика, впервые попавшаго въ большой шумный столичный городъ. Не знаешь куда смотрѣть: внизу, на землѣ, на уровнѣ съ головой, выше на стволахъ,—вездѣ масса растеній, безконечно разнообразныхъ, одно причудливѣе другого. Деревья не образуютъ какъ у насъ общаго свода. Надъ кустами, едва превышающими человѣческій ростъ, возвышаются полудеревья; ихъ кроны скрыты за деревьями роста нашихъ липъ; ихъ покрываютъ деревья еще болѣе высокія, надъ которыми какъ шатры распростерты вѣтви исполиновъ, уже совершенно не видныхъ черезъ покровы этого четырехъ-этажнаго лѣса. О ихъ присутствіи вы узнаете только по валяющимся по землѣ вѣтвямъ. Ихъ можно видѣть лишь на опушкахъ или на противоположныхъ берегахъ долинъ, созерцая сверху раскинувшееся подъ ногами море деревьевъ.

Понятно, что подъ четвертымъ сводомъ — сырость и полумракъ, какъ подъ сводами таинственнаго храма. Какъ громадныя паникадила какого-нибудь собора висятъ надъ вашею головою, свѣсившись на тонкихъ ліа-

нахъ или прикрѣпившись къ стволу, какъ исполинскія гнѣзда, цѣльнолистыя розетки папоротника *Aspidium nidus avis*. Растительность этого пояса лѣса не похожа на нашу. Здѣсь вы не найдете на землѣ цвѣтовъ нѣжныхъ и благоухающихъ или чарующихъ взоръ красотою вѣнчика. Вездѣ одна только зелень—нѣжной тонкой вай папоротника, то маленькаго и изящнаго, пріютившагося къ стволу дерева, то громаднаго, древовиднаго, способнаго своею изъ земли поднимающеюся ваею покрыть человѣка, то поднимающаго какъ пальмы вѣнецъ вай на высокомъ чешуйчатомъ стволѣ.

Землю покрываютъ грубые листья по большей части тѣхъ растеній, которыя мы привыкли видѣть въ своихъ комнатахъ. Плоенныя листья *Circuligo* играютъ между ними первую роль; затѣмъ различныя *Begonia* съ линялобѣлыми цвѣточками. Надъ ними высоко раскидываютъ листья *Scitamineae*, красные цвѣты которыхъ, выростая прямо изъ земли, одни оживляютъ влажную бурую почву; *Elettaria* или цѣлыя заросли дикихъ банановъ съ громадными цѣльными листьями, которыхъ не треплетъ вѣтеръ въ сырыхъ лѣсныхъ ущельяхъ и т. д. Мнѣ пришлось бы испещрить нѣсколько страницъ названіями деревьевъ, составляющихъ остальные части лѣса. Можно по нимъ бродить цѣлые дни, встрѣчая новыя и новыя формы. Эти дѣвственные лѣса тропиковъ рѣзко отличаются отъ нашихъ тѣмъ, что здѣсь нѣтъ однородныхъ зарослей. Голландскіе лѣсничіе и ботаники до сихъ поръ еще не знаютъ, что растеть въ ихъ лѣсахъ, несмотря на прекрасныя ботаническія изслѣдованія Юнгхуна, Микеля и др. Ежегодно по заповѣднымъ, выдѣленнымъ голландскимъ правительствомъ участкамъ разъѣзжаютъ нѣсколько ученыхъ лѣсничихъ, собирая вѣтви, опредѣляя формы, и все новыя и новыя виды присоединяются къ нескончаемому разнообразію деревьевъ. Да и трудно ихъ высмотрѣть всѣ. Ихъ такая масса кроется въ сплете-

ии четырехъ-яруснаго шатра вѣтвей, что найти въ немъ, что чему принадлежитъ, врядъ-ли сразу удастся и цѣпко лазящей среди нихъ обезьянѣ, нетолько человѣку.

Зона ликвидамбаровъ, считаминаей и древовидныхъ папоротниковъ, представляя полосу наиболѣе роскошнаго развитія тропическихъ лѣсовъ, вслѣдствіе поразительнаго разнообразія формъ, можно сказать, не имѣетъ опредѣленной фizioноміи. Тутъ буквально можно найти все, чего захочешь.

Совершенно иное дѣло, когда мы поднимаемся выше, до высоты 9,000 футъ, до того пояса, гдѣ почти постоянно держатся облака. Тутъ растительность получаетъ фizioномію совершенно опредѣленную, и начиная отсюда, вмѣсто чуждой для сѣверянина тропической флоры, онъ становится лицомъ къ лицу съ растительностью, хотя и въ высшей степени оригинальною, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько родственною нашей, что она и ея явленія начинаютъ, такъ-сказать, говорить намъ на понятномъ языкѣ. Это, какъ хотѣль-бы я ее назвать,—«зона облаковъ», болѣе или менѣе соотвѣтствующая нижнимъ частямъ «пояса дубовыхъ».

Здѣсь вы всегда окутаны холоднымъ туманомъ. Васъ окружаетъ атмосфера Лондона или Владивостока, съ морсящимъ дождичкомъ, съ мерзлою сыростью, нерѣдко пронизывающею до костей и заставляющею дрожать, перенося ваше воображеніе далеко отъ экватора. Уже въ поясѣ ликвидамбаровъ, на ботанической станціи, нерѣдко вечеркомъ, съ книгой въ рукахъ, вы грѣтесь подъ шумъ ливня у камина, забывая, что вы подъ 5° широты. Здѣсь недурно иногда подумать объ осеннемъ пальто. Неудивительно, что растительность теряетъ тропическій обликъ. Но она теряетъ его не въ томъ направленіи, какъ на сѣверѣ.

Вы поднимаетесь все еще въ дѣвственномъ лѣсу. Какъ и ниже, сверху и съ боковъ непроглядная зелень.

Какъ и ниже, гирлянды ліанообразныхъ растеній преграждаютъ путь; древесныхъ стволовъ не видно подъ одеждою изъ эпифитовъ. Но составъ послѣднихъ измѣняется кореннымъ образомъ. Вы постепенно вступаете въ фантастическое царство мховъ и тайнобрачныхъ формъ, которыхъ такъ трудно было ожидать здѣсь подъ тропиками. Въ общемъ здѣшніе лѣса напоминаютъ наши сѣверныя дубравы, еслибы всѣ стволы деревьевъ, ихъ вѣтви и сучья, всѣ кусты, старые пни и камни этихъ послѣднихъ дубравъ обернуть, какъ войлокомъ, пушистымъ свѣжимъ мохомъ, составляющимъ подножіе влажныхъ боровъ дальняго сѣвера.

Эффектъ получается удивительный. Эти полныя, точно распухшіе отъ одѣвающихъ ихъ толстыхъ покрововъ моха деревья кажутся обросшими тиною колоннами сказочнаго подводнаго дворца. Ліаны увиты здѣсь нѣжными фестонами мховъ, селлагинеллей, ликоподіевъ и крошечныхъ нѣжныхъ свѣтлозеленыхъ, почти прозрачныхъ листочковъ папоротниковъ. Разнообразіе мховъ поразительное, и среди громадныхъ ликоподіевъ, годящихся смѣло для ландшафтовъ каменноугольной эпохи и свойственныхъ этому оригинальному моховому царству тропиковъ, глазъ иногда съ изумленіемъ останавливается на родной формѣ далекаго сѣвера. Такъ, напримѣръ, на вѣтвяхъ царствующихъ надъ этими моховыми дворцами и замѣняющихъ на Явѣ хвойныя подокарпусовъ — особенно на обыкновенномъ, похожемъ на исполинскіе кипарисы *Podocarpus supressiva* — развиваются какъ на еляхъ далекой холодной Сибири длинныя бороды *Usnaea barbata*. Иногда вѣтви этого дерева ломаются подъ тяжестью выросшихъ на нихъ мховъ, составляющихъ коверъ, — почву, подобную почвѣ нашихъ боровъ. Тогда въ ней расцвѣтаютъ маленькія орхидеи подъ сѣнью поразительно похожей на нашу бруснику *Agarpetes* или замѣняющей ее *Drosera Nepenthes*. Ліанъ въ

такихъ лѣсахъ немного. Только *Freissinetia* обликомъ своимъ напоминаютъ тропики. *Araliaceae* замѣняютъ большинство ліанъ, играя роль плющей и аралій умѣреннаго пояса. Но болѣе всего обращаетъ на себя систематическій составъ деревьевъ въ этихъ лѣсахъ. Мы здѣсь уже не имѣемъ безконечнаго разнообразія родовъ, какъ ниже. У насъ только 4 семейства и притомъ семейства, характеризующія флору умѣреннаго пояса. Это дубы, клены и каштаны тропическихъ странъ, не похожіе, однако, на наши, такъ-какъ эти деревья съ пятью черно-зелеными, непадающими цѣльно-крайними листьями, съ обликомъ чисто тропическихъ деревьевъ. Только строеніе плодовъ выдаетъ ихъ принадлежность къ вышеназваннымъ родамъ.

По узкой тропинкѣ, слѣдуя за проводникомъ, поднимаетесь вы все навверхъ. Вы оставляете поясъ облаковъ за собою; воздухъ дѣлается суше; ліаны и эпифиты исчезаютъ, остаются низкіе папоротники. Передъ вами подобіе нашего лѣса. Но его деревья одѣты мелкою вѣчною зеленью. Ихъ листья не крупны, ихъ стволы изогнуты, изуродованы, обезображены. Ваша голова возвышается надъ ихъ уровнемъ, но въ это время обширный горизонтъ раскрывается передъ вами, и вы на вершинѣ кратера, въ зонѣ, гдѣ средняя температура около 0°. Здѣсь развивается альпійская флора Явы. Что-же это за флора? Она слагается изъ двухъ элементовъ, изъ травъ и кустарниковъ. Большинство кустарниковъ—это принявшія кустарную форму деревья нижележащихъ зонъ. Число ихъ родовъ, перечисленное у Юнгхуна, очень невелико, но всего любопытнѣе то, что, какъ мнѣ всюду приходилось видѣть, эти немногія дошедшія до вершинъ формы слагаются въ ассоціаціи, большею частью представленныя тѣми-же родами, которые характеризуютъ наши тундры далекаго сѣвера. Разница, однако, та, что растенія, соотвѣтствующія клюквѣ, морошкѣ, голубикѣ, Му-

rica Gale далекаго сѣвера, здѣсь являются не въ видѣ крошечныхъ, едва поднимающихся отъ земли экземпляровъ, но представлены деревьями или кустарниками въ человѣческій ростъ вышиною. Поэтому въ примѣненіи къ этимъ растеніямъ слова одного иностраннаго путешественника по Россіи, увѣрявшаго, что онъ обѣдалъ подъ сѣнью исполинской клюквы—не были-бы лишены истины. Черника (не *Vaccinium*, а *Agarpetes*) по крайней мѣрѣ представлена здѣсь деревомъ съ листьями, похожими на миртовые, ягодами котораго мои малайскіе проводники, лакомявшіеся подъ его сѣнью, умудрялись выкрасить свои губы въ синій цвѣтъ не хуже нашихъ деревенскихъ ребяташекъ.

Восхожденіе на Яванскіе вулканы, кромѣ чудныхъ видовъ на разстилающійся подъ ногами островъ, вознаграждаетъ путешественника цѣлымъ рядомъ крайне интересныхъ геологическихъ явленій. Въ одномъ вы можете заглянуть въ отверстіе кратера, изъ котораго съ шумомъ и свистомъ вырываются пары. Въ другомъ, какъ на примѣръ на Попандаянѣ, вы можете смѣло спуститься въ самый кратеръ, изверженіе изъ котораго нѣсколько десятковъ лѣтъ стоило жизни многимъ тысячамъ людей и разорило множество деревень. Теперь вы можете здѣсь съ безопасностью ходить по горячей полувывѣтрѣлой лавѣ, изъ трещинъ которой горячій воздухъ вырывается съ такою силою, что подхватываетъ и мечетъ вверхъ какъ бомбы большіе камни, когда бросаешь ихъ надъ трещинами. Тутъ-же на вашихъ глазахъ образуются изъ сѣрнистыхъ паровъ налетъ и сrostки изъ ярко-желтыхъ кристалловъ сѣры. Нѣкоторые кратеры представляютъ изъ себя озера жидкой грязи. Особенно интересно такъ-называемое *Telaga-bodas*, представляющее изъ себя окаймленный лѣсомъ бассейнъ съ молочно-бѣлою жидкостью.

Ко всѣмъ этимъ диковиннымъ проявленіямъ вулкани-

ческихъ силъ на Явѣ доступъ легче, чѣмъ даже въ Италіи. Безъ назойливыхъ чичероне за опредѣленную таксу получаете вы лошадей или носильщиковъ и ѣдете по тропинкѣ среди волшебныхъ лѣсовъ, переносящихъ васъ въ обстановку Наля и Дамаянти или какого-либо сказочнаго героя. Насколько безопасно посѣщеніе кратеровъ многихъ вулкановъ, показываетъ фактъ, что въ кратерѣ Попандаяна до сихъ поръ въ неприкосновенности стоитъ деревянный павильонъ, въ которомъ устроенъ былъ завтракъ Наслѣднику Цесаревичу во время его посѣщенія острова Явы.

XIX.

Плантаціи на Язѣ.—Малайцы-рабочіе.—Жизнь плантаторовъ и управляющихъ.—Хинное дерево и его культура.—Обработка чая на Явѣ.—
Вкусъ и качества яванскаго чая.

Описанные нами горные дѣвственные лѣса Явы въ недалекомъ будущемъ ожидаетъ судьба лѣсовъ болѣе низкой и жаркой зоны. Если до сихъ поръ большинство горъ и вулканическихъ склоновъ покрыты ихъ роскошною растительностью, то это только потому, что алчная рука человѣка не находила выгодной эксплуатаціи занятой этими лѣсами почвы.

Недавно еще Ява производила главнымъ образомъ, если даже не исключительно, кофе. Но кофе культивировалось и въ низинахъ, и на горахъ, причемъ особенно большія высоты не были для него благопріятны. Когда-же распространившаяся и по Явѣ болѣзнь кофе, причиняемая особаго вида грибомъ, развивающимся на листьяхъ, стала производить сильныя опустошенія, голландцы, подобно тому какъ англичане на Цейлонѣ, стали пробовать культурою другихъ растеній возмѣстить убытки, понесенные на кофе. Ихъ вниманіе остановили чай и хина. Оба эти растенія, однако, требовали скорѣе влажнаго, чѣмъ жаркаго климата. Ихъ культура поэтому привилась не въ долинахъ Явы, но на ея горахъ, въ поясѣ сцитаминей и древо-видныхъ папоротниковъ. Предоставивъ низины тузем-

цамъ для ихъ рисовыхъ плантацій, европейцы захватили горы, уничтожили теперь большую часть покрывавшихъ ихъ лѣсовъ и замѣнили ихъ хиной и чаемъ, среди зарослей которыхъ возвышаются ихъ жилища, какъ у насъ помѣщичьи дома среди владѣльческихъ полей. Благодаря любезности нашего консула, г-на Бауда, я имѣлъ случай посѣтить нѣсколько такихъ плантацій, и всѣ онѣ производили на меня впечатлѣніе нашихъ «южно-русскихъ» экономій, конечно только въ совершенно иной обстановкѣ.

Обыкновенно одиноко стоящій домъ—такой-же архитектуры, какую мы описывали въ городѣ—представляетъ мѣстожительство европейца. Онъ окруженъ небольшимъ садикомъ; вокругъ группируются хозяйственные постройки. Въ нѣкоторомъ отдаленіи расположено селеніе, поставляющее рабочихъ. Эти послѣдніе нанимаются за плату поденно или помѣсячно, но разница въ культурѣ, въ міровоззрѣніи и въ средствахъ дѣлаетъ изъ нихъ почти тѣхъ-же крѣпостныхъ. Поставленные въ положеніе крѣпостныхъ къ *государству*, малайцы, представляя изъ себя мягкую, слабохарактерную, привыкшую къ деспотизму бывшихъ правителей массу, и по отношенію къ своимъ хозяевамъ, несмотря на личную свободу, играютъ ту-же роль. Крупные, богатые владѣльцы плантацій обыкновенно сами въ нихъ не живутъ и бываютъ лишь наѣздомъ, предпочитая жить въ городахъ. На плантаціи-же живутъ управляющіе, и ихъ роли по отношенію къ туземцамъ живо напомнили мнѣ отношенія нашихъ нѣмцевъ управляющихъ или разбогатѣвшихъ колонистовъ къ окружающей ихъ русской массѣ.

Голландецъ-управляющій гораздо культурнѣе нашихъ нѣмцевъ, скажу болѣе — культурнѣе многихъ нашихъ землевладѣльцевъ. Это люди съ хорошимъ общимъ образованіемъ и обыкновенно знатоки въ тропическомъ земледѣліи. Получивъ воспитаніе въ Голландіи, они, естественно, сохраняютъ всѣ свои симпатіи къ метропо-

ліи и, поживъ нѣкоторое время на Явѣ, стремятся возвратиться на родину.

Хотя климатъ Явы, говоря вообще, здоровый, а обстановка тропической растительности городскихъ предмѣстій такъ восхитительна, что напоминаетъ райскую,—эти люди поставлены въ невозможность ими пользоваться. Жители городовъ, особенно тѣ, которые родились на Явѣ, владѣтели плантацій кофе, сахарнаго тростника и какао, расположенныхъ внизу на подгоріяхъ, дѣйствительно привязываются къ новому отечеству. Я видѣлъ многихъ стариковъ, которые, побывъ нѣкоторое время въ Голландіи, возвращались на Яву, чувствуя тоску по покинутомъ островѣ. То-же мнѣ говорили всѣ голландцы, родившіеся на Явѣ.

Но жизнь въ Бейтензоргѣ и его окрестностяхъ совершенно не то, что жизнь на чайной или хинной плантаціи. Жизнь на горахъ и въ низинѣ подъ тропиками столь-же несходна, какъ и подъ нашими широтами. Въ предъидущей главѣ я далъ описаніе облика здѣшнихъ лѣсовъ и указалъ, въ какой страшной сырости развивается наорная растительность Явы. Обнаженіе горъ отъ ихъ естественнаго покрова конечно дѣлаетъ почву и атмосферу нѣсколько суше, но все-же далеко не настолько, чтобы дѣлать жизнь здѣсь пріятною. Какъ въ ботаническомъ домикѣ сада Tjibodas, такъ и на плантаціяхъ, въ насыщенномъ парами воздухѣ, далеко не столь тепломъ, какъ того можно-бы было ожидать отъ экваторіальной страны, малѣйшія колебанія температуры отражаются необыкновенно рѣзко на организмѣ. Къ вечеру, особенно послѣ дождя, приходится буквально дрожать отъ холода, и трещащіе въ каминѣ дрова—обычное явленіе въ гостинной хиннаго плантатора, несмотря на вайпальмъ, виднѣющіеся изъ оконъ его дома. «Зеленая зима», хорошо знакомая петербургскимъ дачникамъ, не чужда и обитателямъ хинной плантаціи. Только туземцы приспособляются къ этому, въ сущности далеко

не холодному воздуху. Полуобнаженные или въ тѣхъ-же костюмахъ, что они носятъ въ Батавіи, работники являются и здѣсь на плантаціи. Жизнь управляющаго имѣетъ здѣсь еще и то сходство съ нашимъ дачникомъ окрестностей Петербурга, что ему такъ-же приходится постоянно страдать отъ ненастья. Рѣдкій день здѣсь обходится безъ дождя. Зимой обложные дожди тянутся по нѣскольку сутокъ подрядъ—и европеецъ долженъ терпѣливо сидѣть на своей верандѣ, слушая шлепанье дождевыхъ капель по листьямъ хинныхъ деревьевъ. Развѣ только въ окрестностяхъ Батума русскій читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о здѣшнемъ климатѣ.

Но положеніе плантатора уже тѣмъ существенно отличается отъ положенія дачника, что онъ лишенъ общества. Плантація отъ плантаціи отстоятъ въ горахъ на большія разстоянія. Видѣться другъ съ другомъ европейцамъ приходится сравнительно рѣдко. Туземцы-же для интеллигентнаго управляющаго составляютъ столь-же мало подходящее общество, какъ рабочіе и конторщики нашихъ экономій.

Я умышленно сравнилъ положеніе управляющаго плантаціи съ положеніемъ нѣмца, хозяйничающаго въ Россіи, а не русскаго. У этого послѣдняго есть все-таки нѣкоторая связь съ русскимъ рабочимъ, на него трудящимся, нѣкоторое пониманіе взглядовъ, понятій и суевѣрій послѣдняго. Голландецъ, какъ у насъ нѣмецъ, стоитъ отъ рабочаго гораздо дальше.

Малаецъ — кроткое и донельзя терпѣливое созданіе, привыкшее подчиняться и повиноваться такъ-же какъ и нашъ мужикъ. Но онъ гораздо болѣе молчаливъ, пассивенъ, чѣмъ этотъ послѣдній. У насъ примято восхвалять долготерпѣніе русскаго народа—качество, которое, по моему мнѣнію, и является причиною всѣхъ его несчастій и нищеты. Въмѣсто активной борьбы и стремленія побороть затрудненія, создаваемыя условіями, его

окружающими, онъ стремится къ нимъ приспособиться, доводя принципъ непротивленія злу, въ какомъ-бы видѣ это послѣднее ни являлось, до крайней степени—низводя себя этимъ самымъ до степени раба, почти не имѣющаго потребностей, кромѣ чисто животныхъ. То-же качество чуть-ли не въ большей еще степени свойственно и малайскому народу. Но малаецъ, если его довести до послѣдней степени униженія, реагируетъ нѣсколько иначе чѣмъ русскій. Онъ тогда теряетъ разсудокъ и приходитъ въ характерное для малайца состояніе, называемое амок. Долго наболѣвшее чувство горя и оскорбленія сразу прорывается наружу, какъ изверженіе вулкана, долго готовившагося къ взрыву. Малаецъ, пришедшій въ состояніе амок, ничѣмъ не отличается отъ бѣшеннаго. Онъ бросается съ оружіемъ на перваго встрѣчнаго, не отличая своего отъ чужого. Онъ проникнутъ чувствомъ истребленія всего попадающагося ему подъ руку. Рѣдко приходится вновь приводить въ сознаніе такихъ пришедшихъ въ состояніе амокъ людей. Чаше ихъ ловятъ особыми, снабженными колючками вилами и убиваютъ или отправляютъ въ заточеніе.

Но случаи амок не часты. Европейскій плантаторъ по этому можетъ чувствовать себя среди своихъ рабочихъ такъ-же спокойно, какъ нашъ управляющій среди крестьянъ. Онъ живетъ въ своемъ домѣ царькомъ, такъ-какъ окружающее его населеніе воздаетъ ему почтеніе гораздо большее, чѣмъ воздавало своимъ помѣщикамъ крестьянство во времена крѣпостного права.

До сихъ поръ населеніе держится въ невѣжествѣ. Магометане по религіи, малайцы чужды міровоззрѣнію европейцевъ. Эти послѣдніе не позволяютъ имъ даже изучать голландскій языкъ, и такимъ образомъ подчиненные не могутъ даже понимать, о чемъ между собою разговариваютъ ихъ господа.

Получая богатое содержаніе, голландцы-владѣтели плантацій и ихъ управляющіе кажутся туземцамъ бога-

че ихъ князей. Превосходя ихъ далеко образованіемъ, они до сихъ поръ являются какъ-бы высшею расою. Поэтому вліяніе плантаторовъ очень сильно, и они нерѣдко злоупотребляютъ имъ. Такъ *jus primae noctis* процвѣтаетъ въ здѣшнихъ захоlustяхъ и отнюдь не считается за безчестіе.

Впрочемъ, положеніе рабочаго здѣсь далеко не жалкое. Здѣсь не видно тѣхъ въ рубище одѣтыхъ полуголодныхъ нищихъ, какъ на Цейлонѣ; напротивъ, люди вездѣ, гдѣ я ихъ ни встрѣчалъ на Явѣ, имѣютъ довольный, веселый видъ и одѣты скорѣе порядочно, чѣмъ бѣдно. Но нравственное вліяніе эксплоатирующихъ страну европейцевъ невелико, и до сихъ поръ это два міра, изъ коихъ одинъ существуетъ для другого; если европейцы и дѣлаютъ что для туземцевъ въ смыслѣ порядка, правосудія или просвѣщенія, то лишь постольку, поскольку это выгодно для ихъ интересовъ. Работы на плантаціяхъ довольно просты. Ими могутъ завѣдывать надзиратели изъ туземцевъ—лицъ довѣренныхъ; поэтому управляющій имѣетъ много, слишкомъ много досуга.

Болѣе культурный — онъ выписываетъ журналы и книги. Много новѣйшихъ сочиненій по естествознанію и беллетристикѣ, вышедшихъ въ Европѣ и какъ новость появлявшихся во время моего отъѣзда изъ Харькова, я видѣлъ лежащими на столахъ управляющихъ. Но постоянное одиночество ихъ тяготитъ. Они поэтому, подобно нашимъ землевладѣльцамъ, рады пріѣзжему человѣку, и яванское гостепріимство можетъ смѣло поспорить съ русскимъ. Но все-же жизнь на многихъ плантаціяхъ мнѣ живо напомнила нѣкоторые изъ очерковъ Аксакова. Еще въ Бейтензоргѣ, пользуясь хорошимъ временемъ для фотографированія въ послѣполуденные часы и бродя по городу, я бывалъ пораженъ тою, какъ я прежде думалъ, лишь русскимъ людямъ присущею привычкою спать въ самыя жаркіе часы дня. Буквально все, что заселено европейцами, какъ въ какомъ-нибудь ставропольскомъ посел-

кѣ, погружается въ сонъ и какъ-бы вымираетъ, и во время отъ 1—4 ч. лишь туземцы оживляютъ улицы. То-же бываетъ и на плантаціяхъ.

Работы на плантаціяхъ различны, смотря по роду воспитываемыхъ деревьевъ. Наиболѣе просто хозяйство на хинныхъ плантаціяхъ. Какъ извѣстно, на Явѣ лучше чѣмъ гдѣ-либо привилась культура хинной корки и теперь уже не Анды Южной Америки, а востокъ Азіи является главнымъ поставщикомъ этого драгоцѣннаго лѣкарства. Благодаря энергіи голландскихъ плантаторовъ, стоимость хинина въ послѣдніе 10 лѣтъ упала втрое и она упадетъ, вѣроятно, еще болѣе, когда кора дерева будетъ обрабатываться для извлеченія хинина на самомъ островѣ и сохранятся расходы отъ перевозки занимающей много мѣста и ненужной коры.

Первоначально былъ перевезенъ съ большими трудностями и даже прямо съ опасностью для жизни одинъ видъ хиннаго дерева *Cinchona succirubra*—дерево, по формѣ листьевъ и по облику, если смотрѣть на него издали, напоминающее нашу клейкую ольху—*Alnus glutinosa*. Но ея листья толще, глянцевище—какъ вѣчно зеленая листва камелій. Эта *Cinchona* ежегодно развиваетъ гроздья душистыхъ розовато-бѣлыхъ цвѣтовъ. Нѣкогда это дерево служило единственнымъ источникомъ для добычи хинина. На деревѣ дѣлались вдоль всего ствола два надрѣза. Съ половины дерева сдиралась кора, другая половина ствола оставлялась нетронутою и пораненныя части осторожно обматывались мохомъ. Черезъ годъ, когда на ободранной части образовывался молодой корковый слой, обдиралась другая половина и точно также обвертывалась мохомъ. Однако, молодая новая кора содержитъ въ себѣ гораздо менѣе хинину, чѣмъ первоначальная, и поэтому дальнѣйшее повтореніе описанной процедуры не представляетъ интереса. вмѣсто того, обыкновенно дерево срубали и, ободравъ его, стволъ и корни выбрасывали, засаживая плантацію новыми сѣянцами.

При такомъ способѣ хозяйства, хининъ обходился недешево. Хотя самая процедура обработки коры и очень проста, но выростить большія деревья и, собравъ два сбора коры, уничтожить—и дорого обходилось, и требовало много времени. Кромѣ того, *Cinchona succirubra* давала въ корѣ всего два съ половиною процента хинину—количество слишкомъ малое.

Понятно поэтому, что когда былъ полученъ изъ Америки другой видъ *Cinchona*—*Cinchona Lageriana*, содержащій болѣе 12% хинина—всѣ симпатіи плантаторовъ обратились къ нему. Этотъ новый и нынѣ господствующій видъ хиннаго дерева менѣе красивъ и не растетъ такъ высоко. Это скорѣе высокій кустъ, чѣмъ дерево, съ узкими, нѣсколько напоминающими ивовыя листьями, твердыми и темными.

Между новымъ и старымъ видами хиннаго дерева получены теперь многочисленныя помѣси съ весьма разнообразной степенью добротности. Со введеніемъ ихъ измѣнился и самый характеръ хозяйства плантацій. Теперь эти мелкія деревца сажаютъ густо, и разъ только они разовьются достаточно толстый стволъ, ихъ вырубаютъ и выкорчевываютъ, но не сплошь, а черезъ одно, такъ-что чѣмъ рѣже становится насажденіе, тѣмъ лучше развиваются оставшіеся индивиды. Вмѣсто увезенныхъ растений садятся молодые сѣянцы. Такимъ образомъ плантація никогда не уничтожается вполнѣ и даетъ постоянный доходъ.

Многія хинныя плантаціи занимаютъ сотни десятинъ. Это громадныя лѣса, покрывающіе собою цѣлые склоны горъ. То въ томъ, то въ другомъ углу такого лѣса, монотоннаго и скучнаго какъ всѣ саженыя лѣса, лишится стукъ. Это семья туземцевъ своеобразными деревянными колотушками околачиваетъ кору съ толстыхъ вѣтокъ и корней срубленныхъ деревьевъ. Кора со стволовъ въ это время рѣжется на куски. Затѣмъ все это свозится на возахъ въ особые сараи, гдѣ кора подсу-

шивается въ особыхъ печахъ, сваливается въ мѣшки—и товаръ готовъ къ отправкѣ въ Европу, гдѣ уже его на химическихъ заводахъ превратятъ въ то горькое вещество, которое знакомо читателю.

Гораздо сложнѣе обработка чая, почему чайныя плантаціи и отличаются довольно рѣзко отъ хинныхъ какъ обиліемъ построекъ, такъ и значительнымъ многолюдствомъ. Вблизи такой плантаціи вы непременно встрѣтите малайскую деревню, населеніе которой живетъ заработками на чайномъ заводѣ. Какъ и въ Китаѣ, чайный кустъ здѣсь съ первыхъ-же лѣтъ его развитія подстригается и ему не даютъ обыкновенно расти выше полутора аршина. Но въ то время какъ на своей родинѣ кустъ скоро истощается и черезъ 12 лѣтъ послѣ посадки дѣлается негоднымъ къ употребленію, здѣсь, подъ тропиками, онъ растетъ сильнѣе, но портится отъ частаго сбора листьевъ, и я видѣлъ 30-лѣтнія растенія, еще совершенно пригодныя для эксплуатаціи.

На Явѣ разводятъ всѣ три вида чая, именно: *Thea viridis*, *Thea bohea* и *Thea assamica*, въ особенности-же два послѣдніе сорта. Но готовятъ, какъ и во всей Остѣ-Индіи, преимущественно черные сорта. Подобно хиннымъ деревьямъ и чайныя плантаціи занимаютъ обширныя пространства. Низенькіе, одѣтые черною зеленью кустики разсажены правильными рядами, оставляя около аршина разстоянія между рядами и давая возможность всюду просвѣчивать голой темно-бурой почвѣ. Но если смотрѣть на расположенную на склонѣ чайную плантацію издали, она производитъ впечатлѣніе одного сплошного чернаго покрова, давая иллюзію чернаго парового поля въ степной полосѣ Россіи. Только посаженные пальмы и пирамидальныя кипарисы нарушаютъ иллюзію.

Обработка чая производится здѣсь, какъ и на Цейлонѣ, гораздо проще, но и гораздо аккуратнѣе. Чайные листья собираютъ обыкновенно малайскія женщины, сры-

вая три верхнихъ листа побѣга и бросая ихъ въ особую сплетенную корзину. Корзины эти приносятъ въ особую постройку, гдѣ ихъ взвѣшиваютъ, и затѣмъ разстилаютъ листья на полу, чтобы они завяли. Затѣмъ на нѣсколько часовъ ихъ складываютъ въ кучи, чтобы въ нихъ произошло легкое броженіе, превращающее зеленый чай въ черный. Тогда листья кладутъ на особую машину которая представляетъ изъ себя подобіе двухъ почти касающихся жернововъ, и будучи приведена въ движеніе, скручиваетъ листья, замѣняя работу человѣка. Скрученные листья подсушиваются надъ особыми печами-жаровнями—или прямо на солнцѣ, просѣиваются черезъ сортировальныя сита—и чай готовъ.

Благодаря любезности плантаторовъ, я могъ перепробовать почти всѣ сорта чая, приготовляемые на Явѣ, но, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что ни одинъ изъ нихъ, несмотря на чистоту способа приготовленія, не найдетъ себѣ потребителя у насъ. Надо думать, что вертикальные, почти круглый годъ одинаково дѣйствующіе лучи солнца вліяютъ здѣсь совершенно иначе на листья кустарника, чѣмъ въ Китаѣ. Еще въ большей степени, чѣмъ на Цейлонѣ, въ листьяхъ яванскаго чая вырабатываются терпкія и дубильныя вещества, придающія напитку вяжущій, непріятный вкусъ и лишаящія его аромата. Англичане, пьющіе, какъ извѣстно, вмѣсто чаю крѣпкій отваръ чайныхъ листьевъ, терпкій при такомъ способѣ приготовленія и у китайскихъ сортовъ, охотно мирятся со свойствами тропическихъ чаевъ. Но у насъ такого рода чай долго не найдутъ благосклоннаго пріема.

Мало-по-малу чайныя и хинныя плантаціи и на Явѣ, какъ на Цейлонѣ, вытѣснятъ коренную растительность, занявъ склоны ея высокихъ горъ. Дѣвственные лѣса должны будутъ спасаться развѣ въ кратеры вулкановъ, гдѣ они будутъ сохраняться до перваго изверженія.

XX.

Коралловые острова яванскаго побережья.—Мангровые лѣса и особенности ихъ растительности:—Отѣздъ изъ Батавіи.—Тропическіе пароходы и порядки на нихъ. — Прибытіе въ Сингапуръ. — Городъ и его окрестности.

Голландскій королевскій почтовый пароходъ, на которомъ я долженъ былъ переѣхать въ Сингапуръ, «Meester Cornelis», отходилъ только черезъ два дня изъ Tanjong Priok'а. Еще два дня, совершенно неожиданно для меня, я могъ оставаться на Явѣ. Но постоянные форсированные разѣзды внутри страны, блужданія по дѣвственнымъ лѣсамъ во время дождей—все это настолько меня утомило, что меня уже болѣе не манило на дальнюю поѣздку. Поэтому я рѣшилъ ограничиться осмотромъ окрестностей города и благодаря любезной рекомендаціи д-ра Трейба, пользуясь содѣйствіемъ начальника порта, сдѣлалъ небольшую экскурсію на архипелагъ маленькихъ коралловыхъ острововъ, расположенныхъ противъ Батавіи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега. Въ 6 часовъ утра маленькій пароходикъ помчалъ насъ по лазурнымъ водамъ моря, слегка взволнованнаго береговою бризою, и вскорѣ, надѣвши на ноги особенные кожаные лапти, употребляемые туземцами для хожденія по остро-колючимъ коралловымъ рифамъ, я уже гулялъ по усыпанному коралловымъ пескомъ побережью маленькаго островка, повидимому недавно еще поднявшагося со дна морского, благодаря дѣятельности полиповъ.

Эти прогулки по островамъ возможны только въ самые ранніе часы. Климатъ тропическаго побережья—не то что климатъ Бейтензорга, и всѣ тѣ ужасы, которые приходится читать о мѣзмахъ тропическаго климата, о его лихорадкахъ и маларіяхъ, здѣсь находятъ свое осуществленіе. Горе тому европейцу, который вздумаетъ провести здѣсь ночь или вечеръ. Онъ неизбежно сляжетъ въ постель. Но практика жизни выработала правила, какъ надо себя держать въ подобныхъ условіяхъ, и всякій батавецъ знаетъ, что утренніе часы, проведенные въ мангровыхъ болотахъ побережья или на коралловыхъ островахъ, кромѣ удовольствія, ничего не доставятъ. Я говорю—утренніе часы, такъ-какъ позже солнце здѣсь уже печетъ нестерпимо, и его лучи, палящіе даже черезъ влажную солоноватую атмосферу моря, жгутъ невыносимо и для туземца. Утромъ-же, пока солнце не высоко и вѣетъ легкая морская бриза, можно свободно двигаться и изучать всѣ особенности здѣшняго прибрежнаго міра.

Коралловый островокъ, на который высадилъ меня мой любезный хозяинъ, былъ не изъ большихъ; кромѣ того, повидимому, онъ произошолъ недавно, такъ-какъ повсюду изъ-подъ ногъ просвѣчивалъ бѣлый коралловый песокъ, а растительность островка состояла изъ невысокихъ кустарниковъ и весьма небольшого числа одиноко стоящихъ, быстро растущихъ деревьевъ. Я не видѣлъ на немъ ни одной пальмы, и онъ былъ совершенно необитаемъ. Но зато растительность этихъ островковъ, особенно ихъ побережій, представляетъ по своимъ приспособленіямъ глубочайшій интересъ. Здѣсь лучше чѣмъ гдѣ-либо можно наблюдать борьбу двухъ стихій—земли и воды, и тѣ ухищренія, на какія пускаются организмы той и другой, чтобы удержать за собою спорную территорію.

Еще пока рифъ подъ водою, на немъ поселяются—какъ это легко наблюдать на залитыхъ солеными водами

бѣлѣющихъ отмеляхъ,—своеобразныя растенія: различные виды мангровыхъ деревьевъ, какъ *Brongiera*, *Sonneratia* и т. п. Растенія эти имѣютъ совершенно особую организацію. Подобно свайнымъ постройкамъ, воздвигаемымъ человѣкомъ, эти кустарники своими воздушными многообразно вѣтвящимися корнями, какъ на какихъ-то пружинахъ и рессорахъ, утврждаются на твердой коралловой почвѣ. Волны прибоя, приливныя и отливныя волны свободно пробѣгаютъ между столбами такого воздушнаго фундамента, на которомъ воздвигается самое зданіе — болѣе или менѣе значительной вышины вѣтвящійся кустарникъ съ темно-зелеными глянцевыми кожистыми листьями. Подобно купальщикамъ, далеко зашедшимъ въ море, оголивъ свои ноги, по песчаной отмели—эти съ обнаженными перепутанными корнями кусты мангровыхъ растеній одиночно или небольшими группами возвышаются на лазурной поверхности морскихъ водъ, и странно какъ-то видѣть деревья и кустарники, растущіе въ столь несоотвѣтствующей сухопутному растенію обстановкѣ. Мнится, что они застигнуты наводненіемъ или сильнымъ приливомъ.

А между тѣмъ все развитіе этихъ странныхъ растеній соотвѣтствуетъ окружающимъ ихъ условіямъ. Эти кустарники не образуютъ, какъ всѣ прочія цвѣтковыя растенія, обыкновенныхъ сѣмянъ. Зародышъ сѣмени прорастаетъ здѣсь въ самомъ плодѣ, когда этотъ послѣдній еще не достигъ зрѣлости. Онъ пускаетъ длинный, толстый, тяжелый, книзу утолщенный корень, заостренный на концѣ. Такіе плоды-корни достигаютъ, висѣя на вѣтвяхъ, до полуаршина длины. Наконецъ, оторвавшись отъ основнаго растенія, они, въ силу своей формы, падаютъ вертикально внизъ и вонзаются остриемъ въ разсѣлину коралловаго грунта настолько крѣпко, что ихъ не могутъ вырвать ни волны прибоя, ни приливъ. Тогда верхушка развиваетъ листья, и передъ вами является растеніе, какъ-бы пересаженное въ море.

Мангровыя деревья сплетеніями корней своихъ быстро содѣйствуютъ нанесенію въ промежутки между ними ила, разныхъ морскихъ отбросовъ, коралловыхъ обломковъ и песка, такъ-что мало-по-малу почва между корнями нагромождается настолько высоко, что уже не заливаема водою. Изолированно стоящія деревца превращаются въ островки, и эти послѣдніе должны съ теченіемъ времени слиться съ главною массою острова, на которомъ, путемъ дальнѣйшаго накопленія остатковъ, наконецъ образуется почва, способная питать болѣе сухопутныя растенія. На посѣщенномъ мною островкѣ было уже болѣе десятка такихъ вторичныхъ колонистовъ. Это уже были настоящія высокоствольныя деревья, какъ, напримѣръ, дающія вкусный плодъ вродѣ миндаля *Samarium cotinifolium* или любопытныя казуариніи—деревья, подобно нашимъ средне-азіатскимъ саксауламъ дающія лишь длинныя, какъ у метель, сизо-зеленыя плети безъ листьевъ и замѣтныхъ цвѣтовъ.

Но главное большинство развитыхъ здѣсь растеній характеризуется организаціей своихъ плодовъ, точно также носящихъ на себѣ отпечатокъ приспособленій къ морской жизни. Ихъ сѣмена одѣты особою губчатою тканью, наполненной воздухомъ. Ткань эта не позволяетъ имъ тонуть въ водѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускаетъ морскую воду до самаго зерна. Потому волнами и теченіями сѣмена такого рода далеко разносятся по морю, пока не попадутъ на берегъ какого-нибудь островка. Здѣсь, выброшенные на сушу и смоченныя прѣсною водою, они проростають и обогащаютъ его флору. Наилучшимъ типомъ такого рода растеній является кокосовая пальма съ ея одѣтыми толстою волокнистою оболочкою орѣхами. Потому-то эта пальма и является какъ-бы завершительницею дѣла колонизаціи коралловаго острова, характернѣйшею и неотъемлемою спутницею cadaго изъ такихъ островковъ, гдѣ только есть человеческое жилье. Разнообразная польза, извлекаемая изъ

кокосовой пальмы, слишкомъ общеизвѣстна, чтобы о ней подробно распространяться. Но насколько она дѣйствительно велика, читатель можетъ судить по тому, что въ здѣшнихъ моряхъ есть много острововъ, гдѣ, кромѣ кокосовой пальмы, жители не знаютъ ни одного другого полезнаго растенія, и эта пальма и продукты моря одни даютъ пищу и занятія для ихъ населенія.

Фауна нашего островка уже морская. Подъ ногами, двигаясь бочкомъ, снуютъ краббы, эти вездѣсущіе дезинфекторы труповъ и нечистотъ, выбрасываемыхъ моремъ. Нѣсколько слизняковъ составляютъ какъ-бы переходъ отъ морского къ сухопутному населенію. Затѣмъ, надѣвъ ваши кожаныя калоши, вы вступаете въ воду и, гуляя по колѣни въ теплыхъ струяхъ моря, благодаря прозрачности водъ можете наблюдать царство Нептуна съ такимъ-же удобствомъ, съ какимъ вы наблюдали произведенія флоры на сушѣ. Сперва вы идете по безжизненному грунту, усыпанному бѣлымъ какъ сахаръ пескомъ. Но вотъ грунтъ становится тверже, и вы вступаете въ царство живыхъ коралловъ. Почва становится неровною. Какъ маленькіе сѣдо-сѣрые кустики полыни на бурой глинистой почвѣ туркестанской пустыни или кочки на сѣверномъ болотѣ, раскиданы кустики изолированно стоящихъ величиною съ обыкновенную утиральную губку колоній мадрепоръ.

Вы идете какъ-бы по подводной степи, заросшей этими плотными кустиками—слишкомъ твердыми, чтобы ихъ сравнивать съ растеніями, но напоминающими ихъ своей правильной полушаровидной формой. Эти маленькіе кустики, не похожіе на продаваемые у насъ вѣтвистые кораллы, уступаютъ имъ и бѣлизною. Въ нихъ есть какая-то полупрозрачность, причина которой понятна, такъ-какъ каждая видимая глазомъ пора въ известковомъ скелетѣ здѣсь еще заполнена прозрачнымъ существомъ со звѣздчатыми щупальцами. Вы ходите по живому грунту, давите подъ ногами живыхъ существъ.

Чѣмъ глубже вода, тѣмъ разнообразнѣе становится

форма коралловъ. За мелкими кустиками слѣдуютъ болѣе вѣтвистые, за округлыми формами болѣе причудливыя. Теперь передъ нами уже подобіе не степи, а заросли кустарника. Въ разсѣлинахъ, между его вѣтвями, темнѣются чернофіолетовые пучки длинныхъ, больно колющихъ иглъ морского ежа. Его колючки достигаютъ до фута длины. Тамъ и сямъ валяются формы, напоминающія сбитыя шляпки пластинчатыхъ грибовъ; мѣстами поднимаются глубокія вазы и бокалы, точно сдѣланные изъ самага тонкаго просвѣчивающаго фарфора или еще болѣе тонкой ажурной работы.

Невольно хочется собрать и увезти съ собою образцы всѣхъ этихъ причудливыхъ формъ. Но это не такъ легко. Дѣло въ томъ, что коралль—цѣлая колонія животныхъ, и животныя эти, какъ только вы ихъ вынете изъ воды, погибаютъ и разлагаются, распространяя нестерпимую вонь. Нужно, чтобы по крайней мѣрѣ недѣлю всѣ эти образцы лежали на берегу и провѣтривались на солнцѣ, чтобы получить, наконецъ, тѣ безукоризненной бѣлизны кораллы, которыми такъ прельщаютъ покупателей на своихъ лодкахъ туземные торговцы.

На краю лагуны съ ея прозрачными водами, какъ я уже говорилъ, кораллы имѣютъ форму приземистыхъ кустиковъ. Зато, когда вы приближаетесь къ серединѣ лагуны, гдѣ уже начинается пучина, вы увидите подъ собою цѣлыя деревья, въ вѣтвяхъ которыхъ порхаютъ чудныя, маленькія, блистающія какъ колибри всѣми цвѣтами радуги съ металлическимъ отливомъ, рыбки.

Болѣе долгое пребываніе на островахъ, въ сущности представляющихъ мало разнообразія, невозможно, такъ какъ солнце начинаетъ скоро усиленно печь, угрожая солнечнымъ ударомъ. Вырисовывающіеся утромъ въ неясной дымкѣ на горизонтѣ контуры двухъ главныхъ вулкановъ Явы—Gunung-Gedeh и Salak, совершенно скрываются въ полосѣ облаковъ—и поневолѣ прихо-

дится поворачивать въ тихую пристань Tanjong Priok' чтобы поспѣть къ полудню на поѣздъ въ Батавію.

«Meester Cornelis» на слѣдующій день, т.-е. 12-го ноября, въ 8 ч. утра, покинулъ Батавію, а съ нимъ и я долженъ былъ распрощаться съ чудною природою и растительностью Явы.

Не прошло и часу, какъ мы потеряли изъ виду острова—и затѣмъ втеченіе этого и слѣдующаго дня лишь монотонная зеленая полоса лѣсовъ Суматры издали съ юга виднѣлась на горизонтѣ. Но этотъ ландшафтъ острова съ парохода мало чѣмъ отличался отъ того, который видитъ глазъ петербуржца, ѣдущаго въ Петергофъ, на сѣверномъ берегу Финскаго залива. Зеленоватосинія воды изрѣдка разнообразятся водяными смерчами—здѣсь довольно обыденнымъ, но безопаснымъ для плаванья явленіемъ. Туча смерча въ видѣ изогнутой колбасы спускается съ неба; параллельно съ этимъ, сперва въ видѣ маленькаго пупырышка, затѣмъ въ видѣ тумбы вздувается море, стремясь слиться съ суживающимся водянымъ вихремъ тучи. Но далеко не всегда они сходятся, часто въ серединѣ крутится лишь воздухъ, столбъ остается прозрачнымъ, и сквозь него можно различать отдаленные предметы.

Пароходъ «Meester Cornelis» въ качествѣ королевскаго почтоваго корабля заходилъ въ нѣсколько портовъ до Сингапура. Третій классъ его былъ биткомъ-набитъ туземцами; развѣ только нашъ каспійскій «Кавказъ и Меркурій» еще набиваетъ такъ персіянъ на свои палубы, нагружая ихъ какъ товаръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ туземные элементы фигурировали и въ 1-мъ и 2-мъ классахъ, и тутъ только маленькая сцена за табльдотомъ объяснила мнѣ надпись, поразившую меня еще на бортѣ «Godavery», при входѣ въ каютъ-компанію. Надпись эта гласила: «Правленіе пароходнаго общества покорнѣйше проситъ гг. пассажировъ I и II классовъ являться въ общій залъ и столовыя одѣтыми». Подобное

требованіе черезчуръ элементарныхъ правилъ общественнаго приличія могло-бы показаться удивительнымъ даже въ банной атмосферѣ идущаго подъ тропиками парохода. Раньше я уже достаточно подробно касался условій переѣздовъ на русскихъ пароходахъ подъ тропиками. На пароходахъ иностранныхъ режимъ въ сущности тотъ-же. Только на англійскихъ судахъ въ 1-мъ классѣ обѣдаютъ обязательно во фракахъ. Казалось, такимъ образомъ, никакой рѣчи о желаніи со стороны публики являться въ костюмѣ прародителей не могло быть. На дѣлѣ однако было иное. Уѣзжая изъ Батавіи въ Сингапуръ, въ виду того, что переѣздъ былъ всего двухъ-дневный, а голландскіе пароходы здѣсь не менѣе комфортабельны, чѣмъ лучшіе изъ нашихъ прекрасныхъ судовъ русскаго общества пароходства и торговли, я взялъ каюту 2-го класса. Послѣ звонка къ завтраку, за столомъ собралась вполнѣ приличная публика изъ голландскихъ чиновниковъ и офицеровъ и нѣсколькихъ купцовъ и чиновниковъ изъ малайцевъ—или вѣрнѣе, помѣси европейцевъ съ туземцами. Нѣсколько позже изъ одной изъ каютъ вышелъ китаецъ, къ великому моему изумленію, — обнаженный до пояса. Правда, старшій офицеръ немедленно предложилъ ему вернуться и надѣтъ надлежащее верхнее платье. Однако инцидентъ этотъ показалъ необходимость поразившихъ меня въ каютахъ объявленій. Въ сущности, поступокъ нашего пассажира, далеко не единственный въ рейсахъ здѣшнихъ пароходовъ, не представлялъ такого нарушенія приличія, какимъ онъ могъ-бы показаться европейцамъ. Не говоря уже о томъ, что подъ тропиками глазъ настолько привыкаетъ къ обнаженному тѣлу туземцевъ, что оно не шокируетъ никого, но и съ точки зрѣнія китайскихъ приличій сидѣть за столомъ въ публичномъ мѣстѣ въ однѣхъ панталонахъ не представляетъ ничего предосудительнаго. Компанія въ одномъ изъ китайскихъ ресторановъ въ Ханькоу, на моихъ глазахъ,

передъ началомъ трапезы, скидала съ себя все облаченіе, кромѣ панталонъ.

Въ числѣ путешествующихъ въ І и особенно во ІІ классѣ на пароходахъ, совершающихъ рейсы на дальнемъ Востокѣ Азіи, ѣздитъ большое число очень богатыхъ китайцевъ-банкировъ, плантаторовъ и другихъ людей съ вѣсомъ въ обществѣ и толстою сумою. Люди эти, однако, остаются по взглядамъ на вещи чистыми китайцами. Подобно консерваторамъ-евреямъ, они говорятъ по-англійски, подчиняются по необходимости режиму, господствующему на суднѣ, — но, гдѣ возможно, они стремятся остаться китайцами, — почему въ случаяхъ, гдѣ условныя приличія обѣихъ націй не совпадаютъ, европейцамъ приходится оказывать нѣкоторое давленіе, чтобы заставить жить по-своему консервативныхъ сыновъ Небесной Имперіи. Впрочемъ, и команда тропическихъ пароходовъ тоже очень разношерстна. На «Godavery» половина матросовъ были малайцы, лакеи—китайцы. И тѣ и другіе образовали замкнутыя касты, почти не сообщающіяся другъ съ другомъ. Европейцы занимаютъ должности лишь административнаго характера.

Наше плаваніе до Сингапура было весьма спокойно и благополучно. Море здѣсь всегда тихо. Волненіе бываетъ такъ рѣдко, что, напр., на «Godavery», на открытомъ воздухѣ, стояло на палубѣ день и ночь пьянино—и пересѣкая экваторъ желающіе могли танцовать кадрили. Переходъ черезъ экваторъ дѣлаютъ пароходы каждый свой рейсъ, идя изъ Сингапура въ Батавію и обратно — что совершается еженедѣльно. Поэтому никакихъ церемоній при переходѣ этой знаменательной линіи не бываетъ—и плаваніе по Малаккскому проливу мало интересно и монотонно. Не безъ удовольствія я увидѣлъ пристань Сингапура и сошелъ вновь на твердую землю.

Сингапуръ не принадлежитъ къ числу городовъ, которые поражаютъ, приковываютъ къ себѣ вниманіе путешественниковъ. Хотя это городъ чисто-тропическій,

населенный столь интересными жителями, какъ китайцы и малайцы, хотя на этомъ маленькомъ островкѣ назначаютъ другъ-другу rendez-vous мореплаватели Индійскаго, Тихаго и Атлантическаго океановъ,—онъ слишкомъ портовый городъ, чтобы быть оригинальнымъ, слишкомъ срединное положеніе занялъ, чтобы поразить чѣмъ-нибудь новымъ. Съ востока или съ запада пріѣдетъ корабль—его пассажиры уже видѣли и тропики, и тропическій строй жизни. Они мало жалѣютъ о томъ, что капитанъ спѣшитъ застѣсь углемъ и ѣхать дальше. Если они ѣдутъ домой, они слѣдуютъ его примѣру и, запасшись тропическими сувенирами, возвращаются на бортъ.

Это типъ портоваго города. На рейдѣ всегда виднѣются суда подъ всевозможными флагами, на берегу—оживленіе и грязь, толпа носильщиковъ, кричащая на всѣхъ языкахъ, и торговцевъ, навязывающихъ кораллы, раковины, попугаевъ, шкатулки изъ душистаго дерева и разныя издѣлія. Вы спѣшите пробраться черезъ эту толпу и берете себѣ или карету, запряженную парой пони, управляемыхъ недурно говорящимъ по англійски индусомъ, или, если вы менѣе опыты, садитесь на джинрикшу-китайца, навязывающаго вамъ свои услуги. Связаться съ этимъ послѣднимъ не представляетъ особеннаго удовольствія. Подобно нѣмцу, китаецъ способенъ десятки лѣтъ жить среди другого народа, не выучиваясь его языку. Потому вашъ возница обыкновенно знаетъ три англійскихъ слова: корабль, городъ и веселыя мѣста, и чтобы вы ему ни толковали—на все вамъ будетъ съ улыбкою отвѣчать all light (вмѣсто all right) и непременно, если вы ѣдете изъ города, привезетъ васъ на пристань, если въ городъ—то въ кварталъ, обильный вертепами, неизбежными во всѣхъ портовыхъ городахъ, но особенно обширными въ Сингапурѣ, гдѣ обитатели вертеповъ набрасываются на матросовъ—въ лучшемъ случаѣ опустошая ихъ карманы, обыкновенно-же оставляя на память о городѣ гораздо худшія послѣдствія. Китаецъ

джинрикша столь-же неутомимъ, какъ и японецъ. Его колясочка, соотвѣтственно большому росту, просторнѣе; костюмъ-же еще болѣе откровенный: обыкновенно кальсоны, хватающіе до колѣнъ, составляютъ единственную одежду этого извозчика-лошади. Длинные голыя ноги, столь-же длинные руки съ тонкими пальцами, узкое, цилиндрическое, гладкое, голое, почти лимонно-желтое туловище придаютъ этимъ людямъ что-то отталкивающее, не человѣческое. Длинная-же болтающаяся по голымъ плечамъ и спинѣ коса придаетъ имъ смутное сходство съ крысой, и это еще болѣе отталкиваетъ отъ нихъ.

Городъ расположенъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, гдѣ пристають корабли. По дорогѣ вы проѣзжаете сперва мимо грязныхъ и вонючихъ болотъ, потомъ по не менѣе безалабернымъ предмѣстьямъ и затѣмъ вступаете въ китайскій кварталъ города или, если хотите, въ собственный Сингапуръ.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, покидая Владивостокъ, я скорбѣлъ душою, видя, что русскія деньги текутъ въ карманы китайскихъ рабочихъ, и предугадывая, что нашъ портъ и конечный пунктъ Уссурійской дороги рано или поздно по населенію станетъ китайскимъ городомъ. Каково-же было мое удивленіе, когда въ Сингапурѣ я увидѣлъ нѣчто гораздо худшее.

Еслибы меня спросили, кому принадлежитъ Сингапуръ—англичанамъ или китайцамъ—я-бы затруднился отвѣтить на этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, на улицахъ на одного англичанина вы найдете здѣсь 300 китайцевъ и одинъ десятокъ малайцевъ. Весь городъ принялъ обликъ китайскаго города. Онъ превратился въ улицы съ безчисленнымъ множествомъ лавокъ и ларей, открытыхъ днемъ и ночью—и какъ во всѣхъ южныхъ городахъ, ночью оживленныхъ гораздо больше, чѣмъ днемъ. Какъ вездѣ въ Китаѣ, народъ здѣсь кишитъ какъ муравьи,—и это особенное, только китайскому населенію свойственное кишѣніе поражаетъ пріѣзжаго. Въ лав-

кахъ, въ окнахъ домовъ, вездѣ виднѣются желтыя косо-глазые лица; все освѣщено; не знаешь, особенно вечеромъ, гдѣ кончается комната и начинается улица.

Европейская часть города сравнительно ничтожна по величинѣ. Обще-европейскаго стиля дома и бульвары мало оживлены. Нѣсколько магазиновъ въ три-дорога торгуютъ привозными товарами; остальные зданія—присутственные мѣста или отели и рестораны. Бульваръ на берегу моря, на который выходятъ окна ресторановъ, еще молодой, но въ большомъ порядкѣ. Видъ рейда восхитителенъ, но удобства отелей не важны. Англійская дороговизна соединяется съ азіатской неуютностью.

Сингапурскіе жители-европейцы являются въ этомъ кварталѣ сравнительно рѣдко—по дѣламъ или въ клубъ. Сами они живутъ обыкновенно за городомъ въ чудныхъ коттеджахъ, окруженныхъ пальмами и другими тропическими растеніями. Этотъ загородный кварталъ Сингапура напоминаетъ уже описанные мною кварталы Батавіи и Бейтензорга. Только здѣсь вы и не видите китайцевъ—хотя въ домахъ ихъ держатъ предпочтительно передъ малайцами въ качествѣ прислуги.

Въ городѣ-же они буквально заправляютъ всѣмъ. Главныя банкирскія конторы, богатые торговые склады—все китайское. Громадная торговая операція въ рукахъ этого населенія,—и не разъ требованія англичанъ бывали парализованы стачками китайскихъ торговцевъ.

Народъ этотъ придалъ городу чисто-торговый характеръ. Улицы его стали рядами одноэтажныхъ лавокъ. Городъ мало интересенъ для туриста, — и обыкновенно ботаническій садъ, мало кому извѣстная индійская или вѣрнѣе парсійская опера и наконецъ визитъ Джохарскому султану являются единственными развлеченіями пріѣзжаго.

Ботаническій садъ интересенъ пока только для новичка. Послѣ Бейтензорга онъ не можетъ произвести впечатлѣнія, хотя со стороны эстетики здѣсь сдѣлано все, чтобы превратить этотъ искусственно разбитый

паркъ въ феерическую декорацію. Но деревья еще молоды, въ особенности пальмы, которыхъ хотя здѣсь и посажено великое множество, но всѣ онѣ еще не вышли изъ того возраста, въ какомъ ими можно любоваться въ оранжереяхъ. Садъ разбитъ съ большимъ вкусомъ, и садъ Черномора врядъ-ли представляется воображенію сѣверянина лучшимъ, чѣмъ этотъ сингапурскій паркъ, по краснымъ, обрамленнымъ блѣдною зеленью дорожкамъ котораго ежедневно прогуливается пестрая сингапурская публика.

Парсійскій театръ, подобно театрамъ китайскимъ или японскимъ, можно посѣтить только изъ любопытства. Оперы парсійскихъ композиторовъ, въ немъ даваемые, правда, не дерутъ уши какъ японскія, но и не настолько увлекательны, чтобы европеецъ могъ ихъ дослушать до конца. Это какая-то смѣсь европейской балаганной фееріи съ тѣми «томаша», которыя я смотрѣлъ въ Бухарѣ. Оркестръ изъ нѣсколькихъ инструментовъ аккомпанируетъ пѣвцамъ, образующимъ хоры, дуэты, соло и тріо. Эти соло, довольно монотонныя, протяжныя пѣсни, опять-таки напомнили мнѣ тѣ, которыя я слышалъ въ Средней Азіи. Декораціи на европейскій манеръ, но довольно лубочныя, хотя костюмы недурны, по крайней мѣрѣ, въ видѣнной мною феерической оперѣ изъ жизни Индры. Публика, состоящая изъ туземцевъ, многочисленна, но, кромѣ первыхъ рядовъ, довольно демократична. Особенно непріятенъ для европейцевъ туземный обычай жевать бетель, отплевывая кровяно-красную слюну. На Явѣ, Сингапурѣ и на Цейлонѣ этотъ бетель является необходимымъ спутникомъ туземца. Вездѣ на городскихъ и деревенскихъ улицахъ встрѣчаете вы разнощиковъ, продающихъ уже готовыя закладки бетеля, т.-е. гладкій, сердцевидный листъ одного вида перечнаго растенія, на которомъ положены маленькіе кусочки извести, щепотки табаку и крошки зеренъ орѣховой пальмы *Arecas catechu*. Туземецъ беретъ листъ, заворачи-

еаетъ въ него всѣ названныя вещества, отправляетъ все это въ ротъ и жуетъ цѣлыми часами. Получающаяся смѣсь имѣетъ нѣсколько вязущій, напоминающій нѣкоторые зубные порошки вкусъ и окрашиваетъ слюну въ кроваво-красный цвѣтъ. Жующій отплевываетъ эту слюну поминутно — какъ мужики при куреніи махорки, — что грязнить полъ и дѣлаетъ пребываніе въ толпѣ туземцевъ непріятнымъ.

Третья достопримѣчательность Сингапура еще менѣе интересна. Я разумѣю Джохарскаго султана, владѣльца Сингапура въ тѣ времена, когда это былъ еще дикій островокъ Малаккскаго пролива. Этотъ человекъ, продавшій сравнительно за безцѣнокъ клочекъ своей земли англичанамъ, могъ видѣть, какъ выросъ въ короткое время здѣсь бойкій и людный городъ и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ его соотечественники, малайцы, уступили мѣсто пришлымъ народамъ, китайцамъ и бѣлымъ. Теперь это вполне европейски образованный, культурный, украшенный звѣздами магнатъ, славящійся гостепріимствомъ и живущій въ обставленномъ съ европейскимъ комфортомъ дворцѣ.

Къ нему часто ѣздятъ останавливающіеся въ Сингапурѣ путешественники, не столько, конечно, чтобы посмотрѣть на малайскаго султана, сколько чтобы полюбоваться малайской деревушкой и ландшафтами окрестностей. Сперва паровая конка, затѣмъ джинрикша везутъ васъ по обсаженной кокосовыми пальмами и другими тропическими растеніями дорогѣ, вдоль которой раскиданы лачуги. Затѣмъ вы попадаете на мангровыя болота, и вотъ эти-то послѣднія могутъ на нѣкоторое время остановить вниманіе натуралиста.

Не одиночныя, борющіяся съ морскимъ прибоемъ группы кустарниковъ—какъ на коралловыхъ островахъ Явы,—а цѣлые лѣса высокихъ съ кожистою глянцевитою листвою деревьевъ представляютъ эти мангровыя лѣса сингапурскаго побережья. Во время прилива, мор-

скія волны, смѣшиваясь съ илистою грязью грунта, наполняютъ мутною водою пространство подъ запутанною системою воздушныхъ корней, переплетающихся надъ почвою. Но когда наступить отливъ и обнажить самый грунтъ, странное зрѣлище представляется глазамъ.

Вы увидите передъ собою землю, которая вся истыкана торчащими изъ земли, иногда на цѣлый футъ, отростками въ палецъ толщиною. Точно кто убилъ землю колышками, употребляемыми для защиты газона отъ ногъ гуляющихъ. Эти колья, однако, суть естественные отрывки отъ корней. У одиночно стоящихъ деревьевъ вокругъ изъ земли, на пространствѣ не менѣе чѣмъ сажень на 10 въ діаметрѣ, почва густо усажена такими торчащими отростками, расположеніе которыхъ ясно показываетъ связь со скрытыми подъ землею корнями. Эти отростки суть особые дыхатели или резервуары деревьевъ. Извѣстно, что затопленный водою, заболоченный, наполненный гніющими веществами грунтъ не содержитъ въ себѣ достаточно кислорода воздуха, чтобы корни дерева могли существовать. На такихъ болотахъ обыкновенно не растутъ деревья. Но мангровыя растенія составляютъ исключеніе. Ихъ особые отростки черпаютъ изъ воздуха кислородъ, котораго нѣтъ въ почвѣ, и благодаря имъ растеніе живетъ тамъ, гдѣ задыхаются корни другихъ деревьевъ.

Поѣздка по берегу пріятна и для простого туриста. Отдыхъ вдали отъ города, подъ сѣнью кокосовыхъ пальмъ, на берегу бушующаго моря—исполненъ поэзіи, и нѣсколько часовъ, проведенныхъ на берегу тропическаго моря, навсегда глубоко врѣжутся въ памяти.

XXI.

Отъ Сингапура до Коломбо.—Опять на русскомъ пароходѣ.—Каютъ-компанія «Петербурга».—Коломбо.

Въ Сингапурѣ я прожилъ всего нѣсколько дней, такъ-какъ пріѣздъ мой былъ подогнанъ ко времени прибытія «Добровольца», который долженъ былъ отвезти меня обратно изъ здѣшнихъ чудныхъ странъ въ Россію. Какъ ни манило меня остаться здѣсь еще на нѣсколько мѣсяцевъ, но я долженъ былъ спѣшить домой. Поэтому не безъ удовольствія принялъ я извѣстіе, принесенное мнѣ служителемъ гостинницы, разбудившимъ меня извѣстіемъ, что русскій пароходъ вошелъ въ рейдъ Сингапура.

Я быстро одѣлся, взялъ джинрикшу и отправился на пристань, гдѣ дѣйствительно родной трехцвѣтный флагъ развѣвался на мачтѣ пристававшего къ берегу двухмачтоваго судна.

Пароходъ приставалъ довольно неуклюже, не такъ какъ обыкновенно въ подобныхъ условіяхъ подходятъ къ пристанямъ. Я не могъ разсмотрѣть хорошо черты лица капитана, но были слышны его приказанія въ рупоръ, слышно было, что онъ горячился,—и крѣпкая русская ругань были первыя слова на родномъ языкѣ, которыя достигли до моихъ ушей, послѣ долговременнаго пребыванія между иностранцами. Но судно всетаки не слушалось и чуть не наткнулось на стоявшій вблизи

нѣмецкій пароходъ. Впослѣдствіи я узналъ, что какъ-разъ въ моментъ вхожденія въ гавань у «Петербурга», котораго сильно трепала буря въ Китайскомъ морѣ, испортилась машина, и управленіе имъ сдѣлалось почти невозможнымъ.

Между тѣмъ собравшаяся на ютѣ толпа народа съ любопытствомъ смотрѣла на берегъ. Между публикой я замѣтилъ нѣсколькихъ сахалинскихъ знакомыхъ, и мы обмѣнялись привѣтствіями. Еще нѣсколько минутъ, и я былъ въ кругу своихъ соотечественниковъ.

Но каютъ-компанія «Петербурга» была далеко не тоже самое, что мнѣ приходилось видѣть на «Костромѣ» и «Москвѣ»,—и насколько пріятное воспоминаніе сохраняю я о плаваніи на этихъ двухъ крейсерахъ, настолько безцвѣтенъ и скученъ былъ обратный путь въ Одессу.

Капитанъ согласился принять меня на бортъ своего судна только благодаря имѣвшейся у меня изъ агентства бумага. Но куда меня помѣститъ, онъ не зналъ, да повидимому, и не желалъ знать. Пароходъ былъ переполненъ публикою. Бѣжавшихъ изъ Владивостока и съ Сахалина въ Россію была такая масса, что добрая половина взявшихъ билеты перваго класса могла пользоваться только столомъ, помѣщалась-же гдѣ попало или въ отдѣленіяхъ третьяго класса, или въ багажномъ помѣщеніи. Тропическій климатъ позволялъ большей части пассажировъ жить на палубѣ и на ютѣ день и ночь и этимъ облегчать непріятности помѣщенія въ тѣсныхъ и узкихъ закоулкахъ, отведенныхъ для ихъ пользованія. Въ довершеніе всего публика была самая смѣшанная—люди разнообразнѣйшихъ убѣжденій, понятій и воспитанія. Восточная Сибирь и Сахалинъ возвращали своей метрополіи своихъ сыновъ—искусившихся и не искусившихся въ соблазнахъ жизни далекой окраины, павшихъ и сохранившихъ нѣкогда внушенные на родинѣ убѣжденія.

Тутъ была кучка нѣмецкихъ чиновниковъ и врачей,

на окраинѣ не только не обрусѣвшихъ, но почувствовавшихъ еще большую ненависть и презрѣніе къ странѣ, въ которой онѣ вотъ уже нѣсколько поколѣній живутъ и дѣйствуютъ... Они держатъ себя въ сторонѣ отъ другихъ, бесѣдуютъ и обѣдаютъ только съ капитаномъ—тоже нѣмцемъ. Въ ихъ углу вы не слышите иной рѣчи, кромѣ нѣмецкой; имъ предоставлены всѣ легальныя и нелегальныя удобства. Это злитъ остальныхъ пассажировъ, соскучившихся отъ многодневнаго медленнаго плаванія по морю, и они спѣшатъ сообщить вамъ сплетни объ этихъ чуждающихся нѣмцахъ. И если вѣрить этимъ сплетнямъ, они являются чуть-ли не худшимъ изъ элементовъ, отправляемыхъ Сибирью обратно на родину.

Другой кружокъ — это инженеры и денежная аристократія. Они опять изолированы и хотя и поставлены въ силу необходимости въ общеніе съ окружающимъ, но стремятся всѣми силами съ нимъ не соприкоснуться. Затѣмъ серія темныхъ личностей съ сомнительнымъ прошлымъ, избѣгающихъ остальныхъ, быть можетъ, изъ подозрѣнія, что о нихъ знаютъ больше, чѣмъ показываютъ; нѣсколько чахоточныхъ, приговоренныхъ къ смерти, и наконецъ, чиновники, прикащики. Все это сторонится другъ друга, не симпатизируя другъ другу, расходясь во взглядахъ на вещи, ссорясь отъ скуки, отъ жары, отъ слишкомъ тѣснаго сожительства. Тутъ есть и люди очень порядочные и симпатичные, но общая атмосфера заставляетъ и ихъ, подобно офицерству, держаться особнякомъ или если сходитьсь, то только въ качествѣ зрителей или участниковъ пикировокъ.

Такъ, не имѣя нигдѣ угла для уединенія, плыла на родину эта сибирская интеллигенція. Ночью ютъ превращался въ спальню. Но рознь сказывалась и здѣсь, и вамъ нерѣдко поздно, когда вы мечтали заснуть, приходилось слышать подъ самымъ ухомъ хохотъ и громкіе разговоры съ самыми неприятными отзывами о бли-

жайшихъ сосѣдяхъ, быть можетъ, также еще не погрузившихся въ объятія Морфея. Съ глубокою признательностью всегда вспомню о томъ участіи, которое мнѣ оказалъ въ дѣлѣ устройства моего помѣщенія д-ръ Щербакъ, хорошо извѣстный русской публикѣ очерками своихъ путешествій и впечатлѣній изъ турецкой кампаніи, на мое счастье занимавшій въ это время мѣсто судового врача на «Петербургѣ». Онъ уступилъ мнѣ свободное отдѣленіе въ лазаретѣ, гдѣ я могъ свободно читать и заниматься, но зато откуда я ранѣе чѣмъ кто-либо могъ слышать часъ кончины многочисленныхъ чахоточныхъ, безсрочно-отпускныхъ солдатъ и матросиковъ, которыхъ, миновавъ Цейлонъ, почти ежедневно спускали зашитыми въ мѣшокъ—въ глубину Индійскаго океана.

Напутствіе коротко. Нѣсколько молитвъ, наскоро прочитанныхъ священникомъ, помѣщеннымъ гораздо хуже, чѣмъ я, гдѣ-то въ трюмѣ, въ грязной ямѣ, и двое матросовъ взваливаютъ мѣшокъ на доски: придавъ наклонное положеніе, они заставляютъ трупъ скользить по нимъ за бортъ, и всякое воспоминаніе о человѣкѣ, котораго, быть можетъ, съ нетерпѣніемъ ждетъ любящая жена или мать, уничтожено. Привыкшій къ такимъ зрѣлищамъ экипажъ и товарищи продолжаютъ равнодушно, не думая ни о чемъ, свои занятія; сейчасъ звонокъ, и онѣ сядутъ на полу компаніями хлебать свою смрадную пищу изъ лоханей, и въ веселыхъ бесѣдахъ никто и не вспомнитъ о давно забытомъ въ лазаретѣ товарищѣ. Одна только смерть помнитъ свои, давно намѣченныя жертвы и въ назначенный срокъ не упуститъ ни одной изъ нихъ, несмотря на дѣятельную помощь человеколюбиваго доктора и преданной дѣлу сестры милосердія.

На носу парохода, черезъ который мнѣ ежедневно приходилось проходить въ свое помѣщеніе, скопленіе пассажировъ не меньшее, чѣмъ на ютѣ. Приходится шагать черезъ лежащихъ. Въ каютѣ-же команды къ довер-

шенію всего образовался звѣринецъ. Десятки мартышекъ, отгрызая привязи, вырываются и бѣгають, потѣшая публику, по вахтамъ; попугаи, по дешовой цѣнѣ пріобрѣтенные матросами для продажи, бѣлые, розовые, красные, зеленые и пестрые, оглашаютъ своими криками и только-что выученными русскими фразами какъ палубы, такъ и грязныя и смрадные помѣщенія матросовъ.

Надъ всѣмъ этимъ сѣрое тропическое небо, жара, заставляющая экипажъ ходить, обливаясь потомъ, въ рубахахъ на-выпускъ и съ разстегнутыми воротами, и кругомъ синія волны безбрежнаго океана, тамъ и сямъ бѣлѣющія гребешкомъ пѣнистаго вала.

Маленькимъ отдохновеніемъ въ пути были остановки въ Коломбо. Пароходъ грузился копрою около 5 дней. Кромѣ того, новое поврежденіе машины передъ выходомъ задержало насъ еще на сутки, и такимъ образомъ почти недѣлю я могъ посвятить, совершенно неожиданно для себя, на эту «жемчужину Индійскаго Океана», воспѣтую и иностранцами, и русскими путешественниками.

Коломбо не имѣетъ пристани подобно Сингапуру. Пароходы останавливаются на открытомъ рейдѣ, защищенномъ съ юго-запада длиннымъ входящимъ въ море моломъ. Нигдѣ въ мірѣ во время волненія прибой не достигаетъ такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ здѣсь. Исполинскіе валы налетаютъ на каменную преграду, вздымаются на страшную высоту, и ихъ страшный пѣнящійся гребень, срѣзанный, перебрасывается въ занятую рейдомъ защищенную часть моря, гдѣ стоятъ въ различныхъ, но болѣе или менѣе почтительныхъ разстояніяхъ отъ берега корабли. Поэтому попасть на берегъ можно только въ гребной лодкѣ. Гребцы цейлонскіе поистинѣ ужасный народъ, особенно для тѣхъ судовъ, которыя останавливаются далеко отъ берега. Они знаютъ неопытность иностранцевъ, особенно ѣдущихъ изъ Европы, и не стѣсняются требовать среди моря съ своихъ пассажировъ десятерную таксу противъ установ-

ленной—и часто не безъ успѣха. Особенно непріятны эти мошенники ночью, когда возвращающіеся на судно европейцы, особенно съ дамами, теряются и готовы заплатить какую угодно сумму, лишь-бы ихъ доставили на бортъ. На дѣлѣ эти негодяи не такъ опасны, и строгая угроза опытнаго человѣка пожаловаться стоящему на пристани и наблюдающему за порядкомъ полисмену моментально устанавливаетъ надлежащія отношенія. Матросы-же иныхъ судовъ, возвращаясь на бортъ, въ свою очередь наказываютъ сингалезовъ, оставляя ихъ даже безъ законной платы.

Но вотъ «пальмовый лѣсъ» или, говоря правильнѣе, ютящіяся надъ сѣнью кокосовыхъ пальмъ деревушки становятся все ближе и ближе, все явственнѣе выступаютъ стоящія на первомъ планѣ казенныя каменные постройки, и вотъ вы у пристани, съ которой на васъ глазѣтъ пестрая толпа туземцевъ всѣхъ оттѣнковъ кожи — отъ черной, какъ у негра, до нѣжнаго розоваго отлива щечекъ молоденькой англійской миссъ. Красная какъ кирпичъ почва, нѣсколько залитыхъ пурпурными цвѣтами деревьевъ ближайшаго сада останавливаютъ на минуту вниманіе пріѣзжаго изъ Европы, но обыкновенно онъ спѣшитъ воспользоваться предложеніемъ джинрикси и если пріѣзжаетъ съ запада то здѣсь впервые вкушаетъ удовольствіе ѣзды на людяхъ.

Страны съ густымъ населеніемъ стремятся избавиться отъ пользованія для переѣздовъ дорого-стоящими животными. Вездѣ они объявили войну лошади. Рѣдко населенная Россія есть царство извозчиковъ - ванекъ. Европа давно стремится замѣнить ихъ конками, а американцы уже вездѣ двигаютъ городскіе вагоны паромъ или электричествомъ, предоставивъ людямъ не любящимъ общественныхъ экипажей—велосипедъ. Азія менѣе хитрая на выдумки, замѣнила лошадь человѣкомъ, и отъ Японіи черезъ Китай и Индо-Китай до

Цейлона и Индіи человѣкъ-лошадь — джинрикша, будь онъ черной, желтой или коричневой масти, одинаково добросовѣстно напрягаетъ свои мускулы для перевозки своихъ болѣе богатыхъ собратьевъ.

Куда-же ѣхать въ Коломбо?

Для большинства нашихъ русскихъ пассажировъ описаннаго мною характера—это вопросъ, рѣшенный уже на бортѣ—когда только на горизонтѣ показался силуэтъ острова. Они берутъ джинрикшу и, сдѣлавъ коротенькій туръ по европейскому кварталу города, съ тѣмъ чтобы сдѣлать въ магазинахъ покупки вродѣ конфетъ, башмаковъ и т. п. вещей, останавливаются въ большомъ расположенномъ на берегу отелѣ, гдѣ пьютъ или soda water или soda whisky или soda brandy—эти распространеннѣйшіе подъ тропиками напитки, замѣняющіе отчасти вино,—или заказываютъ себѣ обѣдъ, сидя въ роскошно сервированномъ залѣ съ панкеромъ, дающимъ прохладный вѣтерокъ. Черный туземецъ, спрятанный за портьерою дверей, цѣлый день неустанно, какъ автоматъ, дергаетъ веревку, приводящую въ движеніе легкую раму, прикрѣпленную къ потолку и тянущуюся черезъ всю верхнюю половину комнаты. Какъ громадное опахало медленно двигается этотъ панкеръ, обдавая васъ прохладною струею воздуха. Въ частныхъ домахъ надо отъ времени до времени осматривать крѣпость веревокъ: нерѣдко случается, что перетершаяся или подгнившая отъ времени веревка обрывается, панкеръ летитъ внизъ, хлопаетъ по головамъ гостей и сметаетъ свѣчи и стоящую на столѣ посуду. Слышится трескъ разбитыхъ стакановъ и блюдеъ, заглушаемый громомъ ругательствъ хозяина, обращенныхъ къ непредусмотрительному слугѣ. Но они даютъ только отойти хозяйскому сердцу. Вкусныя разставленные на столѣ тропическія яства превращаются въ винигретъ со стеклами, и гости, при извиненіяхъ хозяина, должны расходиться не солоно хлебавши. Вообще, не только на Цейлонѣ, но и на Явѣ, да и вездѣ

подъ тропиками, европейцы, несмотря на свое барство, заставляющее ихъ держать массу прислуги, далеко не имѣютъ тѣхъ удобствъ, какъ въ Европѣ.

Для примѣра приведу расчетъ, во что обходится содержаніе одной прислугой для средней руки семьи на Цейлонѣ. Апу или главный слуга въ домѣ обходится отъ 15—25 р., то-же самое стоитъ хорошій поваръ; лакей, прислуживающій за столомъ—отъ 10—12 р.; кучера—а ихъ здѣсь полагается по одному на лошадь—стоятъ тоже около 10—12 р. Слуга для уборки комнатъ и мелкихъ услугъ—6—7 р., поваренокъ—5 р., рѣзчикъ травы для лошадей—3 р., причемъ на каждую лошадь полагается по человѣку; ая или горничная—гдѣ есть жена и дѣти—не менѣе 12 р.; если-же она можетъ быть кормилицей или швеею—столько-же, сколько апу. Кромѣ того, содержать еще водоноса, плата которому зависитъ отъ количества привозимой на семью воды. Хотя въ Индіи и принято содержать прислугу на хозяйскомъ столѣ, однако кушанья, разъ поданныя за столъ, равно какъ и вина, по отчетамъ прислуги, испаряются, портятся отъ жары или съѣдаются собаками, почему вторично за хозяйскимъ столомъ уже никогда не фигурируютъ. Вся эта масса челяди въ общей сложности не дѣлаетъ для своихъ господъ и половины того, что сдѣлаютъ два человѣка петербургской или московской прислуги.

Достойно также вниманія, что хозяева обыкновенно никогда не освѣдомляются о стоимости купленныхъ продуктовъ. Это дѣло прислуги, и она, конечно, имѣетъ свои барыши и сдѣлки съ торговцами. Поэтому, продукты, несмотря на ихъ дешевизну, европейцу обходятся вчетверо дороже, чѣмъ туземцу; но прислугу рассчитываютъ только тогда, когда, благодаря ей, столъ начнетъ обходиться уже чрезмѣрно дорого. Когда я самъ покупалъ себѣ различные фрукты на яванскихъ базарахъ, туземцы всегда смотрѣли съ любопытствомъ и сразу признавали во мнѣ пріѣзжаго иностранца.

Европейскій кварталъ Коломбо не великъ. Нѣскольکو улицъ съ невысокими каменными домами и магазинами европейскихъ товаровъ носятъ обычныя черты портовыхъ городовъ. Далѣе—эспланада на берегу моря, гдѣ плещутся голубыя волны океана съ одной стороны, съ другой-же колышятся кроны финиковыхъ пальмъ, скрывающихъ изящныя котѣджи. Здѣсь, пользуясь вечернею прохладою, катается европейская публика при закатѣ солнца. Нѣскольکو бульваровъ около крѣпости пока еще мало украшаютъ городъ. Вообще, эта часть Коломбо, расположенная къ югу и востоку отъ мола, не представляетъ ничего достойнаго вниманія.

Интереснѣе взявши джинрикшу поѣхать вдоль большого озера, расположеннаго между европейскимъ и туземнымъ кварталами. Берега этого озера обрамлены густыми насажденіями кокосовыхъ пальмъ. Тамъ и сямъ изъ-подъ нихъ виднѣются портики буддійскихъ храмовъ или низенькія хижинки туземцевъ, крытыя пальмовою листвою. По берегу проходятъ рельсы желѣзной дороги, станціи которой съ дебаркадерами, увитыми жасминами, усаженными пестро-лиственными *Croton*, съ клумбами изъ *Caladium* и другихъ тропическихъ цвѣтовъ, расположены чуть-ли не черезъ каждую версту. Далѣе, на юго-востокъ, вы проѣзжаете такъ-называемый *Cinnamon Gardens*, т.-е. прежнія плантаціи коричневаго дерева, и достигаете окруженнаго изящными скверами естественно-историческаго музея. По дорогѣ за вами бѣгутъ назойливыя мальчишки, предлагая палки изъ коричневаго дерева, букеты цвѣтовъ, пестрыхъ жучковъ и т. п.—форма нищенства, какой вы не встрѣтите нигдѣ на востокѣ Азіи и которая такъ обычна въ Европѣ.

Китаецъ и японецъ съ дѣтства такъ воспитанъ, что онъ считаетъ трудъ за необходимую принадлежность жизни, за такую-же потребность человѣческаго организма, какъ ѣсть, пить или дышать воздухомъ. Онъ сроднился съ работою, и она, если только сильная,

его не тяготитъ. Вы не услышите жалобъ и брани, недовольства на судьбу, заставляющую работать, зависти къ богатымъ, могущимъ веселиться и бездѣльничать. Онъ работаетъ съ пѣсней и улыбкой на лицѣ. Если въ Японіи есть нищіе, — это нищіе на правахъ юродивыхъ — нищенствующая монашеская братія.

На Явѣ вы также не увидите попрошайекъ. Какъ ни лѣнивъ и ни безпеченъ яванецъ, природа, его окружающая, еще слишкомъ щедра, чтобы отказывать въ необходимомъ, и тамошній яванецъ, если онъ не калѣка, не протянетъ руки за милостыней.

Не то въ Коломбо: мальчишки и юноши здѣсь бѣгутъ за вами, навязывая ничего не стоящія вещи ради нѣсколькихъ центовъ, бросаемыхъ имъ какъ милостыня. Ниже мы увидимъ, что это явленіе не вполнѣ случайное. Если отчасти здѣсь виною склонный къ лѣни характеръ туземца, то не безъ вліянія оказывается и англійскій режимъ. Уличные мальчишки эти, повидимому, такъ испорчены, какъ и уличный англійскій пролетаріатъ.

Но туристъ имъ благодаренъ за то, что они обращаютъ его вниманіе на экземпляры *Cinnamomum*, растущіе по сосѣдству, и даютъ возможность увезти на родину пахнущую корицею палку. Само растеніе не высоко; оно имѣетъ овальные, ярко-зеленые, глянцевитые, блестящіе листья и большею частью культивируется кустомъ. Пока Цейлонъ принадлежалъ португальцамъ и голландцамъ, торговля корицею составляла монополію колоніи. Такъ-же относились къ ней и англійскія власти до 1833 года, когда культура ея была предоставлена частнымъ лицамъ. Сначала эта мѣра подняла было сильно культуру корицы, и еще въ 1844 году изъ Цейлона вывозилось до 53,197 фунтовъ; но затѣмъ новыя предпріятія плантаторовъ отвлекли вниманіе въ другую сторону, и теперь производство корицы въ большомъ упадкѣ. *Cinnamon gardens*, нѣкогда самыя большія план-

таци на островѣ, стали теперь просто кварталомъ Коломбо.

Чтобы получить корицу, кору побѣга, когда она на-зрѣетъ настолько, что ее легко сдирать, надрѣзаютъ особыми ножами, легкими, длинными, съ одной стороны вогнутыми, съ другой—выпуклыми и съ чрезвычайно острыми лезвіями. Сборъ корицы дѣлается два раза въ году. Первый разъ — въ періодъ времени между апрѣлемъ и августомъ, и второй—отъ ноября и до января. Самую корицу получаютъ слѣдующимъ образомъ. Одногодніе побѣги, достигающіе пальца толщины и длиною отъ 1—4 футовъ, срѣзаются, листья съ нихъ обрываются, затѣмъ дѣлается надрѣзъ по всей длинѣ побѣга, съ цѣлью отдѣлить лубъ отъ древесины. Сѣрая поверхность коры тщательно оскрабливается, равно какъ и внутренняя зеленая кожица, до тѣхъ поръ, пока не покажутся почти бѣлыя волокна луба. Полученныя такимъ образомъ трубочки луба вкладываются одна въ другую и помѣщаются въ теплое тѣнистое мѣсто, для просушки. Когда они сдѣлаются сухими и коричневыми, ихъ связываютъ пачками отъ 5—7 фунтовъ вѣсомъ и отправляютъ для продажи. Коричневый кустъ даетъ, кромѣ того, изъ своихъ плодовъ воскъ, а изъ корней камфару; изъ коры дистиллируется также ароматичное масло.

Музей города Коломбо обыкновенно посѣщается всѣми проѣзжими. Это самый обыкновенный провинціальный музей естественныхъ произведеній края, какихъ множество въ Швейцаріи и какихъ, къ сожалѣнію, почти нѣтъ у насъ. Но такъ-какъ Цейлонъ край тропическій, то и произведенія его любопытны для сѣверянъ—особенно тѣхъ, кто не бывалъ въ большихъ музеяхъ Европы. Диковинные звѣри и громадныя черепахи морскихъ побережій, птицы дѣвственныхъ лѣсовъ, чудныя бабочки, равно какъ коллекція костюмовъ и предметовъ роскоши туземцевъ—все это можно видѣть въ этомъ музеѣ. Здѣсь, конечно, не мѣсто перечислять всѣ его достопримѣчательности. Укажу,

однако, какъ на наиболѣе интересныхъ представителей фауны острова, на маленькихъ оленей, немного крупнѣе кошки величиною, способныхъ приручиться и являющихся одними изъ граціознѣйшихъ представителей этого рода, затѣмъ на леопардовъ, шакаловъ, ихневмоновъ, мускусныхъ крысъ, всевозможныхъ видовъ зеленыхъ попугаевъ отъ величины голубя и до воробья и въ особенности на ядовитыхъ змѣй. Изъ послѣднихъ три обращаютъ на себя особое вниманіе. Во-первыхъ, змѣя апаконда (изъ рода Python), достигающая отъ 17 до 20 футъ длины, коричневая, съ желтыми пятнами. Она, подобно всѣмъ удавамъ, свѣшиваясь съ деревьевъ, падаетъ на свои жертвы, сжимая, какъ боа-констрикторъ, жертву въ своихъ объятіяхъ. Она отваживается нападать на шакаловъ, оленей, молодыхъ буйволовъ, но рѣдко трогаетъ человѣка, почему ее гораздо менѣе боятся, чѣмъ другую змѣю, именно кобра-капеллу, называемую туземцами «Нага». Эта змѣя у нихъ считается священной. Полагали даже, что она у туземцевъ острова до распространія здѣсь буддизма почиталась за божество. Это не лишено вѣроятія, такъ-какъ извѣстно, что и доселѣ многіе африканскіе народы поклоняются змѣямъ. Многіе изъ туземцевъ поэтому не убиваютъ кобры, несмотря на то, что это одна изъ самыхъ ядовитыхъ змѣй, укушеніе которой почти неизбѣжно влечетъ за собою смерть. Народъ думаетъ, что убійство кобры навлекаетъ несчастіе, почему ее и относятъ въ болѣе удаленныя отъ села мѣстности. Другіе, которые съ одной стороны хотятъ избавиться отъ опаснаго животнаго, съ другой-же стороны не хотятъ брать на свою душу грѣха убить священное пресмыкающееся, обыкновенно сажаютъ кобру въ плетеную корзинку, кладутъ ей для пищи нѣкоторое количество варенаго рису и пускаютъ на произволъ судьбы по рѣкѣ, гдѣ она или тонетъ, или погибаетъ отъ рукъ болѣе безжалостныхъ лицъ. Европейцы, однако, нерѣдко горько платились за неумѣстное любопытство,

когда они, находя выброшенные на берегъ острова закрытыя корзинки, неосторожно обнаруживали ихъ содержимое.

Взрослая кобра часто имѣетъ длину отъ 6—7 футъ и бываетъ то свѣтлѣе, то темнѣе. Туземцы различаютъ поэтому змѣй высшей и низшей касты. Хотя укушенія кобры смертельны—есть возможность, по крайней мѣрѣ, для человѣка принять отъ нея нѣкоторыя мѣры предосторожности. Кобра, прежде чѣмъ сдѣлать смертельный укусъ, вздуваетъ шею около головы и поднимается на хвостъ, чтобы сдѣлать роковой прыжокъ. Въ это время можно ее убить или убѣждать.

Гораздо болѣе поэтому опасна другая змѣя, называемая *tiscrolonga*. Ея укушеніе влечетъ моментальный параличъ и смерть, причемъ нападеніе ея внезапно, такъ-что никакъ нельзя предостеречь себя отъ скрытаго врага. Сингалезы ненавидятъ эту змѣю такъ-же сильно, какъ почитаютъ кобру-капеллу, причемъ въ ихъ народныхъ преданіяхъ существуютъ многочисленные рассказы о великодушіи кобры и коварствѣ *tiscrolonga*.

Музей богатъ и различными произведеніями окружающаго островъ моря. Вообще можно сказать, что для проѣзжаго, который не имѣетъ возможности углубляться внутрь почти истребленныхъ лѣсовъ острова и которому на волѣ никогда не приходится встрѣтить ни тѣхъ тропическихъ птицъ, что выставлены въ витринахъ, ни змѣй, музей представляетъ массу интереснаго. Обидно становится за Русь. Владѣя безъ году недѣлю полуварварскою страной, англичане создали музей ея произведеній въ этой самой странѣ, и толпы туземцевъ получаютъ, гуляя въ его залахъ, тогда-какъ губернскіе, даже университетскіе города Россіи не имѣютъ ни одного учрежденія, которое могло-бы быть сравнимо съ музеемъ маленькаго городишки Коломбо съ какою-нибудь тысячью англійскихъ прикащиковъ и солдатъ и

черномазымъ, голымъ пролетаріаѳомъ—несомнѣнно менѣе культурнымъ, чѣмъ наши россіяне...

Чтобы получить понятіе, каково это населеніе, отправляемся на сѣверъ и сѣверо-востокъ города, въ его туземные кварталы.

Мы попадемъ въ перекрещивающіеся ряды узкихъ улицъ, обстроенныхъ одноэтажными, по большей части имѣющими соломенные крыши глиняными домиками, съ большими входными дверьми и безъ оконъ, или съ весьма маленькими окошечками. Обыкновенно дверь освѣщаетъ эти жилища-сарай съ глинянымъ поломъ и почти полнымъ отсутствіемъ внутренняго убранства. Многія улицы состоятъ изъ рядовъ лавченѳкъ съ разнымъ товарѳмъ. Эти послѣднія опять напоминаютъ наши лари толкучаго рынка. Въ нихъ нѣтъ уже тѣхъ бьющихъ въ глаза своею оригинальностью товаровъ дальняго востока, и тутъ, какъ и на базарѣ Явы, я мысленно переносился на торговыя улицы Самарканда и Бухары.

По мѣрѣ удаленія отъ центра, улицы дѣлаются шире; среди нихъ являются болѣе высокіе, хорошіе дома, садики. Тамъ и сямъ возвышаютъ свои кроны кокосовыя пальмы или зеленѣетъ манга. Бѣлѣютъ стѣны католическаго костела. Здѣсь живутъ христіане—крещенные туземцы или помѣсь ихъ съ португальцами.

Но не пойдемъ дальше. Останемся въ туземномъ кварталѣ, всмотримся въ его жизнь. Здѣсь нѣтъ шума и бѣготни китайскаго города, но здѣсь оживленнѣе, чѣмъ въ малайскомъ. И что болѣе всего поражаетъ—это невѣроятная пестрота населенія. Бѣлыхъ, т.-е. европейцевъ, мало. Только изрѣдка попадется заблудившійся матросикъ. Но зато туземцы представляютъ всѣ переливы цвѣтовъ. Особенно поражаютъ тамилы и другіе «кули», выселившіеся сюда изъ Индіи. Это прекрасно сложенный, иногда нѣсколько сухощавый, большею частью черный какъ самые черные изъ негровъ, въ однихъ короткихъ панталонахъ щеголяющій народъ. Въ чертахъ его лица,

однако, мало негритянского. Носъ большой, прямой, иногда орлиный, роскошные черные длинные волосы, выразительные блестящіе глаза. Только губы нѣсколько толще, чѣмъ у европейца. Лобъ и верхнія части рукъ у этихъ людей носятъ на себѣ символическія полосы, накрашенные бѣлою краскою, показывающія принадлежность къ той или другой кастѣ—большею частью изъ низкихъ. Но если на сѣверѣ Индіи каста давно потеряла свое значеніе, и брамины служатъ поварами у судрѣ или паріевъ, и выходцы изъ этихъ послѣднихъ совершаютъ богослуженіе,—то тѣмъ менѣе имѣютъ они значенія на Цейлонѣ, гдѣ населенію, такъ-сказать, навязаны исторіею всѣ эти предразсудки, мало общаго имѣющіе съ воззрѣніями народной массы. Поэтому, если кастовые предразсудки и соблюдаются, то только по отношенію къ внѣшнимъ, не мѣшающимъ жизни обрядностямъ. Они напомнили мнѣ живо нашихъ алтайскихъ старообрядцевъ, которые, если мужъ и жена принадлежатъ къ различнымъ сектамъ, никогда не ѣдятъ изъ одной посуды, боясь осквернить другъ друга, и въ то-же время преисправно исполняютъ свои супружескія обязанности. Такъ и тутъ. Касты выродились въ цехи съ внѣшними обрядовыми, но не мѣшающими сношеніямъ предразсудками.

Большинство этого черного народа — шиванцы, т.-е. поклонники бога Шивы. Изящныя пагоды воздвигнуты въ честь его въ разныхъ частяхъ города. Вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи и звукахъ своеобразной, но красивой музыки, совершаются здѣсь богослуженія. Народъ съ босыми ногами толпится въ храмѣ. Съ силою бросаютъ о полъ принесенные въ жертву, разбиваемые въ дребезги кокосы. Но внутрь храма проникнуть нелегко, особенно, если вашъ провожатый туземецъ изъ христіанъ. Легче посѣтить буддійскіе храмы. Но здѣсь я ихъ описывать не буду, несмотря на ихъ многочисленность,

такъ-какъ при описаніи Кходи мнѣ еще придется вернуться къ этому вопросу.

Наряду съ индусами-шиванцами и болѣе промышленными бѣлолицыми торговцами галантерейными товарами и драгоценными камнями—индусами съ сѣвера—жителями Бомбея и Мадраса въ бѣлыхъ халатообразныхъ одѣяніяхъ, нерѣдко магометанами—вы встрѣчаете—и это господствующее населеніе—сингалезовъ.

Сингалезы—коричневые средняго роста люди съ головою продолговатой формы и черными изящно въ шиньонъ зачесанными волосами. Ихъ и безъ того большею частью безбородыя женоподобныя лица дѣлаются до того похожими на женскія, что непривычный человѣкъ легко спутаетъ и приметъ мужчину за женщину. Особую женственность ихъ внѣшности придаютъ большія изъ черепахи сдѣланныя гребенки, которыми они¹ укрѣпляютъ свои волосы. Точь въ точь такія-же гребенки носили одно время у насъ дамы и дѣвицы. Костюмъ сингалезовъ вообще очень разнообразенъ, такъ-какъ вліяніе португальцевъ, голландцевъ и англичанъ, владѣвшихъ поочередно островомъ, не могло не отразиться и на вкусахъ и обычаяхъ жителей. Обыкновенно голова остается непокрытою; куртка у мужчины короткая, оставляющая грудь открытою; кофта, чаще просто косынка у женщины и панталоны у мужчины и юбки у прекраснаго пола довершаютъ одѣяніе.

Черты лица сингалезовъ красивы и пріятны. Тѣлосложеніе изящно, движенія граціозны. Въ ихъ обращеніи масса вѣжливости и деликатности, вмѣстѣ съ тѣмъ живости и общительности—что дѣлаетъ это населеніе чрезвычайно симпатичнымъ. Нѣкоторые изъ пріѣзжающихъ выносятъ о сингалезахъ нѣсколько иное впечатлѣніе, но это, мнѣ кажется, потому, что они имѣютъ дѣло или съ назойливыми нищими, или съ чичероне изъ метисовъ, которые хотя и смуглы какъ природные туземцы, но невы-

годно отличаются отъ нихъ тѣмъ, что соединяютъ въ себѣ дурныя стороны какъ европейцевъ, такъ и азіатовъ, весьма рѣдко имѣя хорошія черты природы ихъ родителей. Чтобы знать сингалеза, каковъ онъ отъ природы,— надо его видѣть въ деревнѣ.

XXII.

Цейлонская растительность. — Тропическая деревня. — Вечеръ въ деревнѣ подъ тропиками.—Сельское населеніе южной Азіи.

Поѣздъ цейлонской желѣзной дороги каждый часъ готовъ къ услугамъ жителей Коломбо, чтобы съ жаркихъ городскихъ улицъ увезти ихъ на лоно природы—въ глубь рисовыхъ полей и кокосовыхъ рощъ низменной полосы острова. Вагоны, открытые съ боковъ, приспособлены къ жаркому тропическому климату и напоминаютъ наши лѣтнія конки. Третій классъ биткомъ набитъ до пояса обнаженными людьми. Здѣсь аккуратность и быстрота движенія англійскихъ дорогъ оказываются неумѣстными, и медленные, съ сильными опоздаваніями поѣзда, подолгу стоящіе на станціяхъ, напоминаютъ Россію. На полустанкахъ повсюду сингалезы-продавцы предлагаютъ, вмѣсто прохладительныхъ напитковъ, бетель, молодые кокосовые орѣхи, рѣже плоды хлѣбнаго дерева. Но малайскихъ печеныхъ банановъ или другихъ тропическихъ фруктовъ вы не увидите на станціяхъ.

Поѣздъ проносится среди обычнаго культурнаго ландшафта азіатскихъ тропиковъ. Справа и слѣва развертываются изумрудно-зеленныя луговины рисовыхъ полей, точно нѣжное травяное озеро, среди котораго, какъ острова, возвышаются на незначительныхъ пригоркахъ густыя рощи кокосовыхъ пальмъ. Подъ ихъ то

прямыми какъ колонны, то причудливо изогнутыми и наклоненными стволами, точно грибы, тѣсно другъ возлѣ друга, пріютились крошечные домики туземцевъ, съ крышами изъ тѣхъ-же самыхъ пальмовыхъ листьевъ. Это деревушки, пріютившіяся среди пригорковъ, стоящихъ среди обращеннаго въ рисовое поле болота. Такимъ образомъ страна, гдѣ на первый взглядъ не видно ничего, кромѣ зелени луга и кронъ пальмоваго лѣса, густо заселена, и нѣтъ клочка, оставленнаго безъ обработки, а деревни расположены такъ-же часто одна близъ другой, какъ въ самыхъ густо населенныхъ русскихъ губерніяхъ.

Но деревни цейлонскія далеко не такъ разнообразны и пышны, какъ селенія только-что покинутой мною Явы. Здѣсь нѣтъ громаднаго разнообразія фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ, здѣсь не окаймляетъ селенія цѣлая опушка кустистыхъ пальмъ *Metroxylon*. Высокія хлѣбныя деревья съ громадными зелеными плодами, вырастающими изъ ствола, длинно-листья темныя деревья манги—*Mangifera indica*, одни и то далеко не всегда присоединяются къ зелени кокосовыхъ пальмъ. Эта-же послѣдняя красотою своею далеко уступаетъ царицѣ пустыни, финиковой пальмѣ, о которой по картинкамъ чаще всего судить, какъ о типѣ пальмъ, сѣверянину. Есть что-то блѣдное, болотистое въ листвѣ кокоса. Кто бывалъ во время охоты въ болотистыхъ, заросшихъ камышами побережьяхъ, тотъ знаетъ эту переплетшуюся блѣдную зелень узкихъ продолговатыхъ листьевъ. Увеличьте ихъ длину въ десятки разъ, увеличьте все въ соответствующемъ масштабѣ, и вы получите ту сѣнь кокосовой роши, которая съ колыбели и до могилы отѣняетъ сингалеза низменной полосы Цейлона. Невысокіе бамбуки, образующіе живыя изгороди вокругъ домовъ, оставляя лишь узкіе проходы - тропинки для пѣшеходовъ, также гармонируютъ съ этою блѣдною болотистою зеленью, и даже въ яркомъ изумрудѣ рисовыхъ полей что-то отзывается болотомъ.

Очертанія и формы кокосовыхъ пальмъ менѣе изящны, чѣмъ у финиковыхъ. Ихъ вай какъ-то сдвинуты къ вершинѣ, какъ-то жидки, мало граціозны. Одиночно стоящія деревья еще красивы, и кроны ихъ полны, но группы нерѣдко напрашиваются на сравненіе съ метлами. То же впечатлѣніе производитъ другая пальма, также очень распространенная въ сингалезскихъ деревняхъ—арековая пальма—*Areca catechu*. Ея стволъ—просто длинный, колѣнчатый, большей частью прямой, рѣже слегка искривленный шестъ—заканчивается короткимъ пучкомъ зелени, точно пучекъ бумаги для сметанія пыли, привязанный на исполинскую палку. Бамбуки, двѣ описанныя пальмы, манги и два вида хлѣбныхъ деревьевъ составляютъ почти исключительную растительность цейлонскихъ деревень низменной полосы острова, если не считать еще банановъ, нерѣдко сажаемыхъ во множествѣ передъ домами, наподобіе того какъ въ Мингреліи и въ Батумской области сажается исполинская кукуруза. Всѣ эти растенія входятъ также въ составъ флоры и малайскихъ деревень, но тамъ, среди великаго разнообразія другихъ формъ, они лишь содѣйствуютъ украшенію сельскаго пейзажа, между тѣмъ какъ здѣсь онъ нѣсколько однообразенъ и носитъ болотный колоритъ, почему у многихъ ѣхавшихъ подъ тропики, съ ожиданіемъ видѣть волшебныя феерическія картины природы, вызываетъ даже нѣкоторое разочарованіе. Зато тѣмъ характернѣе выступаетъ здѣсь не особенно часто, впрочемъ, попадающаяся громадная вѣрная пальма—*Corypha umbaculifera*, обыкновенно одиночно сажаемая по окраинамъ деревень.

Эта обстановка растительности, столь-же характерная для сингалезской деревни, какъ вишневый садикъ для хаты малоросса, сопровождаетъ васъ втеченіе всего пути, пока поѣздъ мчится по низинѣ.

Цейлонская деревня менѣе интересна, чѣмъ яванская, и по постройкамъ; однако, было-ли то болѣе благопріят-

ное время года или другія какія причины, но обстановка ея мнѣ показалась поэтичнѣе.

На Явѣ крестьянскій домикъ — своего рода свайная постройка. Плетеный изъ прутьевъ полъ никогда не касается земли. Избушка, какъ на курьихъ ножкахъ, стоитъ на четырехъ невысокихъ сваяхъ. Ея стѣны точно такъ-же сплетены, какъ наши платяныя корзины изъ тонкихъ щепокъ и ихъ легко-бы было проткнуть палкой при нѣкоторомъ усилии. Изящно выгнутая кровля изъ пальмовыхъ листьевъ завершаетъ постройку. У домика обязательно небольшая веранда, на которой стоятъ кресла и столъ. Внутренность дома перегороджена на нѣсколько комнатъ—среднюю, проходную, столовую и боковыя—спальни.

Нерѣдко въ саду или прямо около дома помѣщаются пристройки—такія-же свайныя, иногда безъ боковыхъ стѣнъ, съ одною крышею—играющія роль конюшенъ. Лошади въ нихъ кажутся точно выставленными на показъ въ какомъ-нибудь звѣринцѣ. Другія постройки играютъ роль нашихъ овиновъ. Такова внѣшность домиковъ на Явѣ. Они раскиданы подъ сѣнью деревь, и хотя находятся въ близкомъ сосѣдствѣ, но часто отъ одного изъ нихъ не видно другого.

Гораздо прозаичнѣе дома на Цейлонѣ. Здѣсь они скорѣе всего напоминаютъ простые глиняные сараи, съ глинянымъ-же поломъ и сплетенною изъ пальмовыхъ листьевъ кровлею. Большая дверь служитъ для освѣщенія жилища, почти не имѣющаго ни утвари, ни мебели. Спятъ и сидятъ на полу, на циновкахъ. Домá или сдвигаются въ длинныя улицы, или раскиданы подъ сѣнью пальмъ. Нѣсколько лавочекъ—неотъемлемая принадлежность деревни; свѣчи, листья бетеля, нѣсколько кокосовъ и т. п. мелочи служатъ предметомъ ихъ незатѣйливой торговли.

Но если внѣшность построекъ въ деревняхъ Цейлона и Явы не останавливаетъ вниманія туриста, то нельзя ска-

затъ того-же объ общей совокупности всей обстановки. Нѣтъ ничего поэтичнѣе вечера въ тропической деревнѣ, особенно на Цейлонѣ. Къ этому времени обыкновенно небо проясняется, вѣтеръ стихаетъ. Едва только начнутъ меркнуть послѣдніе лучи солнца, какъ отовсюду, и съ неподвижныхъ пальмовыхъ кронъ, и съ трепетныхъ листочковъ бамбуковъ, начинается стрекотаніе цикадъ, сначала тихое и частое, какъ стрекотаніе нашихъ кузнечиковъ, затѣмъ все громче и громче, наконецъ, оно переходитъ почти въ оглушительный концертъ, гдѣ трещанье довольно рѣзкихъ тоновъ цикадъ сливается съ нѣжнымъ звономъ, напоминающимъ звонъ маленькихъ серебряныхъ колокольчиковъ. Это кваканье особенныхъ тропическихъ зеленыхъ лягушекъ. Когда наступитъ ночная тьма, весь воздухъ наполненъ хоромъ изъ мириадъ этихъ стрекочущихъ существъ. Теперь съ наступленіемъ мрака все рѣзче и рѣзче начинаетъ выступать другое явленіе. На листьяхъ темными силуэтами вырисовывающихся кронъ деревьевъ являются тысячи свѣтящихся точекъ. Еще большее количество этихъ огоньковъ наполняетъ воздухъ. Кажется издали, что отдѣльно стоящія деревья какъ-бы окружены цѣлою атмосферою изъ свѣтляковъ. Они летаютъ мириадами вокругъ опушекъ деревень, придавая картинѣ чисто волшебный характеръ. У насъ нельзя себѣ представить ничего подобнаго, такъ какъ только въ Закавказьѣ, Мингреліи и Имеретіи можно видѣть сонмы подобныхъ летающихъ свѣтляковъ. Но и тамъ ихъ блескъ менѣе ярокъ, чѣмъ на Цейлонѣ.

Еще часъ или два, и картина опять мѣняется. Изъ-за кронъ кокосовыхъ пальмъ выходитъ луна. Ея трепетные, блѣдные въ тропическихъ странахъ лучи, падая на росистую, подернутую туманомъ поверхность рисовыхъ полей, превращаютъ ихъ въ подобіе озера, а неясные силуэты кокосовыхъ пальмъ, разбросанныхъ рощами на этомъ фонѣ, кажутся волшебными лѣсами, выросшими на необитаемыхъ островахъ волшебнаго моря, заколдо-

ваннаго феей, обитающей въ одномъ изъ храмовъ, портикъ котораго бѣлѣтъ, выдаваясь изъ роши фигъ и банановъ, и на громадныхъ листьяхъ деревьевъ издалека видны блещущія какъ алмазы въ лучахъ мѣсяца, крупныя капли росы. Воздухъ недвижимъ; не вѣрится, что это дѣйствительность, а не фата-моргана—не миражъ, созданный разстроеннымъ воображеніемъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если эта мягкая, ласкающая и вмѣстѣ съ тѣмъ могущественная природа положила и соотвѣтственный отпечатокъ на характеръ деревенскаго жителя—сингалеза. Если надоѣдливыя постройки въ Коломбо производятъ иногда непріятное впечатлѣніе на проѣзжаго, то этого никакъ нельзя сказать про сельское населеніе Цейлона. Оно поражаетъ своею живостью, общительностью, разговорчивостью и простотою, но въ то-же самое время чаруетъ своею вѣжливостью и изяществомъ манеръ. Въ обхожденіи всякаго крестьянина поражаютъ мягкость и предупредительность, совсѣмъ неизвѣстныя въ нашихъ сѣверныхъ странахъ. Только въ Японіи можно встрѣтить что-либо подобное...

Но въ Японіи и Китаѣ, гдѣ нѣтъ кастъ и гдѣ религія не гнететъ населенія, это послѣднее давно утратило тѣ черты приниженности, которыя проглядываютъ здѣсь. При совершенно иномъ отношеніи къ религіи въ народѣ тамъ выработалась самостоятельность, здѣсь отсутствующая. Ни въ Японіи, ни въ Китаѣ путешественникъ не встрѣтится съ тѣмъ положеніемъ рабочихъ, какое кидается въ глаза на чайныхъ плантаціяхъ Цейлона.

XXIII.

Кэнди—столица Цейлона.—Зубъ Будды.—Буддiйскiй адъ.—Буддiйская космогонiя.—Основы буддизма.

Поѣздъ скоро покидаетъ низменную равнину описаннаго уже нами характера. Онъ, медленно поднимаясь, вступаетъ въ гористыя центральныя части острова и, проносясь высоко по карнизу надъ глубокою долиною, даетъ возможность проѣзжающему любоваться однимъ изъ красивѣйшихъ ландшафтовъ тропическаго міра Азіи. Подъ нами на яркозеленомъ фонѣ раскиданы не только пальмовыя рощи деревень, но всюду виднѣются скалы и утесы, покрытые джунглемъ, или кустарникомъ, увитымъ непроходимымъ сплетеніемъ изъ лiанъ, колючихъ и цѣпкихъ, превращающихъ въ непроходимыя дебри всѣ склоны горъ и утеса. Но настоящихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, никогда не трогавшихся рукою человѣка, кромѣ нѣсколькихъ сомнительнаго достоинства обрывковъ, не встрѣтишь и здѣсь.

Поѣздъ поминутно погружается въ болѣе или менѣе длинныя туннели, вылетая изъ которыхъ открываетъ все новыя и новыя картины. Эти туннели—верхъ совершенства желѣзнодорожной техники—произвели сильное впечатлѣніе на туземцевъ. Въ старинныхъ преданiяхъ Цейлона существовало повѣрье о томъ, что могущественное царство Кэнди тогда лишится своей независимости, когда на островъ явится народъ чужеземный, который

проникнетъ внутрь страны сквозь отдѣляющія Кэнди отъ побережья горы. Великъ былъ ужасъ кэндійцевъ, когда покорившіе край англичане провели первый туннель для избѣжанія длиннаго обходнаго пути, ведшаго въ городъ. При видѣ этого туннеля туземцы убѣдились, что пророчество исполнилось, и съ тѣхъ поръ не возставали противъ побѣдителей.

Миновавши всѣ эти туннели, вы прибываете въ древнюю столицу Кэнди—красивый городокъ, расположенный на берегахъ озера, со всѣхъ сторонъ окруженнаго горами. Озеро это, повидимому, искусственное. Теперь берега его всѣ застроены чудными дачами, и всѣ красивыя формы деревъ, какія только могутъ расти въ здѣшнемъ климатѣ, сгруппированы въ садахъ этихъ виллъ, дѣлая уголокъ этотъ однимъ изъ живописнѣйшихъ на островѣ. Только развѣ Бейтензоргъ на Явѣ можетъ съ нимъ поспорить красотою своихъ ландшафтовъ.

Кэнди обязанъ своими красотою англичанамъ. Старый Кэнди, основанный туземнымъ населеніемъ,—расположенный нѣсколько въ сторонѣ—представляетъ городокъ съ прямыми перекрещивающимися улицами и одноэтажными лачугами вродѣ деревенскихъ домовъ острова. Большинство изъ нихъ занято лавками, а общимъ видомъ они живо мнѣ напомнили улицы нашихъ среднеазіатскихъ городовъ. Говорятъ, жалкій видъ богатой столицы царства имѣетъ причиною запрещеніе со стороны царей Кэнди строить красивые дома простымъ обывателямъ; этой привилегіей пользовались лишь царственныя особы. Городъ-же украшали храмы. Главный изъ нихъ, расположенный на бѣрегу озера, представляетъ главную достопримѣчательность города; это знаменитая пагода, въ которой хранится зубъ Будды, величайшая святыня индусскихъ буддистовъ.

Какъ извѣстно, на островъ буддизмъ былъ принесенъ приблизительно черезъ 235 лѣтъ послѣ смерти основателя этого ученія. Его принесъ одинъ монахъ, специаль-

но съ этой цѣлью пріѣхавшій на островъ. Встрѣтивъ царя, онъ убѣдилъ его принять ученіе Будды, и царь, подобно Владиміру Святому, повліялъ на обращеніе народа. Въ память этого событія, въ городѣ Анурадапурѣ проповѣдникомъ былъ посаженъ принесенный изъ Индіи экземпляръ *Ficus religiosa*, и доселѣ еще растущій на томъ мѣстѣ, превратившись въ громаднѣйшій развѣсистый лѣсъ.

Внесеніе буддизма измѣнило обликъ цейлонскихъ городовъ. Всюду появились пагоды, представляющія четырехугольныя увѣнчанныя колоколовиднымъ куполомъ зданія, прочно построенныя изъ кирпича, обыкновенно выбѣленные и возвышающіяся надъ выдолбленнымъ камнемъ, сохраняющимъ какіе-нибудь останки великаго святого. Самой высокопочитаемой реликвіей Будды является его зубъ, такъ-называемый «Далада», принесенный на Цейлонъ въ царствованіе Кистари Маяна, приблизительно въ 310 году послѣ Р. Х.

Буддисты вѣрятъ, что страна, обладающая зубомъ Будды, находится подъ особымъ его покровительствомъ, почему и самый Цейлонъ теперь считается святымъ островомъ. Враги только потому овладѣли Цейлономъ, что имъ удалось овладѣть его святынею. Англичане, когда въ 1818 году сэръ Р. Браунригъ, послѣ возстанія въ Кэнди, овладѣлъ святынею, — постарались нарочно выставить ее напоказъ, дабы всѣ видѣли, что она въ ихъ рукахъ — и туземцы покорились року. Вотъ почему и послѣ всякое возстаніе начиналось попыткой похитить изъ Кэнди драгоцѣнныя мощи.

«Далада» помѣщается въ одномъ изъ роскошнѣйшихъ храмовъ, примыкавшемъ къ царскому дворцу. Зубъ этотъ, повидимому, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и фамильною святынею царствующаго въ Кэнди дома. Онъ показывался народу лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ назначенные дни тогда въ Кэнди стекалась громадная масса народа; князья окрестныхъ странъ яв-

лялись съ блестящею свитою, на слонахъ и съ разодѣтыми тѣлохранителями; царь со своимъ семействомъ, одѣтый въ лучшія одѣянія, шолъ прикладываться къ священному зубу, и когда онъ произносилъ при этомъ благоговѣйно возгласъ «Садху»—возгласъ этотъ повторяли царедворцы, повторяла его и стотысячная, стоявшая на берегахъ озера толпа, и эхо переносило его отъ горы до горы по всему острову. Затѣмъ слѣдовали пиршества и празднества, въ меньшемъ масштабѣ повторявшіяся по всѣмъ деревнямъ края.

Зубъ помѣщается во второмъ этажѣ въ склепѣ, куда не проникаетъ солнечный свѣтъ. Большую часть комнаты занимаетъ громадный столъ, отороченный золотомъ, на которомъ стоятъ маленькія изображенія Будды: одно изъ золота, другое изъ чистаго горнаго хрусталя. Имъ во время богослуженія приносятся жертвы изъ сильно душистыхъ цвѣтовъ. Возлѣ стоятъ четыре вмѣстилища съ различными реликвіями, около 12 дюймовъ высоты каждое. Между ними и помѣщается такъ-называемая «каранда», содержащая священный зубъ. Это хранилище имѣетъ также видъ колокола, сдѣланнаго изъ позолоченнаго серебра и слегка усыпаннаго драгоценными камнями. Оно окружено рядомъ изящно сдѣланныхъ золотыхъ вещицъ, приношеній отъ богатыхъ богомольцевъ.

Въ хранилищѣ есть небольшая дверка; черезъ нее можно проникнуть внутрь и достать зубъ, — который, по мнѣнію однихъ,—искусственный, сдѣланъ изъ слоновой кости и почернѣлъ отъ времени, по мнѣнію-же другихъ, которое мнѣ лично кажется болѣе вѣроятнымъ, повидимому, принадлежитъ или крокодилу, или какому-нибудь болѣе крупному, чѣмъ человѣкъ, животному. Зубъ оправленъ въ чистое золото и хранится въ шкатулочкѣ изъ того-же металла. Ящичекъ, въ свою очередь, хранится въ золотой чашѣ, украшенной алмазами, рубинами и изумрудами, которая вложена въ другой сосудъ, увитый дорогими матеріями. Этотъ второй сосудъ

вложенъ еще въ два не менѣе дорогихъ и изяшно отдѣланныхъ сосуда, которые и хранятся въ «карандѣ.»

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что громадный, вовсе не похожій на человѣческій зубъ туземцы склонны приписывать Буддѣ. Начиная отъ Японіи и вплоть до самыхъ закоулковъ Цѣлона, великаго учителя изображаютъ стоящимъ, благословляющимъ или сидящимъ на цвѣткѣ лотоса громадныя статуи. Поэтому въ народномъ воображеніи Будда невольно долженъ казаться сказочнымъ исполиномъ. Кромѣ того, какъ въ Меккѣ и Бухарѣ, такъ и здѣсь духовенство дѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы заставить работать воображеніе. Тайнственные церемоніи и молебны дѣлаютъ обстановку зуба обаятельною не для однихъ буддистовъ. Теперь духовенство охотно пускаетъ смотрѣть зубъ и проѣзжихъ европейцевъ. Масса туристовъ посѣщаютъ храмъ; жадные чичероне ловятъ ихъ у парка и, сдавая съ рукъ на руки не менѣе жаднымъ буддійскимъ попамъ, не выпускаютъ изъ храма, не выжавши нѣсколькихъ десятковъ рублей подъ предлогомъ показыванія всякихъ святынь и реликвій, тайнственно запрятанныхъ въ ящички и шкафчики фантастической формы.

Буддійское духовенство на Цейлонѣ имѣетъ организацію не менѣе сложную, чѣмъ духовенство любой изъ христіанскихъ церквей. Въ одномъ Кэнди имѣются двѣ коллегіи духовныхъ лицъ, пользующіяся большимъ уваженіемъ и управляющія на основаніи устава, сохранившагося со временъ Будды. Состоящее подъ ихъ началомъ духовенство дѣлится на три класса: такъ-называемыхъ «иразатрада» или исполненныхъ вѣрою, «самнеро» или священниковъ и просто безбрачныхъ благочестивыхъ людей, такъ-называемыхъ «силоатовъ». Хотя этимъ послѣднимъ и дозволяется иногда исполнять должности священниковъ, но они не имѣютъ духовнаго сана. Духовныя лица избираются обыкновенно изъ высшихъ кастъ. Высшія духовныя степени получаютъ по экзамене-

намъ; кромѣ того, принято, чтобы посвящаемые въ духовное званіе лица съ дѣтства находились нѣкоторое время служками въ ученіи у пользующихся хорошою репутаціею священниковъ. Новичекъ посвящается въ священники путемъ цѣлаго ряда своеобразныхъ обрядовъ. Ему сбриваютъ не только всѣ волосы на головѣ, но и брови, затѣмъ его обтираютъ особо приготовленными благовоніями, и онъ, одѣтый въ желтый халатъ особой формы,—благоговѣнно преклоняетъ колѣна передъ священникомъ, который, читая стихъ на языкѣ «пали», посвящаетъ его въ соотвѣтствующее званіе самнеро. Только имѣя 20 лѣтъ (не отъ роду, но отъ момента зачатія, которое буддисты считаютъ истиннымъ моментомъ рожденія), самнеро можетъ получить степень иразатрада. Онъ смѣняетъ тогда желтое одѣяніе на бѣлое и держитъ экзаменъ передъ собраніемъ старѣйшинъ, число коихъ должно быть не менѣе двадцати. Послѣ того ему присуждается желтый халатъ другого фасона.

Каждый священникъ приставляется къ храму или «вихарэ» и существуетъ насчетъ приношеній прихожанъ или съ земли, принадлежащей храму. Число находящихся при храмѣ колеблется отъ одного до двадцати, въ зависимости отъ величины храма и отъ его доходности. Вихарэ переходитъ обыкновенно отъ наставника къ ученику, хотя назначить себѣ преемника вполне во власти завѣдывающаго храмомъ; въ случаѣ если смерть застаетъ его до завѣщанія, храмъ переходитъ въ руки старшаго ученика. Трудно сказать, какъ много храмовъ на островѣ находится въ настоящее время; но во всякомъ случаѣ число ихъ весьма значительно, такъ-какъ каждая маленькая деревня имѣетъ свое вихарэ. Большинство изъ нихъ имѣютъ совершенно одинаковое устройство. Они состоятъ изъ капища, гдѣ поставлены одно или нѣсколько изображеній Будды и боговъ покровителей мѣстности, зала, гдѣ собирается духовенство для обсужденія своихъ дѣлъ и чтенія священнаго писанія, и дома съ квартирами для

духовенства. Почти всегда по сосѣдству съ капищемъ посаженъ экземпляръ индійской смоковницы, наполняющей воздухъ запахомъ своихъ душистыхъ цвѣтовъ. Какъ и въ Японіи, храмы устраиваются въ уединенныхъ мѣстностяхъ, около текучей воды, среди зарослей пальмъ и плодовыхъ деревьевъ, придающихъ этимъ храмамъ необыкновенную привлекательность.

Духовенство обязано строго выполнять слѣдующія заповѣди: не убивать, не прелюбодѣйствовать, не воровать, не лгать, не ѣсть чаще чѣмъ два раза въ день, не предаваться увеселеніямъ, не принимать ни золота, ни серебра, не носить ни цвѣтовъ, ни украшеній, не пьянствовать и не спать на возвышеніяхъ или постеляхъ, но на землѣ. Четыре раза въ каждый лунный мѣсяцъ духовенство должно совершать богослуженія и проповѣдывать народу правила нравственности, и каждый пятнадцатый день священники собираются сами, чтобы слушать чтеніе духовнаго устава. За убійство, прелюбодѣяніе, воровство или ложь священникъ лишается своего сана. Священнику запрещено сидѣть рядомъ съ женщиною тамъ, гдѣ ихъ не могутъ видѣть другіе, и онъ не можетъ говорить женщинѣ болѣе пяти словъ, если она одна или не сопровождается кѣмъ-либо.

Кромѣ обычнаго духовенства, какъ мнѣ говорили, въ Кэнди существуетъ особый классъ такъ-называемыхъ цирюльниковъ Будды, составляющихъ потомство древней семьи, которой одинъ изъ прежнихъ царей далъ особую на то привилегію. Священникъ изъ разряда цирюльниковъ Будды обязанъ въ извѣстные дни держать зеркало передъ лицомъ идола, причемъ другой дѣлаетъ видъ, что его брѣетъ. Еще болѣе странными обрядами сопровождается богослуженіе передъ идолами другихъ божествъ, оставшихся отъ древняго язычества, которыхъ сингалезы считаютъ духами-охранителями острова и его религіи. Ихъ идолы стоятъ въ буддійскихъ храмахъ, или имъ ставятся особые капища—такъ-называемые

«девалэ», куда не впускають иностранцевъ, хотя имъ и не возбраняется слушать богослуженіе. Если есть полное основаніе разсматривать этотъ культъ какъ остатокъ древней религіи, то съ другой стороны нѣтъ никакого сомнѣнія, что и самый буддизмъ на Цейлонѣ сильно измѣнился со временемъ, и хотя обыкновенно считаютъ, что на островѣ этомъ ученіе Сакіа-муни сохранилось въ наибольшей чистотѣ,—многое заставляеть въ этомъ сильно сомнѣваться.

Такъ, выходя изъ храма, гдѣ хранится знаменитый зубъ Будды, и взглянувши на его портикъ, я былъ пораженъ представившеюся мнѣ картиною. Надъ папертью помѣщается рядъ изображеній; они исполнены грубо, лубочно и представляютъ различные роды мученій какія, испытываютъ души умершихъ на томъ свѣтѣ въ аду. Еслибы не несомнѣнная глубокая древность храма и потертыя краски изображеній—можно-бы принять ихъ за точнѣйшія копіи тѣхъ «душеспасительныхъ» московскихъ изданій, какія такъ часто встрѣчаются на стѣнахъ крестьянскихъ избъ и постоялыхъ дворовъ нашего отечества. Это странное сходство представленій о судьбахъ умершихъ у насъ и у цейлонскихъ буддистовъ поразило меня, и мнѣ кажется не безынтересно будетъ для читателя познакомиться съ тѣми представленіями, въ какія выродился индійскій буддизмъ на Цейлонѣ. Конечно, и на Цейлонѣ буддизмъ есть матеріалистическая религія, основанная на вѣрѣ въ переселеніе душъ и нравственномъ ученіи Сакіа-муни, біографія котораго и доктрины знакомы всякому образованному человѣку. Но міровоззрѣніе буддистовъ разныхъ концовъ міра не тождественно, какъ не одинаковы и толкованія ихъ сектъ. Вотъ почему нижеслѣдующее извлеченіе изъ любопытнаго стариннаго сингалезскаго сочиненія о вселенной имѣеть характерный и чисто мѣстный колоритъ.

Буддисты, какъ извѣстно, вѣрятъ, что міръ вѣченъ: онъ никогда не имѣлъ начала и не будетъ имѣть конца.

Вселенная, по ихъ мнѣнію, состоитъ изъ безчисленнаго количества міровъ, похожихъ одинъ на другой, постоянно измѣняющихся, доходящихъ до извѣстной степени совершенства и затѣмъ приходящихъ опять въ упадокъ, чтобы возродиться вновь. Каждый міръ состоитъ изъ свѣтилъ, небесъ и преисподнихъ, морей, скалъ и материковъ, населенныхъ людьми, богами, демонами и сказочными существами.

Среди всѣхъ этихъ міровъ недвижимая и неизмѣнная стоитъ только одна скала, такъ-называемая Мага-меру-парватэ. Эта скала находится наполовину въ водѣ и наполовину въ эфирѣ и имѣетъ въ окружности гораздо болѣе верстъ, чѣмъ сколько можетъ сосчитать человѣкъ въ промежутокъ отъ ранняго утра и до поздняго вечера. Эта чудная скала имѣетъ 5 цвѣтовъ и 4 стороны. Та, которая обращена къ востоку, имѣетъ цвѣтъ неба, сѣверная — цвѣта вѣрной пальмы, когда она стоитъ въ полномъ цвѣту. Центръ-же скалы блеститъ какъ расплавленное золото. Мага-меру-парватэ утверждена на трехъ скалахъ — подъ ними-же находится гнѣздилище змѣй, разнообразіе которыхъ не можетъ передать человѣкъ, какъ невозможно ему также описать красоты ихъ шкуръ. Это змѣиное царство покоится на скалѣ, скала-же покоится на водѣ, вода-же на воздухѣ. Такимъ образомъ воздухомъ кончается море.

Вокругъ Мага-меру-парватэ расположено 7 скалистыхъ полукружій; между каждымъ изъ нихъ течетъ на бездонную глубину соленая вода. Подъ нею-же находятся десять отдѣленій для пытокъ — это сингалезская преисподняя. Вокругъ нея находится еще 120 отдѣленій, меньшей величины и того-же назначенія. Мага-меру-парватэ принадлежитъ богу Сакреу, обладающему летающимъ бѣлымъ словомъ, которое онъ переноситъ по желанію съ одного моря на другое.

Я не буду описывать здѣсь ни походовъ, ни свойствъ этого божества, имѣющаго столь-же сказочный

характеръ, какъ и все вышесказанное; я останавлиюсь только на описаніи адскихъ отдѣленій, какъ имѣющихъ отношеніе къ видѣннымъ мною картинамъ.

Отдѣленія эти населены 5 разрядами демоновъ. Первый разрядъ напоминаетъ собою людей, но громаднаго роста — какъ стволъ пальмы. Ихъ нравъ дикій, они имѣютъ зубы льва; они убиваютъ и ѣдятъ людей. Если они не могутъ достать человѣческаго мяса, они истребляютъ землю. Они могутъ ходить по землѣ и подъ водою, но не могутъ летать... Второй классъ демоновъ — демоны летающіе по воздуху. Они летаютъ въ лѣсахъ, вселяются въ дома, гдѣ высасываютъ кровь людей и животныхъ, причиняя болѣзни. Третій классъ — невидимыя, но злыя существа. Четвертый — демоны, имѣющіе видъ скелетовъ, обтянутыхъ кожей; они летаютъ также по воздуху, вѣчно томимые голодомъ и жаждою, такъ-какъ пища исчезаетъ отъ нихъ, лишь только они захотятъ къ ней прикоснуться. Зло ими причиняемое — только тотъ ужасъ, который они внушаютъ своимъ видомъ. Пятый классъ демоновъ — неисчислимы. Они напоминаютъ видомъ своимъ голубыя облака. Ихъ участь и роль тѣ-же, что и у предъидущихъ.

Всѣ эти злые духи въ почетѣ у сингалезовъ. Въ честь ихъ устраиваются особые дьявольскіе танцы — преимущественно въ случаѣ какой-либо болѣзни, когда приглашается знахарь для устрашенія вселившагося злого духа. Эффектны бываютъ эти шаманы, когда они являются цѣлымъ обществомъ для изгнанія злого духа, вселившагося въ деревню. Ее убираютъ цвѣтами и дугами изъ священныхъ бамбуковъ. Подъ звуки барабановъ, при свѣтѣ факеловъ, — танцы происходятъ всегда ночью, — эти красиво сложенные, мускулистые обнаженные танцоры, съ распущенными по вѣтру длинными волосами и изступленными фізіономіями, черные какъ черти, представляютъ дѣйствительно что-то устрашающее, демоническое. Пу-

блика стоитъ неподвижно, безмолвно и сливается съ мракомъ ночи, на которомъ едва вырисовываются неясныя силуэты пальмъ. Картина производитъ сильное впечатлѣніе.

Не лучше чѣмъ демонамъ приходится въ аду и душамъ грѣшниковъ. Адскія отдѣленія представляютъ по сказанію мѣдныя камеры, нагроможденные одна на другую. Въ нихъ горитъ вѣчный огонь. Чѣмъ ниже камера, тѣмъ выше ея температура; въ самой нижней жаръ огня выше всякаго сравненія. Тѣ, кто нарушилъ предписанія Будды, обречены на жизнь въ камерахъ разной температуры—соотвѣтственно съ тяжестью грѣха. Самое жаркое отдѣленіе предназначено для убійцъ.

При этомъ каждый родъ грѣха имѣетъ и специальное наказаніе. Такъ, убійцу вѣчно будутъ убивать тѣмъ самымъ способомъ, какимъ онъ совершилъ свое убійство. Воръ будетъ постоянно видѣть передъ собою предметы страшной цѣнности, но какъ только онъ пожелаетъ до нихъ дотронуться—они превратятся въ палящій огонь. Прелюбодѣи должны постоянно взлѣзать за своимъ предметомъ на дерево и сваливаться, больно раздирая свое тѣло передъ самымъ моментомъ достиженія цѣли. Блудницы-же наказываются тѣмъ, что вѣчно желая обнять своего возлюбленнаго, онѣ прижимаютъ змѣю, которая больно жалитъ ихъ въ груди. Въ ротъ пьяницъ течетъ струя расплавленнаго металла. Сплетникамъ колютъ языкъ раскаленными иглами и т. д. и т. д.

Самое ужасное мѣсто мученій это безусловно холмъ изъ влажной глины, находящійся въ глубокомъ мракѣ. Преступники мучаются здѣсь отъ холода, мрака, страшнаго голода и жажды, терзая другъ друга на части, чтобы пожирать живое мясо и пить кровь, текущую изъ разорванныхъ членовъ. Они постоянно испытываютъ мученія предсмертной агоніи, опять и опять возвращаясь къ жизни. Сюда помѣщаются безбожники, святотатцы, убійцы священниковъ, родителей или учителей.

Однимъ изъ наиболѣе для всѣхъ живущихъ на землѣ замѣтныхъ проявленій жизни преисподней являются приливы. Преисподняя, по вѣрованіямъ сингалезовъ, завершается такимъ громаднымъ котломъ, что въ него могутъ войти всѣ океаны. Вода въ этомъ котлѣ кипитъ отъ дѣйствія огня, находящагося въ верхнихъ отдѣленіяхъ ада. Приливы поэтому являются слѣдствіемъ паровъ и жара, выбрасывающихъ попеременно теплую воду въ моря; тогда-какъ время отлива соотвѣтствуетъ порядку наполненія котла холодною водою.

Эту подробную географію ада знаетъ наизусть каждый религіозно образованный сингалезъ—и названія дьяволовъ и отдѣленій ада для него такъ-же хорошо знакомы, какъ имена родственниковъ и улицъ родной деревни.

Вся система міровъ, вращающихся около Мага-меру-парватэ, подобно человѣку, постоянно измѣняется; какъ старѣетъ человѣкъ, такъ вырождается и міръ, пока не превратится въ груды сплошныхъ развалинъ. Тогда изъ хаотической массы возникаетъ новый міръ; онъ въ свою очередь достигаетъ извѣстной степени совершенства и добродѣтели, чтобы затѣмъ распасться вновь. Между каждымъ хаосомъ и новымъ возрожденіемъ протекаетъ миллионъ вѣковъ. Періодъ между двумя хаосами зовется «мага-кальпэ». Кончина міра вызывается огнемъ, водою и вѣтромъ, которые разрушаютъ все. Огонь довершаетъ разрушительное дѣло воды и вѣтра, превращая въ пепелъ послѣдніе остатки земли. Огонь пылаетъ десять миллионовъ лѣтъ. Затѣмъ начинается идти дождь, наводняющій землю и тушащій огонь. Сорокъ столѣтій продолжается этотъ ливень, превращая землю въ массу скалъ и грязи. Тогда цвѣтокъ На-лоонъ—родъ, чуднаго розоваго лотоса—развиваетъ изъ водъ свой граціозный стебель. Онъ поднимается до неба. По нему боги спускаются на землю. Они принимаютъ человѣческій образъ—одни мужчинъ, другіе—женщинъ. Они вкушаютъ отъ плодовъ, въ изобиліи развивающихся на землѣ.

Рождаются дѣти; они множатся. Семейства становятся многочисленны. Они выбираютъ правителей, устанавливаютъ законы, образуютъ касты. Люди мало-помалу впадаютъ въ грѣхи, пока, вслѣдствіе ихъ возростающей грѣховности, не выродится все земное. Тогда мага-кальпэ кончается—и опять воцаряется хаосъ. По мѣрѣ того какъ человѣчество впадаетъ въ грѣхи и являются убійство, грабежъ и святотатство, долготѣе человека сокращается, пока наконецъ жизнь человѣческая не станетъ длиться всего 10 лѣтъ. Тогда на молодомъ пальмовомъ деревѣ является надпись: «Черезъ 10 лѣтъ страшный дождь обрушится на землю. Всѣ, кого онъ смочитъ, превратятся въ хищныхъ животныхъ и пожрутъ другъ друга. Тѣ, въ комъ есть хоть капля добродѣтели, берегитесь, чтобы не попасть подъ дождь». Тамъ, гдѣ не растетъ пальмоваго дерева, гласъ съ неба пошлетъ это предостереженіе. Лишь добродѣтельные спасутся, и дни ихъ будутъ продолжены навѣки.

Чтобы человѣчество не вырождалось слишкомъ скоро, втеченіе каждаго мага-кальпэ на землю являются «будды», задача которыхъ хорошимъ примѣромъ исправить человечество и возстановить вѣру въ ея первоначальной чистотѣ. Буддисты поэтому и сравниваютъ свою вѣру съ деревомъ, которое одно время стоитъ въ полной силѣ, одѣтое листвою, принося цвѣты и плоды, а въ другое время лишено зелени, стоитъ безъ листьевъ, почти безжизненное. Буддисты вѣрятъ, что религія ихъ древнѣйшая на землѣ. До Р. Х., по ихъ мнѣнію, на землѣ перебывало до 24 такихъ пророковъ или буддъ; два послѣднихъ изъ нихъ были несомнѣнно люди, и Готама-Будда и есть тотъ будда, который, явившись за 6 столѣтій до Р. Х., подъ именемъ Сакья-Муни, проповѣдалъ то ученіе, которое и является догматомъ современныхъ буддистовъ. Въ нынѣшнемъ мага-кальпэ должно было появиться пять буддъ. Четыре уже были. Готама-Будда

изъ нихъ послѣдній. Пятый будда еще ожидается, хотя точно неизвѣстно, когда онъ явится на землѣ.

Ученіе Готама-Будды излагалось у насъ такъ часто, что повторять здѣсь эту легенду о царскомъ сынѣ, изъ любви и состраданія къ страждущему человѣчеству ушедшемъ въ монахи и сдѣлавшемся великимъ проповѣдникомъ,—я считаю излишнимъ. Напомню только важнѣйшіе догматы его ученія, такъ-какъ они, подобно міровоззрѣнію, нами только-что изложенному, ложатся въ основу всего строя цейлонской жизни.

Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ догматовъ:

«Очищай свой разумъ, воздерживайся отъ порока и упражняйся въ добродѣтели.

«Болѣе доблестенъ тотъ воинъ, который покоряетъ самого себя, чѣмъ тотъ, кто одерживаетъ побѣду надъ тысячами непріятелей.

«Истинное благородство получается не по наслѣдству, но оно есть отпрыскъ добродѣтельного ума и безупречной жизни.

«Религія—есть путь къ безсмертію; безвѣріе—къ смерти. Религіозный человѣкъ не умираетъ; нерелигіозный есть живой мертвецъ.

«Избѣгай безвѣрія, чувственности, сквернословія; избѣгая этихъ пороковъ, человѣкъ достигаетъ высшаго счастья.

«Пусть взглянуть заботящіеся о тѣлѣ своемъ на скелеты умершихъ. Пусть скажутъ они, стоятъ-ли они этой заботы? Короли съ ихъ величіемъ и славою пропадаютъ, лишь истина неизмѣнна и вѣчна.

«Побѣждай гнѣвъ кротостью, зло добромъ, скупость щедростью, ложь правдою. Дурныя страсти не могутъ быть уничтожены сразу. Это медленная работа, которая должна производиться постепенно, подобно тому какъ ювелиръ удаляетъ нечистоту съ золота.

«Не старайся открыть ошибки другихъ, но скрывайся собственныхъ.

«Воздерживайся отъ сладострастія и любодѣянiя, отъ воровства, отъ убiйства человѣка, птицы, звѣря или пресмыкающагося, отъ глупыхъ разговоровъ, отъ выдачи чужой тайны, отъ злыхъ пожеланiй, лжи и несправедливыхъ подозрѣнiй».

Я остановился нѣсколько долго на изложенiи буддiйскаго міровоззрѣнiя и ученiя Будды по поводу картинъ адскихъ мученiй, нарисованныхъ на портикѣ храма въ Кэнди. Я это сдѣлалъ, чтобы напомнить читателю о томъ, что такое въ сущности этотъ народъ, который толпится около храмовъ, и почему такъ легко горсть англичанъ управляетъ этой многомилліонною толпою. Если прибавить ко всему сказанному ученiе буддистовъ, что душа человѣка попадаетъ въ адъ не сразу, но подвергается долговременнымъ мытарствамъ, воплощаясь въ животныхъ или людей, переживая состоянiя, въ которыхъ она можетъ или очиститься, или окончательно пасть, то станетъ ясно, какими страшными угрозами обставило духовенство само-по-себѣ высокое и нравственное ученiе Будды. И въ этой, и будущей жизни необходимость смиренiя, послушанiя, благочестiя и кротости вызывается ужасающими картинами мученiй, въ которыя глубоко вѣрять и которыхъ страшится необразованный умъ. Вѣра въ переселеніе душъ такъ сильна, что часто, говорятъ, приговариваемые къ смерти преступники, безсильные отмстить судьбѣ, обѣщаются, вселившись въ тигра или змѣю, насолить ему или его потомству въ слѣдующей своей жизни. Подъ угрозой страшныхъ мученiй въ будущемъ, немногаго требуешь отъ настоящаго. Индусъ легко подчиняется гнету и игу и своихъ и чужеземныхъ правителей, смотря на жизнь какъ на цѣпь мученiй и мечтая поскорѣе добраться до того состоянiя «нирваны», которое сулилъ ему Будда, до состоянiя полнаго безчувствiя и индифферентизма. Отсюда и то отношеніе къ жизни, отношеніе глубокаго пессимиста, какое мы видимъ у всякаго буддиста.

Вотъ почему, когда въ полумракѣ храма мнѣ показывали оправленные въ золото старинныя книги, въ видѣ тетрадокъ, пальца въ два шириною и немного длиннѣ ладони, изъ листьевъ вѣрной пальмы *Corypha umbra-culifera*, на которыхъ остриемъ нацарапаны были на языкѣ «пали» слова, молитвы и тѣ преданія, съ сутью которыхъ только-что познакомился читатель, я понялъ, какая страшная сила, какая надежная узда хранилась подъ мраморными, расписанными фресками сводами храма, я понялъ, почему англійское правительство такъ мало дѣлаетъ, чтобы искоренить всѣ эти предрассудки изъ народнаго ума. Уходя изъ храма, я встрѣтилъ мальчишекъ, продававшихъ копіи молитвословій, написанныя на такихъ-же пальмовыхъ листьяхъ, и эти маленькія книжечки всегда будутъ мнѣ напоминать о суровомъ ученіи, родившемся среди чудной райской природы. И не хотѣлось мнѣ вѣрить, выйдя изъ храма и гуляя чудной лѣтней ночью по берегамъ озера, любуясь его пальмами, свѣтляками и лучами свѣта, играющими на стѣнахъ бѣлой пагоды, что эту больную вѣру создалъ и исповѣдуетъ веселый и смѣющійся народъ феерическаго острова.

XXIV.

Культурная растительность Цейлона.—Восхождение на Адамовъ пикъ.—
Стопа Будды.—Возвращеніе въ Россію.

Кто хочет любоваться красотами тропического міра Индіи, тотъ долженъ оставаться въ Кэнди и его окрестностяхъ. Знаменитый ботаническій садъ Peradenya garden для европейца даетъ много интереснаго и, что касается красоты искусственнаго сочетанія тропическихъ формъ, то онъ безспорно не имѣетъ себѣ равнаго. Туристъ можетъ здѣсь видѣть всѣ характернѣйшія тропическія полезныя растенія, начиная отъ перца и до какао включительно. Но для ботаника саду этому далеко до Бейтензорга, нетолько по богатству видовъ, но и по роскоши экземпляровъ. Далѣе, если углубляться внутрь Цейлона, вы будете видѣть лишь обѣдненіе тропической природы, подъ вліяніемъ хищнической руки человѣка. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, произвелъ на меня путь изъ Кэнди въ чайный округъ Докойя, откуда я предполагалъ совершить восхождение на Адамовъ пикъ—эту знаменитую и священную вершину острова.

Уже въ Кэнди и его окрестностяхъ вы не видите настоящей природы острова. И здѣсь, какъ въ болѣе возвышенныхъ областяхъ чайныхъ и хинныхъ плантацій Явы, на каждомъ шагу на некультурныхъ мѣстахъ произрастаютъ чужеземныя, не свойственныя Индіи, болѣею частью американскія растенія. Всѣ пустопорожнія

мѣста поросли джунглемъ изъ *Lantana communis* и кустарной съ синими цвѣточками *Verbena*. Первое изъ этихъ растений всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому-назадъ было привезено какъ декоративное, а теперь нѣтъ болѣе обыкновеннаго растенія на Цейлонѣ, какъ это хорошо намъ извѣстное комнатное растеніе. Но особенно останавливаютъ вниманіе проѣзжающихъ громадныя *Furcroya gigantea*.

Эти *Furcroya*, называемыя туземцами *green agave*—зеленыя агавы — дѣйствительно напоминаютъ собою исполинскія столѣтнія алоэ. Но ихъ листва узкая и мягко-зеленая. Подобно агавамъ, онѣ выметываютъ на громадную высоту вѣтвистыя, издали похожія на деревья, соцвѣтія. Но влажный климатъ азіатскихъ тропиковъ слишкомъ нѣжитъ привыкшее къ американской сухости воздуха мексиканское растеніе. Поэтому вмѣсто цвѣтовъ на его громадныхъ соцвѣтіяхъ развиваются маленькія луковичеобразныя растеньица, которыя, отваливаясь, тутъ-же пускаютъ корни.

Пролетѣвъ нѣсколько станцій, поѣздъ быстро начинаетъ подниматься, открывая справа и слѣва панорамы хищнической дѣятельности англичанъ. Вездѣ виднѣются порубки. На канатахъ и проволокахъ спускаютъ внизъ бревна изъ уцѣлѣвшихъ лишь около вершинъ горъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Мѣстность принимаетъ все болѣе и болѣе оголенный видъ. Среди этой картины опустошенія все чаще и чаще попадаются клочки обработанной и засаженной чаемъ земли и изящные домики чайныхъ плантаторовъ. На станціяхъ въ большемъ и большемъ количествѣ виднѣются изнеможенные, совершенно голые, съ одною повязкою вокругъ бедеръ, кули—рабочіе съ плантацій. Наконецъ, уже въ сумерки, мы остановились на станціи, откуда, сдѣлавъ около четырехъ часовъ колеснаго пути, можно было достигнуть подножія Адамова пика.

Я, нашъ извѣстный публицистъ г. Южаковъ и г. М.—

пассажиры съ «Петербургга», присоединившіеся ко мнѣ для этой поѣздки въ Кэнди—остановились въ маленькой сельской гостинницѣ, вродѣ англійскихъ деревенскихъ, и намъ наскоро, не особенно опрятно сервировали ужинъ.

На слѣдующій день, въ 5 часовъ утра, мы уже ѣхали въ особомъ шарабанѣ по безукоризненно гладкому шоссе, змѣею извивающемуся по склонамъ горъ, проносясь черезъ погруженные въ сонъ деревушки, гдѣ, у входа въ свои глиняныя жилища, на циновкахъ, завернувшись въ байковыя одѣяла, зѣвали индусы, или мимо изящныхъ, обсаженныхъ пальмами и бананами котэджей плантаторовъ, архитектурою своею издали напоминающихъ тирольскіе домики.

Вся страна сильно обработана. Ни слѣда джунглей или лѣсовъ. Ни помину о змѣяхъ и тиграхъ, которые рисуются представленіемъ объ Индіи. Розовая почва на склонахъ и холмахъ обнажена—вездѣ, куда только хватается глазъ. Ни былинки не покрываетъ ея поверхности. Только правильными рядами, на разстояніи двухъ аршинъ одинъ отъ другого, разсажены низенькіе (ниже колѣна) кустики съ глянцевою темно-зеленою листвою. Тамъ и сямъ среди нихъ пробѣгаетъ змѣйкой розовая дорога, и вдоль нея рядами, какъ у насъ березки, посажены разнелистные подокарпусы. Рѣже попадется на глаза изуродованное хинное дерево или заброшенный уголокъ съ чахлыми, истощенными болѣзнью кустами кофейнаго дерева. Ландшафтъ монотонный, скучный, наводящій уныніе своимъ однообразіемъ. Не хочется вѣрить, что такъ недавно здѣсь въ дремучихъ лѣсахъ бродили стада дикихъ слоновъ, и тигръ находилъ себѣ добычу на пашняхъ, гдѣ теперь робкія сингалезки собираютъ одѣтыми въ перчатки пальцами молодые листики китайскаго дерева, складывая ихъ въ корзины, привѣшенные на шею.

Весьма легкій костюмъ рабочихъ даетъ возможность

любоваться чудными формами ихъ тѣла. Нигдѣ ни въ Европѣ, ни въ Азіи не видѣлъ я столь античныхъ бюстовъ, столь восхитительнаго тѣлосложенія. Смуглый, почти черный цвѣтъ нѣкоторыхъ придавалъ имъ видъ изваянныхъ статуй. Но нигдѣ я не слышалъ веселой пѣсни или смѣха. Рабочіе имѣли какой-то грустный, угнетенный видъ. Да и неудивительно. Заработная плата здѣсь колеблется около 12 коп. въ сутки, и развѣ только въ тропическомъ климатѣ, при которомъ не нужно ни одежды, ни топлива, даже—если хотите—ни жилья, и гдѣ бананъ и рисъ могутъ продовольствовать населеніе—ради такой суммы съ утра и до вечера будетъ работать человѣкъ.

Англичане, какъ вездѣ, стремятся эксплоатировать край чисто фабричнымъ путемъ. Какая рѣзкая разница между описаннымъ мною въ предшествовавшихъ очеркахъ японскимъ хозяйствомъ—типа культуры далекаго Востока—и здѣшнимъ. Тамъ каждый человѣкъ—хозяинъ на своемъ клочкѣ. Онъ любитъ свою землю, воздѣлываетъ на ней нѣсколько десятковъ растеній, его кормящихъ. Природа сторицею вознаграждаетъ его за трудъ, оставаясь веселою и смѣющеюся. Здѣсь въ основѣ лежитъ эксплоатація и хищеніе. Захваченная, силою отнятая территорія Индійскаго царства, съ ея дѣвственными лѣсами и нетронутою почвою, стала жертвою англійскаго капиталиста. Онъ бросилъ на нее свои милліоны, чтобы вернуть десятки милліоновъ. Лѣсъ съ его флорою и фауною исчезъ; его смѣнили необозримыя поля кофе и корицы. Но корица подешевѣла, а кофе, замѣнивъ собою богатую и разнообразную флору острова, занявъ тысячи и десятки тысячъ десятинъ, привлекъ, какъ того и естественно было ожидать, подобно нашей южно-русской пшеницѣ, своего рода кузекъ, гессенскихъ мухъ и сусликовъ. Болѣе двухъ десятковъ различныхъ враговъ кофейнаго дерева размножилось на Цейлонѣ и во главѣ ихъ паразитный грибокъ — страшная

Hemileya vastatrix. Опустошенія, произведенныя этимъ врагомъ, были столь велики, что большинству плантаторовъ грозило полное банкротство. Поэтому они, воспользовавшись удачными попытками разведенія чая на Гималаяхъ, бросились къ этому растенію какъ къ единственному спасителю. Опыты ихъ увѣнчались успѣхомъ. Чайный кустъ принялся на цейлонской почвѣ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ не только замѣнилъ кофе, но грозить уже въ настоящее время превратить весь островъ въ сплошную чайную плантацію. Чайная горячка охватила Цейлонъ. Сотни брошюръ о разведеніи чая, о наилучшихъ способахъ его приготовленія, о времени сбора, наставленія чайнымъ плантаторамъ наводняютъ магазины. Агенты различныхъ фирмъ не пропускаютъ ни одного корабля безъ того, чтобы не навязать пассажирамъ и матросамъ цейлонскаго чаю. Первое, что вы видите, вступая на пристань въ Коломбо, это такъ-называемый Tea kiosk—кіоскъ, гдѣ продается чай «распивочно и на выносъ». Но все-таки, цейлонскому чаю далеко до китайскаго по ароматичности и по мягкости вкуса.

Сначала сингалезы не хотѣли работать на плантаціяхъ, находя заработную плату низкою. Выписаны были кули изъ Индіи. Ихъ наплывъ вызвалъ дороговизну жизни. Цейлонъ, нѣкогда самъ вывозившій рисъ, теперь выписываетъ его изъ другихъ странъ. Онъ сдѣлался страной буржуазнаго строя и пролетаріата, и въ ряды этого послѣдняго, въ виду усложненія условій жизни, теперь все болѣе и болѣе начинаютъ вступать и сингалезы, которыхъ уже не малый процентъ увидите вы между рабочими.

Остановившись на одной изъ плантацій, у которой кончался колесный путь, мы должны были пройти еще добрыхъ часа два среди тѣхъ-же монотонныхъ чайныхъ плантацій, пересѣченныхъ быстрою, обросшею исполинскими бамбуками рѣкою. Затѣмъ начался болѣе

сплошной подъемъ на самый Адамовъ пикъ, и здѣсь только вступили мы въ настоящій дѣвственный лѣсъ. Но это былъ уже лѣсъ верхняго пояса растительности, лѣсъ, соотвѣтствующій тому поясу лѣсовъ яванскихъ вулкановъ, который выше зоны дубовъ и подокарпусовъ. Здѣсь было уже мало ліанъ и эпифитовъ, не виднѣлось древовидныхъ папоротниковъ. Лѣсъ былъ мраченъ отъ необыкновенно темной, почти чернозеленой, глянцевиной листвы деревьевъ — различныхъ Ternstroemiaceae и Meliaceae. Только нѣжная зелень маленькихъ, необыкновенно граціозныхъ, не превышающихъ человѣческаго роста бамбуковъ скрашивала нѣсколько его мрачные своды. Влажные камни украшались крошечными лиловыми, необыкновенно изящными цвѣточками Utricularia. Поясъ лѣса, въ которомъ, какъ увѣряли проводники, и до сихъ поръ встрѣчаются дикіе слоны, былъ не широкъ. Скоро начались прогалины, на которыхъ развивались альпійскія травы Цейлона. Если вершинную флору яванскихъ вулкановъ я могъ сопоставлять съ тундрою, роды травъ которой сохраняютъ еще видъ деревьевъ и кустарниковъ, эту флору я назвалъ-бы подобіемъ альпійской. Въмѣсто крошечныхъ альпійскихъ сложноцвѣтныхъ и другихъ травокъ, вы видите передъ собою деревья, кустарники и полукустарники, хватающіе по грудь и принадлежащіе къ тѣмъ-же самымъ семействамъ. Это какъ-бы лугъ, только-что начинающій вырождаться изъ лѣсныхъ деревьевъ. Среди него яркіе цвѣточные группы образовали крупноцвѣтные розовые и бѣлые бальзамины.

Съ этого мѣста началась самая трудная часть восхожденія. Тропинка, служившая въ сущности ложемъ горнаго потока, поднималась почти отвѣсно. Приходилось перепрыгивать съ камня на камень. Мѣстами гранитная скала поднималась почти стѣною. Въ ней были вырублены едва замѣтныя ступеньки, вѣрнѣе зарубки, по которымъ струилась вода, дѣлая ихъ страшно скользкими.

Тамъ и сямъ въ скалу были вкопаны желѣзныя цѣпи; но они находились слишкомъ далеко, чтобы помогать одиночнымъ путешественникамъ. Несмотря на то, что я привыкъ къ горнымъ восхожденіямъ на Альпахъ, Кавказѣ и на яванскихъ вулканахъ, не разъ испыталъ трудности восхожденій по кругамъ во влажной и душной обстановкѣ дѣвственнаго лѣса, — я все-же долженъ сознаться, что подъемъ на Адамовъ пикъ принадлежитъ къ числу весьма трудныхъ и утомительныхъ, и я не удивляюсь поэтому, что одинъ изъ моихъ спутниковъ, отчаявшись, вернулся назадъ, а г-нъ Южаковъ совершенно выбился изъ силъ, и его и туда и назадъ, эту трудную часть пути, вели подъ-руки два сингалеза. Между тѣмъ, облака начинали заволакивать недостижимую вершину, грозя скрыть отъ глазъ чудную панораму острова, которою славится Адамовъ пикъ.

Весь путь мы не встрѣтили ни одного человѣка. Сезонъ, когда туземцы совершаютъ паломничества на Адамовъ пикъ — это февраль, мартъ и апрѣль. Тогда по этимъ скользкимъ уступамъ лѣзетъ масса магометанъ и буддистовъ, чтобы поклониться громадному изображенію человѣческой стопы, находящемуся на вершинѣ. Буддисты вѣрятъ, что Будда, удостоившій Цейлонъ своимъ посѣщеніемъ, оставилъ здѣсь отпечатокъ ноги своей, какъ неопровержимое свидѣтельство божественнаго своего происхожденія, и заповѣдалъ своимъ поклонникамъ чтить и поклоняться этому отпечатку. Магометане, напротивъ, утверждаютъ, что когда нашъ прародитель былъ изгнанъ изъ рая, по преданію находившагося на Цейлонѣ, его подвергли пыткѣ, заключающейся въ томъ, что онъ долженъ былъ стоять на одной ногѣ на вершинѣ горы. Отъ долгаго стоянія ступня его оставила отпечатокъ на скалѣ. По другому толкованію рай находился не на Цейлонѣ, а на седьмомъ небѣ. Оттуда Адамъ былъ сброшенъ на землю, упавши на которую онъ долженъ былъ стоять на одной ногѣ до тѣхъ поръ, пока ему не былъ про-

щенъ грѣхъ непослушанія. Ева упала въ Аравію близъ Іедды. Послѣ двухсотлѣтней разлуки, Адамъ былъ приведенъ архангеломъ Гавріиломъ къ одной горѣ близъ Мекки, гдѣ онъ и встрѣтилъ вновь свою жену, почему гора эта и донынѣ носитъ названіе Arafat — встрѣча. Послѣ того оба супруга вернулись на Цейлонъ и здѣсь положили начало своему потомству. Понятно поэтому, что достигнуть вершины горы и посмотрѣть знаменитую стопу, завершающую пикъ, видимый на громадномъ разстояніи съ моря, представляетъ большой интересъ.

Впрочемъ, дѣйствительность въ значительной степени разочаровываетъ паломника, разгоряченнаго рассказами и утомленнаго страшно труднымъ восхожденіемъ. Достигнувъ вершины, вы видите передъ собою четырехугольную площадку, окруженную перилами изъ тесаннаго камня, около 6 футъ вышиною, въ центрѣ которой подъ некрасивымъ, ветхимъ деревяннымъ навѣсомъ и находится знаменитая sree-пада, или стопа Будды. Она представляетъ изъ себя легкое углубленіе въ скалѣ около $5\frac{1}{2}$ футъ длиною и два фута 5 дюймовъ шириною. Небольшія сакли изъ неотесанныхъ кусковъ камня въ незначительномъ числѣ расположены вокругъ. Это жалкія кануры безъ мебели и безъ лавокъ, служащія для защиты отъ дождя. Тутъ-же устроено небольшое капище богинѣ Саменъ.

Пилигримы никогда не остаются ночевать на вершинѣ, считая, что жить тамъ достойны только священники. Они лишь прикладываются къ стопѣ и обнимаютъ другъ друга; дѣти воздаютъ знаки почтенія родителямъ, и прослушавъ молитву и принеся въ жертву большею частью цвѣты, всѣ спускаются обратно.

Съ вершины Адамова пика открывается одинъ изъ роскошнѣйшихъ видовъ на островъ. Одѣтые густыми лѣсами склоны даютъ видѣть ущелья и пропасти; ниже виднѣются пѣнящіяся рѣки, еще далѣе—обработанныя пространства. Къ сожалѣнію, густыя облака уже закры-

вали пикъ, когда я достигъ его вершины, и лишь клочками и участками въ прорѣхи между плававшими облаками можно было видѣть эти пейзажи. Вскорѣ облака насъ закутали со всѣхъ сторонъ. Оставалось любоваться только возвышавшимися около площадки чудными громадной величины священными деревьями рододендроновъ, въ это время года сплошь усыпанными громадными малиновыми цвѣтами.

Мой спутникъ, значительно отставшій, все еще не показывался. Между тѣмъ, на вершинѣ пика сталъ накрапывать дождь и холодный вѣтеръ пронизывалъ до костей. Я занялся ближайшимъ разсмотрѣніемъ стопы. Эта большая, нѣсколько болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ окружающая гранитная масса, впадина имѣла, конечно, отдаленное сходство со стопою исполина. Такъ-какъ, ничѣмъ не покрытая, она вполне была доступна взорамъ, то можно было убѣдиться, что имѣешь дѣло не съ искусственно выбитою стопою, но съ дѣйствительною игрою природы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ стопа эта живо напомнила мнѣ темныя впадинки, которыя попадались неоднократно при восхожденіи и изъ которыхъ однѣ были похожи на стопы младенцевъ о трехъ пальцахъ, другія нѣсколько напоминали отпечатки рукъ. Адамова стопа такая-же впадина, только болѣе крупная и болѣе похожая на человѣческую стопу, почему лично у меня осталось убѣжденіе, что эта стопа, знаменитая sree-pada, есть не что иное, какъ слѣдствіе особеннаго строенія гранита, изъ котораго состоитъ Адамовъ пикъ. Мѣстами въ гранитѣ этомъ являются различной, болѣе или менѣе причудливой формы скопленія легче другихъ вывѣтривающихся кристалликовъ. Гнѣзда эти подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей разсыпаются въ песокъ и вывѣтриваются, оставляя впадинки, къ какимъ принадлежитъ и отпечатокъ стопы нашего прародителя.

Наконецъ, появился и г. Южаковъ, совершенно изнуренный. Ведшіе его сингалезы также порядкомъ вы-

бились изъ силъ; но низкая температура вершины пика, повидимому, была имъ непріятнѣе, чѣмъ усталость: они дрожали какъ осиновые листья, и я никогда въ жизни еще не видѣлъ, чтобы люди могли такъ страдать отъ холода, какъ эти несчастные индусы.

Поэтому и мы недолго прохлаждались на площадкѣ. Надо было спѣшить внизъ; времени до заката оставалось немного. Между тѣмъ спускъ по скользкимъ обрывамъ былъ тяжелѣе и опаснѣе подъема. Невольно задавалъ я себѣ вопросъ, какъ-же поднимались здѣсь ранѣе до тѣхъ поръ, пока не погибъ здѣсь знаменитый Дхарма Байа, изображеніе котораго высѣчено на скалѣ и который заповѣдалъ сдѣлать на самомъ опасномъ мѣстѣ спуска сто-сорокъ засѣчинъ. Еще болѣе улучшена была дорога во время путешествія принца Вольдемара прусскаго.

Я едва поспѣлъ къ закату выйти изъ предѣла лѣса, оставивъ на попеченіе проводниковъ г. Южакова, сильно отъ меня отстававшаго. Въ хижинѣ, на опушкѣ лѣса, гдѣ начиналась первая чайная плантація, меня встрѣтили на ней работавшіе кули. Они приняли меня весьма гостепріимно, предложили отдохнуть и угостили бананами, ихъ единственнымъ запасомъ пищи. Они не говорили по-англійски. Опасаясь за участь товарища и видя, что быстро темнѣетъ, я имъ знаками объяснилъ, что ожидаю еще одного человѣка съ горы. Они, понявши меня, засуетились, достали откуда-то факелы и отправились въ лѣсъ, навстрѣчу г. Южакову, и черезъ полчаса, уже во мракѣ ночи, они вернулись съ моимъ спутникомъ. Отдохнувъ въ хижинѣ гостепріимныхъ рабочихъ, мы свѣтлою лунною ночью быстро спустились между чайныхъ плантацій на равнину, гдѣ оставили лошадей, и нашли тамъ нашего третьяго товарища, погруженнаго въ объятія Морфея. Благополучно достигли мы тою-же ночью станціи и на другой день были уже на борту «Петербурга».

Кратковременная остановка въ Суэцѣ и экскурсія въ прибрежныя пустыни не представили ничего интереснаго. Знакомыя уже читателю картины канала и Архипелага вновь стали развертываться передъ нашими глазами. Въ Мраморномъ морѣ мы еще въ лѣтнихъ тропическихъ костюмахъ обѣдали на ютѣ. При входѣ въ Черное море стало холоднѣе. Его воды казались совершенно черными, оправдывая названіе моря.

Не безъ трепета радости послѣ долгаго и непріятнаго плаванія увидѣли мы родные русскіе берега. И странно какъ-то было на другой день при двадцати-градусномъ морозѣ мчаться на поѣздѣ въ Харьковъ, когда голова была еще полна впечатлѣніями жаркихъ тропиковъ и картинами ихъ чудной растительности.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Путешественникъ, побывавшій на дальнемъ востокѣ Азіи нѣсколько мѣсяцевъ, хотя-бы предварительно и былъ съ нимъ знакомъ по литературнымъ источникамъ, впадетъ въ грубую ошибку, если рѣшится дѣлать выводы и заключенія изъ своихъ слишкомъ мимолетныхъ впечатлѣній. Надо жить въ краѣ, надо много лѣтъ изучать его, чтобы имѣть право составить о немъ приговоръ. Понятно, поэтому, что и я, на основаніи своихъ впечатлѣній объ островахъ далекаго Востока, не могу здѣсь дѣлать какихъ-либо обобщеній.

Но помимо выводовъ, вытекающихъ какъ результатъ изученія края, проѣзжающій выноситъ изъ него извѣстное общее, иногда даже не поддающееся точному анализу впечатлѣніе. Кто бывалъ хотя-бы очень короткое время въ Западной Европѣ, въ Туркестанѣ или на Кавказѣ, тотъ навѣрное покидалъ эти страны подъ извѣстнымъ, вполне определеннымъ настроеніемъ; дѣлясь имъ съ другими, тамъ бывавшими лицами, онъ зачастую убѣждается, что и они выносили изъ своихъ поѣздокъ приблизительно то-же впечатлѣніе, хотя-бы никто изъ людей этихъ и не тратилъ своего времени на спеціальное изученіе этихъ странъ. Эта одинаковость заключеній говоритъ въ пользу ихъ вѣрности.

Вотъ о такомъ-то субъективномъ впечатлѣніи, вынесенномъ мною изъ путешествія по дальнему Востоку, мнѣ и хотѣлось-бы поговорить.

Рядъ моихъ предшествовавшихъ очерковъ представлялъ путевыя письма, въ которыхъ я излагалъ мои впечатлѣнія такъ, какъ они ложились во время пути, оставливаясь подробнѣе на томъ, что тогда болѣе бросалось въ глаза, опуская или мало говоря о явленіяхъ и предметахъ, въ тотъ моментъ казавшихся мнѣ второстепенными.

Теперь, когда болѣе года прошло послѣ моей поѣздки, и впечатлѣнія улеглись въ одну общую картину, дальній Востокъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой изъ посѣщенныхъ мною краевъ, несмотря на крайнее на первый взглядъ несходство такихъ странъ, какъ Японія, Владивостокъ, Ява и бассейнъ Янъ-Тсе, представляется въ воображеніи моемъ какъ нѣчто цѣльное, имѣющее общія и необыкновенно рѣзко выраженные черты. Это такое-же цѣлое, какъ Соединенные Штаты, какъ Западная Европа, какъ Туркестанъ.

Несмотря на различія въ климатѣ, культурѣ и населеніи разныхъ частей дальняго Востока, въ немъ есть нѣчто такое, что связываетъ всѣ эти разнородныя части и даетъ возможность противопоставлять ихъ Европѣ или Сѣверной Америкѣ.

Нигдѣ въ мірѣ не имѣемъ мы отъ самаго экватора и почти до полюсовъ тянущейся полосы такого равномерно (въ растительный періодъ) влажнаго и (на островахъ) подверженнаго сравнительно малымъ колебаніямъ климата. На всемъ востокѣ Азіи поэтому растительность носитъ отпечатокъ той роскоши, того богатства, съ которымъ почти незнакомъ нашъ Западъ. Это царство деревьевъ, лѣса. Лѣсъ господствуетъ всюду, гдѣ не истребилъ его человѣкъ,—онъ является и на пашнѣ, стоитъ человеку немного ее запустить. На Цейлонѣ и на Явѣ заброшенные города превратились въ дѣвственный лѣсъ. Но не въ территоріальномъ только господствѣ деревьевъ, во многихъ мѣстахъ въ некультурной природѣ даже исключаящихъ совершенно лугъ, пастбище, или позволяющихъ расти

только папоротнику и грубому злаку на мѣстѣ порубокъ, лежитъ сила здѣшней растительности—она заключается въ безконечномъ разнообразіи ея. Лѣса востока Азіи суть лѣса смѣшанные, состоящіе изъ представителей разнообразнѣйшихъ родовъ и семействъ. Они выдерживаютъ характеръ этотъ не только подъ тропиками, гдѣ и самъ Богъ повелѣлъ царствовать древеснымъ породамъ, но и на сѣверѣ Японіи и въ подверженномъ холодному дыханію сибирскаго мороза Уссурійскомъ краѣ. Даже на забытомъ Богомъ Сахалинѣ черта эта бросается въ глаза. Въ почти гиперборейскомъ климатѣ съ изумленіемъ видишь громадный выборъ древесныхъ формъ, и это особенно поражаетъ русскаго сѣверянина, привыкшаго на необозримой равнинѣ своей встрѣчать всего какихъ-нибудь восемь породъ деревьевъ, различнымъ образомъ комбинирующихся другъ съ другомъ или образующихъ безконечные и однообразные боры и тайги.

Вездѣ, гдѣ климатическія колебанія не рѣзки, разнообразіе лѣса выражается вѣчнозелеными лиственными деревьями; эти вѣчнозеленые отголоски идутъ до самаго Сахалина, хотя здѣсь, какъ и на горахъ Японіи, они вырождаются въ приземистыя карликовыя деревца и кустарники, вродѣ азалій, рододендроновъ и т. п. Гдѣ зимы суровы, деревья роняютъ свою листву. Но и число широколиственныхъ роняющихъ листву породъ гораздо значительнѣе, чѣмъ у насъ. Въ него входятъ деревья нашимъ краямъ несвойственныхъ субтропическихъ семействъ *Araliaceae*, *Ternstroemiaceae*. Въ лѣсахъ этихъ, несмотря на суровыя, чисто русскія зимы, вьется по стволамъ дикій виноградъ и цѣлый рядъ деревянистыхъ ліанъ.

Въ влажномъ воздухѣ развивается на сырой почвѣ въ теплые лѣтніе дни травянистая флора паразитальной высоты, вплоть до сѣвера Сахалина и Камчатки, возсоздающая иллюзію тропическихъ джунглей.

Весь колоритъ здѣшней растительности въ полной зависимости отъ влажнаго климата и сырой почвы. Типич-

нѣйшими произведеніями ихъ являются слѣдующія чисто восточно-азіятскія растенія: рисъ и бамбукъ, на влажныхъ съ глинистою почвою низинахъ, и чай и вѣчно зеленныя, или хвойныя породы на склонахъ и каменистыхъ обрывахъ. Этою флорою опредѣляется вся обстановка здѣшняго населенія; характернѣйшія черты его культуры связаны съ нею.

Для насъ, жителей Запада, рисъ и бамбукъ растенія столь непривычныя, что большинству они извѣстны лишь по картинкамъ; многіе не видѣли ихъ совсѣмъ; тѣ-же, кто видѣлъ чахлые бамбуки теплицъ, или рисовыя поля Туркестана и Италіи, все-же не могутъ составить и слабаго представленія о ландшафтахъ рисовой и бамбуковой культуры. Наоборотъ, на востокъ Азіи наши хлѣбныя растенія, виды деревъ, украшающіе сады деревенскихъ жителей, можно сказать рѣдкіе, непривычные гости. На воздѣланной почти сплошь Явѣ нельзя встрѣтить ни колоска пшеницы; муку сюда доставляютъ изъ Австраліи, хлѣбъ вы увидите только у европейцевъ, винограда, яблокъ, грушъ вы не найдете вовсе—и какъ особенную рѣдкость во время посѣщенія Явы нашими великими князьями имъ преподнесли арбузъ.

Въ Японіи и юго-восточномъ Китаѣ пшеница хотя и воздѣлывается, но какъ огородное растеніе. Врядъ-ли кто изъ нашихъ степныхъ жителей, привыкшій къ необозримымъ нивамъ нашимъ, назвалъ-бы полемъ тѣ нѣскольکو квадратныхъ саженой, на которыхъ на грядкахъ, иногда чередуясь съ кустами чая, сои или какого другого растенія, разсажены пучечки знакомаго намъ злака. Еще меньшее право гражданства имѣютъ другіе наши хлѣбные злаки, и самое слово хлѣбъ—понятіе, совершенно неизвѣстное у туземцевъ дальняго востока Азіи. Хотя груши и яблоки и пробуютъ разводить въ Японіи, но кто хотя разъ попробовалъ эти кисло-сладкія деревяшки, тотъ никогда не осмѣлится назвать ихъ фруктами. Вина, какое пьемъ мы, европейцы, Восточная Азія не знаетъ

также. Зато культура риса и бамбука проходитъ черезъ всѣ ея страны. Отъ тропической Явы или даже еще съ Цейлона—сельскій ландшафтъ представляетъ все тѣ-же много разъ нами описанныя изумрудно-зеленныя ступене-образно спускающіяся къ ручьямъ террасы съ журчащею по нимъ водою.

Нашъ деревенскій ландшафтъ съ птичьяго полета представился-бы ковромъ изъ безконечнаго количества заплатъ или чѣмъ-то вродѣ тѣхъ сшитыхъ изъ разнообразнѣйшихъ лоскуточковъ одѣялъ, какія шьютъ на свои постели наши крестьяне. Напротивъ, деревня дальняго Востока, съ птичьяго полета представилась-бы пространствомъ неправильно вымощеннымъ, смотря по времени года, зелеными, желтыми или зеркальными плитами, среди которыхъ тамъ и сямъ высятся островки зелени—настоящія селенія. Ихъ холмы и горы явились-бы не заплатанными, но или одѣтыми кустарникомъ или превращенными въ разнокалиберныя ступени различныхъ культуръ.

Я не могу себѣ представить также сельскаго пейзажа дальняго Востока безъ того, чтобы на первомъ планѣ его не красовалось нѣсколько букетовъ зелени бамбука. Этотъ бамбукъ на Явѣ имѣетъ видъ исполинскаго снопа, передъ которымъ наши высокія березы показались-бы лишь низкимъ кустарникомъ; въ Японіи-же онъ кажется высокимъ, издали напоминающимъ наши ивняки, лѣсомъ. Но вблизи этотъ лѣсъ оказывается гораздо изящнѣе, такъ какъ его глянцовитые колѣнчатые стволы гораздо красивѣе ивовыхъ, вѣтви-же съ оригинальною листвою давно плѣнили мѣстныхъ художниковъ. Здѣсь нѣтъ, можно сказать, ни одного произведенія изящнаго искусства, гдѣ бы не играла роли вѣтка бамбука съ его остроконечными листьями. До самаго Сахалина и холодныхъ, закутанныхъ въ туманъ Курильскихъ острововъ, гдѣ бамбукъ является въ видѣ *Arundinaria kurilensis*, идетъ этотъ типъ растенія, придавая ландшафтамъ особенный, только этой области земного шара свойственный колоритъ.

Если рисъ не распространяется такъ далеко къ сѣверу, какъ бамбукъ, и вступая съ русскія владѣнія вы вновь какъ-бы попадаете въ поясъ родной культуры пшеницы, ржи и ячменя, то это происходитъ вовсе не потому, чтобы нашъ Востокъ представлялъ для того особаго удобства. Мы захватили бассейнъ Амура ранѣе, чѣмъ китайцы успѣли его заселить и занять своей болотной рисовой культурой. Сами китайцы, повидимому, не шли сюда, потому-что для риса здѣсь было слишкомъ холодно. Мы замѣнили рисъ нашими хлѣбными злаками, но ради нихъ мы должны были пойти противъ природы. Извѣстно, что прибережная полоса нашей Приморской области слыветъ подъ именемъ мокрой стороны. Земледѣльцы ея избѣгаютъ, стремясь вглубь страны. Манзы разводятъ только овесъ.

Усиленный дренажъ, разсадка хлѣбовъ рядами, расположенными понаправленію господствующихъ вѣтровъ—все это ухищренія, совершенно несвойственныя нормальной культурѣ нашихъ хлѣбовъ. И несмотря на то, спорынья и множество другихъ грибковъ развиваются на здѣшнихъ злакахъ, свидѣтельствуя, что новое отечество послѣднимъ мало подходяще. Еще менѣе благопріятное впечатлѣніе производятъ длинныя, поздно цвѣтушія соломины сахалинской ржи.

Глядя на всѣ восточно-сибирскіе мочежинники, болота и топи, на широкія, заливаемые водою рѣчныя долины и елани, я мысленно покрывалъ ихъ другимъ злакомъ, почти неизвѣстнымъ нашимъ агрономамъ, но которымъ давно уже питались цѣлыя орды краснокожихъ, собирая его въ дикомъ состояніи по болотамъ Сѣверной Америки. Это дикій рисъ—*Zizania aquatica*, замѣняющій въ сырыхъ и холодныхъ странахъ рисъ странъ тропическихъ.

Мы, русскіе, слишкомъ избалованы судьбою, чтобы заниматься культурой этого полудикаго злака. Но манзы, привыкшіе пачкаться въ болотной грязи рисовыхъ культуръ, рано или поздно не преминутъ воспользоваться

злакомъ, уже въ дикомъ состояніи могущимъ давать питательную кашу. Никто его не пробовалъ облагородить. Отборъ и тщательная культура могли-бы сдѣлать съ нимъ чудеса—и кто знаетъ, современемъ Восточная Сибирь, вплоть до Камчатки, съ его помощью стала-бы культурною страной.

Рисъ и бамбукъ опредѣляютъ пищу и обстановку восточнаго азіата. Они его воспитываютъ такъ-же, какъ конь воспиталъ киргиза и волъ малоросса.

Какая громадная разница между культурою нашихъ полей и восточно-азиатскимъ земледѣліемъ, будь это первобытное земледѣліе малайца или высокая интенсивная культура китайца! Земледѣлецъ Запада безжалостный хищникъ. Это Каинъ, не только убившій скотовода Авеля, но съ чисто окаянною алчностью безбожно грабящій землю. То, что дѣлаетъ въ имѣніи своемъ русскій помѣщикъ, то дѣлаетъ въ Сибири мужикъ, то дѣлалъ нѣкогда въ Германіи нѣмецъ, пока горькій опытъ не заставилъ его болѣе уважать землю. Но вырвавшись на просторъ русской степи или американской преріи, онъ вновь обращается къ своей прежней грабительской системѣ.

Сорвать съ земли красу ея—лѣса, исковырять ея луга и степи, лишивъ ихъ естественнаго покрова растительности, исказивъ всѣ нормальныя условія обмѣна влаги и воздуха, засорить и загадить рѣки, превратить въ безбрежныя безобразныя пашни милліоны десятинъ, расплодить вредныхъ паразитовъ и плевелы, и въ завершеніе всего покрывать эту надруганную, обезображенную землю изъ года въ годъ все тѣми-же растеніями—вотъ пріемъ окаяннаго европейскаго земледѣлія.

Если земля уродитъ хорошій сборъ хлѣбовъ—какъ результатъ хищнической системы—народъ задыхается отъ изобилія. Ему некуда дѣвать плодовъ своихъ, они гніютъ на корнѣ неубранные, распложаютъ мышей въ амбарахъ, вызываютъ безстыдныя сѣтованія на, какъ ни постыдно звучитъ это слово, «разоряющее изобиліе»—плодъ ненасыт-

ной жадности. Когда-же обезображенная, поруганная, лишенная подобія своего почва, изъ году въ годъ выпахиваемая, изъ году въ годъ истощаемая, откажется, наконецъ, воздавать сторицею за зловерный трудъ, когда она, жертва безсовѣстной утонченной эксплуатаціи, оскудѣетъ, новое горе—неурожай. И хищныя толпы покидаютъ родное изгаженное пепелище, чтобы въ новыхъ странахъ продолжать свое дѣло разрушенія и истощенія. Всѣ эти плуги, сохи, паровыя и ручныя молотилки и другія изобрѣтенія заграничныхъ земледѣльческихъ фирмъ—не суть-ли это все орудія пытки для родной матери земли, не есть-ли каждое изъ нихъ лишь средство скорѣе вырвать изъ нѣдръ ея остатки ея силы и богатства и скорѣе обратить его въ презрѣнный металлъ?.. И какъ будто природа должна давать все человѣку—эксплоататору, смотрящему на трудъ свой какъ на тягость, искони вѣковъ считающему Божьимъ проклятьемъ свою участь—въ потѣ лицъ своего ѣсть свой хлѣбъ.

Рисъ по самой природѣ своей противоположенъ ржи и пшеницѣ. Это злакъ, искони вѣковъ говорившій человѣку: чѣмъ больше труда затратишь ты на меня, тѣмъ лучше я тебя вознагражу. Одно зерно мое дастъ тебѣ больше, чѣмъ тысяча зеренъ, разсѣянныхъ на десяткахъ квадратныхъ саженой, если ты не полѣнишься поухаживать за мною. Культура риса поэтому воспитала все земледѣліе дальняго Востока.

Вмѣсто того чтобы тратить трудъ свой на захватъ громадныхъ территорій, на распаханіе тысячъ десятинъ, чтобы видѣть потомъ гибель капитала и труда отъ случайнаго каприза природы,—все вниманіе жителя Восточной Азіи обращается на самое растеніе. Каждый стебелекъ есть его дѣтище. Его онъ проростилъ на отдельной грядкѣ, его собственноручно онъ посадилъ въ нужное время въ подготовленное поле. За развитіемъ cadaго перышка слѣдилъ онъ, поливая растеніе, когда нужно, жидкимъ удобреніемъ. И зерно дало ему кустъ,

несущій столько колосьевъ. сколько не дастъ ихъ горсть сѣмянъ, ловко брошенная на пашню искуснымъ сѣятелемъ. Такъ ухаживаетъ садовникъ за любимымъ растеніемъ. Это есть дѣйствительное растеніеводство, а не эксплуатація земли съ помощью растенія.

Земля въ азіатскомъ земледѣліи играетъ лишь роль мѣста для прикрѣпленія корней растенія. Его пища, его питье доставляется ему человекомъ, точно какъ по счету возвращающимъ землѣ все, что взяло растеніе. Самъ человекъ есть лишь посредникъ. Всѣ свои отбросы онъ отдастъ землѣ, а земля изъ нихъ воспитываетъ растеніе, которое ими кормится, какъ кормятся животныя изъ отбросовъ хозяйства.

Понятно, что при такомъ уходѣ не много надо земли, чтобы прокормить семью. Ее кормить не земля, а влагаемый въ нее трудъ. Это принципъ рисовой культуры, и онъ одинаково сказывается и въ малайской, и въ сингапурской, и въ японской культурѣ. Одна усовершенствованная, другая—грубая, но обѣ онѣ основаны на трудѣ, который одинъ вознаграждаетъ человека. Трудъ есть стимулъ жизни для востока Азіи; это не тяжелое бремя жизни, но самая жизнь, самая суть жизни; онъ благословляетъ жизнь. На немъ основываетъ свое благосостояніе китаецъ и японецъ,—и если яванецъ еще мало думаетъ о немъ, то только потому, что слишкомъ щедро вознаграждаетъ его природа.

Съ удовольствіемъ, съ улыбкою, съ веселою пѣснью работаетъ житель дальняго Востока—будь это тяжелый трудъ угольщика, грузящаго военное судно чужой націи, изнурительная бѣготня джинрикши, садка риса въ жидкую грязь подъ тропическимъ ливнемъ, или отдѣлка изящнаго клоазонне—плодъ мелочной кропотливой работы ремесленника.

То, къ чему мы приложили много труда, намъ дорого. Поэтому дорого азіату то маленькое поле, на которое нетолько онъ, но и предки его затратили столько

труда, поле, близъ котораго похоронены кости его предковъ, надъ которымъ вмѣстѣ съ богами-покровителями витають ихъ души. Азіатъ никогда не бросить своего поля безъ крайней нужды. Лучше онъ усилить до послѣдней степени его обработку, чѣмъ уйdetъ на чужбину искать новой земли.

Земледѣлецъ Европы и въ особенности нашъ южно-русскій мужикъ и баринъ, изгадивъ, обобравъ, опустошивъ свой край, сами гнушаются созданной ими мерзости и въ природѣ и въ человѣческихъ отношеніяхъ. И тогда мужики цѣлыми толпами безсознательно, какъ стадо, бѣгутъ искать новыхъ земель, новаго поприща для разрушенія и обиранія, а баринъ ѣдетъ за границу проживать награбленное у природы и людей богатство вдали отъ содѣяннаго имъ преступленія.

Напрасно русскій человѣкъ съ ужасомъ взираетъ на четырехсотмилліонное населеніе собственнаго Китая. Если даже оно и дѣйствительно такъ велико, оно не затопитъ насъ. Надо чтобы слишкомъ скверно жилось на родинѣ китаецу, чтобы онъ рѣшился ее покинуть. Или надо чтобы его извергли изъ его семьи. Тогда только онъ пойдетъ на заработокъ въ чужую страну, но жить всегда предпочтетъ у себя дома.

Отъ Владивостока до Батавіи и Коломбо туземецъ основною своею пищею имѣетъ вареный рисъ—въ такой степени разваренный, какимъ его обыкновенно готовятъ для кутьи. Завернутый въ банановые листья, сваренный съ сокомъ ѣдкихъ кореньевъ, онъ продается въ съѣстныхъ лавкахъ яванскихъ поселковъ или готовится на дому. Въ деревянныхъ бадьяхъ подаютъ его японцы къ обѣду и разложивъ въ свои чашечки, съ чаемъ или иною приправою палочками ѣдятъ его за обѣдомъ. Если отбросить лукулловскіе пиры китайскихъ мандариновъ и японскихъ богачей, рисъ вездѣ есть основное блюдо всякаго обѣда. Это одновременно и хлѣбъ и каша нашего простолюдина. Но въ Азіи это *pièce de resistance* не одного только

простолюдина. Это всеобщій элементъ питанія. Всѣ безчисленные блюда японской, китайской и малайской кухни—все это лишь приправы и закуски, имѣющія конечною цѣлью скрасить саму по себѣ однообразную и безвкусную пищу—вареный рисъ.

Рисовая культура вызываетъ страшную скученность населенія. Пска, какъ на Явѣ, еще есть возможность расширять рисовую территорію деревни; мы видимъ нѣчто вродѣ общины, хотя передѣлы въ ней рѣдки, и обыкновенно только смерть наслѣдниковъ влечетъ здѣсь возвращеніе поля въ общее пользованіе. Въ большинствѣ же случаевъ поле есть собственность семьи, переходящая изъ рода въ родъ и возвращающаяся государству только въ томъ случаѣ, если родъ не обрабатываетъ ея, или вымираетъ.

Поле это обработано такъ, что на немъ нѣтъ клочка свободной земли. Горы, какъ мы знаемъ, здѣсь развѣ только на вершинахъ имѣютъ пастбища. Внизу онѣ или заростають лѣсомъ, или идутъ подъ плантаціи. Потому, скотоводство въ густо населенныхъ странахъ Востока слабо. Скотъ, какъ у нашихъ малоземельныхъ крестьянъ, выпасають на межинахъ на веревочкѣ и кормятъ всякими суррогатами сѣна.

Такимъ образомъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Россіи, народъ здѣсь живетъ растительной, скажемъ общѣ, постной пищей, такъ-какъ на островахъ и побережьяхъ рыбы, раки и другіе морскіе продукты, составляютъ важное подспорье.

Отъ Явы до Мацмая, поэтому, вниманіе земледѣльца обращено на культуру питательныхъ растений, цѣль которыхъ—разнообразить рисовый столъ своимъ ѣдкимъ и ароматнымъ вкусомъ, или давать замѣняющія мясо бѣлковыя вещества. Потому-то, если подъ тропиками лѣсъ плодовыхъ и пряныхъ деревьевъ, окружающій деревню азіата, избавляетъ его отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, разъ только мы войдемъ въ умѣренный поясъ—у туземца все

что не занято рисомъ—есть какъ-бы обширный огородъ съ разбросанными плодовыми деревьями, источникъ замѣняющихъ мясо растеній, подборъ и питаніе которыхъ, какъ мы видѣли, поистинѣ замѣчательны.

Что даетъ рисъ для образа жизни и отношенія къ землѣ, то бамбукъ даетъ на Востокѣ для обстановки жилища. Можно сказать, все окружающее человѣка мѣняется тамъ, гдѣ растетъ этотъ полезный злакъ. Дерево и кирпичъ фигурируютъ лишь въ постройкахъ европейца. Постройка туземца легка. Она сквозная; ея архитектура, способъ устройства—все обусловлено этимъ злакомъ. Онъ составляетъ всю домашнюю утварь. Сельскохозяйственные сооруженія состоятъ также болѣе чѣмъ на половину изъ бамбука. Мосты, водопроводы—все здѣсь изъ стволовъ этого растенія.

Чай, который я упоминалъ въ числѣ характерныхъ для края растеній, играетъ меньшую роль въ пищѣ. На Зондскомъ архипелагѣ это еще новинка. Кофе гораздо болѣе, чѣмъ чай, фигурируетъ въ обстановкѣ. Но зато сѣвернѣе, какъ читатель могъ видѣть, напитокъ этотъ играетъ столь важную роль въ общежитіи населенія, что развѣ только пиво у нѣмцевъ можетъ играть подобную роль. По Японіи немислимо сдѣлать за городомъ переѣзда, который-бы длился болѣе получаса безъ того, чтобы не остановиться въ чайномъ домикѣ. При приѣмѣ гостя чашка чаю подается по извѣстнымъ правиламъ — необходимая форма вѣжливости — почти столь-же неизбѣжная, какъ у насъ предложить стулъ вошедшему. Не менѣе важную роль чай играетъ и въ Китаѣ. Китайскіе чайные дома для его населенія значать гораздо болѣе, чѣмъ наши трактиры, и развѣ только пивныя Германіи имѣютъ столь аккуратныхъ посѣтителей.

Интенсивность культуры на равнинахъ, при бѣдности горами, хорошими пастбищами, влечетъ за собою для востока Азіи другое слѣдствіе—чрезвычайную малочи-

зленность скота вообще и въ особенности лошадей. Хотя лошадь, буйволъ и особой породы цейлонскій рогатый быкъ и могутъ быть названы помощниками человѣка на дальнемъ Востокѣ—однако роль ихъ въ цивилизаціи этого края совсѣмъ не та, что у насъ. Хозяйство здѣшнее есть хозяйство безлошаднаго крестьянина, замѣнившаго, кажется вездѣ, гдѣ только возможно, собственною своею силою трудъ животнаго. Даже у насъ, на Сахалинѣ, лошадь еще рѣдкость. На громадныя разстоянія страшныя тяжести переносятся на людяхъ, поля обрабатываются людьми—и этотъ трудъ, на который русское общество обрекло лишь каторжниковъ, кажется нормальнымъ и естественнымъ жителямъ окрестныхъ странъ. Что значить онъ, на примѣръ, для японца, который ногами своими вертитъ цѣлыя сутки водочерпательное колесо, чтобы на ровной мѣстности изъ сосѣдняго канала провести воду на свое рисовое поле? Здѣсь человѣкъ впрягается въ экипажъ и тащитъ цѣлыя версты силою своихъ мускуловъ себѣ подобнаго, или, какъ въ Китаѣ, несетъ его на своихъ плечахъ. Въ краяхъ этихъ дороги поэтому узки и гладки—точно устроены для велосипедистовъ—или ихъ нѣтъ даже вовсе, какъ на примѣръ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая по Янъ-тсе-Кіангу. Здѣсь давно люди пахутъ поля другъ на другѣ, и это не удивляетъ здѣсь никого.

Самъ побывавъ въ шкурѣ рабочаго животнаго, не столько по духу буддійской религіи, сколько въ силу сознанія оказываемой ему пользы, азіате Востока чрезвычайно нѣженъ со своимъ животнымъ. Здѣсь умѣстнѣе общество покровительства рабочимъ людямъ, чѣмъ животнымъ. Въ этихъ послѣднихъ туземцы признали помощниковъ и друзей человѣка и притомъ друзей, содержаніе которыхъ стоить гораздо дороже, чѣмъ содержаніе батрака.

Я слишкомъ мало былъ на дальнемъ Востокѣ, чтобы провѣрить то мнѣніе, что жизнь для азіата—гораздо

меньшая драгоцѣнность, чѣмъ для европейца, что онъ идетъ на самоубійство или приговариваетъ другого къ смерти въ тѣхъ случаяхъ, когда европейцу и въ голову не пришла-бы мысль объ уничтоженіи жизни. Но что жизнь въ глазахъ жителя дальняго Востока есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ нашихъ глазахъ—это несомнѣнно, такъ-какъ, какова-бы ни была религія, исповѣдуемая на томъ или иномъ островѣ, міровоззрѣніе у всѣхъ здѣсь сходно. Всѣ здѣсь вѣрятъ въ безсмертіе души, въ возможность общенія съ духомъ умершаго, и даже магометане-малайцы имѣютъ празднества въ честь усопшихъ.

Любимое во многихъ произведеніяхъ индусской и китайской поэзіи сравненіе даетъ прекрасное понятіе о томъ, какъ понимаетъ жизнь большинство населенія. Сравненіе это, быть можетъ, навѣяно буддизмомъ, но идея его существуетъ также и у народовъ, буддизма не исповѣдующихъ.

Жизнь человѣка подобна каплѣ воды, вызванной дѣйствіемъ луча изъ морской поверхности. Падая снѣжинкою на высокія вершины Гималая, капля эта сбѣгаетъ въ равнину. Здѣсь она многократно воплощается въ тѣлѣ растеній, то загрязняясь въ пашнѣ, на дорогѣ и въ полномъ нечистотѣ селеніи, то вновь очищаясь въ ткани нѣжнаго цвѣтка. Конечная цѣль ея длиннаго странствія быть вынесенной однимъ изъ притоковъ въ священную рѣку Гангъ—и окончить свое странствіе въ безбрежномъ океанѣ, слившись съ нимъ, сдѣлавшись въ немъ безличною. Подобно этой каплѣ, душа, явившись въ міръ, многократно воплощается въ тѣлахъ людей и животныхъ. Она падаетъ въ грѣховной грязи, возрождается для очищенія въ тѣлѣ мученика или неудачника съ тѣмъ, чтобы слиться въ невѣдомой нирванѣ и получить путемъ прогрессивнаго совершенствованія избавленіе и очищеніе отъ тяжестей земного странствія.

При этой идеѣ человѣкъ, умирая, еще не кончаетъ

жить, онъ разстается только съ настоящимъ своимъ тѣломъ, и если тѣло это было ему темницею—заря лучшей жизни его озаряетъ. Ему не предстоитъ быть сейчасъ же судимымъ, ждать приговора за содѣянные въ краткую жизнь его дѣла на вѣчную муку или вѣчное блаженство. Для него кончился лишь актъ—изъ многоактной драмы, въ которой горя больше, чѣмъ смѣха, огорченій больше, чѣмъ радости. Съ дѣтства внушенъ ему этотъ взглядъ на жизнь. Потому онъ хладнокровнѣе смотритъ на горе, въ смерти видитъ скорѣйшее приближеніе къ окончанію этой многоактной драмы.

Но помимо этого міровоззрѣнія, на всей жизни населенія Востока лежитъ тотъ отпечатокъ, если можно такъ выразиться, земледѣльческой религіи, которая свойственна полудицивилизованнымъ народностямъ, связавшимъ судьбу свою съ судьбою своего поля. Наряду съ чисто матеріалистическимъ ученіемъ Конфуція, пессимистической религіей Будды, проповѣдями Магомета и высоко-нравственными догматами Лао-дзе, народъ исповѣдуетъ ту естественную религію, которую въ чистомъ ея видѣ вы можете изучать у айновъ и гиляковъ острова Сахалина. Эта религія стремится объяснить все непонятное—существованіемъ невидимыхъ духовъ, добрыхъ и злыхъ, живущихъ въ горахъ и моряхъ; въ числѣ этихъ духовъ могутъ быть и души великихъ людей и славныхъ предковъ. Чѣмъ отъ большаго числа явленій зависитъ жизнь или удача предпріятія человѣка,—тѣмъ больше необходимости прибѣгать къ содѣйствію этихъ духовъ, то какъ самостоятельныхъ силъ, то какъ посредниковъ между людьми и Богомъ. Мало-по-малу къ нимъ по преимуществу привыкаетъ обращаться человѣкъ: имъ устраиваетъ свои моельни, имъ приноситъ жертвы—и ихъ винить въ своихъ несчастіяхъ.

Никакая профессія не зависитъ отъ столь различныхъ причинъ, случайностей и капризовъ, какъ занятіе земледѣльца. А потому, что-же удивительнаго, что отъ Японіи

и до Явы и Цейлона—люди обращаются къ своимъ божествамъ за тѣми-же самыми пособіями и съ тѣми-же просьбами, съ какими у насъ къ Николаю угоднику, Власію и другимъ святымъ, и также служатъ молебны о ниспослании дождя.

Исповѣдующіе исламъ яванцы вѣрятъ не менѣе другихъ язычниковъ въ домовыхъ, въ различнаго рода чертей и въ благодѣтельныхъ дѣвъ, къ которымъ они и обращаются въ трудныя минуты жизни.

Населеніе дальняго Востока земледѣльческое болѣе, чѣмъ какое другое—вотъ почему всѣ особенности культа земледѣльской жизни бросаются здѣсь съ особою рѣзкостью въ глаза.

Вся промышленность здѣсь въ сущности промышленность кустарная, и если мы восхищаемся изяществомъ отдѣлки японскихъ и китайскихъ работъ,—то совершенство ихъ есть слѣдствіе дешевизны труда, громадности предложенія и строгости спроса, избалованнаго изобиліемъ выбора. Впрочемъ, кто посѣщалъ фарфоровыя лавки Ханькоу, кто видалъ крестьянскую обстановку японца,—тотъ согласится со мною, что тѣ издѣлія, которыя милліонами потребляются на мѣстѣ, не такъ далеко ушли отъ нашихъ, чтобы стать недостижимымъ идеаломъ. У насъ было-бы то-же, еслибы фабрики въ зародышѣ не убивали труда кустаря.

Какъ земледѣлецъ, туземецъ Востока гостепріименъ. Ему пищу его даетъ земля—иной разъ больше, иной разъ меньше. Ему нетрудно подѣлиться съ гостемъ, и несмотря на бѣдность, китаецъ не потащитъ васъ пить и ѣсть въ ресторанъ на вашъ счетъ, чтобы не нарушить своего на строгомъ разчетѣ основаннаго бюджета. Но земледѣльская культура дальняго Востока Азіи, несмотря на массу суевѣрій и невѣжества, тѣмъ рѣзко отлична отъ нашей, что въ основу ея положено воспитаніе и образованіе. Образованный человѣкъ имѣетъ доступъ къ управленію — независимо отъ его сосло-

вія. Всякій крестянинъ, какъ-бы бѣденъ онъ ни былъ, имѣеть хотя элементарную грамотность. Искусственными мѣрами китайское правительство въ Срединномъ царствѣ, голландцы на Явѣ держать въ невѣжествѣ народную массу. Но Японія показала, какое громадное орудіе—эта грамотность массы въ рукахъ желающаго блага странѣ правительства. И мы увидѣли, что въ двадцать лѣтъ страна эта сдѣлала то, чего другая не можетъ сдѣлать въ двѣсти.

Источникомъ всей цивилизаціи Востока былъ несомнѣнно Китай. Если Индія и внесла свои идеи, то цивилизаторами края были несомнѣнно сыны неба. И лично мнѣ кажется, что за ними и будущность. Цивилизація всего Востока будетъ китайская. Подъ китайскимъ вліяніемъ полуварварская Японія стала культурною страной. Филиппины, Малакка, Зондскій архипелагъ и по крови и по цивилизаціи скорѣе сыны Китая, чѣмъ Европы.

Нигдѣ, кажется, лучше, чѣмъ здѣсь, нельзя видѣть разницы между цивилизаціею и культурою. Переѣзжайте черезъ Китайское море, и вы будете въ областяхъ различныхъ культуръ. Чтò можетъ быть менѣе сходно, какъ чистенькіе домики японцевъ, съ ихъ циновками вмѣстѣ мебели, съ ихъ любознательными, преклоняющимися передъ Западомъ, по-европейски одѣтыми хозяевами,—и грязный вонючій Китай, съ его бритыми головами и косами, съ коснѣющимъ въ суевѣріяхъ крестьянствомъ! Между тѣмъ, если отбросить недавнія европейскія заимствованія—вся японская жизнь сложилась подъ китайскимъ вліяніемъ, начиная отъ буквъ алфавита и кончая правилами этикета.

Цивилизація обѣихъ странъ общая—культура различна

Цивилизація не есть нѣчто національное, это капиталъ, подаренный человечеству его лучшими представителями. На двухъ противоположныхъ концахъ Стараго Свѣта люди трудились въ различныхъ направленіяхъ чтобы улучшить условія жизни. На почвѣ нравственныхъ доктринъ представители эти болѣе или менѣе сошлись

Любовь къ ближнему, вѣжливость и уваженіе правъ и тамъ и здѣсь легли въ основу цивилизаціи. Западъ немного лишь опередилъ Востокъ въ вопросѣ объ уваженіи женщины.

Но Западъ, устремивъ всѣ силы свои на то, чтобы изучить силы природы для грабежа этой послѣдней, изобрѣлъ паръ, электричество, машины и фабрики для массоваго производства, для грабежа природы, для эксплуатаціи слабаго капиталомъ сильнаго. Востокъ оставался ближе къ природѣ. Онъ изучалъ ее, чтобы пользоваться ею, не мѣшая другъ другу, не истощая природы чрезмерными требованіями, но такъ сказать, вступая съ нею въ обмѣнъ—личнаго труда на ея продукты. И въ лицѣ многомилліоннаго населенія Китая онъ лучше насъ разрѣшилъ задачу. Гдѣ умеръ-бы съ голоду десятокъ нашихъ мужиковъ, гдѣ отказалась-бы жить сотня нѣмцевъ или американцевъ, благоденствуютъ тысячи китайцевъ.

Теперь пришла пора обмѣна цивилизаціи Востока и Запада. Рано предвѣщать, что послѣдній возьметъ у перваго. Но мы видимъ, что какъ Японія, усвоивъ цивилизацію Китая, по культурѣ осталась тою-же Японіей и теперь остается ею-же, несмотря на крайнее увлеченіе Европою, такъ и Китай, уже строящій телеграфы, желѣзныя дороги и даже заводы и способный заимствовать еще многое отъ европейцевъ, въ концѣ концовъ все-таки будетъ Китаемъ.

Его сыны тянутся во Владивостокъ, на Яву, въ Сингапуръ, и хотя голландцы и принимаютъ ограничивающія мѣры, гораздо болѣе строгія, чѣмъ у насъ противъ евреевъ,—они не останавливаютъ ихъ наплыва. Цивилизація Востока Азіи—цивилизация китайская. Чѣмъ больше группа плантаторовъ, захватившая громадную часть тропическихъ земель будетъ сторониться отъ туземцевъ, тѣмъ скорѣе удобныя для бѣдняка черты цивилизаціи китайской будутъ ему прививаться. Чѣмъ менѣе культурныя

массы поселенцевъ будетъ выбрасывать Россія на свой Востокъ, тѣмъ болѣе будетъ ихъ глушить наплывъ рабочихъ-китайцевъ, болѣе культурныхъ и стойкихъ. Они заглушаютъ эти насажденія Запада, какъ плевелы глушатъ хлѣбъ.

Вліяніе Китая, его торговцевъ, его рабочихъ и промышленниковъ и теперь уже чувствуется внѣ его отъ Сахалина до Австраліи. Японія своимъ флотомъ на Тихомъ океанѣ хочетъ соперничать съ Англіей. Если, воспринявъ плоды европейской науки, и на научномъ поприщѣ край этотъ сдѣлаетъ то, что онъ сдѣлалъ на пути цивилизації,—его будущность блестяща, и я не знаю, правы ли окажутся тѣ, кто считаетъ, что одни европейцы и въ будущемъ, какъ въ настоящемъ, останутся двигателями прогресса.

КОРЕЯ И ЯПОНСКІЯ КОЛОНИИ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій этого года на дальнемъ Востокѣ Азіи—событіемъ, которое, быть можетъ, не останется безъ вліянія и на судьбу нашихъ восточно-сибирскихъ владѣній, — является столкновение китайскихъ и японскихъ интересовъ въ Корей. Корея на дальнемъ Востокѣ играетъ въ политическомъ мірѣ роль, весьма напоминающую роль Турціи у насъ на Западѣ. Это больной человѣкъ. Государство не энергичное, полуварварское, слабое и небогатое, оно давно не могло-бы существовать самостоятельно, еслибы въ самостоятельности его не были сильно заинтересованы другіе. Корея, какъ извѣстно, находится въ вассальной зависимости отъ Китая, къ которому, однако, тяготѣетъ настолько слабо, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ желала протектората Россіи. Россія, не слѣдуя примѣру «коварнаго Альбіона», пропустила удобный моментъ,—и Корея попрежнему осталась за Китаемъ. Но если одна изъ ея сосѣдокъ явилась болѣе чѣмъ равнодушною къ богатому полуострову съ итальянской природой и чудными незамерзающими гаванями, то для другой этотъ выступъ Китайской Имперіи, дающій возможность повластно господствовать въ Японскомъ морѣ, казался весьма заманчивымъ. Сосѣдка эта—Японія.

Исторія отношеній страны Восходящаго солнца къ Небесной имперіи отчасти напоминаетъ исторію Англіи и Франціи. Какъ коварный Альбіонъ въ мо-

мстить своего усиленія, пользуясь слабостью Франціи, вторгнулся въ нее и временно завладѣвалъ ея территоріей, чтобы покинуть ее, какъ только для Франціи наступили лучшія времена,—такъ и исторія отношеній Японіи къ Корей есть исторія вторженія на полуостровъ японцевъ въ моментъ процвѣтанія ихъ имперіи—и позорнаго отступленія въ періодъ смуть и упадка. Инцидентъ нынѣшняго года есть одинъ изъ многихъ въ многовѣковой исторіи страны Восходящаго солнца.

Еще на зарѣ японской исторіи, когда страною самодержавно правили микадо, непосредственные потомки Джинму Геппо, сына солнца, именно въ царствованіе 10-го по счету микадо (97—30 г. до Р. Х.) Японія впервые становится въ близкія отношенія съ Кореею, уже тогда данницею и вассаломъ Китая. Впрочемъ, Китаю непосредственно тогда принадлежала лишь сѣверная часть полуострова; остальные-же части его были разбиты на маленькія независимыя графства. Одинъ изъ такихъ мелкихъ владѣльцевъ, притѣсняемый болѣе сильными сосѣдями, обратился за помощью къ японцамъ и обѣщалъ, въ случаѣ помощи, платить имъ дань. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ нашей эры Японія простерла свое вліяніе за предѣлы архипелага—на континентъ Азіи.

Первое военное нападеніе съ цѣлью завоеванія полуострова было сдѣлано японцами въ 200 году послѣ Р. Х., по плану энергичной императрицы Джингу-Кого. Она снарядила большой флотъ и, одѣвшись мужчиною, сама приняла надъ нимъ командованіе. Военныя силы Японіи показались тогда корейцамъ настолько внушительными, что всѣ мелкія княжества полуострова немедленно признали надъ собою зависимость отъ Японіи, заплатили богатую дань,—а императрица, посадивъ въ странѣ своихъ чиновниковъ, побѣдоносно вернулась домой. Событіе это и донынѣ празднуется съ большимъ торжествомъ ежегодно, и въ память его устраиваются весельныя гонки на лодкахъ съ музыкой. Это завоеваніе Кореи имѣло

для японцевъ громадныя послѣдствія. Корея явилась какъ-бы мостомъ, соединившимъ молодую, зарождавшуюся цивилизацію и культуру Японіи съ китайскою. Съ этого момента литература, обычаи, нравы, домашнія растенія и животныя Китая начинаютъ распространяться въ Японіи, а за ними законы и основныя религіозныя ученія—Конфуція и Будды—присоединяются къ первобытной религіи Шинту.

Но въ слѣдующемъ столѣтіи плоды китайской цивилизаціи дѣйствуютъ настолько растлѣвающимъ образомъ на нравы правителей, что вліяніе ихъ на народъ сильно падаетъ. Въ имперіи происходятъ смуты и безпорядки,—и Корея, пользуясь ими, объявляетъ себя независимой. Позже, когда Японіей начинаютъ править майордомы, а въ рукахъ истинныхъ микадо остается одна духовная власть, корейцы отваживаются даже сами дѣлать нападенія на Японію. Въ 1012 году они пытаются захватить о-ва Кіу-Сіу, но ихъ съ большимъ урономъ отражаютъ японскія войска.

Въ послѣдующій періодъ времени мелкія государства Корейскаго полуострова сливаются въ одно цѣлое, въ королевство Chiozen или Корею, которое ведетъ свое начало съ 1391 года и существуетъ и по сіе время какъ монархическая держава. Вторичная попытка захватить не только Корею, но подчинить себѣ и могущественный Китай возникаетъ у японцевъ въ 1590 г., когда выходецъ изъ народа и японскій герой и полководецъ Гидейоши вновь соединилъ подъ одну власть распадавшееся въ смутахъ и междоусобіяхъ царство.

Хотя корейцы всегда были мирнымъ народомъ, однако заносчивый тонъ посылаемыхъ японцами чиновниковъ, требовавшихъ прежняго подчиненія и вассальной зависимости, не могъ не оскорбить правителя Кореи. Гидейоши писалъ корейскому королю: «Я собираю могущественное войско, съ цѣлью нападенія на Китай, чтобы наполнить все небо его 400 провинцій росой съ

моихъ мечей. Я надѣюсь, что Корея приметъ мою сторону, составивъ мой авангардъ. Моя къ тебѣ дружба и отношенія будутъ много зависѣть отъ твоего по отношенію къ намъ поведенія». Король корейскій изъ тона письма и поведенія посольства ясно видѣлъ, что война съ Японіей неизбежна. Но не вѣря въ военныя силы Японіи, онъ послалъ Гидейоши отвѣтъ, въ которомъ сравнивалъ его замыселъ покорить Китай съ попыткой вычерпать океанъ раковиной, или съ желаніемъ пчелы ужалить черепаху черезъ ея щитъ. Такія сравненія воспалили гнѣвъ Гидейоши, и онъ, ставъ во главѣ войскъ, двинулся на Корею.

Болѣе 200 лѣтъ передъ тѣмъ корейцы пользовались полнѣйшимъ миромъ. За это время они совершенно отвыкли отъ войны и отъ военныхъ упражненій. Корейцы даже не знали употребленія огнестрѣльнаго оружія и стрѣляли изъ луковъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи были японцы. Ихъ задачею было не только завоеваніе Кореи, но и покореніе Китая. Поэтому всѣ приготовленія къ войнѣ велись здѣсь въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ то могло быть нужно для побѣды надъ маленькой и слабой Кореей. Особенно тяжелые поборы пали на островъ Кіу-Сіу. Каждый изъ князей его долженъ былъ поставить по 10,000 коки рису и по 600 человѣкъ, а прибрежные землевладѣльцы, сверхъ того, по 2 джонки. Изъ каждой деревни на 10 дворовъ одинъ долженъ былъ поставить по матросу. Такимъ путемъ составилось обезпеченное провіантомъ 300,000 войско, изъ котораго высадилось на полуостровъ не меньше 100,000 человѣкъ. Уже тогда японцы, хотя и безуспѣшно, пытались купить въ Нагасаки нѣсколько португальскихъ кораблей для перевозки провіанта.

Войска японцевъ вступили въ Корею въ 1592 году подъ начальствомъ двухъ полководцевъ: Копиши, который подобно Гидейоши происходилъ изъ престопаго родья и былъ христіанинъ, обращенный въ католичество евро-

пейцами, и Като-Кіомаза, аристократа-язычника, ненавидѣвшаго христіанъ.

Оба войска различными путями приблизились къ столицѣ, нигдѣ не встрѣчая противодѣйствія, и, взявши крѣпости, ее защищавшія, безъ особаго затрудненія заняли городъ. Большая часть населенія обратилась въ бѣгство на сѣверъ, къ китайской границѣ. Въ числѣ бѣжавшихъ было и королевское семейство. Оба полководца вездѣ одерживали побѣды и гнали далѣе и далѣе корейцевъ къ китайской границѣ.

Китайцы оставались все время хладнокровными зрителями совершавшихся въ Корей событій. Лишь тогда, когда число бѣглецовъ стало громадно и они стали досаждаютъ своими мольбами и просьбами губернатору сосѣдней провинціи Лао-тунгъ, онъ послалъ корейцамъ помощь изъ 5,000 человѣкъ. Войско это было разбито на голову, и его бѣгство прекратилось лишь въ провинціи Лао-тунгъ.

Въ этотъ критическій для полуострова моментъ пришло извѣстіе, что корейскій флотъ, выманивъ японскій въ открытое море, одержалъ надъ нимъ полную побѣду. Это извѣстіе ободрило корейцевъ. Повсюду покоренное населеніе возстало противъ поработителей. Въ то-же время къ китайцамъ подошло подкрѣпленіе. Измученныя и голодныя войска японцевъ слабѣли. Корейцы уничтожили всѣ посѣвы и разорили все жилое. Между тѣмъ наступала осень. Счастье окончательно обратилось на сторону Китая. Одна побѣда за другой заставляли японцевъ отступать на южную оконечность острова, гдѣ они и остались зимовать.

Весною къ нимъ подошли подкрѣпленія, но ихъ было едва достаточно для того, чтобы убраться домой. Къ тому-же во внутреннихъ дѣлахъ государства произошли усложненія. Гидейоши умеръ. Японія поспѣшила заключить миръ съ Китаемъ, выдала нѣсколько сотенъ военно-

плѣнныхъ и послала посольство въ Китай, для возобновленія дружественныхъ отношеній.

Результатомъ этой войны было опять вліяніе процвѣтавшей тогда въ Корей китайской культуры на японскую. Князя острова Кіу-Сіу вывезли съ собою въ Японію опытныхъ корейскихъ горшечниковъ, которымъ даже дано было дворянство. Они создали на этомъ островѣ фарфоровое производство. Кто знакомъ съ японской керамикой, тому конечно неоднократно приходилось восхищаться чудными, отдѣланными золотомъ вазами и другими фарфоровыми издѣліями, совершенно своеобразнаго такъ-называемаго сатсумскаго рисунка. Точно также громкою славою въ Японіи пользуется фарфоръ изъ Арита. Тамъ еще до сихъ поръ живутъ потомки плѣнныхъ корейцевъ, поднявшихъ такъ высоко фарфоровое производство на Кіу-Сіу.

Наряду съ этими живыми и изящными памятниками корейскаго вліянія въ Японіи, въ древней столицѣ страны—въ японской Москвѣ, если можно такъ выразиться,—т. е. въ Кіото, хранится другой, болѣе варварскій памятникъ этой войны. Это—средней высоты холмъ, украшенный каменнымъ памятникомъ,—такъ-называемый Мимидзука или «холмъ ушей». Дѣло въ томъ, что въ древности у японцевъ существовалъ обычай отсѣкать побѣжденному врагу голову и приносить ее съ собой какъ трофей. За отдаленностью отъ Японіи театра войны, исполнить этотъ обычай въ Корей было невозможно. И вотъ побѣдители рѣшили ограничиться только ушами своихъ убитыхъ враговъ. Они отсѣкали у каждой головы оба уха, посолили ихъ какъ огурцы въ бочкахъ и въ такомъ видѣ доставили въ столицу Японіи, гдѣ изъ нихъ, на одной изъ главныхъ площадей, насыпали цѣлый холмъ. Покрывъ его землею и поставивъ на немъ памятникъ, они сохраняютъ его и доселѣ,—и теперь путешественникъ, посѣщающій Кіото, можетъ видѣть этотъ варварскій трофей стародавнихъ временъ.

Японія, несмотря на то, что блестящимъ образомъ начатый походъ кончился довольно печально, все-же въ культурномъ отношеніи много выиграла отъ этой войны—вновь, какъ и въ первую кампанію, заимствовавши массу полезныхъ китайскихъ изобрѣтеній. Кромѣ того, съ этой поры почти ежегодно ее посѣщало корейское посольство съ подарками,—а главное, для торговли ея стали открыты корейскіе порты. Однако, долгое время японцы ими совершенно не пользовались, и только въ 1876 году, когда Японія явилась уже реформированнымъ на европейскій образецъ государствомъ, она, черезъ своего посланника Клода, заключила съ Кореей новый торговый договоръ, по которому порты Гензанъ и Фузанъ не только открылись для японской торговли, но даже стали маленькими японскими колоніями.

Корея отъ войны только потеряла. Опустошенная японцами, она нѣсколько лѣтъ потомъ оставалась ареною грабежа и своеволія китайскихъ войскъ. Затѣмъ, хотя и возстановленная какъ независимое королевство, она застыла въ апатіи и нищетѣ. Нигдѣ въ мірѣ дворянство не имѣетъ такого важнаго значенія, нигдѣ въ мірѣ взяточничество чиновниковъ не достигаетъ столь колоссальныхъ размѣровъ, наконецъ, нигдѣ крестьянинъ такъ не забитъ, не эксплуатируется такъ усиленно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отупѣвши отъ вѣковой эксплуатаціи и притѣсненія, не сталъ такъ лѣнивъ и апатиченъ, какъ на этомъ полуостровѣ. Обобранные люди населяютъ область цвѣтущую и богатую, какъ-бы застывшую на той степени культуры, на какой ее застали войска временъ Гидейоши.

Два года тому назадъ мнѣ, при переѣздѣ на пароходѣ изъ города Нагасаки во Владивостокъ, удалось посѣтить обѣ недавно основанныя японскія колоніи на восточномъ берегу Кореи: Фузанъ и Гензанъ.

Колоніи эти, расположенныя въ прекрасныхъ, незамерзающихъ гаваняхъ, невдалекѣ отъ корейскихъ

городковъ, соединены правильнымъ сообщеніемъ съ Японіей и Россіей, хотя, насколько я слышалъ, русскій человѣкъ рѣдко сюда заглядываетъ, такъ-что, несмотря на близость къ Россіи, въ противоположность Японіи, по-русски здѣсь никто не говоритъ, а немногіе японцы, знающіе и иностранныя слова, понимаютъ только англійскія. Да, повидимому, и другіе европейцы заглядываютъ въ городки не часто, ограничиваясь въ рѣдкихъ случаяхъ кратковременною стоянкою на рейдѣ. По крайней мѣрѣ, когда я попробовалъ купаться въ одной изъ бухточекъ Фузанскаго залива, — бѣлый цвѣтъ моего тѣла вызвалъ крайнее любопытство и недоумѣніе у смугло-коричневыхъ туземцевъ, удивленіе гораздо большее, чѣмъ то, какое возбуждаетъ европеецъ въ самыхъ захолустныхъ, почти недоступныхъ для бѣлыхъ частяхъ Японіи.

Но японцы дѣятельно посѣщаютъ эти порты и также компанія, которая поддерживаетъ сообщеніе между Шанхаемъ, Нагасаки и Йокагамой, имѣетъ, какъ сказано, спеціальныя рейсы между Нагасаки, Фузаномъ, Гензаномъ и Владивостокомъ. Компанія эта чисто японская. Нѣсколько купленныхъ въ Англіи пароходовъ далеко уступаютъ и по совершенству отдѣлки, и по чистотѣ, и по быстротѣ хода прекраснымъ крейсерамъ, совершающимъ рейсы между Китаемъ и Японіей и хотя принадлежащимъ той-же компаніи, но ничѣмъ по своимъ порядкамъ не отличающимся отъ лучшихъ иностранныхъ пароходовъ.

И однако пароходы эти всетаки могутъ заставить покраснѣть скорлупки г. Шевелева, плавающія между Владивостокомъ и русскими портами Японскаго моря.

Какъ вездѣ заведено въ японскомъ торговомъ флотѣ, капитаны пароходовъ — англичане, и въ каютахъ перваго класса, рассчитанныхъ исключительно, повидимому, на европейскихъ пассажировъ, — режимъ чисто англійскій. Напротивъ, 2 и 3 классы рассчитаны на туземные вку-

сы. Младшіе офицеры и вся команда—чисто японскіе. Они ученики, имѣющіе выработаться въ будущихъ капитановъ. И теперь уже у японцевъ готовъ контингентъ собственныхъ шкиперовъ, и если торговый флотъ до сихъ поръ еще плаваетъ подъ командою англійскихъ капитановъ, то только потому, что европейцы, не довѣряя туземнымъ новичкамъ, неохотно поручаютъ свои товары такимъ командирамъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, любезно объяснялъ мнѣ капитанъ, съ которымъ мнѣ приходилось бесѣдовать во время пятидневнаго переѣзда въ Россію на пароходъ «Joahama». Одинъ морской офицеръ съ «Памяти Азова», лѣчившійся въ Японіи, да культурный, говорившій по-англійски китаецъ изъ Фузана, торговецъ и, какъ я узналъ впоследствии, кулакъ, державшій въ своей власти все корейское селеніе,—кромѣ меня, были единственными пассажирами 1-го класса. Китайца, впрочемъ, можно было не считать: онъ являлся только къ обѣду, проводя остальное время въ своей каютѣ, въ которой онъ везъ жену или наложницу въ Корею.

Плаваніе наше было однообразно, хотя для того, кто любитъ наблюдать море, Корейскій проливъ даетъ много любопытныхъ явленій.

Покидая Японію и имѣя еще передъ глазами острова Цсу-Сима, вы плывете по чисто тропическому морю. Это — еще вѣтвь тихоокеанскаго гольфстрема, это — Куро-Сиво или «Синія воды» жаркаго юга. Море дѣйствительно синее, въ воздухѣ удушливо и влажно, какъ гдѣ-нибудь въ южно-китайскомъ морѣ. Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе выносишь лѣтомъ, въ іюнѣ, когда я совершалъ этотъ переходъ. Но такъ бываетъ только до половины пролива. Еще не успѣете вы потерять изъ виду горы Цсу-Сима, какъ сразу чувствуется прохлада, прохлада настолько сильная, что на лѣтнее платье хочешь что-либо накинуть сверху.

Вы бросаете въ море термометръ и видите, что тем-

пература воды упала на нѣсколько градусовъ. Вы вышли изъ области того теченія, которое въ теплыхъ объятіяхъ ласкаетъ югъ Японіи, создавая ея пышную полутропическую растительность, ея пальмы, пышные лѣса камфарныхъ и другихъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ.

Пахнуло сѣвернымъ холодомъ. Винтъ парохода бурлитъ уже по волнамъ, хотя и согрѣтымъ лѣтнимъ солнцемъ, но берущимъ начало съ блокированныхъ большую часть года льдами береговъ Татарскаго залива, такъ-такъ идущее оттуда холодное береговое теченіе чувствуется вплоть до береговъ Корейскаго пролива. Чѣмъ ближе къ Корей, тѣмъ холодъ его чувствительнѣе. Но самого берега вы не видите. Восточный вѣтеръ, жаркій и влажный, здѣсь надъ моремъ создаетъ туманъ, и непроницаемая сѣрая стѣна его, какъ занавѣсъ, тянется длинною полосой, показывая, гдѣ берегъ, слѣдя даже за его очертаніями—но не желая открыть моряку ни единого изъ его выступовъ.

Благодаря этому туману, мы кружились всю ночь у берега и лишь утромъ, когда материковый вѣтерокъ нѣсколько его разогналъ, мы могли войти въ узкій и длинный заливъ Фузанской гавани. Весь восточный берегъ Кореи, подобно продолженію его—нашему побережью Приморской области, изрѣзанъ глубоко вдающимися внутрь страны заливами. Эти глубокіе узкіе заливы не фіорды, какіе мы знаемъ въ Норвегіи. Они не окружены, какъ эти послѣдніе, высокими, суровыми нависшими скалами; напротивъ, суша здѣсь отличается мягкими, нѣжными очертаніями. Незначительные холмики, постепенно повышаясь, виднѣются со всѣхъ сторонъ, окаймляя длинную, иногда вѣтвистую бухту, извивами своими закрывая отъ глазъ мѣсто выхода и производя такое впечатлѣніе, будто воды, медленно поднимаясь, только-что залили небольшую низину, окруженную зеленѣющими холмами. Такой видъ имѣла и бухта Фузана, въ которой бросилъ якорь нашъ пароходикъ.

Ея берега, съ ихъ мягкими очертаніями, поражали нѣжною зеленью своей окраски, столь непривычною для глазъ послѣ Японіи, одѣтой то сосновыми лѣсами, то зарослями изъ вѣчно-зеленыхъ деревъ и кустарниковъ. Здѣсь, напротивъ, и трава и зелень кустовъ ярко свѣтло-зеленая; вы видите и газонъ, и цвѣты, и деревья съ опадающей листвою, прямо показывающіе, что Корея уже страна континентальная, что, вмѣсто мягкихъ японскихъ зимъ, здѣсь даже у самаго берега дуновенье сѣверо-западныхъ вѣтровъ приносить зимою сибирскіе холода, невыносимые для вѣчно-зеленыхъ породъ растеній.

И рядомъ съ этою зеленью тѣмъ рѣзче, тѣмъ разительнѣе кидается розовый, почти малиновый цвѣтъ почвы—этого порожденнаго избыткомъ влаги и тепла латерита, характеризующаго влажныя тропическія страны и въ Корей находящаго на восточномъ берегу Азии свою сѣверную границу распространенія. Уже въ Гензанѣ онъ попадаетъ спорадически; немногія только породы здѣсь даютъ его типично выраженнымъ; у насъ-же въ окрестностяхъ Владивостока горныя породы, обнаженные на поверхности, хотя также, какъ это видно по желѣзно-дорожнымъ выемкамъ, разлагаются необыкновенно быстро,—однако даютъ уже всегда тѣ бурья глины, какія мы привыкли наблюдать въ сѣверныхъ странахъ.

Ландшафтъ бухты Фузана, помимо сочетанія красокъ малиновой и ярко-зеленой, поражаетъ своею оголенностью. Послѣ культурной Японіи, въ которой страна превращена въ садъ, гдѣ деревья столь-же часты, какъ луговины, послѣ лѣсистыхъ холмовъ окрестностей Владивостока, берега и окрестности Фузана даютъ издали впечатлѣніе чисто-степного русскаго ландшафта. Только уже тогда, когда вы сойдете на землю, вы увидите, что все то, что не занято пашнями здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ побережья дальняго Востока, было лѣсомъ; лѣсъ этотъ давно вырубленъ и вытравленъ. Отъ него остался

жалкій корявый кустарникъ крупнаго съ слегка пушистыми листьями дуба, выгоняющаго изъ земли слабые побѣги, перевитые виноградомъ, смилаксомъ и ежевикой, какъ у насъ въ Закавказьѣ, въ Кутаисской губерніи.

И довершая издали русскій сельскій ландшафтъ обработанной человѣкомъ природы, тамъ и сямъ среди заплать желтѣющихъ нивъ виднѣются крошечныя низенькія хатки съ соломенными кровлями, настолько низенькія, что ихъ почти не видно изъ-подъ задавившей ихъ крыши. Только въ глубинѣ залива, на холмикѣ, какъ разъ среди пріютившейся вокругъ него маленькой японской колоніи, возвышается рощица чахлыхъ сосенъ, по видимому разведенныхъ японцами, чтобы скрыть подъ ихъ сѣнью скромный, сколько мнѣ помнится, шинтусскій храмъ.

Къ лодкѣ, спущенной съ «Iokohama-maru», въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ и пассажира-англичанина, я достигъ берега, гдѣ и былъ немедленно предоставленъ самому себѣ, такъ-какъ достать переводчика, говорящаго на какомъ-либо европейскомъ языкѣ, было нельзя. Да, впрочемъ, какъ мнѣ говорилъ еще ранѣе капитанъ, онъ былъ-бы совершенно излишенъ. Населеніе весьма миролюбиво, оно никогда не обижаетъ иностранцевъ; оно слишкомъ апатично, чтобы ему надоѣдать; языкъ мимики слишкомъ простъ, чтобы съ его помощью нельзя было достать всего необходимаго; мѣстность-же, съ ея дорогами и селеніями, видна какъ на ладони, и въ ней легко ориентироваться какъ по картѣ—безъ всякихъ проводниковъ. Оставалось наблюдать и осматривать.

Японская колонія, куда мы высадились, была въ полномъ смыслѣ слова маленькимъ уголкомъ своей метрополіи. Необыкновенная чистота царствовала на шоссированной и сверхъ того еще устланной мостками улицѣ, опи-сывавшей почти полный кругъ около упомянутаго нами поросшаго соснами холма, распространявшаго пріятный запахъ смолистыхъ хвой. Домики японцевъ по ар-

хитектурѣ своей ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ окрестностей Нагасаки. На берегу выстроена была уже въ европейскомъ стилѣ таможня—«Custom house», а между домами города нѣсколько было отведено для гостинницъ, гдѣ по-японски сервированная закуска съ неизбѣжнымъ саки, качествомъ значительно уступающая японской, подавалась уже на столахъ, какъ въ Китаѣ, а не на полу, на маленькихъ столикахъ, какъ въ странѣ Восходящаго солнца.

Словомъ, если не считать изрѣдка попадавшихся на улицѣ одѣтыхъ въ свои національныя одежды бѣлаго цвѣта корейцевъ, вы никогда, ходя по улицамъ Фузана, не подумали-бы, что находитесь не въ Японіи, а въ колоніи, основанной въ чужомъ государствѣ какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ. Особенно поразилъ меня разбитый въ концѣ города изящный скверъ. Подобный скверъ я видѣлъ и въ Гензанѣ.

Необыкновенный вкусъ и изящество, тщательный подборъ деревьевъ и образцовый порядокъ, въ которомъ содержалось это маленькое насажденіе, были поразительны. Красивые мостики и гроты разнообразили древесныя насажденія—опять заставляя краснѣть нашъ Владивостокъ и его безвкусные неряшливые скверы передъ этою въ сущности жалкою японской деревушкою.

Но такъ-какъ меня интересовала Корея, а не представленная въ ней Японія, то я и поспѣшилъ покинуть японскій Фузанъ и отправился вдоль по берегу, къ корейскому поселенію.

Корейская сельская природа совершенно непохожа ни на китайскую, ни на японскую. Цивилизація и культура дальняго Востока какъ-будто только скользнули по поверхности у этого народа, оставивъ его на томъ низкомъ уровнѣ, на которомъ стоятъ другіе азіяты.

Природа страны совсѣмъ не носитъ на себѣ слѣдовъ высокой обработки почвы, ухода за расте-

ніемъ, его холи, какую видишь въ Китаѣ и Япо-
ніи. Пустопорожней земли сколько угодно. Тамъ, гдѣ
есть поля, ихъ внѣшность уже напоминаетъ наши не-
ряшливыя русскія нивы, а не перышко къ перышку по-
добранныя хлѣбныя культуры дальняго Востока. Гдѣ
культивируется рисъ, тамъ площадки, для него пред-
назначенныя, едва обнесены невысокимъ валомъ, вѣроятно
имѣющимъ цѣлью задерживать дождевую воду. Эти поля
содержатся немногимъ только тщательнѣе, чѣмъ жалкая
рисовая культура окрестностей Батума. Пшеница здѣсь,
правда, какъ и въ Японіи сѣется грядками, расположен-
ными по направленію господствующаго вѣтра. Но и она
содержитъ бурьяны; грядообразное-же расположеніе
является вовсе не свидѣтельствомъ болѣе высокой куль-
туры, а вызвано сыростью климата, порождающею за-
гниваніе и плѣсень. Эта сырость и у насъ въ Уссурій-
скомъ краѣ заставила русскихъ поселенцевъ, несмотря
на всю ихъ косность, прибѣгнуть къ такому-же способу.

Другихъ полутропическихъ культурныхъ растеній, если
не считать на поляхъ діоскареи, я около Фузана не видѣлъ.
Но, судя по пышнымъ кустамъ гранатовыхъ деревьевъ,
по дикому винограду и могучему папоротнику, надо ду-
мать, что климатъ мѣстности долженъ представлять
сходство съ нашимъ влажнымъ западнымъ Закавказьемъ.

Корейцы довольно часто попадались мнѣ на пути, муж-
чины, женщины и ребятишки. Всѣ они были одѣты въ
бѣлые костюмы съ ногъ до головы. Это была матерія,
напоминающая очень рѣдкую и грубую кисею или марлю,
настолько рѣдкую, что черезъ нее просвѣчивали формы
тѣла туземцевъ. Эта чрезвычайно легкая матерія въ жар-
кое лѣтнее время, повидимому, все-таки казалась чрез-
чуръ тяжелою для жителей и вызывала у нихъ испа-
рину. По крайней мѣрѣ, мужчины надѣвали подъ свои
одежды особые изъ тонкихъ деревянныхъ пластинокъ
сдѣланныя приспособленія, которыя препятствовали
одеждѣ непосредственно прилегать къ тѣлу, защищали

ее отъ смачиванія потѣмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вентилируя пространство между одеждою и тѣломъ, доставляли этому послѣднему прохладу.

Мужчины носили невѣроятной ширины шаровары, длина которыхъ, говорятъ, такъ велика, что на ночь для согрѣванія корейцы уходятъ въ нихъ совсѣмъ, завязывая эту принадлежность костюма какъ мѣшокъ надъ головою. Необъятностью своихъ штановъ они такимъ образомъ превзошли даже малороссовъ. Завязывая штаны на животѣ, они закручиваютъ поясъ спереди большимъ узломъ къ которому привѣшиваютъ приборъ для куренія, т. е. трубку, кисеть и кошель съ деньгами, если таковой имѣется. Сверху носится длинный бѣлый халатъ и шляпа въ видѣ цилиндра, сплетенная изъ тонкихъ волосъ и просвѣчивающая какъ сито. Сзади этой шляпы спускаются длинныя ленты до плечъ.

Женщины одѣты очень похоже на нашихъ эмансипированныхъ подгородныхъ крестьянокъ. Широкія какъ кринолины, раздувающіяся бѣлыя юбки и кофточки, плохо закрывающія грудь, съ большими и совершенно горизонтально, какъ два локомотивныхъ буфера, торчащими грудями. Работая на полѣ въ шляпахъ съ красными лентами, онѣ напоминаютъ какихъ-то тиролекъ.

Мужчины заплетаютъ свои всегда черные волосы въ косичку, но не спускаютъ ея до полу какъ японцы, а складываютъ въ нѣчто вродѣ шиньона, расположеннаго на самомъ затылкѣ.

Эти люди поражали меня своимъ индифферентизмомъ. Если вамъ, читатель, приходилось много ходить и ѣздить по Россіи, въ качествѣ охотника, изслѣдователя или туриста, навѣрно вамъ неоднократно кидалась въ глаза рѣзкая разница между нашимъ великорусскимъ и малороссійскимъ населеніемъ. Великороссы вездѣ, гдѣ только возможно, не преминетъ васъ остановить съ вопросомъ: «Куда вы ѣдете? Откуда вы? Что вы здѣсь дѣлаете? Какова цѣль вашего пріѣзда?» Это

сдѣлаетъ и вашъ хозяинъ въ деревнѣ, у котораго вы остановитесь (я разумѣю здѣсь крестьянское населеніе) и встрѣчный человѣкъ, съ которымъ вы заговорите. Полную противоположность встрѣтите вы въ Малороссіи. Здѣсь никто не поинтересуется съ вами заговорить, если вы не начнете сами, и никогда не будетъ разспрашивать безъ крайней надобности о томъ, кто вы такой, куда и зачѣмъ ѣдете. Наоборотъ, въ то время какъ великороссъ сообщить вамъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о своей мѣстности на 20 верстъ кругомъ,—малороссъ нерѣдко оказывается несвѣдущимъ относительно ближайшихъ окрестностей своего селенія.

Совершенно такой-же контрастъ на дальнемъ Восто-кѣ представляютъ китайцы и корейцы. Китайцы любознательны до назойливости. Они своимъ любопытствомъ могутъ привести въ отчаяніе путешественника. Корейцы проявляютъ поразительное отсутствіе любознательности.

Зайдя далеко внутрь страны, ходя, затѣмъ, по улицамъ ихъ города, я никогда не видѣлъ, чтобы хотя кто-либо обратилъ на меня какос-либо вниманіе, чтобы хотя кто-нибудь оглянулся на проходяшаго мимо иностранца. И это несмотря на то, что по деревнѣ здѣсь европейцы ходятъ крайне рѣдко, а экипажъ приходящихъ японскихъ судовъ состоитъ изъ японцевъ, имѣющихъ совершенно отличный отъ нашего обликъ. Подобно нашимъ малороссамъ, часто корейцы лѣниво лежатъ на травѣ или въ своихъ хижинахъ, не поворачивая головы на прохожаго. Возвращаясь назадъ, я чуть не сдѣлался жертвою неосторожности, попавши подъ градъ корейскихъ стрѣлъ. Десятокъ молодцовъ упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. Не замѣтивши ихъ, я слишкомъ близко подошелъ къ мишени, и стрѣлы засвистѣли у моихъ ушей; между тѣмъ ни одинъ изъ стрѣлковъ и не подумалъ крикомъ или знакомъ предупредить меня объ угрожавшей мнѣ опасности.

Такимъ образомъ, играя роль нѣмого наблюдателя, я скоро достигъ корейскаго Фузана, который—еслибы не де-

ревянный, китайской конструи храмъ, и обнесенная разрушенной каменной стѣною крѣпостца, да 2—3 похожихъ на сарай съ воротами, съ вогнутою крышею, мандаринскихъ дома,—вполнѣ походилъ-бы на одно изъ средней величины малороссійскихъ селъ. Тѣ-же плетни, тѣ-же низенькія бѣленькія хатки съ соломенными кровлями, та-же пыль и куры на кривыхъ и узкихъ улицахъ, тѣ-же сидящіе на завалинкахъ люди съ трубками въ зубахъ. Было около полудня, и на улицахъ города было такое-же запустѣніе, какъ въ жаркіе часы дня на улицѣ южной русской деревни.

Но хаты корейцевъ рѣзко отличаются отъ хаты малоросса тѣмъ, что вы не увидите около нихъ ни вишневаго садика, ни большого огорода, а самая хата, кажется, построена не для людей, а для лилипутовъ.

Отодвинутая дверь ведетъ внутрь жилья, въ комнату, стоящую надъ землею настолько высоко, что туда надо шагать черезъ порогъ. Эта комната не имѣетъ никакой утвари: ея полъ, устланный циновками, есть и полъ, и столъ, и стулъ, и постель. вмѣстѣ съ тѣмъ самая комната такъ мала, что, легши на полу, человѣкъ едва въ ней протянетъ ноги. Между тѣмъ, корейцы рѣзко отличаются отъ японцевъ своимъ высокимъ ростомъ. Еслибы не нѣкоторая мясистость ихъ бронзово-коричневаго тѣла, они были-бы прекрасно сложены и напоминали-бы болѣе красивыхъ представителей киргизскаго народа. Несоразмѣрно малая величина комнатъ поэтому особенно кидается въ глаза и поражаетъ пріѣзжаго. Когда нѣсколько человѣкъ наберется въ корейскій домъ, тамъ бываетъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ самой тѣсной юртѣ кочевника. Поэтому, вѣроятно, подобно нашимъ товарнымъ вагонамъ, корейскія жилища имѣютъ двери съ двухъ сторонъ. Мнѣ потомъ объясняли, что это устройство вызвано частыми нападеніями тигровъ—ради удобства скорѣйшаго бѣгства. Не знаю, правда-ли это, но во всякомъ случаѣ эти маленькія, чисто игрушечныя

постройки нельзя назвать особенно удобными для жизни.

Въ подобныхъ-же хижинахъ устраиваются и мѣстные рестораны. Сюда набивались человѣкъ съ десятокъ, и женщина-содержательница харчевни за нѣсколько грошей (японскихъ) давала имъ нѣчто вродѣ похлебки, варенныя овощи и рыбу. Я зашелъ въ одну изъ нихъ, гдѣ населеніе приняло меня очень дружелюбно, и попробовалъ эту туземную трапезу, употребляя, конечно, палочки вмѣсто вилокъ. Все подаваемое было вполнѣ съѣдобно и вкусно, даже очень вкусно, если принять во вниманіе, что обѣдъ стоилъ двѣ копѣйки. Но искусство приготовления было настолько-же ниже японскаго, насколько стряпня народной харчевни хуже блюдъ хорошаго ресторана.

Кромѣ этихъ харчевень и двухъ-трехъ лавокъ съ самыми элементарными товарами, удовлетворяющими деревенскому спросу: японскимъ краснымъ товаромъ, трубками, табакомъ, грубыми фарфоровыми чашками и т. п., въ нихъ ничего не было,—очевидно, что жители готовили все необходимое для себя сами и довольствовались самыми грубыми и элементарными предметами первой необходимости.

Я уже говорилъ, что улицы города очень пусты. Рѣдко попадались болѣе знатные люди верхомъ на лошадяхъ, мохнатыхъ, какъ наши чухонскія лошаденки, и маленькихъ, какъ самыя маленькія пони. Эти всадники возбуждали такое-же недоумѣніе несоотвѣтствіемъ между величиною человѣка и лошади, какъ и комнаты корейцевъ. Что заставляетъ ихъ употреблять такихъ лошадей? Или лошади въ этой обобранной странѣ также выродились, какъ у насъ въ какой-нибудь Курской губерніи, гдѣ поколѣніями вскармливаемые соломой лошаденки грозятъ выродиться въ такихъ-же козликовъ?

Въ концѣ города находится судилище. Здѣсь вы мо-

жете видѣть защемяенныхъ въ тяжолыя доски, лежащихъ на землѣ преступниковъ и довольно часто слышать вопли истязуемыхъ палачомъ лицъ, не давшихъ достаточной взятки судьѣ. Но чаще всего здѣсь практикуется порка, и врядъ-ли какое волостное правленіе района наиболѣе энергичнаго изъ нашихъ земскихъ начальниковъ достигнетъ даже въ будущемъ того идеала кипучей дѣятельности розгомановъ, какъ эти корейскіе храмы правосудія. Здѣсь и пятки и болѣе мягкія части тѣла одинаково отвѣчаютъ за проступки ихъ владѣльца.

Вотъ, кажется, и все что можно увидѣть посѣтивши корейскій портъ на столь короткое время. Гензанъ представляетъ полное подобіе только-что описанному. Но сосновые лѣса его окрестностей съ зарослями изъ рододендроновъ, высокой черники и азалей придаютъ имъ болѣе своеобразный характеръ; высокія-же фатсіи и сладкіе каштаны свидѣтельствуютъ, что, несмотря на близость къ русской границѣ, портъ этотъ обладаетъ уже гораздо болѣе мягкимъ южно-европейскимъ климатомъ.
